П-10.
Р-142.
ОП

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

издаваемое

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ.

ЧЗЭ. 7001.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1844.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
ТЕАТР ДРАМЫ

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1844 года, марта 31-го дня.

Ценсоры *П. Корсаковъ* и *А. Очкинъ*.

=

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

1844.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	Амылъ. Стихотвореніе *Виктора К—ка*	385.
II.	Евгенія Гранде. Романъ *Оноре де-Бальзака*	386.
III.	Скажи, скажи, товарищъ мой. Стихотвореніе *Н. С.*	458.
IV.	Матеріалы для исторіи русскаго театра. Владиміръ Лукинъ, драматическій писатель 1765-го года. Статья *М. И. Макарова*	459.
V.	Рыбачкѣ. Стихотвореніе *Ипполита Голубина*	482.
VI.	Испанскіе любовники. Происшествіе XIV вѣка. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ, соч. *Фредерика Сулье*	483.
VII.	Искусство и художники. Гайднъ	582.
VIII.	Инвалидъ. Стихотвореніе *Виктора К—ка*	602.
IX.	Какъ опасно читать иныя газеты! Комическія сцены	604.
X.	Обаяніе. Стихотвореніе 1. 4	628.
XI.	Смѣсь. Представленіе комедіи Аристофана «Облака», въ Аѳинахъ, въ 378 году до Р. Х. (*Извлечено изъ Плутарха.*) — Слеза ребенка, разсказъ Эдуарда Лемоана. — Французскіе законы о театрахъ. — Нѣкоторыя подробности о Казимирѣ Делавинѣ. — Французскіе пѣвцы Деривисы. — Странное дѣйствіе музыки. — Барабанъ лорда Сандвича. — Жизнь композиторовъ и музыкантовъ. — Забавный концертъ. — Гара и Мартевъ. — Черта изъ жизни Лесюэра. — Россини и Галли соперники. — Честолюбіе Спонтини. — Некрологъ композитора Бертона. — Анекдоты и мелочи	629.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. *Иностранные театры.*

Стр.

I. Парижскіе театры. Sardanapale, трагедія г-на *Лефевра.* — La Ciguë, комедія г. *Эмиля Ожье.* — Les caprices de la Marquise, комедія г. *Арсена Гуссѐ.* — Le carlin de la Marquise, водевиль г-дъ *Варéня, Жéма* и *Клервиля.* — Zélia la danseuse, вод. г. *Леона Эрбомóна.* — Le bal du sous-préfet, опера гг. С. Илера и Дюпора. — Frère Galfâtre, вод. г-дъ *Баяра* и *Ксавьѐ.* — Jacques le Corsaire, драма г. *Шарля Денойѐ.* — Toupinel, вод. г. *Дюмерсана.* — La grisette de qualité вод. гг. *Деккера* и *Гранжѐ* ..... 103.

II. Вѣнскіе Театры. Modestus, комедія г. *Дельпардштейна* — Nella, die Zauberin, романт. картина ..... 111.

2. *Русскіе театры.*

I. Провинціальные. Одесскій театръ, съ 11-го апрѣля по 11-е мая. *Я.* — Астраханскій театръ. *А. Кутомскаго* ..... 115.

II. Московскіе. Дочь Карла Смѣлаго, драма. — Сигарка, комедія. — Шампанское и опіумъ, вод. — Мѣщанинъ дворянинъ, ком. — Женская протекція, вод. — Купцы, вод. — Утро послѣ бала Фамусова, комедія. — П. С. Мочаловъ ..... 122.

III. Петербургскіе театры. *Александринскій*: Модная лавка, комедія *И. А. Крылова.* — Прихоть кокетки, ком. г-на *Бруннера.* — Утро послѣ бала Фамусова, комедія г. *В.* — *Михайловскій*: Дебюты г-жи Пажъ ..... 128.

IV. Разныя извѣстія. — Корреспонденція редакціи Р. и П. ..... 134.

Подписка на «Репертуаръ и Пантеонъ» принимается: Въ С. Петербургѣ, въ конторахъ изданія, состоящихъ при книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ арсенала Аничковскаго Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ, по Суровской линіи, № 13.

Въ Москвѣ, въ конторахъ изданія: между Дмитровкою и Петровкою на валу въ прежде-бывшей книжной лавкѣ *А. С. Ширяева*, а нынѣ *Свѣшникова* и *Базунова*; въ ихъ-же книжныхъ лавкахъ, на Никольской улицѣ, подлѣ Казанскаго Собора, въ домѣ подъ № 4 и 5; равно въ книжныхъ магазинахъ *О. И. Хрусталева*, *В. В. Логинова*, *А. В. Глазунова* и *К. А. Полеваго.*

Сверхъ-того, въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Цѣна за годовое изданіе десять рублей серебромъ. За пересылку и доставку на домъ полагается полтора рубля серебр.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ, во весь ростъ, парижской актриссы **ПЛЕССИ**, рисованный и литографированный въ Парижѣ.

Печатать позволяется. 3-го іюня, 1844. *Цензоръ* П. Ивановскій.

АМЫЛЪ *.

(ВЪ АЛЬБОМЪ Я. Н. Р—ВА.)

Сердитъ бѣжалъ Амылъ сѣдой
Межъ дикихъ, мрачныхъ скалъ,
Крутя со дна песокъ златой —
И бурно валъ вскипалъ :

То старецъ, чуя тяжесть лѣтъ,
Спѣшилъ зарыть свой кладъ;
Но воли нѣтъ.... и мѣста нѣтъ, —
А отдохнуть былъ радъ....

И, разъяренный, разбросалъ
Дары сѣдыхъ вѣковъ
Въ ущелья безотвѣтныхъ скалъ,
Какъ въ склепы погребовъ.

Но человѣка взоръ проникъ,
И давній кладъ сыскалъ :
И сердится сѣдой старикъ —
И плещетъ бурный валъ.

ВИКТОРЪ К—КЪ.

Минусинскъ.

---

* Рѣка въ Минусинскомъ Округѣ.

ЕВГЕНІЯ ГРАНДЕ.

РОМАНЪ Г-НА ОНОРЕ ДЕ-БАЛЬЗАКА*.

ГЛАВА I.

Провинціальные типы.

Иногда въ провинціи встрѣчаешь жилища, съ виду мрачныя и унылыя, какъ древніе монастыри, какъ дикія пустынныя развалины, какъ сухія, безплодныя, обнаженныя степи; заглянувъ подъ крыши этихъ жилищъ, и въ-самомъ-дѣлѣ часто найдешь жизнь вялую, скучную, напоминающую своимъ однообразіемъ и тишину монастырскую, и скуку обнаженныхъ, дикихъ степей. Право, проходя возлѣ дверей такого дома, невольно сочтешь его необитаемымъ; но скоро однакожь разувѣришься: подождавъ немного, непремѣнно увидишь сухую, мрачную фигуру хозяина, привлеченнаго къ окну шумомъ шаговъ на улицѣ.

Такой мрачный видъ унынія, казалось, былъ отличительнымъ признакомъ одного дома въ городѣ Сомюрѣ. — Домъ стоялъ на концѣ улицы, неровной, кривой, ведущей къ старинному замку; улица эта, почти всегда пустая и молчаливая, замѣчательна звонкостію своей неровной, булыжной мостовой, всегда сухой и чи-

---

* Это одинъ изъ первыхъ и, безспорно, изъ лучшихъ романовъ плодовитаго Бальзака, который, въ послѣднее время, замѣтно *исписался*. Сколько намъ извѣстно, романъ этотъ въ русскомъ переводѣ напечатанъ не былъ, а потому мы надѣемся угодить многимъ изъ нашихъ читателей, помѣстивъ его въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ.» *Ред.*

стой, своею тѣснотою и угрюмымъ видомъ домовъ, прилежащихъ къ старому городу, надъ которымъ возвышаются древнія, полуразвалившіяся укрѣпленія.

Дома крѣпки и прочны, хотя бо́льшею частію выстроены изъ дерева, и нѣкоторые существуютъ уже около трехъ вѣковъ. Странная архитектура придаетъ городу видъ древности и оригинальности и обращаетъ на себя вниманіе художника и антикварія. Напримѣръ, невольно бросятся въ глаза огромныя толстыя доски, прорѣзанныя хитрою причудливою рѣзьбою, и замѣняющія карнизы надъ нижними этажами домовъ. Потомъ концы брусьевъ поперечныхъ стѣнъ, покрытые асфиднымъ камнемъ; они рисуются синими полосами на фасадѣ строенія съ высокою, острою кровлею, полусгнившею отъ дѣйствія солнца и дождя, и погнувшеюся подъ тяжестію годовъ. Далѣе, подоконники, старые, ветхіе, почернѣвшіе отъ времени, и съ сгладившеюся рѣзьбою; вотъ такъ и смотришь, что они тотчасъ рухнутъ подъ тяжестію какого-нибудь цвѣточнаго горшка, выставленнаго на окнѣ бѣдной, трудолюбивой гризетки. Непремѣнно остановятъ вниманіе ваше эти массивныя двери, убитыя тяжолыми гвоздями, испещренныя іероглифами и надписями. Смыслъ надписей различенъ; здѣсь одна дышетъ протестантскимъ фанатизмомъ; тамъ читаешь проклятіе лигёра Генриху IV-му; словомъ, найдете все — исторію, лѣтописи, преданія. Возлѣ бѣднаго, оштукатуреннаго домика, отдѣланнаго стругомъ и топоромъ незатѣйливаго плотника, возвышаются палаты дворянина; на дверяхъ еще замѣтны остатки гербовъ и девизовъ, разбитыхъ и изломанныхъ въ революцію, взволновавшую край въ 1789 году.

Подвальные этажи домовъ купеческихъ непохожи ни на лавки, ни на магазины; любители древности и среднихъ вѣковъ полюбуются лишь старинными *мастерскими* нашихъ предковъ, старинною простою и наивною. Эти подвалы мрачны, глубоки, безъ украшеній, ни снаружи, ни внутри, безъ оконъ, безъ стеколъ. Дверь половинчатая, толстая, обита желѣзомъ; одна половинка неподвижна, другая, съ прикрѣпленнымъ къ ней колокольчикомъ, цѣлый день скрипитъ, звонитъ, въ движеніи. — Свѣтъ и воздухъ проходятъ въ сырой подвалъ или сверху, или чрезъ отверзтіе, начинающееся отъ самого свода или потолка. Въ немъ утверждаются по ночамъ ставни, которыя закрѣпляются толстыми желѣзными полосами; днемъ ставни снимаются, и вмѣсто нихъ раскладываются товары. Товары на-лицо, обмана нѣтъ. Выставленные образчики состоятъ изъ двухъ или трехъ кадокъ съ соленой треской, изъ нѣсколькихъ кусковъ парусины, веревокъ, обручей, разставленныхъ вдоль стѣ-

ны, и половинокъ сукна на полкахъ. Войдите: дѣвушка, опрятно одѣтая, хорошенькая, молоденькая, въ бѣлой косыночкѣ, съ пухленькими, красными ручками, оставляетъ свое рукодѣлье, встаетъ, зоветъ отца или мать. Кто-нибудь изъ нихъ входитъ и отмѣриваетъ вамъ товару или на два су или на двадцать тысячъ франковъ; купецъ флегматикъ услужливъ или гордъ, смотря по своему обыкновенію.

Вы встрѣчаете купца у дверей его дома. Ему, кажется, нѣчего дѣлать, и вотъ онъ уже цѣлой часъ болтаетъ съ сосѣдомъ. Заглянете въ его лавку: въ ней валяется нѣсколько обручей и кучка бочарныхъ досокъ; но на пристани, магазина его станетъ на всѣхъ бочаровъ анжуйскихъ. По урожаю винограда онъ разсчитываетъ барышъ и товаръ до послѣдней доски. Солнце свѣтитъ — онъ богачъ, дождь — онъ разоренъ. Часто въ одно утро цѣна на бочки возвышается вдругъ до одиннадцати франковъ или спадаетъ до 6-ти ливровъ за штуку. Здѣсь, какъ и въ Туреннѣ, погода — все въ торговлѣ. Виноградчики, помѣщики, продавцы лѣсу, бочары, трактирщики, судовщики, у всѣхъ одна тоска, одна забота — погода. Ложась спать, боятся ночнаго мороза. Проклинаютъ дождь, вѣтеръ, засуху, или молятъ о дождѣ, о засухѣ; вѣчная борьба природы съ разсчотами человѣческими. Барометръ сводитъ съ ума, или веселитъ весь городъ и разглаживаетъ морщины на самыхъ угрюмыхъ лицахъ.

— Золотое время! говоритъ сосѣдъ сосѣду въ старой сомюрской улицѣ: ни облачка!

— Червонцами задождитъ, отвѣчаетъ сосѣдъ, разсчитывая барышъ по лучу солнечному.

Лѣтомъ, въ субботу, часовъ въ десять вечера, ни въ какой лавкѣ вамъ не продадутъ ни на копѣйку товару. У каждаго купца есть какой-нибудь клочокъ землицы, виноградникъ, или хоть какой-нибудь огородъ, и хозяинъ ѣдетъ дня на два погостить за городомъ. Обдѣлавъ дѣла свои въ городѣ, покупки, продажу, сладивъ барышъ, купецъ покоенъ и выгадываетъ изъ 12 почти 10 часовъ на удовольствія, на пересуды, на толки и на подсматриваніе за сосѣдомъ. Хозяйка купитъ куропатку, кумушки освѣдомляются у хозяина, хорошо-ли ее приготовили? Бѣда дѣвушкѣ, не кстати взглянувшей въ окошко; ее оговорятъ, засмѣютъ, пересудятъ, осудятъ. Все на-лицо; каждый домъ къ услугамъ сосѣдей, и ужъ какъ не огораживайся и не запирайся, а изъ дому успѣютъ во-время вынести соръ.

Здѣсь живутъ не подъ кровлей, а на чистомъ воздухѣ: каждое семейство располагается у дверей своего дома, завтракаетъ, обѣ-

даетъ, споритъ, ссорится. Всякій прохожій замѣченъ. Еще съ старыхъ временъ умѣли въ провинціальныхъ городкахъ осмѣять и оговорить иностранца, но объ этомъ долго разсказывать. Скажу только, что отъ этого-то и окрестили въ *болтливыхъ* жителей Анжера, особенно отличавшихся сплетнями и пересудами.

Палаты дворянъ, *отели*, нѣкогда ими обитаемыя, расположены въ старомъ городѣ. Домъ мрачный и угрюмый, куда сейчасъ перенесемъ мы читателей, былъ изъ числа этихъ древнихъ зданій — остатокъ старыхъ дѣлъ, памятникъ стараго времени, времени простаго и незатѣйливаго, отъ котораго давно уже мы отреклись и отступились.

Пройдя съ вами по дорогѣ, такъ богатой воспоминаніями, навѣвающими и грусть, и думу о прошедшемъ, я укажу вамъ на это мрачное, скучное зданіе : *это домъ господина Грандѐ.*

Но мы не поймемъ всего значенія, всего смысла фразы : *домъ господина Грандѐ.* Нужно познакомиться сначала съ самимъ господиномъ Грандѐ.

Кто не живалъ въ провинціи, тому трудно будетъ объяснить себѣ мнѣніе и мысли сомюрскихъ жителей на-счотъ господина Грандѐ. Этотъ господинъ, (есть еще въ Сомюрѣ люди, которые за-просто говорятъ о немъ : старикъ Грандѐ, папа Грандѐ; но они давно уже замѣтно начали переводиться), такъ этотъ-то господинъ Грандѐ, въ 1789 году, былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ простой бочаръ ; дѣла его шли нехудо ; онъ умѣлъ писать, читать и считать.

Когда Французская Республика объявила о продажѣ монастырскихъ имѣній, Грандѐ, которому было тогда уже лѣтъ подъ-сорокъ, женился на дочери богатаго купца, торговавшаго лѣсомъ. Совокупивъ свой капиталъ съ приданымъ жены своей, и доставъ сверхъ-того 2000 луидоровъ, онъ положилъ свои деньги въ карманъ и явился въ казначейство округа. Тамъ, сунувъ оборванному санкюлоту золотую взятку въ 200 луидоровъ, занатыхъ у тестя, законно и справедливо вступилъ онъ во владѣніе лучшими плантаціями округа, старымъ аббатствомъ и сколькими-то фермами и арендами.

Сомюрскіе жители любили тишину и не любили революцію. Между-тѣмъ Грандѐ прослылъ смѣлымъ, отважнымъ республиканцемъ, патріотомъ, человѣкомъ, понимавшимъ новое время и новыя идеи, тогда-какъ онъ только и мыслилъ о торговлѣ, да о виноградникахъ. Его сдѣлали членомъ управленія сомюрскаго округа, и Грандѐ удалось оставить впечатлѣніе и въ управленіи, и въ торговлѣ.

Въ первомъ отношеніи онъ покровительствовалъ блаженной па-

мяти дворянамъ и всѣми силами старался замедлить и даже уничтожить продажу земель эмигрантовъ. Что̀ касается до торговли, то ему удалось сдѣлать превыгодный оборотъ поставкою въ армію до двухъ тысячъ бочекъ бѣлаго вина. Въ уплату онъ выговорилъ себѣ прекрасныя луга, принадлежавшія женскому монастырю, хотя правительство берегло эти луга и опредѣлило продавать послѣдними.

Наступила эпоха консульства. Почтенный, уважаемый Грандѐ былъ сдѣланъ меромъ; судилъ хорошо, торговалъ еще лучше. Во-время имперіи Грандѐ сталъ называться *господиномъ Грандѐ*. Наполеонъ не любилъ республиканцовъ, а такъ-какъ Грандѐ былъ во-время-о́но санкюлотомъ, то онъ смѣнилъ его, назначивъ на его мѣсто богатаго помѣщика, человѣка съ надеждами, будущаго барона Имперіи. Господинъ Грандѐ безъ сожалѣнія сложилъ съ себя атрибуты власти гражданской. Въ правленіе свое, ради казенной выгоды, надѣлалъ онъ прекрасныхъ дорогъ изъ города въ свои помѣстья; домъ и земли его были весьма-выгодно кадастрированы; платить налоги приходилось ему самые умѣренные. Его огороды и виноградники, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ, стали въ первомъ разрядѣ по достоинству, и служили образцами для другихъ хозяевъ. Чего-же болѣе? Оставалось развѣ попросить орденъ Почетнаго-легіона.

Все это было въ 1806 году; Грандѐ было тогда 57 лѣтъ; женѣ его около 36 лѣтъ. Ихъ единственная дочь, плодъ законнаго супружества, была лѣтъ десяти.

Въ этомъ году судьба, вѣроятно, хотѣвшая утѣшить его въ неудачахъ политическихъ, доставила ему одно за другимъ три наслѣдства. Сперва послѣ матери госпожи Гранде, урожденной Бертельеръ; потомъ отъ старика дѣдушки г-жи Грандѐ; и наконецъ отъ г-жи Жантильи, его бабушки по матери. Никто не зналъ цѣны этимъ тремъ наслѣдствамъ. Покойные, всѣ трое, были такъ скупы, что держали въ сундукахъ мертвые капиталы, и втайнѣ наслаждались своими сокровищами. Старикъ Бертельеръ не хотѣлъ ни за что̀ пустить въ оборотъ своихъ денегъ, называлъ всѣ обороты мотовствомъ, расточительностію, и находилъ болѣе выгоды въ созерцаніи сокровищъ своихъ, нежели отдавая ихъ на проценты.

Въ Сомюрѣ разсчитали наслѣдство *по солнцу*, т. е. по ежегодному доходу съ виноградниковъ.

Теперь Грандѐ, вопреки всевозможнымъ идеямъ о равенствѣ, озолотивъ себя, сталъ выше всѣхъ, и сдѣлался важнымъ лицомъ въ своемъ городѣ. У него было 140 арпановъ земли подъ виноградниками; въ хорошіе годы получалъ онъ съ нихъ отъ 1000 до 1200 бочекъ вина; тринадцать фермъ; старое аббатство и болѣе

127 арпановъ земли подъ лугами, на которыхъ росли 3000 тополей, посаженныхъ въ 1793 году; наконецъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ его собственный. Это было на-виду. Что-же касается до капиталовъ, то въ цѣломъ Сомюрѣ было всего два человѣка, которые могли что нибудь знать объ этомъ; то были: г-нъ Крюшо, нотаріусъ, ходокъ по денежнымъ дѣламъ и оборотамъ г-на Гранде, а другой Господинъ-де-Грассенъ, богатѣйшій банкиръ въ Сомюрѣ; съ нимъ, по-тихоньку, старикъ обработывалъ кой-какія сдѣлки. Но хотя Крюшо и де-Грассенъ вели дѣла скрытно и въ глубокой тайнѣ, но въ обществѣ они выказывали Гранде такое глубочайшее уваженіе, что наблюдатели, взявъ это уваженіе за общую мѣру, могли по пальцамъ добраться до итоговъ имущества бывшаго мера.

Словомъ, въ Сомюрѣ не было никого, чтобы не былъ твердо увѣренъ, что у Гранде спрятанъ гдѣ-нибудь кладъ, сундучокъ съ червонцами, тайная радость, тайное наслажденіе старика. Скупые особенно готовы были присягнуть въ этомъ, изучивъ взглядъ старика, взглядъ горящій какимъ-то отблескомъ завѣтнаго металла. Взоръ человѣка, привыкшаго смотрѣть на золото, наслаждаться имъ, блеститъ какимъ-то неопредѣленнымъ, тайнымъ выраженіемъ, схватываетъ извѣстные оттѣнки, усвоиваетъ необъяснимыя привычки, какъ взглядъ развратника, игрока или придворнаго; взоръ этотъ быстръ и робокъ, жаденъ, таинственъ; обычные его знаютъ, научились ему; это условный знакъ, *франмасонство* страсти.

Итакъ Гранде пользовался всеобщимъ почтеніемъ и уваженіемъ, какъ человѣкъ, который никогда никому не былъ долженъ, какъ человѣкъ ловкій, опытный во всякомъ дѣлѣ и во всякой сдѣлкѣ. Напримѣръ, старый бочаръ умѣлъ съ необыкновенною точностію опредѣлить, нужно-ли ему 1000 бочекъ или 500 при настоящемъ сборѣ. Наконецъ, какъ человѣкъ, которому удались всѣ спекуляціи, у котораго всегда было нѣсколько бочонковъ въ продажѣ въ то время, какъ дешевѣли деньги; который умѣлъ при-случаѣ спрятать товаръ свой въ подвалы и выждать время, когда бочонокъ вина будетъ стоить 200 франковъ, тогда какъ другіе продавали свое вино по пяти луидоровъ за бочку. Такъ въ 1811 году, богатый сборъ винограда былъ умно припрятанъ, медленно проданъ, и Гранде выигралъ 240,000 ливровъ одной осторожностію. Въ коммерціи онъ былъ ловокъ, жаденъ, силенъ, какъ тигръ, какъ боа. Онъ умѣлъ—при случаѣ спрятать свои когти, свернуться въ клубокъ, выждать минуту, и наконецъ броситься на жертву. Потомъ онъ растягивалъ ужасную пасть кошеля своего, сыпалъ

въ него червонцы, завязывалъ, пряталъ кошель, и все это самодовольно, холодно, методически.

Никто, при встрѣчѣ съ нимъ, не могъ освободиться отъ особеннаго чувства тайнаго уваженія, удивленія и страха. Кто въ Сомюрѣ не попробовалъ его холодныхъ, острыхъ когтей? Тому Крюшо съумѣлъ достать денегъ для покупки земли, да по осьми на сто; тому де-Грассенъ размѣнялъ вексель, да съ огромнымъ учотомъ. Не было дня, чтобы имя Гранде не упоминалось или въ конторахъ купцовъ, или въ вечернихъ собраніяхъ и разговорахъ горожанъ. Были люди, которые гордились богатствомъ старика, хвастаясь имъ какъ національною славою. Часто слышали, какъ какой-нибудь купецъ или трактирщикъ, съ тайнымъ удовольствіемъ говаривалъ заѣзжимъ:

— Да, сударь, водятся и у насъ богачи, милліонеры, два, три дома. Что-же касается до господина Гранде, такъ ужъ врядъ-ли и самъ-то онъ перечтетъ свое состояніе.

Въ 1816 году, опытные люди разсчитывали недвижимое богатство старика почти въ три съ половиною милліона. Но какъ съ 1793 по 1817, однихъ доходовъ съ земель было ежегодно 100 съ чѣмъ-то тысячъ франковъ, то можно было заключать, что и наличныхъ было у него на такую-же сумму. И когда, бывало, по окончаніи партіи въ бостонъ, солидные люди разговорятся о томъ, о семъ, наконецъ сведутъ на старика Гранде, и скажутъ напримѣръ:

— У старика Гранде теперь есть вѣрныхъ шесть милліоновъ....

То Крюшо и де-Грассенъ, если слышали слова эти, всегда прибавляли съ какою-то таинственностію:

— Дальновиднѣе-же вы насъ! Намъ такъ никогда почти не удавалось свести вѣрныхъ счотовъ.

Заѣзжій парижанинъ скажетъ, бывало, слово, другое о Ротшильдѣ или о Лафитѣ, Сомюрцы тотчасъ спросятъ, «также-ли богаты они, какъ, напримѣръ, Гранде?» И ежели имъ отвѣчали насмѣшливою улыбкою, то они покачивали головами въ знакъ недовѣрчивости.

Дѣла и слова старика покрывались золотою крышкою, и если въ частной жизни его и встрѣчалось что-нибудь смѣшное, странное, то рѣшительно никто не находилъ этого ни смѣшнымъ, ни страннымъ. Гранде былъ для всѣхъ образцомъ въ Сомюрѣ, авторитетомъ. Его слова, одежда, ухватки, косой взглядъ, считались законами, рѣшеніями. Изъ каждаго поступка, движенія его, выводили слѣдствія, и всегда почти вѣрныя и безошибочныя.

— Зима будетъ холодная; Грандé надѣлъ уже теплыя перчатки. Не худо позаботиться о продажѣ.

Или:

— Грандé закупаетъ много досокъ. Славное вино будетъ въ этомъ году!

Никогда Грандé не покупалъ ни хлѣба, ни мяса. Каждую недѣлю фермеры приносили ему сколько было нужно овощей, куръ, яицъ, масла и зерноваго хлѣба. У него была своя мельница, и мельникъ, не въ-счотъ договора, долженъ былъ въ извѣстное время являться къ нему за зерномъ, смолоть и представить его мукою. Длинная Нанета, единственная служанка въ цѣломъ домѣ, довольно-пожилая, сама пекла по субботамъ хлѣбъ на все семейство. Плодовъ Грандé собиралъ такъ много, что продавалъ ихъ на рынкѣ. Дрова рубились въ его заказникахъ, или употреблялись вмѣсто нихъ старыя, полусгнившія изгороди, обходившія кругомъ поля его. Фермеры-же рубили и дрова и, изъ учтивости, сами складывали ихъ въ сараи, за что̀ онъ обыкновенно былъ имъ *благодаренъ*. Единственныя издержки его были: *туалетъ* жены и дочери, плата за ихъ два мѣста въ церкви и за проссфоры, свѣчи, жалованье длинной Нанеты, луженіе ея кострюль, издержки судебныя на купчія, квитанціи и залоги; наконецъ на поправку его строеній. У него было 300 арпановъ лѣсу (недавно купленнаго); надзирали за нимъ сторожа сосѣдей, за что̀ *обѣщалъ* онъ имъ дать жалованье. Только послѣ покупки лѣсу на столѣ у него стала появлятся дичь.

Говорилъ онъ мало. Всѣ пріемы его были весьма-просты и обыкновенны. Изъяснялся онъ коротко, дѣльно, голосомъ тихимъ. Съ самой революціи, когда впервы́е онъ обратилъ на себя вниманіе, чудакъ началъ заикаться, особенно съ нимъ это случалось въ какомъ-нибудь спорѣ, или когда приходилось долго говорить. Но заиканіе, также какъ и многословіе, несвязность рѣчи и недостатокъ въ ней логическаго порядка, были чистымъ притворствомъ, а не недостаткомъ образованія, какъ полагали нѣкоторые. Мы объяснимъ эту исторію въ-послѣдствіи. Впрочемъ онъ не затруднялся разговоромъ и съ него довольно было четырехъ фразъ, словно четырехъ алгебрическихъ формулъ, для возможныхъ счотовъ, разсчотовъ и разсужденій въ его частной и домашней жизни; вотъ онѣ:

— Я не знаю.

— Не могу!

— Не хочу!

— А... а... а... посмотримъ.

Ни *да*, ни *нѣтъ* — этихъ словъ онъ особенно не терпѣлъ. Весь-

ма не любилъ также писать. Когда съ нимъ разговаривали, онъ хладнокровно и внимательно слушалъ, придерживая одною рукою подбородокъ, тогда-какъ другая рука придерживала локоть первой. На все у него было свое мнѣніе, разъ принятое и неуступчивое. Въ ничтожнѣйшихъ сдѣлкахъ онъ обыкновенно долго не рѣшался, раздумывалъ, соображалъ, и когда противникъ, считая наконецъ дѣло за собою, чуть-чуть проговорится, Гранде отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не могу! нужно посовѣтоваться съ женою; безъ нея, вы знаете, я ни шагу не дѣлаю.

А жена его, сущая плотка, была доведена имъ до полнѣйшей инерціи. Въ сдѣлкахъ, какъ сейчасъ замѣтили мы, она у него была въ родѣ щита. Гранде ни съ кѣмъ не знакомился, никого не звалъ къ себѣ, да и самъ ни къ кому не ходилъ. Онъ не любилъ шума, и скупился даже и на движеніе. Ни у кого ничего не трогалъ и никого не безпокоилъ, изъ уваженія къ собственности. Впрочемъ, не-смотря на свое сладкорѣчіе, двусмысленность и осторожность, бочаръ всегда выказывался настоящимъ бочаромъ, въ словахъ и ухваткахъ, особенно дома, гдѣ онъ не любилъ удерживаться.

Съ-виду Гранде былъ футовъ пяти ростомъ, плотный и здоровый. Ноги его были 12 дюймовъ въ окружности; мускулистъ и широкоплечъ. Лицо круглое и рябоватое. Подбородокъ его былъ прямой, губы тонкія и ровныя, зубы бѣлые. Взглядъ мягкій, ласковый, жадный, взглядъ василиска. Лобъ изрѣзанный морщинами, съ замѣчательными выпуклостями. Волосы его желтѣли и сѣдѣли, все въ одно время,—*золото* и *серебро*, по выраженію охотниковъ пошутить, вѣроятно, незнавшихъ, что съ Гранде не шутятъ. На толстомъ носу его висѣла красная шишка. Цѣлое выражало тихость сомнительную, холодную честность и эгоизмъ скупца. Замѣчали еще въ немъ одно — привязанность, любовь къ своей дочери Евгеніи, единственной наслѣдницѣ. Походка, пріемы выражали самоувѣренность, удачу во всемъ; и дѣйствительно, Гранде, хотя тихій и уклончивый, былъ твердаго, желѣзнаго характера.

Одежда его была всегда одинаковая; въ 1820 году онъ одѣвался точно также, какъ и въ 1791 году. Толстые башмаки съ мѣдными застежками, нитяные чулки; панталоны короткіе, толстаго темнаго сукна съ серебряными пуговками; шерстяной жилетъ съ желтыми и темными полосками, застегнутый сверху до низу, и просторный, каштановаго цвѣта сюртукъ, бѣлый галстукъ, и широкополая квакерская шляпа; перчатки у него были толстыя, неуклюжія, — въ два года одна пара; всегда методически расклады-

взялъ онъ ихъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, на поляхъ своей шляпы.

Болѣе ничего не знали о немъ въ Сомюрѣ. Шесть лицъ имѣли право посѣщать его домъ.

Самымъ значительнымъ лицомъ изъ первыхъ трехъ, былъ племянникъ нотаріуса Крюшó. Послѣ своего назначенія президентомъ сомюрскаго суда первой инстанціи, Крюшó, племянникъ, къ фамиліи своей присоединилъ еще слово *де-Бонфонъ*, и всѣми силами старался называться просто *де-Бонфонъ*, а потому обыкновенно подписывался К. де-Бонфонъ. Неловкій проситель г–на *Крюшó*, забывшій *де-Бонфона*, поздно уже замѣчалъ свою ошибку. Президентъ особенно покровительствовалъ тѣмъ, кто называлъ его президентомъ, но льстилъ, улыбался, дружилъ тому, кто называлъ его *де-Бонфономъ*. Президенту было 33 года. *Бонфонъ* было названіе его помѣстья (Bonae Fontis), приносившаго ему тысячъ до семи ливровъ дохода. Кромѣ того онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ своего дяди нотаріуса и другаго дяди, аббата Крюшó; оба они слыли довольно-богатыми. Трое Крюшó, поддерживаемые порядочнымъ числомъ кузеновъ, кузинъ и роднею почти двадцати домовъ сомюрскихъ, составляли свою особую партію, какъ нѣкогда фамилія *Пази* во Флоренціи, и подобно *Пази*, Крюшó имѣли противниковъ.

Г-жа де-Грассéнъ, мать двадцати-трехъ-лѣтняго юноши, частенько приходила къ г-жѣ Грандé, составлять съ нею партію въ лотó, надѣясь непремѣнно женить *своего возлюбленнаго Адольфа* на дѣвицѣ Евгеніи Грандé. Г-нъ де-Грассенъ, банкиръ, помогалъ женѣ безпрерывными маленькими услугами старому скупцу, и всегда вóвремя поспѣвалъ на поле битвы. Трое де-Грассéновъ имѣли тоже вѣрныхъ союзниковъ-кузеновъ, кузинъ и т. п.

Со стороны-же Крюшó работалъ ихъ аббатикъ, Талейранъ въ миньятюрѣ, и достославно поддерживаемый братомъ нотаріусомъ, съ честію выдерживалъ бой съ банкиршой, въ пользу своего племянника, президента. Битвы де-Грассéновъ съ тремя Крюшó и ихъ партіей за Евгенію возбуждали большое вниманіе въ Сомюрѣ.

Кому-то достанется Евгенія: президенту или Адольфу де-Грассéну?

Задачу разрѣшали тѣмъ, что-де не достанется ни тому ни другому, что бочаръ зазнался, и хочетъ имѣть своимъ затемъ не иначе, какъ пéра Франціи, который-бы рѣшился взять въ придачу къ 200,000 ливровъ годоваго дохода, всѣ бочки своего тестюшки.

Другіе выставляли на видъ дворянство и богатство де-Грассéновъ; говорили, *что Адольфъ ловокъ, хорошъ собою, и что ко-*

го-же и выбрать, ежели не его? Развѣ ужъ найдется какой-нибудь папскій племянникъ,—тогда дѣло другое, а что и теперь уже много чести Гранде, котораго весь Сомюръ видѣлъ съ долотомъ въ рукѣ и когда-то сапкюлотомъ. Наблюдатели замѣтили, что г. Крюшо́ де-Бонфонъ могъ ходить къ старику во всякое время, а Адольфъ де-Грассенъ только по воскресеньямъ. Говорили, что г-жа де-Грассенъ не такова, чтобы уступить въ дѣлѣ; имъ отвѣчали, что аббатъ Крюшо́ претонкая штука, и что если сойдутся гдѣ аббатъ да женщина, такъ силы всегда одинаковы.

Старожилы полагали, что Гранде́ не захотятъ выпустить добра изъ фамиліи. По ихъ мнѣнію Евгенія непремѣнно выйдетъ за своего кузена, сына купца Вильгельма Гранде́, богатѣйшаго откупщика въ Парижѣ. Обѣ сомюрскія партіи возражали имъ тѣмъ, что во-первыхъ, старики уже тридцать лѣтъ какъ не видались другъ съ другомъ; во-вторыхъ, что парижанинъ не такъ думаетъ устроить судьбу своего сына, что онъ меръ округа, депутатъ, полковникъ національной гвардіи, судья въ коммерческомъ судѣ. Что онъ давно уже отступился отъ сомюрскихъ Гранде́, и ищетъ сыну дочь какого-нибудь дешёвенькаго наполеоновскаго герцога.

И много было еще говорено о богатой наслѣдницѣ, почти двадцать миль кругомъ и даже въ омнибусахъ, ходившихъ между Блуа и Анжеромъ.

Въ началѣ 1818 года побѣда была совершенно на сторонѣ Крюшо́. Имѣніе Фруафондъ, славившееся своимъ великолѣпнымъ паркомъ, великолѣпнымъ замкомъ, фермами, прудами, рѣкою, лѣсомъ, поступило въ продажу; молодой маркизъ де-Фруафондъ продавалъ его по-необходимости, нуждаясь въ деньгахъ. Крюшо́ съ союзниками упросили маркиза не продавать имѣнія по частямъ. Нотаріусъ представилъ ему всѣ невыгоды, всѣ хлопоты продажи по участкамъ, особенно въ полученіи денегъ съ покупателей, что-де лучше продать все разомъ и вотъ, напримѣръ, хоть Гранде́ готовъ заплатить хоть сейчасъ. Тогда владѣніе Фруафондъ было куплено старикомъ, и онъ, къ величайшему удивленію Сомюрцовъ, заплатилъ, не поморщившись, всѣ пять милліоновъ, чистыми деньгами, звонкою монетою. Объ этой покупкѣ стали говорить и въ Нантѣ, и въ Орлеанѣ.

Гранде́ сѣлъ въ тележку, возвращавшуюся по-случаю изъ Сомюра въ Фруафондъ, и поѣхалъ осматривать свои помѣстья. — Онъ воротился весьма-довольный тѣмъ, что помѣстилъ свои капиталы по пяти на сто, и тутъ же задумалъ округлить маркизатъ Фруафондъ, присоединивъ къ нему и свои земли. — Но чтобы насыпать

снова сундукъ свой, онъ рѣшился вырубить свои лѣса и тополи на лугахъ аббатства Нойе.

Теперь понятна-ли будетъ вся значительность выраженія—*домъ господина Гранде*?—Домъ этотъ былъ наружности мрачной, угрюмой, а выстроенъ былъ онъ въ самой высшей части города, возлѣ развалинъ старинныхъ укрѣпленій. Два столба со сводомъ, составлявшія входъ, были построены изъ бѣлаго лоарскаго камня, слабаго, мягкаго, невыносившаго болѣе 200 лѣтъ при постройкахъ.

Множество углубленій, дыръ и трещинъ неправильной разнообразной формы, изрытыхъ временемъ въ столбахъ и на сводѣ входа, рисовались на нихъ причудливыми, фантастическими арабесками. Все въ цѣломъ походило нѣсколько на крыльцо какой-нибудь городской тюрьмы. Выше свода былъ барельефъ изъ твердаго камня, съ почернѣлыми и попорченными фигурами, изображавшими четыре времени года. — Надъ барельефомъ тянулся плинтъ, изъ за котораго возвышали вершинки свои дикія растенія и деревья, случайно зародившіяся въ трещинахъ камня — желтая стѣница, павилика, попушникъ и молоденькій вишневникъ, впрочемъ уже довольно-высокій.

Толстая дубовая дверь, черная, потрескавшаяся, слабая съ-виду, было твердо скрѣплена толстыми желѣзными болтами, симметрически на ней расположенными. Маленькое квадратное окошечко, съ толстою заржавѣвшею рѣшоткою, было прорѣзано въ дверяхъ калитки; въ эту рѣшотку колотили молоткомъ, привязаннымъ тутъ-же къ кольцу.

Глядя сквозь рѣшотку, сквозь которую когда-то высматривали друга и недруга, можно было замѣтить въ концѣ длиннаго, темнаго свода, нѣсколько полуразбитыхъ ступеней; они вели въ садъ, живописно разбросанный около древнихъ стѣнъ укрѣпленій, позеленѣвшихъ и обросшихъ мхомъ и плющемъ. Далѣе за стѣнами, надъ укрѣпленіями, видѣлись дома и зеленѣли сады сосѣдей.

Самая замѣчательная комната въ нижнемъ этажѣ этого дома была *зала*.—Входъ въ нее былъ прямо изъ воротъ. — Немногіе изъ обитателей маленькихъ городковъ Туррени, Анжу и Берри понимали необходимость общей комнаты въ домѣ. — Зала въ одно и тоже время могла служить прихожею, гостиною, кабинетомъ, будуаромъ, столовою; зала — это театръ, сцена для частной семейной жизни.—Въ залѣ Гранде происходили всѣ обычныя семейныя собранія; въ этой комнатѣ сосѣдъ парикмахеръ два раза въ годъ приходилъ стричь волосы старика Гранде; сюда являлись его фермеры, священникъ, префектъ и нарочный изъ мельницы.

Два окна этой комнаты выходили на улицу. — Комната была вся обита темными обоями съ старинной разрисовкой; потолокъ былъ также расписанъ въ старинномъ вкусѣ и полъ цвѣтъ обой; все было старо и пожелтѣло отъ времени.

Комната нагрѣвалась каминомъ, надъ которымъ было вдѣлано въ стѣнѣ зеркало, зеленоватаго стекла и съ рѣзанными наискось боками, которые сіяли ярко отъ переломленій лучей свѣта въ граняхъ окраинъ зеркала.

По бокамъ камина стояли два жирандоля, мѣдные, позолоченные, съ двумя рожками. Когда снимали эти рожки со стержня, на которомъ укрѣпленъ былъ общій конецъ ихъ, то мраморный пьедесталъ съ мѣднымъ стержнемъ, въ него вдѣланнымъ, годился для каждодневнаго употребленія, какъ обыкновенный подсвѣчникъ. Кресла и стулья стараго фасона были обиты старинными обоями, съ рисунками, изображавшими сцены изъ басенъ Лафонтена; но трудно было уже разобрать эти рисунки: такъ они были потерты и изношены отъ времени и употребленія. — По четыремъ угламъ комнаты стояли этажерки, а въ простѣнкѣ между окнами ломберный столикъ, наборной работы; верхняя складная доска его сдѣлана была въ видѣ шашечницы.—Надъ столомъ, въ простѣнкѣ, висѣлъ барометръ чорнаго дерева, съ золочонными коемочками, испачканный и изгаженный кругомъ мухами.—На стѣнѣ, противъ камина, висѣли два портрета, писанные — одинъ съ покойнаго г-на Лабертельера, изображеннаго въ мундирѣ гвардіи лейтенанта; другой портретъ изображалъ покойную г-жу Жантильи, въ костюмѣ Аркадской пастушки. Передъ окнами были красиво драпированы красныя занавѣски изъ турской матеріи.—Толстые шолковые снурки связывали узлы драпировки.—Эти роскошныя занавѣски, такъ неумѣстныя въ этомъ домѣ, были выговорены господиномъ Гранде въ свою пользу при покупкѣ дома, равно какъ и зеркало, мебели и этажерки.

Въ амбразурѣ окна, ближайшаго къ двери, стояло кресло госпожи Гранде; оно возвышалось на подставкѣ, чтобы можно было смотрѣть на улицу. Передъ креслами стоялъ простенькой рабочій столикъ. Маленькія кресла Евгеніи стояли тутъ-же возлѣ окна.

И цѣлые 15 лѣтъ прошли день-за-днемъ, а мать и дочь постоянно просиживали цѣлые дни на одномъ и томъ-же мѣстѣ за своимъ рукодѣльемъ, съ апрѣля мѣсяца до самаго ноября. Съ перваго числа мать и дочь переселялись къ камину, потому-что только съ этого дня въ домѣ начиналась топка, которая потомъ и оканчивалась тридцатаго ноября, не смотря на холодные дни ранней весны и поздней осени. — Тогда длинная Нанета сберегала обыкно-

всенно нѣсколько угольевъ отъ кухонной топки, и приносила ихъ на жаровнѣ, надъ которою мать и дочь могли отогрѣвать свои окостенѣвшіе отъ холода пальцы.

Все домашнее бѣлье лежало на рукахъ матери и дочери; весь день уходилъ у нихъ на эту работу, такъ, что когда Евгеніи хотѣлось сдѣлать какой-нибудь подарочекъ матери изъ своего рукодѣлья, то приходилось работать по-ночамъ, и выпрашивать у старика свѣчей. — Уже съ давнихъ временъ скряга началъ самъ выдавать свѣчи своей служанкѣ и дочери, равно какъ хлѣбъ, овощи и всю провизію для обѣда и завтрака.

Одна только *длинная Нанета* могла ужиться въ услуженіи у такого деспота, какъ старикъ Гранде. Цѣлый городъ завидовалъ старику, видя у него такую вѣрную служанку. —Длинная Нанета, получившая свое прозваніе по богатырскому росту (5 фут. 8 дюймовъ), служила уже 35 лѣтъ у господина Гранде. — Она была одною изъ самыхъ богатѣйшихъ служанокъ Сомюра, хотя жалованья получала всего шестьдесятъ ливровъ. —Накопившуюся сумму, около четырехъ тысячъ ливровъ, Нанета отдала нотаріусу Крюшо на проценты. Разумѣется, эта сумма была для нея весьма значительна, и всякая служанка въ Сомюрѣ, видя у бѣдной Нанеты вѣрный кусокъ хлѣба подъ-старость дней ея, завидовала ей, не думая о томъ какими кровавыми трудами заработаны эти денежки.

Когда ей было двадцать-два года, она была безъ хлѣба и безъ пристанища; никто не хотѣлъ взять ее въ-услуженіе, по причинѣ ея необыкновенно-уродливой фигуры и, разумѣется, всѣ были несправедливы.—Конечно, еслибы природа создала ее гвардейскимъ гренадеромъ, то всякій-бы назвалъ молодцомъ такого гренадера; но, какъ говорится, все должно быть кстати. — Нанета, потерявшая, по причинѣ пожара, мѣсто на одной фермѣ, гдѣ она ходила за коровами, явилась въ Сомюръ, и, воодушевленная увѣренностію и надеждою, начала искать всюду мѣста и не унывала духомъ.

Въ это самое время Гранде собирался жениться и сталъ задумывать о будущемъ хозяйствѣ.—Нанета явилась кстати, тутъ какъ тутъ.—Какъ истинный бочаръ, умѣя цѣнить физическую силу въ своемъ работникѣ, Гранде угадалъ съ-разу всю выгоду, какую могъ извлечь, имѣя у себя Геркулеса—работницу; онъ съ наслажденіемъ смотрѣлъ на ея высокій ростъ, жилистыя руки, крѣпкіе члены; ни безобразіе лица длинной Нанеты, ни рубище, ее прикрывавшее, не устрашили Гранде нисколько.—Онъ принялъ ее въ свой домъ, одѣлъ, накормилъ, далъ ей работу и жалованье. — Крѣпко привязалось сердце бѣднаго созданія къ новому господину; Нанета

плакала потихоньку отъ радости. — Бочаръ завалилъ ее работой. Нанета дѣлала все. Стряпала кушанье, мыла бѣлье, вставала рано, ложилась поздно, во-время жатвы готовила обѣдъ на всѣхъ работниковъ, смотрѣла за ними, какъ вѣрная собака, стояла горою за соломинку изъ добра господскаго, и безъ ропота исполняла въ точности самыя странныя фантазіи чудака Гранде.

Послѣ двадцатилѣтней вѣрной службы Нанеты, въ 1811 году, въ году счастливомъ для виноградчиковъ, Гранде рѣшился наконецъ подарить свои старинные часы Нанетѣ; это былъ первый и единственный подарокъ старика Гранде. — Правда, что онъ дарилъ иногда ей и старые башмаки свои, но нельзя сказать, чтобы могла быть какая-нибудь выгода отъ старыхъ башмаковъ господина Гранде; они были всегда до-нѣльзя изношены. Сперва нужда, а потомъ и привычка сдѣлали Нанету скупою, и старикъ полюбилъ свою служанку, полюбилъ ее, какъ вѣрную старую собаку; — Нанета радовалась, благословляла судьбу и была счастлива.

Она не жаловалась, если, на-примѣръ, старику Гранде приходилось обвѣсить иногда ее при выдачѣ хлѣба и остальной провизіи. — Не жалуясь сносила иногда и голодъ, потому-что бочаръ пріучалъ всегда своихъ домашнихъ къ стражайшей діэтѣ, хотя въ этомъ домѣ никто никогда не былъ боленъ. Наконецъ Нанета стала настоящимъ членомъ семейства; она привязалась всею силою души своей ко всѣмъ членамъ этой фамиліи; она смѣялась, когда смѣялся старикъ Гранде, работала, когда онъ работалъ, зябла, когда ему было холодно, и отогрѣвалась, когда ему было жарко. Какъ отрадно было сердцу Нанеты, привязанному святымъ, безкорыстнымъ чувствомъ благодарности къ благодѣтелю своему, въ свычкѣ съ нимъ, въ неограниченной къ нему преданности. — Никогда, ни въ чомъ не могъ упрекнуть сварливый, скупой Гранде свою вѣрную Нанету; ни одна кисть винограда не была взята ею безъ позволенія; ни одна груша, упавшая съ дерева, съѣдена потихоньку; Нанета берегла, хранила все, заботилась обо всемъ.

— Ну, ѣшь, Нанета, полакомься, говорилъ иногда Гранде, обходя свой садъ, гдѣ вѣтви ломались отъ изобилія плодовъ, которые бросали свиньямъ, не зная куда дѣвать излишекъ.

Отрадно было бѣдному созданію, когда старикъ изволилъ смѣяться, забавляться съ ней: это было очень, очень-много для бѣдной дѣвушки, призрѣнной Христа-ради, вытерпѣвшей одни лишенія да побои.—Сердце ея было просто и чисто,и душа свято хранила чувство благодарности. — Живо помнила она, какъ, тридцать-пять лѣтъ назадъ, она явилась на порогѣ этого дома, бѣдная, голодная,

въ рубищѣ, и съ босыми ногами, и какъ Гранде встрѣтилъ ее вопросомъ:

— Ну, что-жъ тебѣ нужно, красавица?

И сердце дрожало въ груди ея при одномъ воспоминаніи объ этомъ днѣ. Иногда Гранде приходило въ мысль, что его бѣдняжка Нанета въ цѣлую жизнь не слыхала отъ мужчины слова привѣтливаго, не знала, не испытала ни одного наслажденія въ жизни, самаго невиннаго, даннаго въ удѣлъ женщинѣ — наслажденія нравиться, напримѣръ, и Гранде, въ припадкѣ жалости, говорилъ иногда:

— Ахъ, бѣдняжка Нанета!

И когда онъ говорилъ это, то встрѣчалъ потомъ тихій взоръ служанки своей, взоръ блестящій неизъяснимымъ чувствомъ, благодарностію. — Одно это слово, произносимое старикомъ отъ-времени-до-времени, составляло, каждое, одно звѣно изъ непрерывной цѣпи безкорыстной преданности и нѣжной дружбы служанки къ своему господину. — И это состраданіе, явившееся въ чорствомъ, окаменѣвшемъ сердцѣ стараго скряги, было какъ-то грубо, жестко, носило отпечатокъ безпощадной жестокости. — Старику было любо пожалѣть Нанету по-своему, а Нанета, не добираясь до настоящаго смысла, блаженствовала, видя къ себѣ любовь своего господина.

Много было семейныхъ домовъ въ Сомюрѣ, гдѣ слуги содержались лучше, довольнѣе, но гдѣ господа всегда жаловались на слугъ своихъ, а жалуясь, всегда говорили: Да чѣмъ же озолотили эти Гранде свою Нанету, что она за нихъ въ воду и въ огонь пойти готова?

Кухня Нанеты была всегда чиста, опрятна; все въ ней было вымыто, вычищено, блестѣло; все было, между-прочимъ, заперто и все мерзло отъ холода. Кухня Нанеты была кухней настоящаго скряги. — Когда Нанета кончала мытье посуды и чистку кострюль, прибирала остатки отъ обѣда, и тушила свой огонь, то запирала свою кухню, отдѣлявшуюся отъ залы однимъ корридоромъ, являлась въ залу съ самопрялкою и садилась возлѣ господъ своихъ.

На все семейство выдавалась одна свѣчка на цѣлый вечеръ. — Ночью Нанета спала въ корридорѣ, освѣщенномъ какою-то жалкою свѣтильнею. — Только желѣзное здоровье Нанеты могло выносить всѣ привлекательности ночлега въ холодномъ корридорѣ, изъ котораго она легко могла слышать малѣйшій шорохъ въ домѣ, нарушавшій тишину ночи. Какъ дворовая собака, она спала въ полглаза и слышала во всѣ уши.

Описаніе другихъ частей дома встрѣтится вмѣстѣ съ повѣствo-

ваніемъ происшествій этой исторіи; впрочемъ абрисъ залы, парадной комнаты въ цѣломъ домѣ, можетъ служить масштабомъ нашей догадки объ устройствѣ остальныхъ этажей его.

Въ 1819 году, въ одно изъ чиселъ ноября, когда началò уже смеркаться, Нанета затопила въ первый разъ печку. — Осень была весьма-хороша. — Этотъ день, 17-е ноября, былъ знàкомъ всѣмъ Крюшò и всѣмъ де-Грассéнамъ : шесть бойцовъ на жизнь и смерть готовились явиться въ залу Гранде, льстить, кланяться, скучать и увѣрять, что имъ весело.

Утромъ, въ часъ обѣдни, весь Сомюръ могъ видѣть торжественное шествіе госпожи Гранде, Евгеніи и Нанеты въ приходскую церковь, и всякій вспомнилъ, что этотъ день праздничный у старика Гранде, что этотъ день—день рожденія его возлюбленной дочери Евгеніи. Г-да Крюшò расчислили по часамъ время, когда старикъ отобѣдаетъ, и въ извѣстное мгновеніе, не потерявъ ни минуты, побѣжали къ нему, чтобы явиться пораньше де-Грассéновъ.— У всѣхъ троихъ Крюшò было въ рукахъ по огромному букету цвѣтовъ. — Букетъ президента Крюшò былъ предательски обернутъ бѣлой атласной ленточкой и перевязанъ золотыми снурками.

Въ это утро старикъ Гранде, по всегдашнему обыкновенію, соблюдаемому имъ каждый годъ въ день рожденія Евгеніи, пришолъ въ ея комнату, разбудилъ ее своимъ поцѣлуемъ, и съ приличною торжественностію вручилъ ей подарокъ свой — двойной наполеондоръ; это повторялось уже лѣтъ около тринадцати сряду, каждый разъ въ день рожденія Евгеніи.

Г-жа Гранде дарила ей обыкновенно матеріи на платье.

Два платья г-жи Гранде (тоже было и въ именины Евгеніи) и четыре наполеондора старика, да еще два другіе наполеондора, получаемые ею въ новый-годъ и въ день имянинъ отца своего, составляли весь доходъ Евгеніи, въ годъ всего около ста экю; скряга прилежно смотрѣлъ за благосостояніемъ кассы своей дочери и радовался, глядя на ея сокровище. — Не все-ли равно было, что давать, что нѣтъ такіе подарки? Гранде только перекладывалъ изъ одной кубышки въ другую и по временамъ иногда повѣрялъ всѣ суммы и всѣ сокровища своей дочери; эти сокровища были прежде гораздо-значительнѣе, когда еще старики Бертельеры были въ-живыхъ и дарили ее въ свою очередь, каждый по своему, и всегда приговаривали : «Это на твою *дюжинку*, къ свадьбѣ, жизнёночекъ».

Давать *дюжину* къ сватьбѣ—старое обыкновеніе, свято сохранившееся въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи, какъ-то въ Берри́, Анжу́ и друг. Тамъ ни одна дѣвушка не выходитъ за мужъ *безъ*

дюжины. Въ день сватьбы отецъ и мать ея дарятъ ей кошелекъ, въ которомъ лежатъ двѣнадцать червонцевъ, или двѣнадцать дюжинъ червонцевъ, или двѣнадцать сотенъ червонцевъ, смотря по состоянію. — Дочь послѣдняго бѣдняка не выходитъ за-мужъ безъ дюжины, хотя-бы мѣдною монетою. — Были примѣры полярковъ въ 144 португальскихъ червонца. Папа Климентъ, выдавая племянницу свою Марію Мéдичи за Генриха-Втораго, короля французскаго, подарилъ ей двѣнадцать древнихъ медалей, безцѣнныхъ по рѣдкости и красотѣ отдѣлки.

За обѣдомъ старикъ, любуясь на дочь свою, похорошѣвшую въ новенькомъ платьицѣ, закричалъ въ припадкѣ сильнѣйшаго восторга:

— Ну, ужъ такъ и быть! Сегодня день рожденія Евгеніи, такъ затопимъ-ка печи.

— Ну, выдти вамъ за-мужъ этотъ годъ, моя ласточка, сказала Нанета, убирая со стола остатки жаренаго гуся.

— Въ Сомюрѣ для нея нѣтъ приличной партіи, сказала госпожа Грандé, робко взглянувъ на своего мужа.

Грандé поглядѣлъ на свою дочь и радостно закричалъ: «Милочка моя! Да ей сегодня ужъ 23 года; нужно, нужно позаботиться, нужно....»

Евгенія и мать ея переглянулись другъ съ другомъ.

Госпожа Грандé была женщина сухая, худая, желтая, мѣшковатая, неловкая. У нея были большіе глаза, большой носъ, большая голова, всѣ черты лица грубыя и непріятныя. — Зубы ея были чорные и рѣдкіе, губы угловатые, неправильные. — Это была предобрая и препростая женщина, *урожденная ла-Бертельеръ*. Когда-то аббатъ Крюшó сказалъ ей, что она совсѣмъ недурна собою, и она этому чистосердечно повѣрила. Всѣ уважали ее за ея рѣдкія христіанскія добродѣтели, за ея кротость, и жалѣли ее за уничиженіе передъ мужемъ и за жестокости, терпѣливо переносимыя отъ него бѣдной старушкой.

Грандé никогда не давалъ болѣе шести франковъ женѣ своей.— Эта женщина, которая принесла ему триста-тысячь въ приданое, была такъ глубоко унижена, доведена до такого жалкаго илотизма, что не смѣла просить ни копѣйки у скряги мужа, и не могла требовать ни малѣйшаго объясненія, когда нотаріусъ Крюшó подавалъ ей Богъ знаетъ какіе акты для подписи. — Будучи такъ унижена, она была горда въ глубинѣ души своей, и изъ одной гордости не жаловалась на судьбу. Она терпѣливо вынесла весь длинный рядъ оскорбленій, нанесенныхъ ей старикомъ Грандé, и нико-

гда не говорила ни слова — и все это изъ безразсудной, но благородной гордости.

Цѣлый годъ постоянно носила она одно зеленоватое шелковое платье; надѣвала также бѣлую косыночку и соломенную шляпку для выходовъ. Выходя рѣдко, она мало носила башмаковъ. Словомъ, о себѣ она никогда ни въ чомъ не заботилась.

Иногда угрызенія совѣсти закрадывались въ сердце стараго скряги, — и, припоминая, какъ давно не давалъ онъ денегъ женѣ своей, отъ послѣдней эпохи, шести франковъ, онъ всегда при какой-нибудь сдѣлкѣ, спекуляціи, счастливой продажѣ, оставлялъ и ей *на булавки*. Эта сумма доходила иногда до четырехъ и до пяти лундоровъ, и была самою значительною частію доходовъ госпожи Гранде.

Но только-что она получала эти пять лундоровъ, то раскаявшійся Гранде, при первомъ расходѣ, тотчасъ спрашивалъ у нея:

— Не дашь-ли ты мнѣ какой-нибудь бездѣлицы въ-займы, душа моя?

Точно какъ-будто-бы ихъ кошелекъ былъ общимъ. Но бѣдная г-жа Гранде обыкновенно радовалась, когда могла сдѣлать одолженіе своему мужу, и никогда не отказывала ему въ просьбѣ. Такимъ-образомъ, изъ денегъ на булавки терялась всегда добрая половина.

Когда-же Евгенія получала свой собственный доходъ, на булавки, по одному экю въ мѣсяцъ, то каждый разъ Гранде, застегивая свой сюртукъ, прибавлялъ, смотря на жену свою:

— Ну, а ты, мамаша, не нужно-ли и тебѣ чего-нибудь?

— Я послѣ скажу тебѣ, другъ мой, отвѣчала она, одушевленная мгновенно материнскимъ достоинствомъ. Но Гранде не хотѣлъ понимать великодушія жены своей, и чистосердечно считалъ себя самого великодушнымъ.

Послѣ торжественнаго обѣда, замѣчательнаго тѣмъ, что Гранде въ первый разъ въ жизни заговорилъ о томъ, какъ-бы пристроить Евгенію, Нанета, затопивъ каминъ, пошла, по приказанію Гранде, за бутылкою кассисъ въ его комнату и чуть чуть не упала съ лѣстницы.

— Ну, вотъ еще: этакъ можно упасть Нанета, сказалъ старикъ.

— Да тамъ одна ступенька изломана, сударь.

— Это правда, замѣтила госпожа Гранде: ее-бы давно нужно было поправить. Вчера Евгенія также чуть-чуть не упала.

Гранде посмотрѣлъ на Нанету; она еще была блѣдна отъ испуга.

— Ну! сказалъ развеселившійся бочаръ: такъ-какъ сегодня день

рожденія Евгеніи, а ты чуть-чуть не упала, такъ выпей себѣ стаканчикъ касси.

— Ну, да вѣдь я его заслужила, отвѣчала Нанета: другой непремѣнно разбилъ-бы бутылку, а я-бы сама прежде разбилась, а не выпустила-бы ея изъ рукъ, сударь.

— Бѣдняжка Нанета! сказалъ Грандѐ, наливая ей касси.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, не ушиблась-ли ты Нанета? съ участіемъ спросила ее Евгенія.

— Нѣтъ, я удержалась сударыня, я не упала.

— Ну, такъ-какъ сегодня день рожденія Евгеніи, такъ я вамъ ее исправлю, эту ступеньку; хоть она еще и теперь годится, да вы неловкія и ходить-то не умѣете.

Грандѐ взялъ свѣчку, оставивъ въ потемкахъ дочь, жену и Нанету, и пошолъ въ свою комнату за гвоздями и за досками.

— Не помочь-ли вамъ, сударь? закричала Нанета, услышавъ стукъ топора на лѣстницѣ.

— Э, не нужно! вѣдь не даромъ-же я старый бочаръ.

Грандѐ, поправляя свою лѣстницу, припомнилъ бывалую работу въ молодые годы свои, и засвисталъ, какъ всегда прежде за работою. Въ это время постучались у воротъ трое Крюшо.

— Это вы, господинъ Крюшо? сказала Нанета, отворивъ гостямъ двери.

— Да, да, отвѣчалъ президентъ. Свѣтъ въ залѣ былъ для нихъ маякомъ, потому-что Нанета была безъ свѣчки.

— А, да вы по праздничному, сказала Нанета, слыша запахъ цвѣтовъ.

— Извините, господа, кричалъ Грандѐ, услышавъ знакомые голоса друзей своихъ: я сойду сейчасъ къ вамъ. Я не гордецъ, господа, и вотъ самъ вспоминаю старинку, какъ, бывало, возился съ долотомъ и топоромъ.

— Да что-же вы это, господинъ Грандѐ! *И трубочистъ въ своемъ домѣ господинъ*, сказалъ президентъ, смѣясь въ-тихомолку.

Госпожа Грандѐ и Евгенія встали, чтобъ принять гостей. Президентъ воспользовался темнотою и, приблизившись къ Евгеніи, сказалъ ей:

— Позволите-ли сударыня пожелать вамъ, въ торжественный день рожденія вашего, счастія на всю жизнь вашу и добраго драгоцѣннаго здоровья.

И онъ подалъ ей огромный букетъ съ рѣдкими цвѣтами въ Сомюрѣ; потомъ, взявъ ея за руки, поцѣловалъ ее въ плечо съ такимъ торжественнымъ и довольнымъ видомъ, что Евгеніи стало стыдно. Президентъ былъ чрезвычайно-похожъ на заржавѣвшій

гвозль и чистосердечно думалъ, что и онъ иногда умѣетъ быть и граціознымъ, и обворожительнымъ.

Грандé вошолъ со свѣчой и освѣтилъ все собраніе.

— Не церемоньтесь, господинъ президентъ, сказалъ онъ: да вы сегодня совершенно по-праздничному.

— Но мой племянникъ всегда готовъ праздновать день, проводимый съ m-lle Евгеніею, сказалъ аббатъ, подавая букетъ свой, и цѣлуя у Евгеніи руку.

— Ну, такъ вотъ мы какъ, сказалъ старый нотаріусъ, въ свою очередь поздравляя Евгенію, и цѣлуя ее, по-стариковски, въ обѣ щочки. Растемъ по маленьку! Каждый годъ по двѣнадцати мѣсяцевъ.

Грандé поставилъ свѣчу на столъ. Потомъ, *повторяя свою остроту*, которая, по-видимому, очень ему понравилась, сказалъ:

— Ну, такъ-какъ сегодня день рожденія Евгеніи, такъ зажжомъ другую свѣчку.

Осторожно снялъ онъ оба рожка съ своихъ канделябръ; потомъ, взявъ принесенную Нанетой новую свѣчку, воткнулъ ее, уставилъ перпендикулярно, зажогъ, и сѣвъ подлѣ гостей своихъ, заботливо посматривалъ то на гостей, то на дочь свою, то на обѣ зажженыя свѣчки.

Аббатъ Крюшо былъ маленькій, кругленькій, жирненькій человѣкъ, въ рыжемъ плоскомъ парикѣ. Протягивая свои ножки, хорошо обутыя въ башмаки съ серебряными застежками, онъ сказалъ:

— Де-Грассéны еще не были у васъ сегодня?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Грандé.

— Да будутъ-ли они еще? спросилъ старый нотаріусъ, сдѣлавъ гримаску, выражавшую сомнѣніе.

— Я думаю, что будутъ, отвѣчала госпожа Грандé.

— Удалось-ли вамъ убрать виноградъ вашъ? спросилъ президентъ де-Бонфонъ старика Грандé.

— Какъ-же-съ, удалось! самодовольно отвѣчалъ бочаръ, и вставъ съ своего мѣста, охорашиваясь, началъ ходить по комнатѣ.

Остановившись въ дверяхъ, которыя вели въ корридоръ, онъ увидѣлъ у Нанеты свѣчку. Не смѣя быть въ залѣ, и скучая безъ дѣла, она сѣла въ кухнѣ за свою самопрялку.

Грандé пошолъ на кухню.

— Зачѣмъ здѣсь еще свѣчка? Затуши ее и ступай къ намъ въ залу! Что тебѣ тѣсно тамъ, что-ли? достанетъ мѣста для твоей самопрялки.

— Ахъ! да у васъ сударь будетъ много гостей!

— А ты чѣмъ хуже моихъ гостей? Мы всѣ отъ ребра Адамова, — ты также, какъ и другіе.

Воротясь въ залу, Грандé спросилъ президента:

— Вы продали вино? господинъ президентъ.

— Нѣтъ! берегу, отвѣчалъ президентъ. Теперь вино хорошо, черезъ годъ еще будетъ лучше. Вѣдь вы сами знаете, всѣ виноградчики согласились держаться въ настоящей цѣнѣ и не уступать Бельгійцамъ. Уѣдутъ, опять воротятся.

— Хорошо, хорошо, — такъ не уступать-же, сказалъ Грандé.

— Бьюсь объ закладъ, что онъ ужъ торгуется, сказалъ Крюшò потихоньку.

Раздался стукъ молотка и возвѣстилъ прибытіе де-Грассéновъ, разстроившихъ преназидательный разговоръ аббата съ госпожою Грандé.

Г-жа де-Грассéнъ была свѣженькая, розовенькая, пухленькая, и принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя и въ сорокъ лѣтъ не старѣются. Такія женщины похожи на позднія розы. Цвѣты не ярки, блѣдны, запахъ не слышанъ, но на взглядъ они все еще хороши. Г-жа де-Грассéнъ одѣвалась со вкусомъ, выписывала моды изъ Парижа, давала вечера и была образцомъ всѣхъ дамъ сомюрскихъ.

Мужъ ея, банкиръ де-Грассéнъ, былъ отставной квартирмейстеръ наполеоновской арміи. Раненый подъ Аустерлицомъ, онъ вышелъ въ отставку. Онъ любилъ выказывать откровенные, грубые пріемы стараго солдата и даже не оставлялъ ихъ въ разговорѣ съ самимъ господиномъ Грандѐ.

— Здравствуйте Грандé! сказалъ онъ, дружески тряся ему руку, поговоря не много съ-высока, чего терпѣть не могли всѣ трое Крюшò.—А вы, сударыня, сказалъ онъ, обращаясь къ Евгеніи и сперва поклонившись госпожѣ Грандé, вы такая всегда умница и хорошенькая, что право не знаешь, чего и пожелать вамъ болѣе.

Потомъ, взявъ у слуги своего, съ нимъ пришедшаго, горшокъ съ рѣдкими цвѣтами, онъ подалъ ихъ Евгеніи. Госпожа де-Грассéнъ нѣжно поцѣловала Евгенію и сказала ей:

— А мой подарокъ, милая Евгенія, представитъ вамъ Адольфъ.

Тогда Адольфъ, высокій молодой человѣкъ, бѣлокурый, недурной наружности, робкій съ виду, но промотавшій въ Парижѣ 10,000 франковъ свыше своего пансіона, подошолъ къ Евгеніи, поцѣловалъ ее, и представилъ ей довольно-красивый рабочій ящикъ. И хотя на крышкѣ были довольно-красиво выведены буквы Е. Г., ящикъ, по простенькій работѣ своей, заставлялъ сильно подозрѣвать, что онъ купленъ у разнощика.

Но отворивъ его, Евгенія покраснѣла отъ удовольствія, отъ радости, при видѣ красивыхъ бездѣлокъ. Робко посмотрѣла она на отца, какъ-бы спрашивая позволенія принять такой богатый подарокъ.

— Возьми, душенька! сказалъ Гранде, тоже какимъ-то необыкновеннымъ, дрожащимъ голосомъ.

Крюшо остолбенѣли, замѣтивъ радостный взглядъ, брошенный богатой наслѣдницей на Адольфа де-Грассена. Де-Грассенъ по подчивалъ старика табакомъ, понюхалъ потомъ самъ, обтеръ соринки, упавшія на его ленточку Почотнаго-легіона, и взглянувъ на Крюшо, казалось, говорилъ своимъ горделивымъ взглядомъ:

— Ну, что, каково теперь вамъ, господа Крюшо?

Г-жа де-Грассенъ съ притворнымъ простодушіемъ обернулась взглянуть на подарки троихъ Крюшо. Букеты были поставлены на окошко, въ синія стеклянныя кружки съ водою.

Аббатъ Крюшо, находясь въ весьма-деликатномъ положеніи, выждалъ минуту, когда все общество усѣлось по своимъ мѣстамъ. Потомъ, взявъ подъ-руку господина Гранде, началъ съ нимъ прогуливаться по комнатѣ. Наконецъ, уведя его въ амбразуру окна, онъ сказалъ:

— Эти де-Грассены бросаютъ за окно свои деньги.

— Да вѣдь не все-ли равно? Перекладываютъ изъ кубышки въ кубышку. Ихъ денежки сберегутся, отвѣчалъ бочаръ.

— Конечно, конечно, такимъ богачамъ, какъ имъ, да вамъ, легко дарить дочерямъ золотыя ножницы.

— Ну, да я дарю мою дочь немножко получше, чѣмъ вашими золотыми ножницами, отвѣчалъ Гранде.

— Колпакъ ты, олухъ, племянничекъ, подумалъ аббатъ, смотря на разряженнаго президента. Не могъ выдумать какой-нибудь дорогой бездѣлки?

— Не сѣсть-ли намъ въ лото? сказала г-жа де-Грассенъ, смотря на госпожу Гранде.

— Да насъ такъ много, что можно играть и на двухъ столахъ.

— Такъ-какъ сегодня день рожденія Евгеніи, закричалъ Гранде: то садитесь всѣ вмѣстѣ и сдѣлайте общее лото. Да и дѣтей возьмите въ компанію, прибавилъ онъ, показывая на Адольфа и Евгенія. Самъ-же Гранде не садился играть никогда, ни въ какую игру.

— Нанета, поставь-ка столъ!

— А мы вамъ поможемъ, *мадамъ Нанета*, закричала весело госпожа де-Грассенъ, радуясь радости Евгеніи.

— Мнѣ никогда не было такъ весело, сказала ей на-ухо Евгенія. Какъ онъ красивъ, этотъ ящичекъ!

— Это Адольфъ привезъ изъ Парижа, моя милая; онъ самъ выбиралъ его.

— Шепчи, шепчи ей тамъ, проклятая! говорилъ про себя президентъ: случись у тебя процессъ — проиграешь!

Нотаріусъ спокойно сидѣлъ въ углу, и хладнокровно смотрѣлъ на аббата. Онъ думалъ про себя:

— Пусть ихъ интригуютъ. Наше общее имѣніе стоитъ, по-крайней-мѣрѣ, милліонъ-сто-тысячъ франковъ, а у де-Грассёновъ нѣтъ и пяти-сотъ тысячъ. Пусть ихъ дарятъ золотыя ножницы.... И невѣста и ножницы, все будетъ наше!

Итакъ, въ восемь съ половиною часовъ, столы были раскрыты. Госпожа де-Грассёнъ съумѣла посадить Адольфа рядомъ съ Евгеніей. Стали играть. Между-тѣмъ всѣ играли въ одной общей комедіи, хотя довольно-грубой, но весьма-замѣчательной, особенно для актеровъ. Старый нотаріусъ острилъ; всѣ смѣялись, и почти всѣ въ одно и то же время думали о завѣтныхъ милліонахъ и богатой наслѣдницѣ.

Старый бочаръ хвастливо смотрѣлъ вокругъ себя, на свѣжую шляпку госпожи де-Грассенъ, на воинственную фигуру банкира, на Адольфа, президента, аббата и нотаріуса, и говорилъ про себя потихоньку:

— Всѣ вы сюда пришли подличать передъ моими милліонами. Скучаютъ и смѣются; подбираются къ дочери, а не видать никому моей дочери! Нутка, рвите съ удочки!

Эта странная радость, веселость, въ скучной, темной залѣ Грандé, этотъ смѣхъ, сопровождаемый гуденьемъ Нанетиной самопрялки, смѣхъ, искренній, неподдѣльный лишь на устахъ Евгеніи да ея матери; всѣ эти мелочи, связанныя съ огромнымъ интересомъ и замыслами, эта бѣдная дѣвочка, каждое мгновеніе обманутая ложнымъ любезничаньемъ и дружбою, все это оживляло сцену какимъ-то грустнымъ, пошлымъ комизмомъ. Комедія, какъ мы сказали, грубая, сюжетъ ея избитый. Грандé, главное лицо въ комедіи, обманывалъ всѣхъ своимъ простодушіемъ и терпѣлъ гостей своихъ только для личныхъ, постороннихъ видовъ. Казалось, онъ изображалъ въ собственномъ лицѣ своемъ мамона, божество, которому мы всѣ поклоняемся.

Искренность и добродушіе совокупились и нашли пріютъ въ сердцахъ трехъ персонажей этой комедіи. Нанета, Евгенія и госпожа Грандé были однѣ равнодушны, наивны и жалки. Какъ жалка, въ самомъ-дѣлѣ, была ихъ наивность! Евгенія и мать ея ровно ничего не знали о своемъ богатствѣ; онѣ не знали ничего въ дѣйствительной жизни, и судили по-наслышкѣ, ощупью, по-своему. Эти до-

брыя, чистыя души были занимательнымъ исключеніемъ здѣсь, посреди себялюбцовъ, сребролюбцевъ и эгоистовъ. Страшный жребій человѣческій! Кажется, нѣтъ ни одного блаженства у человѣка, не происходящаго отъ простоты и невѣдѣнія.

Госпожа Гранде выигрывала значительный кушъ, шестнадцать су, самый большой въ ихъ игрѣ. Нанета смѣялась отъ-радости, видя счастіе на сторонѣ госпожи своей. Вдругъ сильный, звонкій ударъ молотка раздался въ воротахъ дома. Женщины въ испугѣ вскочили со стульевъ.

— Ну, этотъ гость не изъ нашихъ Сомюрцевъ, замѣтилъ нотаріусъ.

— Да можно-ли этакъ стучать! закричала Нанета: да они тамъ дверь хотятъ выломать.

— Что за чортъ! сказалъ Гранде, вставая съ мѣста и уходя съ Нанетой, взявшей со стола свѣчку.

— Гранде! Гранде! закричала жена его и побѣжала удержать своего мужа. Всѣ переглянулись.

— Пойдемте всѣ, сказалъ де-Грассѣнъ. Какой странный стукъ! Къ добру-ли это?

Но де-Грассену удалось только замѣтить лицо незнакомца, молодаго человѣка, сопровождаемаго почтальйономъ, на рукахъ котораго были два огромные чемодана. Гранде быстро обернулся къ женѣ:

— Ступайте, садитесь за ваше лото, госпожа Гранде; я поговорю самъ съ господиномъ....

Старикъ захлопнулъ за собою дверь. Всѣ усѣлись на свои мѣста и видимое спокойствіе возстановилось.

— Это не изъ Сомюра? спросила госпожа де-Грассѣнъ своего мужа.

— Нѣтъ это пріѣзжій, и, если не ошибаюсь, изъ Парижа.

— И въ-самомъ-дѣлѣ сказалъ нотаріусъ, вынимая часы свои: девять часовъ. Парижскіе дилижансы никогда не опаздываютъ.

— Что это — молодой или старикъ, спросилъ аббатъ Крюшо де-Грассена.

— Да, молодой человѣкъ: у него столько чемодановъ.... вѣсятъ, по-крайней-мѣрѣ, 300 килограмовъ.

— Нанета не возвращается, замѣтила Евгенія.

— Это, вѣрно, кто-нибудь изъ вашихъ родственниковъ, сказалъ президентъ.

— Начнемте-же играть, господа, сказала госпожа Гранде: мой мужъ, кажется, очень недоволенъ; я узнала это по его голосу. Онъ разсердится, если узнаетъ, что мы говоримъ здѣсь про дѣла его.

— Сударыня, сказалъ Адольфъ Евгеніи: это, вѣрно, вашъ двоюродный братецъ, прекрасный молодой человѣкъ, котораго я видѣлъ на балѣ г-на Маршала Уд....

Но Адольфъ остановился, потому-что госпожа де-Грассёнъ сильно наступила ему на ногу; потомъ сказала ему на ухо:

— Ты такъ глупъ, Адольфъ! молчи, сдѣлай милость.

Въ это время вошолъ Гранде, но уже безъ Нанеты; слышно было, какъ почтальйонъ и Нанета тащатъ что-то вверхъ по лѣстницѣ. За Гранде слѣдовалъ незнакомецъ, возбудившій столько догадокъ, толковъ и общее удивленіе, такъ, что появленіе его можно было сравнить съ появленіемъ красиваго роскошнаго павлина на заднемъ дворѣ у какого-нибудь мужика.

— Сядьте возлѣ огня, сказалъ Гранде своему гостю.

Но прежде, чѣмъ послѣдовать приглашенію Гранде, молодой незнакомецъ ловко и благородно поклонился всѣмъ. Мужчины встали съ мѣстъ и отдали ему поклонъ его. Женщины не встали съ мѣстъ, но тоже поклонились ему.

— Вы, вѣрно, озябли, сударь, сказала госпожа Гранде: вы, вѣрно, пріѣхали...

— Ужъ пошли, пошли! вотъ каковы эти бабы, закричалъ бочаръ, переставъ читать письмо, которое онъ держалъ въ рукахъ: да оставь его въ покоѣ....

— Но, батюшка, можетъ-быть, имъ что-нибудь нужно, сказала Евгенія.

— У него есть языкъ, отвѣчалъ Гранде съ замѣтною досадою.

Только одинъ незнакомецъ былъ удивленъ такимъ пріемомъ. Остальные такъ привыкли къ деспотизму старика, что и теперь не обратили на него никакого вниманія.

Незнакомецъ сталъ возлѣ камина и началъ грѣться, поднимая къ огню свои ноги. Потомъ, обратясь къ Евгеніи, онъ сказалъ ей:

— Я благодаренъ вамъ, кузина; но не безпокойтесь, я отдыхалъ и обѣдалъ въ Турѣ; мнѣ ничего ненужно, я даже не усталъ, прибавилъ онъ, посматривая на своего дядюшку.

— Вы пріѣхали изъ Парижа? спросила г-жа де-Грассёнъ.

Шарль (такъ назывался сынъ Вильгельма Гранде, парижскаго), услышавъ вопросъ г-жи де-Грассёнъ, взялъ свой лорнетъ, приставилъ къ правому глазу, взглянулъ на столъ, поглядѣлъ, что на немъ было, взглянулъ на играющихъ, на г-жу де-Грассёнъ и наконецъ отвѣтилъ: Да, сударыня, изъ Парижа.

— Вы играете въ лото, тетушка, продолжалъ онъ: пожалуйста, играйте и не заботьтесь обо мнѣ....

— Ужъ я была увѣрена, что это двоюродный братецъ, думала г-жа де-Грассенъ, изрѣдка дѣлая глазки Шарлю.

— Сорокъ-восемь! закричалъ аббатъ. Г-жа де-Грассенъ, это вашъ нумеръ; замѣтьте его!

Де-Грассенъ положилъ жетонъ на карту жены своей, потому-что та объ лото уже не думала, а смотрѣла на Шарля и Евгенію. Предчувствіе ее мучило. По-временамъ Евгенія робко взглядывала на Шарля, и банкирша могла замѣтить въ ея взглядахъ возраставшее удивленіе и любопытство.

—

ГЛАВА II.

Парижскій кузенъ.

Шарль Гранде, красавчикъ, двадцати-двухъ лѣтъ, рѣзко отличался отъ группы окружавшихъ его провинціяловъ, негодовавшихъ на его надменные, аристократическіе пріемы, и старавшихся уловить въ немъ хоть что-нибудь смѣшное, чтобы посмѣяться въ свою очередь. Объяснимъ это.

Двадцать-два года не много, не далеко отъ дѣтства. Изъ ста юношей, двадцатилѣтнихъ, девяносто-девять, на мѣстѣ Шарля, вѣрно-бы вели себя также, какъ и онъ, т. е. выказались-бы изнѣженно-кокетливыми и занятыми собою. Нѣсколько дней назадъ отецъ объявилъ Шарлю о поѣздкѣ въ Сомюръ, къ старику брату, на нѣсколько мѣсяцевъ. Цѣлью поѣздки могла быть Евгенія. Шарль въ первый разъ ѣхалъ въ провинцію; ему хотѣлось блеснуть ловкостію, вкусомъ, модою, изумить Сомюръ роскошью, слѣлать эпоху въ жизни Сомюрцевъ, и, если можно, преобразовать ихъ, введя парижскую жизнь и привычки. Словомъ, рѣшено было одѣваться съ самою роскошною изысканностію моды и чистить ногти часомъ долѣе, чѣмъ въ Парижѣ, гдѣ часто молодой человѣкъ бросаетъ щегольство, отъ лѣни или безпечности, чѣмъ впрочемъ мало вредитъ себѣ.

Въ-слѣдствіе чего Шарль завелся самымъ щегольскимъ охотничьимъ платьемъ, самымъ щегольскимъ ружьемъ, самымъ кра-

сивымъ охотничьимъ ножомъ и самымъ изящнѣйшимъ ягдташемъ. Взялъ съ собой бездну самыхъ щегольскихъ и разнообразныхъ жилетовъ: сѣрыхъ, бѣлыхъ, чорныхъ, съ золотымъ отливомъ, двойныхъ, шалевыхъ, съ стоячими и откидными воротниками, застегивающихся сверху до-низу, съ золотыми пуговицами и проч. Съ нимъ были всевозможныхъ родовъ и видовъ галстухи и шейные платки; два фрака Штауба и самое тонкое бѣлье. Однимъ словомъ, онъ притащилъ съ собою всю сбрую отъявленнаго *денди*, не забывъ также восхитительную маленькую чернильницу, подаренную ему восхитительнѣйшей женщиной, знатной, блистательной дамой, которую онъ называлъ *Анетою*; эта знатная дама путешествовала теперь по Шотландіи, чтобы затушить своимъ отсутствіемъ кой-какія непріятности, подозрѣнія, безо всякаго сомнѣнія, самыя гнусныя и отвратительныя. Не позабылъ онъ также нѣсколькихъ тетрадокъ изящнѣйшей, раздушоной бумаги, для переписки съ Анетой, акуратно чрезъ каждые пятнадцать дней. Словомъ, Шарль набралъ съ собою всевозможныхъ важныхъ мелочей и необходимыхъ игрушекъ, начиная отъ хлыста, для начала дуэли, до превосходныхъ пистолетовъ, для окончанія ея. Такъ-какъ отецъ не отпустилъ съ нимъ слуги, то онъ пріѣхалъ въ почтовой каретѣ, нанятой для него одного; ему не хотѣлось портить въ дорогѣ своей прекрасной, почтовой кареты, заказанной для поѣздки въ Баденъ, гдѣ назначена была встрѣча съ Анетой, знатной, блистательной дамой, путешествовавшей, и проч., и проч.

Шарль думалъ застать, по-крайней-мѣрѣ, сто человѣкъ у своего дяди, зажить въ его замкѣ, обрыскать съ ружьемъ своимъ всѣ его поля и лѣса, и никакъ не ожидалъ застать все семейство въ Сомюрѣ, гдѣ онъ хотѣлъ остановиться для того только, чтобъ разспросить о дорогѣ въ Фруафондъ. Для перваго дебюта онъ одѣлся блистательно, восхитительно. Въ Турѣ, парикмахеръ разчесалъ его прекрасные, каштановые волосы; тамъ-же онъ перемѣнилъ бѣлье и надѣлъ чорный, атласный галстухъ, что съ выпущеннымъ воротникомъ рубашки, было ему очень къ-лицу. Щегольской, дорожный сюртукъ, полузастегнутый, стягивалъ его талію. Изъ-подъ сюртука выглядывалъ щегольской шалевый жилетъ; подъ шалевымъ жилетомъ былъ еще другой, бѣлый. Часы, небрежно брошенные въ карманъ, пристегивались коротенькимъ шолковымъ снуркомъ къ пуговицѣ сюртука. Сѣрые панталоны застегивались съ боковъ на пуговки. Въ рукахъ его была красивая трость съ золотымъ набалдашникомъ; жолтыя перчатки были свѣжія, блестящія; шляпа его была восхитительна. Только Парижанинъ, и притомъ самаго высокаго полета, могъ-бы не насмѣшить людей въ

такомъ нарядѣ; впрочемъ смѣхъ былъ-бы неудаченъ съ юношей, обладающимъ превосходными пистолетами, мѣткимъ взглядомъ и, въ-добавокъ, Анетой.

Теперь, ежели хотите понять почтительное удивленіе Сомюрцевъ и освѣтить воображеніемъ контрастъ блистательнаго денди, съ сухими, вялыми фигурами гостей въ темной, скучной залѣ Гранде, то взгляните на семейство Крюшо. Всѣ трое нюхали табакъ, и незамѣтно привыкли къ вѣчному табачному сору на мелкихъ складкахъ своихъ пожелтѣлыхъ манишекъ. Ихъ галстухи мялись и веревкой обвивались около шеи. Огромный запасъ бѣлья позволялъ имъ, ради хозяйственнаго разсчота, мыть его только два раза въ годъ, отчего бѣлье ихъ желтѣло, безъ употребленія, въ ящикахъ. Все въ нихъ было неловко, некстати, безцвѣтно; ихъ лица были вялы, сухи и изношены, также-какъ и ихъ фраки, на которыхъ было столько-же складокъ, какъ и на панталонахъ.

Костюмы остальныхъ гостей, неполные и несвѣжіе, какъ и всѣ вообще костюмы истыхъ провинціяловъ, отставшихъ отъ моды и скупящихся на новую пару перчатокъ, согласовались совершенно съ костюмами Крюшо; только въ одномъ этомъ и сходились вкусы и идеи обѣихъ партій — Крюшо и Грассенистовъ. Только-что пріѣзжій брался за лорнетъ, чтобъ разглядѣть странность комнатной мебели, или полюбоваться рисункамъ потолка и обоевъ, до того испачканныхъ мухами, что этихъ чорненькихъ, точкообразныхъ пятнушекъ достало-бы зачернить совершенно цѣлый листъ *Монитёра*, тотчасъ игроки въ лото поднимали носы и смотрѣли съ такимъ любопытствомъ на Шарля, какъ будто на жирафа. Де-Грассéнъ и сынъ его, видавшіе впрочемъ парижскихъ щеголей, раздѣляли общее изумленіе не менѣе каждаго изъ присутствующихъ или потому-что заразились имъ отъ другихъ, или потому-что сами поощряли его, бросая на гостя насмѣшливые взгляды, которые только что не проговаривали: «Знаемъ мы васъ, парижскіе молодчики!»

Впрочемъ всѣ могли насмотрѣться на гостя досыта, не боясь досадить хозяину своимъ любопытствомъ. Гранде унесъ свѣчу отъ своихъ гостей и углубился въ чтеніе длиннаго письма, не заботясь объ игрѣ, и оставивъ ихъ доигрывать партію почти въ потемкахъ.

Евгенія, невидавшая доселѣ ничего подобнаго Шарлю въ совершенствѣ красоты и щегольства, смотрѣла на него, какъ на существо воздушное, неземное. Она вдыхала въ себя съ наслажденіемъ ароматъ духовъ, умастившихъ прелестные кудрявые его волосы; ей

хотѣлось дотронуться до его прекрасныхъ перчатокъ; она завидовала его стройной маленькой ручкѣ, свѣжести и нѣжности лица. Для нея, бѣдной, невинной дѣвушки, всю жизнь свою провязавшей чулки и проштопавшей старое бѣлье, часто по цѣлымъ часамъ невидавшей въ окна своей комнаты болѣе одного прохожаго Сомюрца, для нея, видъ Шарля былъ источникомъ роскошнаго, невѣдомаго наслажденія. Это чувство походило на то впечатлѣніе, которое невольно родится въ васъ при взглядѣ на фантастическіе образы женщинъ въ англійскихъ «кипсекахъ», рисованные и гравированные такъ тонко и нѣжно, что при взглядѣ на нихъ, кажется, боишься слунуть съ бумаги эти волшебныя, очаровательныя изображенія.

Шарль вынулъ изъ кармана платокъ, вышитый для него прекрасной путешественницей по Шотландіи. Евгенія не хотѣла вѣрить глазамъ своимъ, что это обыкновенный платокъ, это совершенство, трудъ любви для любви.

Пріемы, жесты ея кузена, его дерзкій лорнетъ, презрительное невниманіе къ дорогому ящичку, только-что ей подаренному де-Грассѐнами, который такъ недавно еще ей нравился, и который казался ея кузену или безъ вкуса или безъ цѣны, все то наконецъ, что раздражало Крюшо и де-Грассѐновъ, все это ей такъ нравилось, что въ эту ночь и во снѣ образъ Шарля не покидалъ ее ни на минуту.

Нумера вынимались медленно, но скоро лото кончилось; вошла длинная Нанета.

— Пожалуйте бѣлья, сударыня; нужно постлать постель молодому барину.

Г-жа Гранде встала и пошла за Нанетой; тогда госпожа де-Грассѐнъ сказала всѣмъ по-тихоньку: «Спрячемъ-ка наши *су* и бросимъ это лото».

Каждый взялъ свои два су, положенные на ставку; потомъ всѣ встали и мало-по-малу приблизились къ огню. «Такъ вы кончили?» сказалъ Гранде, не отрываясь отъ письма.

— Кончили, кончили, отвѣчала Госпожа де-Грассѐнъ и подошла къ Шарлю. Евгенія вышла изъ залы, движимая одною изъ тѣхъ вдохновенныхъ мыслей, которыя раждаются только въ сердцѣ женщины, въ сердцѣ, впервые забившемся любовію. Она вышла пособить матери и Нанетѣ; но подъ этой хозяйственной заботливостію таилось другое чувство; она не могла устоять противъ непонятнаго искушенія, каприза — самой убрать комнату, назначенную Шарлю, поставить въ ней каждую вещь на свое мѣсто, доглядѣть, приглядѣть за всѣмъ, чтобъ сколько-нибудь лучше все

уладить и украсить. Она уже чувствовала въ себѣ и силу, и ловкость разгадать и понимать вкусъ и привычки своего кузена.

Въ-самомъ-дѣлѣ она явилась совершенно кстати и успѣла увѣрить Нанету и мать свою, что онъ объ еще ничего не сдѣлали и что нужно все передѣлать сызнова. Ей удалось присовѣтовать Нанетѣ нагрѣть постель жаровнею. Сама она вынула чистую скатерть и накрыла ею старый столъ, приказавъ Нанетѣ перемѣнять ее каждый день. Она доказала, что необходимо развесть въ каминѣ огонь и приказала натаскать дровъ въ корридоръ, потихоньку отъ отца. Отыскала гдѣ то въ шкафу красивый лаковый подносикъ, доставшійся имъ по наслѣдству отъ г-на Бертельера, чистый стаканъ и позолоченную ложечку, старый, разрисованный фарфоровый флаконъ, и съ торжествомъ поставила все это на каминѣ. Въ четверть часа въ головѣ ея народилось идей болѣе, нежели во всю ея жизнь.

— Маменька! сальныя свѣчи не годятся для Шарля: еслибы купить восковыхъ?

И легкая, какъ птичка, она вынула изъ кошелька свой экю, данный ей на мѣсячные расходы: «Поскорѣй, поскорѣе, Нанета, сказала она, всовывая ей деньги въ руки.

— А что скажетъ отецъ?

Эти ужасныя слова вырвались у госпожи Гранде, когда она увидѣла въ рукахъ своей дочери сахарницу изъ севрскаго фарфора, которую старикъ привезъ изъ Фруафондскаго замка.

— Да гдѣ ты достанешь сахару? Да ты позабыла....

— Маменька, Нанета купитъ и сахару.

— А отецъ?

— Да прилично-ли для насъ, что родной племянникъ въ домѣ своего дяди не найдетъ и стакана воды съ сахаромъ? Да папенька и не замѣтитъ.

— Онъ? не замѣтитъ? Да онъ видитъ все!

Нанета колебалась. Она знала характеръ своего господина.

Да ступай-же Нанета; вѣдь сегодня мое рожденіе! Нанета громко расхохоталась шуткѣ своей барышни, первой шуткѣ, услышанной отъ нея, и отправилась за покупками.

Въ-то время, когда Евгенія и г-жа Гранде хлопотали и отдѣлывали комнату Шарля, оставшагося въ залѣ съ гостями, госпожа де-Грассенъ повела на него атаку по всѣмъ правиламъ своей тактики, и начала съ любезностей.

— Вы слишкомъ-отважны, сказала она Шарлю: бросить удовольствія Парижа, зимою, во-время веселья и праздниковъ, и пріѣхать въ Сомюръ, — да это неслыханный подвигъ! Но мы постараемся

вознаградить васъ за все, и если васъ еще не напугали здѣсь, то увидите, что и къ Сомюру можно привыкнуть и, если хотите, даже весело провести здѣсь время.

И она подарила его взглядомъ, но взглядомъ коренной провинціялки. Въ провинціи женщины по-привычкѣ смотрятъ такъ осторожно, такъ благоразумно, что невольно заставляютъ подозрѣвать въ своемъ взглядѣ тайное желаніе, смѣшанное съ какою-то раздражительною завистью.

Шарль, послѣ своихъ разбитыхъ и разсѣявшихся мечтаній о великолѣпномъ замкѣ и о великолѣпномъ житьѣ-бытьѣ своего дядюшки, былъ такъ смущенъ, уничтоженъ, попавъ въ эту залу, въ этотъ кругъ людей, что по-неволѣ г-жа де-Грассѣнъ напомнила ему собою, хотя неясно, далекій, восхитительный образъ Парижанки. Онъ вѣжливо отвѣтилъ на вопросъ ея, весьма-похожій на приглашеніе; между нимъ и провинціялкой завязался разговоръ, и госпожа де-Грассѣнъ, мало по-малу, осторожно понизила голосъ. Имъ было о чомъ говорить въ эту минуту, имъ нужно было говорить, объясниться. Въ-слѣдствіе чего, послѣ нѣсколькихъ, бѣгло-обмѣненныхъ шутокъ и кокетливыхъ привѣтствій, ловкая провинціялка успѣла между-прочимъ кое-что шепнуть ему, не опасаясь быть подслушанной, за интереснымъ разговоромъ о винѣ: весь Сомюръ говорилъ тогда о винѣ. — Если вы хотите посѣтить насъ, сказала она Шарлю, то доставите большое удовольствіе мнѣ и моему мужу. Въ цѣломъ городѣ вы найдете только одинъ домъ, гдѣ встрѣтите вмѣстѣ и аристократію и высшее купечество: это у насъ; мы принадлежимъ къ срединѣ между двумя обществами, и мужъ мой, говорю это съ гордостію, умѣлъ пріобрѣсти уваженіе и той и другой стороны. Мы объ васъ постараемся. А что-бы съ вами сталось въ этомъ домѣ? Да здѣсь вы умрете со-скуки! Вашъ дядюшка старый хлопотунъ; у него на умѣ одна торговля, барыши, разсчоты. Тетушка ваша добрая женщина, богомолка, но съ нею вамъ будетъ не-очень весело. А Евгенія простенькая дѣвушка, безъ воспитанія и безъ приданаго; она до-сихъ-поръ только дѣлала, что штопала бѣлье своихъ стариковъ.

— Да это кладъ, подумалъ Шарль, смотря на госпожу де-Грассѣнъ : ну, кто-бы могъ предполагать?

— Мнѣ кажется, жена, ты хочешь завербовать къ намъ господина Шарля, сказалъ, смѣясь, толстый банкиръ.

Нотаріусъ и президентъ не упустили прибавить двухъ, трехъ жолчныхъ остротъ къ замѣчанію де-Грассѣна. Но аббатъ тотчасъ понялъ все дѣло. Вынувъ табакерку, и подчуя всѣхъ табакомъ, онъ сказалъ:

— Да гдѣ-же и пріютиться лучше молодому господину Грандѐ, какъ не въ салонѣ г-жи де-Грассéнъ?

— Что̀ вы хотите сказать, господинъ аббатъ? спросилъ де-Грассéнъ.

— Ничего болѣе, какъ то̀, что̀ скажетъ вамъ весь Сомюръ, милостивый государь: должная справедливость вамъ, вашему дому и госпожѣ де-Грассéнъ.

Аббатъ хоть и не подслушивалъ разговора госпожи де-Грассéнъ съ Шарлемъ, но угадалъ все.

— Не знаю, вы помните-ли обо мнѣ, сказалъ въ свою очередь Адольфъ Шарлю, стараясь быть сколь возможно развязнѣе: я имѣлъ удовольствіе быть вашимъ vis-à-vis на балѣ у господина маршала Удино̀.

— О какъ-же, милостивый государь, какъ-же, я припоминаю, сказалъ Шарль, удивленный общимъ къ себѣ вниманіемъ: это вашъ сынъ, сударыня? спросилъ онъ онъ госпожу де-Грассéнъ.

Аббатъ насмѣшливо взглянулъ на нее.

— Да, милостивый государь, отвѣчала она.

— Такъ вы были очень-молоды, когда были въ Парижѣ? спросилъ Шарль, опять обращаясь къ Адольфу.

— Да, что̀ дѣлать, отвѣчалъ за него аббатъ: мы ихъ отсылаемъ въ Вавилонъ, только-что они оперились.

Г-жа де-Грассéнъ внимательно поглядѣла на аббата.

— Только въ провинціи, продолжалъ аббатъ, вы встрѣтите *тридцатилѣтнихъ* женщинъ, такихъ свѣжихъ и молодыхъ, какъ напримѣръ, г-жа де-Грассéнъ, женщинъ, у которыхъ дѣти экзаменуются уже на степень доктора правъ. Я какъ-будто теперь вижу, сударыня, когда всѣ дамы и мужчины, бывало, толпились вокругъ васъ на балахъ, продолжалъ аббатъ, атакуя своего непріятеля. Для меня это какъ-будто вчера, сударыня.

— Старый чортъ! прошептала госпожа де-Грассéнъ: онъ какъ тутъ, — все угадалъ.

— Мнѣ кажется, что я сдѣлаю эпоху въ Сомюрѣ, подумалъ Шарль, разстегивая сюртукъ, заложивъ руку за пуговицу жилета и приня̀въ задумчивый видъ, чтобы скопировать лорда Байрона, на картинѣ Шантра.

Невниманіе старика Грандѐ къ гостямъ своимъ, или, лучше сказать, исключительное его вниманіе къ письму, не ускользнуло ни отъ нотаріуса, ни отъ президента. По измѣненіямъ лица старика, они въ свою очередь угадывали, разгадывали, читали съ нимъ вмѣстѣ это письмо. Старикъ съ трудомъ удерживался; всякой

пойметъ его усилія—казаться хладнокровнымъ, заглянувъ въ это ужасное письмо; вотъ его содержаніе:

«Вотъ уже скоро двадцать-три года, какъ мы не видались съ тобою, любезный братъ. Мы не видались съ самаго дня моей свадьбы, и помнишь, такъ весело, дружно разстались тогда. Разумѣется, я не могъ предвидѣть, что ты, любезный братъ мой, останешься одинъ подпорою семейства, когда-то счастливаго и богатаго. Когда ты будешь читать эти строки, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Я не могъ перенести моего позора, моего стыда, — банкрутства, любезный братъ мой. До послѣдней минуты я крѣпко держался на краю бездны, хватался за соломенку, чтобы спасти себя, но мнѣ все измѣнило! Банкрутства моего стряпчаго и нотаріуса отняли у меня всю надежду. Я въ отчаяніи; я долженъ три милліона, и не могу предложить кредиторамъ даже по восьми за сто. Вина мои подешевѣли отъ постояннаго въ нѣсколько лѣтъ урожая. Черезъ три дня весь Парижъ заговоритъ: «Гранде плутъ, обманщикъ!» А я, жертва слѣпой судьбы, безъ пятна на совѣсти, буду лежать въ опозоренной могилѣ моей. Я лишилъ моего сына честнаго имени и наслѣдства послѣ его матери, а онъ, бѣдное дитя мое, онъ еще ничего не знаетъ. Мы нѣжно простились съ нимъ; онъ не предугадывалъ, что мои объятія были благословеніемъ умирающаго отца его. Онъ проклянетъ своего отца. Братъ! братъ! проклятіе дѣтей нашихъ — ужаснѣе проклятія отцовскаго. Отецъ можетъ простить, снять свое проклятіе; проклятіе сына невозвратимо. Гранде! ты братъ мой, ты старшій братъ мой; будь моимъ благодѣтелемъ, спаси меня отъ сыновняго проклятія. Братъ! еслибы я могъ писать къ тебѣ моею кровію и слезами, мнѣ было-бы легче; я-бы плакалъ тогда, и горесть не щемила-бы моего сердца, не тяготила-бы души моей; но мнѣ горько; я стражду и нѣтъ слезъ утѣшительныхъ. Итакъ, ты будешь отцомъ Шарлю! У него нѣтъ родныхъ со стороны матери; ты знаешь отчего. О, для чего я разбилъ предразсудки свѣта, раздавивъ его мнѣніе — для любви! Зачѣмъ я женился на незаконной дочери вельможи! У него нѣтъ родныхъ! бѣдный, бѣдный Шарль! Послушай, Гранде: я не просилъ тебя о себѣ; къ тому-же у тебя, вѣрно, нѣтъ трехъ милліоновъ для моего спасенія. Но для сына, братъ! для сына моего, — я простираю къ тебѣ умоляющую руку мою Я ввѣряю тебѣ моего сына и спокойно беру пистолетъ; мой сынъ найдетъ въ тебѣ втораго отца. О, какъ онъ любилъ меня! Я былъ такъ добръ до него; я такъ нѣжилъ, баловалъ его... Нѣтъ! онъ не будетъ проклинать меня! Онъ такъ тихъ, ласковъ, нѣженъ; онъ весь въ свою мать; онъ будетъ любить тебя; онъ ничѣмъ не огорчитъ тебя. Бѣдное дитя! онъ жилъ въ довольствѣ, въ роскоши; онъ не знаетъ бѣдности, которую мы перетерпѣли нѣкогда вмѣстѣ съ тобою, любезный братъ мой... И теперь онъ одинъ, въ нищетѣ, разоренъ! Всѣ друзья его бросятъ... и я, я одинъ всему причиною! О, для чего онъ не умеръ прежде, для чего

онъ не тамъ, не вмѣстѣ съ своею матерью! Мечты! Онъ бѣденъ, опозоренъ, несчастливъ, нищій. Я посылаю его къ тебѣ, чтобъ ты приготовилъ его къ страшному извѣстію, съ отеческою нѣжностію. Будь отцомъ ему! будь добрымъ, великодушнымъ, нѣжнымъ отцомъ! Объяви ему несчастіе осторожно, тихо, не убивай его однимъ ударомъ. Я умоляю его на колѣнахъ не требовать имѣнія своей матери, не вмѣшиваться въ толпу своихъ кредиторовъ. Но я напрасно говорю объ этомъ; онъ честенъ, благороденъ; онъ почувствуетъ, что ему стыдно позорить отца своего. Уговори его, разскажи ему все, не скрывай отъ него горькой участи, ожидающей его въ будущемъ. Если онъ будетъ отчаяваться, проклинать меня, скажи, что ему остается еще одна надежда въ жизни—трудъ. Мы оба трудились, мы оба были богаты, и я тоже, я тоже былъ богатъ. Еще: если онъ захочетъ послѣдовать совѣту умирающаго отца своего, скажи ему, чтобы онъ оставилъ Францію, и ѣхалъ-бы въ Америку, въ Индію. Братъ! мой Шарль молодъ, но онъ честенъ, смѣлъ и рѣшителенъ; снабди его всѣмъ нужнымъ, дай ему денегъ; онъ отдастъ тебѣ все; онъ лучше умретъ, чѣмъ обманетъ тебя! Гранде, исполни мою просьбу, или совѣсть твоя возстанетъ на тебя! Боже! Если мой сынъ не найдетъ въ твоемъ домѣ ни состраданія, ни нѣжности, о! я буду вѣчно молить небо о мщеніи за твою жестокость!—Еслибы я могъ сберечь хоть сколько-нибудь денегъ, то я-бы въ правѣ былъ дать что-нибудь моему сыну, въ замѣнъ имѣнія его матери; но я долженъ былъ заплатить проценты въ прошломъ мѣсяцѣ; у меня ничего не осталось. Мнѣ-бы не хотѣлось умереть въ мучительномъ сомнѣніи о судьбѣ моего сына... о, еслибъ я могъ теперь услышать отвѣтъ твой! Я простился съ Шарлемъ, и въ то время, какъ онъ въ дорогѣ, тружусь надъ моими отчотами. Я хочу доказать, что мое несчастіе произошло не отъ вины моей, не отъ обмана. Не правда-ли, это тоже заниматься судьбою Шарля? Прощай, прощай, братъ мой! Да снизойдетъ на тебя благословеніе Божіе за великодушную дружбу твою къ моему семейству; о! я не сомнѣваюсь въ ней! Тамъ, въ лучшемъ свѣтѣ, жаркая, теплая молитва, молитва брата, будетъ вѣчно изливаться за тебя предъ престоломъ Всевышняго.

Викторъ-Анжъ-Вильгельмъ Гранде.

— А о чомъ вы тамъ толкуете? спросилъ Гранде, сложивъ письмо и спрятавъ его въ карманъ. Потомъ онъ бросилъ на своего племянника тихій, боязливый взглядъ, стараясь скрыть свое волненіе и свои разсчоты.

— Обогрѣлся-ли ты?

— Мнѣ тепло, дядюшка!

— Ну, а гдѣ-же наша хозяйка и моя именинница! закричалъ скупой, забывъ, что обѣ пошли хлопотать объ устройствѣ племянника въ домѣ. Евгенія и госпожа Гранде вошли въ эту минуту.

— Ну, что̀, тамъ все готово? спросилъ добрякъ, мало-по-малу приходя въ себя.

— Да, батюшка.

— Ну, племянникъ, ты чай усталъ съ дороги, такъ вотъ Нанета покажетъ тебѣ твою комнату... ну! комната такая, что не по васъ, мои красавчики. Да что̀-же дѣлать? Не осуждать-же бѣдняковъ; у меня, другъ мой, нѣтъ ничего, а налоговъ много; платить тяжело...

— Прощайте, Гранлѐ; мы теперь вамъ въ тягость; вамъ, вѣрно, нужно потолковать съ племянникомъ вашимъ; прощайте, — добрый вечеръ!

— До завтра, сказалъ банкиръ.

Всѣ встали и начали откланиваться. Старый нотаріусъ зажогъ свой дорожный фонарь, и предложилъ де-Грассѐнамъ проводить ихъ, потому-что ихъ слуга еще не пришолъ за ними, не предвидя несвоевременнаго окончанія вечера.

— Угодно вамъ сдѣлать мнѣ честь дать мнѣ вашу руку, сударыня? сказалъ аббатъ г-жѣ де- Грассѐнъ.

— Но здѣсь мой сынъ, отвѣчала она сухо.

— Со мною неопасно, возразилъ аббатъ.

— Поди-же съ господиномъ Крюшо̀, сказалъ самъ банкиръ женѣ своей.

Аббатъ ловко подалъ руку г-жѣ де-Грассѐнъ и увелъ ее впередъ всей толпы.

— Мальчикъ ловокъ и недуренъ собой, сказалъ аббатъ, сжимая руку своей дамы : теперь загадка разрѣшилась; проститесь съ своими надеждами: у Евгеніи есть женихъ, и если этотъ молодецъ еще не влюбленъ въ какую-нибудь Парижанку, то вашъ Адольфъ встрѣтитъ въ немъ страшнаго соперника.

— И, полноте, господинъ аббатъ : развѣ у Шарля нѣтъ глазъ? Будьте увѣрены, что онъ замѣтитъ, что Евгенія — дѣвушка простенькая, да и некрасива. Вы видѣли, сегодня она была желта, какъ воскъ.

— Кажется, вы уже сообщили объ этомъ господину Шарлю.

— Отчего-же и не такъ?

— Я вамъ облегчу весь трудъ прекраснымъ совѣтомъ, сударыня: становитесь всегда подлѣ Евгеніи, и дѣло кончится въ вашу пользу; результатъ сравненія очевиденъ.

— Вы еще не знаете: онъ обѣщался послѣ завтра у насъ обѣдать.

— Ага!... Ахъ, еслибъ вы захотѣли, сударыня... проговорилъ аббатъ.

— Чего это, господинъ аббатъ? Что это вы мнѣ совѣтуете? Слава Богу! я не для того тридцать-девять лѣтъ дорожила моимъ добрымъ именемъ, чтобы очернить его на сороковомъ... я понимаю васъ, господинъ аббатъ, намъ пора понимать другъ-друга.... фи! и вы, аббатъ, вы мнѣ это совѣтуете? Да это достойно *Фоблаза*, сударь...

— Такъ вы читали «Фоблаза», сказалъ аббатъ сладкимъ голосомъ...

— Ахъ!... я ошиблась, господинъ аббатъ: я хотѣла сказать *Опасныя связи*.

— Ну, вотъ это дѣло другое! Въ этой книгѣ гораздо-болѣе нравственности, сказалъ аббатъ, засмѣявшись: но напрасно вы толкуете слова мои въ другую сторону; я хотѣлъ только сказать...

— Вы еще осмѣливаетесь запираться! да не ясно-ли это? Если-бы Шарль захотѣлъ поволочиться за мною, то по-неволѣ забылъ-бы о Евгеніи. Я знаю, что въ Парижѣ найдутся матери, которыя рѣшатся на такія невинныя хитрости — для счастія дѣтей своихъ, господинъ аббатъ; но мы не въ Парижѣ.

— Да, сударыня, мы не въ Парижѣ.

— Да я-бы ста милліоновъ не взяла, еслибы въ-замѣнъ потребовали подобной материнской нѣжности.

— Замѣтьте, сударыня, что я не говорилъ о милліонахъ; можетъ-быть, это было-бы свыше силъ нашихъ. Я хотѣлъ только сказать, что благородная и прелестная женщина, съ такими прекрасными правилами, какъ вы, сударыня, могли-бы позволить себѣ немножко самаго невиннаго кокетства, чтобъ...

— Вы полагаете, господинъ аббатъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, сударыня. Развѣ не обязанность наша, какъ членовъ общества, нравиться другъ другу? Но позвольте мнѣ достать мой платокъ. — Я увѣряю васъ сударыня, что лорнетъ молодаго человѣка обращался на васъ немного чаще, чѣмъ на меня; но я прощаю ему, что онъ предпочитаетъ красоту старости.

— Ясно, кричалъ позади ихъ президентъ, что парижскій Гранде прислалъ въ Сомюръ своего сына рѣшительно изъ видовъ на Евгенію.

— Но, позвольте, возражалъ нотаріусъ: тогда-бы его пріѣздъ былъ извѣстенъ; его-бы ожидали у Гранде.

— Это еще ничего не доказываетъ, говорилъ де-Грассенъ: старикъ нашъ скрытенъ.

— Де-Грассенъ! Я пригласила племянника къ намъ обѣдать послѣ-завтра. — Попроси-ка тоже Ларсоніеровъ и де-Готуа съ ихъ

хорошенькой дочкой.—Какъ-бы ее получше одѣть? мать рядитъ ее какъ дуру изъ ревности. — Я надѣюсь, господа, что вы тоже намъ сдѣлаете честь своимъ посѣщеніемъ, прибавила она, обращаясь къ Крюшо.

— Вотъ мы уже и пришли, сказалъ нотаріусъ. Поклонившись троимъ де-Грассенамъ, трое Крюшо отправились домой. — Всѣ они были заняты страннымъ оборотомъ своихъ дѣлъ съ де-Грассенами. — Разсудокъ и разсчотъ заставили ихъ низойти до союза съ прежними врагами своими. — Нужно было всѣми силами предупредить и отвратить любовь Евгеніи къ Шарлю. — Но, можетъ-быть, молодой человѣкъ готовъ устоять противъ всего, противъ сладенькой клеветы, льстиваго злословія, наивныхъ откровенностей, словомъ, противъ всѣхъ невинныхъ средствъ и способовъ, которыми готовились атаковать его, окружить, запутать, облѣпить, какъ въ ульѣ пчелы облѣпляютъ воскомъ несчастную букашку, залетѣвшую невзначай въ ихъ пчелиное царство..

— Пора спать, племянничекъ, сказалъ Гранде, по уходѣ гостей своихъ; о дѣлахъ до завтра, а теперь уже поздно; завтра я скажу тебѣ, для чего сюда прислалъ тебя отецъ твой. — Завтракаемъ мы въ восемь часовъ; въ полдень тоже перекусимъ что-нибудь... немножко, почти ничего, — яблочко, хлѣбца, такъ.. самую крошечку; стаканъ вина; потомъ обѣдаемъ въ пять часовъ, по-парижски. Вотъ и весь порядокъ дня. — Захочешь погулять по городу, въ окрестностяхъ, никто не помѣшаетъ тебѣ; но меня ужъ извини; водить тебя не буду; у меня дѣлъ куча. — Ты, можетъ-быть, услышишь про меня сплетни, тебѣ наговорятъ, что я милліонеръ, богачъ... да ты не вѣрь имъ,— вздоръ! Пусть ихъ говорятъ тамъ; мнѣ хуже не будетъ. —У меня нѣтъ ничего; я бѣднякъ, нищій; работаю, какъ быкъ, какъ послѣдній батракъ, сколачивая деньгу на пропитаніе. — Ты, можетъ-быть, самъ скоро узнаешь, какъ дороги денежки.—Ну-ка, Нанета, дай свѣчку!

— Надѣюсь, милый Шарль, что вы будете всѣмъ довольны; но если что-нибудь нужно вамъ будетъ, такъ кликните Нанету.

— О! я никого не обезпокою, тётушка; со мною весь мой багажъ. — Позвольте-же вамъ пожелать доброй ночи.... вамъ тоже, кузина.

Шарль взялъ изъ рукъ Нанеты восковую свѣчку, желтую, залежалую въ лавкѣ, до того похожую на сальную, что даже самъ Гранде, которому впрочемъ никогда и въ голову не приходили восковыя свѣчи, не замѣтилъ въ домѣ у себя такого великолѣпія.

— Пойдемте-же, я покажу дорогу, сказалъ старый чудакъ.

Вмѣсто-того, чтобы выдти чрезъ главную дверь, Гранде по-

шолъ чрезъ корридоръ, отдѣлявшій кухню отъ залы. — Со двора корридоръ защищенъ былъ дверью, съ вдѣланнымъ въ нее овальнымъ стекломъ.—Но зимою въ немъ было холодно, какъ на дворѣ; холодъ проницалъ даже въ залу, гдѣ едва-едва было тепло.

Нанета задвинула всѣ задвижки на воротахъ и спустила съ цѣпи страшную собаку. — Дикое животное, потерявшее свой лай, только и слушалось одной Нанеты.

Когда Шарль прошолъ по лѣстницѣ, дрожавшей подъ тяжолой походкой его дяди, и взглянулъ на пожелтѣвшія, закоптѣлыя стѣны, къ которымъ примыкала лѣстница, то подумалъ, что попалъ въ курятникъ. — Въ удивленіи, въ изумленіи, онъ взглянулъ на тётку и на кузину, но тѣ, не понимая его, отвѣчали ему дружескою, простодушною улыбкою; Шарль былъ въ отчаяніи.

— Да зачѣмъ-же это прислалъ меня батюшка къ такимъ чудакамъ?

Когда дошли до первой площадки лѣстницы, Шарль увидѣлъ передъ собою три двери; онѣ были выкрашены красною краскою, и поражали взоръ унылымъ, грубымъ видомъ своимъ на пыльной, измаранной стѣнѣ. Всѣ три двери были безъ наличниковъ, а скобки около замка фальшивыя, странной фигуры и рисованныя подъ цвѣтъ желѣза. — Съ перваго взгляда можно было удостовѣриться, что та изъ трехъ дверей, которая была прямо надъ лѣстницей, и которая вела въ комнату, расположенную надъ кухней, была замурована; ходъ въ нее былъ изъ комнаты старика Гранде. — Эта таинственная комната была кабинетомъ стараго скряги; свѣтъ проходилъ въ нее сквозь единственное окно, выходившее на дворъ и и задѣланное толстою желѣзною рѣшоткою. — Никто, не исключая и г-жи Гранде, не смѣлъ входить въ кабинетъ старика. Скряга любилъ уединеніе, какъ алхимикъ любитъ его, подлѣ своего очага. Здѣсь-то, вѣроятно, была запрятана завѣтная кубышка, сохранялись бумаги и документы, висѣли вѣски, на которыхъ Гранде взвѣшивалъ свои червонцы; тутъ-то повершались всѣ дѣла и начинанія его, сводились счоты, итоги, писались квитанціи, векселя; и не диво, что люди, видя, что у Гранде всегда все готово, всегда все поспѣваетъ къ сроку, и не замѣчая наконецъ, когда и гдѣ онъ работаетъ, приписывали это какому-то колдовству, чародѣйству.— Здѣсь, когда ночью Нанета храпѣла уже такъ, что дрожали стѣны, когда собака бродила по двору, а жена и дочь скряги спали крѣпкимъ сномъ, старикъ раскрывалъ свою кубышку, пересчитывалъ свое золото, глядѣлъ на него жадно, по цѣлымъ часамъ, взвѣшивалъ его на вѣсахъ, на рукахъ своихъ, цѣловалъ свое сокровище съ любовью, съ наслажденіемъ,.. стѣны крѣпки, ставни

задвинуты, ключъ у него.— Старикъ, въ тишинѣ своего уединенія, не ограничивался настоящимъ, загадывалъ въ будущность, манилъ грядущія денежки, и разсчитывалъ барыши за плоды еще нородившіеся и неубранные. — Входъ въ комнату Евгеніи былъ напротивъ замурованной двери. — Далѣе была дверь въ спальню обоихъ супруговъ. — У госпожи Грандѐ была тоже своя комната, сообщавшаяся съ комнатою Евгеніи стекляною дверью. — Кабинетъ старика отдѣлялся отъ женниной комнаты перегородкой, а отъ таинственной комнатки его толстою стѣною.

Скряга отвелъ Шарлю покой во второмъ этажѣ, прямо надъ своею спальней, чтобы слышать все, если вздумается племяннику встать, ходить, шевелиться.

Когда Евгенія и мать ея пришли, каждая къ двери своей комнаты, то простились на ночь, поцѣловавшись другъ съ другомъ. Потомъ, сказавъ нѣсколько привѣтствій Шарлю, холодныхъ въ устахъ, но пламенныхъ въ сердцѣ Евгеніи, онѣ разошлись по своимъ спальнямъ.

— Ну, вотъ и твоя норка, сказалъ Грандѐ племяннику, отворяя ему дверь. —Если тебѣ будетъ нужно выдти, позови Нанету, а безъ нея собака разорветъ тебя по-поламъ.— Ну прощай-же; спи хорошенько.—А! что̀ это! да здѣсь развели огонь!

Въ эту минуту явилась Нанета съ нагрѣвалкою.

— Ну! такъ и есть! закричалъ Грандѐ.—Да что̀ съ тобою, мать моя? развѣ племянникъ мой баба? Убирайся ты съ своими глупостями!

—Да постель холодна сударь, а молодой баринъ нѣженъ, какъ красная дѣвушка.

— Ну такъ кончай-же скорѣй! закричалъ скряга: да смотри не запали дома.

Скряга сошолъ съ лѣстницы, ворча сквозь зубы, а Шарль остался, какъ вкопаный, посреди своей комнаты. — Взоръ его блуждалъ въ изумленіи по стѣнамъ мансарды, обитымъ желтой бумагой съ цвѣточками, которою обыкновенно оклеиваютъ кабаки.— Безобразный каминъ, испещренный неумѣстными прикрасами и некрашенный, повергалъ въ отчаяніе Шарля.— Лаковые, желтенькіе стульчики казались въ весьма-плохомъ состояніи. — Раскрытый, огромный столъ, топорной работы, занималъ половину всей комнаты; узенькій коверъ, съ какими-то цвѣточками, былъ весь въ дырахъ и изъѣденъ мышами.

— Шарль пресерьезно взглянулъ на длинную Нанету.

— Послушай, душенька, да полно такъ-ли? Неужели я у госпо-

дина Гранде, бывшаго сомюрскаго мера, у брата г-на Гранде, парижскаго негоціанта?

— Какъ-же, сударь, — у добраго привѣтливаго, милостиваго барина. Развязать вашъ чемоданъ сударь?

— Разумѣется, старый мой гренадеръ! Ты, кажется, служила въ гвардейскомъ морскомъ экипажѣ?

— Ха, ха, ха, ха! въ гвардейскомъ морскомъ экипажѣ! Ха, ха! ха! что̀ это? Гвардейской морской....

— Вотъ ключъ: вынь-ка изъ чемодана мой шлафрокъ.

Нанета была внѣ себя отъ изумленія, видя богатый, шолковый шлафрокъ, съ золотымъ рисункомъ по зеленому полю.

— Вы это надѣнете на ночь, сударь?

— Надѣну, душа моя.

— О, да какой вы хорошенькой въ вашемъ шлафрокѣ; постойтека я позову барышню; пусть она посмотритъ на васъ...

— Замолчишь-ли ты Нанета, длинная Нанета! Ступай, я лягу теперь спать; всѣ дѣла до завтра; если мой шлафрокъ тебѣ такъ понравился, то когда я уѣду, шлафрокъ... мой... оставлю тебѣ...

Нанета остолбенѣла.

— Какъ! вы мнѣ дарите такую драгоцѣнность!... бѣдняжечка, да онъ ужъ бредитъ: прощайте сударь!

— Прощай, Нанета...

Шарль засыпалъ.

— Батюшка не пустилъ-бы меня сюда безо всякой цѣли, думалъ онъ: но о дѣлахъ важныхъ надобно думать по-утру, сказалъ непомню какой-то мудрецъ греческій.

— Святая Дѣва! какой мой братецъ хорошенькой, шептала Евгенія, прерывая свою молитву, которую она въ этотъ вечеръ позабыла окончить.

Г-жа Гранде, засыпая, ни о чомъ не думала. Она слышала, какъ скряга скрипѣлъ, прохаживаясь по своей комнатѣ. Робкая, слабая женщина изучила характеръ своего властителя и какъ ласточка предузнавала грозу, по ей одной знакомымъ признакамъ, и тогда, по собственному ея выраженію, она притворялась мертвою.

Старикъ Гранде ворчалъ, похаживая по своей комнатѣ: «Оставилъ-же мнѣ наслѣдство почтеннѣйшій мой братецъ; нашолъ кому! Да что̀ мнѣ дать этому молодчику? что̀ у меня есть про его честь? Да я ему и двадцати экю не дамъ, а что ему двадцать экю? Красавчикъ посмотрѣлъ на мой барометръ такъ, что я, право, подумалъ, что онъ хочетъ порастопить имъ каминъ немного». Словомъ, раздумывая и ломая голову надъ завѣщаніемъ брата, старикъ без-

покоился и тосковалъ болѣе, чѣмъ несчастный самоубійца, когда писалъ его.

— Такъ у меня будетъ золотое платье! шептала, засыпая, Нанета. Ей снилось, что она уже надѣла это платье, золотое, съ цвѣтами, съ драгоцѣнными каменьями. Первый разъ въ жизни она мечтала о щегольствѣ и нарядахъ, какъ и Евгенія въ первый разъ мечтала о любви.

—

ГЛАВА III.

Любовь въ провинціи.

Есть прекрасный часъ въ тихой, безмятежной жизни дѣвушки, часъ тайныхъ, несказанныхъ наслажденій, часъ, въ который солнце свѣтитъ для нея ярче на небѣ, когда полевой цвѣтокъ краше и благоуханнѣе, когда сердце, какъ птичка, трепещетъ въ волнующейся груди ея, умъ горитъ, и мысли расплавляются въ тайное, томительное желаніе. Этотъ часъ есть часъ неопредѣленной грусти любви, неопредѣленныхъ, но сладостныхъ мечтаній любви. Когда дитя, впервые проглянетъ на свѣтъ божій, оно улыбается; когда дѣвушка услышитъ первый ударъ своего влюбленнаго сердца, она улыбнется, какъ дитя. И какъ свѣтъ божій, первый привѣтствуетъ сладкимъ, теплымъ лучомъ пришествіе въ міръ человѣка, такъ и любовь торжественно привѣтствуетъ сердце человѣческое, когда оно впервые забьется чувствомъ и страстію. Такой часъ насталъ для Евгеніи.

Какъ ранняя птичка, она проснулась съ зарею и помолилась. Потомъ начала свой туалетъ — занятіе, отнынѣ для нея важное, получившее свой особенный смыслъ. Она разобрала свои длинные каштановые волосы, заплела свои косы надъ головою, бережно, не давая кудрямъ разсыпаться и вырываться изъ рукъ, и гармонически соединила въ прическѣ своей простоту и наивность съ красотою и искусствомъ. Умывая свои полныя, нѣжныя руки чистою, ключевою водою, она невольно вспомнила стройную ручку своего

кузена, и невольно подумала: отчего она такъ нѣжна, бѣла, такъ стройна и красива? Она выбрала чулки, какъ можно бѣлѣе, башмаки, какъ можно красивѣе и новѣе, зашнуровалась и съ радостію надѣла чистое, свѣжее платьице, выбравъ его, какъ можно болѣе къ-лицу. Какъ только она кончила одѣваться, пробили городскіе часы; какъ удивилась Евгенія, насчитавъ только семь! Желая получше олѣться и имѣть на то побольше времени, она встала раньше обыкновеннаго. Непосвященная въ тайны кокетства, не зная искусства десять разъ завить и развить свой локонъ, выбирая прическу болѣе къ-лицу, Евгенія, отъ-нѣчего-дѣлать, сложила свои руки и сѣла подлѣ окна; видъ былъ небогатый, незатѣйливый: дворъ, узкій, тѣсный садъ и надъ нимъ высокія террасы городскаго вала — все было весьма-обыкновенно, но нелишено оригинальной, дѣвственной красоты, свойственной пустыннымъ мѣстамъ и невоздѣланной природѣ.

Возлѣ самой кухни находился колодезь, обнесенный срубомъ, съ бадьею на блокѣ, въ желѣзной обоймицѣ, укрѣпленной на деревянномъ шестѣ. Около этого шеста обвивалась виноградная лоза, съ завядшими, изжелта-красными листьями; вѣтви и отпрыски спускались внизъ, обвивали почернѣвшій срубъ, бѣжали далѣе, по фасаду зданія, и оканчивались у деревяннаго сарая, въ которомъ дрова были разложены съ такою-же симметрическою точностію, какъ книги въ кабинетѣ любаго библіофила. Мостовая двора, разбитая ѣздою, почернѣвшая, свидѣтельствовала о времени густыми клочьями моха и дикихъ травъ, пробившихся между каменьями. Толстыя, полуразрушенныя стѣны были увиты игривымъ плющомъ. Наконецъ, въ углубленіи дворика, возвышались восемь ступеней, которыя вели къ калиткѣ садика; онѣ были неровны, разбиты временемъ и почти совершенно скрывались подъ дикими кустами травы, живописно выбивавшейся изъ разселинъ треснувшаго камня; издали цѣлое походило на могилу какого-нибудь крестоносца-рыцаря, насыпанную неутѣшною вдовою его. Надъ громадою этихъ камней возвышалась полусгнившая, полуразвалившаяся деревянная рѣшотка садика, живописно-оплетѣнная мѣстами игривою лозою. Съ обѣихъ сторонъ садовой калитки двѣ яблони простирали одна къ другой свои кривыя, коростовыя вѣтви. Въ садикѣ, три параллельныя, усыпанныя пескомъ дорожки, обрѣзывали куртины, обведенныя плющовою изгородью. Въ углубленіи садика старыя липы, сплетшись вѣтвями, образовали бесѣдку. На лѣвой сторонѣ были парники; на правой, возлѣ самаго дома, стоялъ огромный орѣшникъ, раскидистыя вѣтви котораго сыпались въ безпорядкѣ на крышу... Свѣтлые, осенніе лучи солнца, заблистали на

небѣ, на землѣ, вездѣ, и мало-по-малу разогнали туманъ, темный грунтъ ночи, облекавшей еще стѣны, деревья, садъ...

И во всей природѣ, во всемъ, что окружало Евгенію, и что казалось ей такъ обыкновеннымъ, находила она теперь какую-то необъяснимую, новую прелесть, новое наслажденіе. Тысячи неясныхъ ощущеній пробудились въ душѣ ея, росли въ ней, наполняли ее, по-мѣрѣ-того, какъ лучи солнца наполняли вселенную. Какое то неясное, неизъяснимое удовольствіе заиграло въ сердцѣ ея. Ея сердце глубоко и сильно сочувствовало всему окружавшему, и мысли дѣвушки гармонически строились подъ ладъ всей природы.

Когда солнце дошло до стѣны, увѣнчанной дикими цвѣтами, и облило ее моремъ яркаго свѣта, тогда небесный лучъ надежды проникъ въ душу Евгеніи. И она полюбила съ-тѣхъ-поръ эти поблекшіе цвѣты, эти синіе колокольчики и увядшую зелень, эту часть стѣны, все наконецъ, что носило воспоминаніе, отпечатокъ настоящихъ минутъ ея жизни. Шумъ листьевъ, тихій, неясный шелестъ ихъ паденія, все отвѣчало на вопросы Евгеніи, все разрѣшало ихъ, и она готова была цѣлый день просидѣть у окна своего, не замѣчая времени.

Но вдругъ тревожныя мгновенія настали для души ея. Евгенія встала, подошла къ зеркалу, взглянулись въ него, и, какъ художникъ, боясь за свое произведеніе, безсознательно хулитъ и порицаетъ его, такъ и Евгенія невольно сказала про себя:

— Я дурна, я не понравлюсь ему.

Мысль робкая, носящая въ себѣ зародышь глубокихъ, страшныхъ мученій.

Бѣдная дѣвушка была къ себѣ несправедлива, но скромность и боязнь за себя—первая добродѣтель любви. Евгенія была типомъ, идеаломъ красоты народной. Но если она и походила на Венеру Милонскую, то свѣжесть, чистота и блескъ красоты духовной, разливали тайную прелесть на лицѣ ея, прелесть, незнакомую съ рѣзцомъ древнихъ художниковъ. Голова Евгеніи была большая, лобъ мужественной красоты, лобъ Фидіасова Юпитера, глаза сѣрые, съ дѣвственнымъ, сіяющимъ блескомъ. Черты круглаго лица ея, нѣкогда розоваго, свѣжаго, были чуть-чуть засажены оспою, почти неоставившею слѣдовъ, но уничтожившею атласность кожи, впрочемъ и теперь столь нѣжной и свѣжей, что поцѣлуй госпожи Грандé обыкновенно оставлялъ розовое пятно на щекахъ ея возлюбленной дочери. Носъ ея былъ немного великъ, но гармонировалъ съ пурпурными устами, обѣщавшими страстную негу любви и наслажденія. Шея была стройна, округлена превосходно. Грудь,

станъ манили взглядъ и навѣвали мечты наслажденія. Ей не доставало грціозности искусства, но дѣвственная легкость стана ея имѣла особую прелесть. Конечно свѣтъ не призналъ-бы Евгенію красавицею, но мощная, величественная красота ея была-бы достойно оцѣнена художникомъ. Если онъ ищетъ на землѣ небеснаго сіянія Мадонны, если онъ ищетъ тѣхъ величественно-скромныхъ очей, которыя постигъ Рафаэль, тѣхъ свѣтлыхъ, дѣвственныхъ контуровъ, которые сохраняются лишь въ дѣвственномъ огнѣ цѣломудрія тѣла и мысли, если художникъ влюбленъ въ этотъ, почти несбыточный идеалъ свой, то жадный взоръ его умѣлъ-бы открыть въ чертахъ лица Евгеніи многое, что осуществило-бы завѣтныя мечты его. Тайное, величественное благородство было запечатлѣно на этомъ дѣвственномъ ликѣ. Подъ холоднымъ взглядомъ пламенный художникъ угадалъ-бы цѣлый міръ любви; въ разрѣзѣ глазъ, въ привычномъ движеніи рѣсницъ, онъ нашолъ-бы прелесть неуловимую. Эти черты, блистающія свѣжестію, на которыя еще не дохнуло пресыщеніе тлетворнымъ дыханіемъ своимъ, эти черты были ясны и свѣтлы, какъ тихій край горизонта, окаймляющій вдали зеркальную поверхность необозримаго озера. Эти черты, безмятежныя, облитыя райскомъ свѣтомъ, покоили взоръ вашъ, утишали въ сердцѣ вашемъ неистовые порывы желанія, и смиряли душу.

Евгенія была еще только на берегу шумнаго океана жизни; еще жизнь не согнала съ сердца ея впечатлѣній дѣтства. Невинная дѣвушка еще съ дѣтскою радостію срывала полевую маргаритку, съ радостію, незнакомою людямъ, среди бурей жизненныхъ. Не понимая любви, она повторяла: я нехороша, онъ и не замѣтитъ меня. Тихонько отворила она дверь, выходившую на лѣстницу, и стала прислушиваться къ домашнему шуму.

— Онъ еще не встаетъ, сказала она, услышавъ одинъ лишь кашель пробудившейся Нанеты. Добрая служанка уже ходила, хлопотала, мела комнаты, топила печку, не забывъ между прочимъ привязать на цѣпь собаку.

Евгенія выбѣжала на дворъ. Нанета доила въ это время корову.

— Нанеточка, душенька, сдѣлай сливокъ для кофе, на завтракъ братцу.

Нанета захохотала во все горло.

— Объ этомъ нужно было-бы сказать еще вчера, сударыня. Да развѣ самой можно дѣлать сливки? онѣ сами дѣлаются. А знаете ли, сударыня, какой хорошенькой вашъ братецъ? Ну ужъ такой хорошенькой, такой хорошенькой! Какое у него есть золотое платье!

вы не видали его въ золотомъ платьѣ? Я видѣла; а бѣлье-то онъ носитъ такое-же тонкое, какъ на стихарѣ у нашего пастора.

— Такъ сдѣлай намъ сладкихъ ватрушекъ, Нанета.

— А вы дадите дровъ, да муки, да масла? (Нанета, въ качествѣ перваго министра старика Гранде, любила иногда повеличаться важностію своего сана передъ Евгеніею и ея матерью).—Не украсть-же мнѣ *у него*, чтобъ угодить вашему братцу? Нутка, спросите-ка у него сами дровъ, да муки, да масла; а? вы къ нему поближе меня, вы дочь родная... Ну, да вотъ и онъ самъ, легокъ на-поминѣ... подите-ка, ступайте-ка къ нему!..

Но Евгенія уже успѣла спрятаться въ садъ, заслышавъ походку своего отца.—Она уже ощущала то странное чувство, которое невольно нагоняетъ краску на лицо наше, ту мысль, которая мучитъ насъ увѣренностію, что вотъ всякій такъ и узнаетъ сейчасъ всю нашу тайну, такъ и отгадаетъ всѣ наши мысли съ перваго взгляда.— Замѣтивъ въ первый разъ скупость и бѣдность въ родительскомъ домѣ, Евгенія стала досадовать на роскошь своего кузена.—Ей непремѣнно хотѣлось что-нибудь сдѣлать самой, чтобы быть въ силахъ потягаться съ своимъ кузеномъ въ роскоши; что-нибудь изобрѣсть наконецъ, чтобы угодить Шарлю; но что̀ именно, она и сама не знала. — Простая, наивная, она не берегла сердца отъ впечатлѣній новаго, невѣдомаго ей чувства. — Образъ Шарля взволновалъ въ ея невинномъ сердцѣ всю страсть, доселѣ скрывавшуюся въ немъ, всѣ чувства, всѣ желанія женщины, и тѣмъ-болѣе, что въ 23 года мысли ея были ясны и желанія небезсознательны.—Первый разъ въ жизни она испугалась своего отца, поняла въ немъ властелина сульбы своей, и въ душѣ признавала себя виновною, тая̀ передъ нимъ свое чувство, свою страсть. — Въ волненіи, она стала быстро ходить по саду; воздухъ для нея былъ чище, лучи солнца играли радостнѣе, она жила новою жизнію.— Въ то̀ время, когда Евгенія придумывала, ка̀къ-бы имѣть пирожное къ завтраку, между скрягою и министромъ его, Нанетою, начинался споръ, домашняя ссора. — Междоусобія были такою рѣдкостію въ этомъ чудномъ хозяйствѣ, какъ зимою ласточки.—Съ ключами въ рукахъ, старый чудакъ пришолъ обвѣшивать и обмѣривать Нанету, выдавая ей дневную провизію.

— Ужъ вѣрно сколько-нибудь осталось отъ вчерашняго хлѣба?

— Хоть-бы одна крошечка, сударь.

Грандѐ взялъ изъ корзины большой хлѣбъ и принялся его разрѣзывать. Нанета возразила:

— Да вѣдь насъ, сударь, пятеро.

— Ну, что̀-же? все-таки будутъ остатки; вѣдь здѣсть шесть фун-

товъ.—Къ тому-же эти парижскія птички не клюютъ нашего хлѣба; вотъ ты увидишь сегодня, посмотришь.

— А коли не ѣдятъ хлѣба, такъ ѣдятъ за то что-нибудь пожирнѣе.

— Да нѣтъ-же, и пожирнѣе не ѣдятъ; они ничего не ѣдятъ. — Они, какъ дѣвчонки передъ свадьбою, живутъ воздухомъ.

Наконецъ, распорядившись всѣмъ, не передавъ ни волоска лишняго, скупой заперъ уже свой шкафъ и хотѣлъ было идти въ парникъ за плодами, но Нанета не дала ему отдѣлаться такъ дешево.

— Дайте-ка мнѣ сударь муки да масла; я напеку дѣткамъ пирожнаго, сказала она.

— Господи Боже мой, да онѣ всѣ сговорились ограбить меня для дорогаго племянника!!!..

— И, Господи, что̀ выдумали.... да что̀ мнѣ въ вашемъ племянникѣ? я объ немъ столько-же забочусь, сколько вы сами. — Вотъ хоть-бы сахару выдали вы, сударь, шесть кусковъ: обсчитали, — нужно восемь?

— Послушай, Нанета, да ты съ-ума сегодня сошла, что̀-ли? У него будетъ сахаръ, — цѣлыхъ два куска, я не буду пить кофе.

— Какъ! вы не будете пить кофе? на старости отвыкать отъ привычекъ трудно, сударь; да я вамъ на свои деньги куплю сахару.

— А тебѣ какое дѣло? молчать!

Хотя сахаръ давно уже подешевѣлъ, но для старика онъ былъ также дорогъ, какъ и во-время Имперіи, когда одинъ фунтъ его покупали за шесть франковъ.—Грандѐ привыкъ скупиться на сахаръ, и не ему было отвыкать отъ своихъ привычекъ.

У женщины, умна-ли она или нѣтъ, все-таки найдется столько хитрости, чтобы достать, чего захотѣлось; Нанета бросила сахаръ и принялась опять за пирожное.

— Сударыня! закричала она Евгеніи: вѣдь вамъ вѣрно хотѣлось-бы пирожнаго сегодня къ-обѣду?

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала Евгенія.

— Ну ужъ на, возьми себѣ муки, сказалъ Грандѐ.

Онъ раскрылъ кадочку съ-мукою, отмѣрилъ какъ можно меньше, и прибавилъ чуть-чуть масла къ прежде-выданной порціи.

— Нужно дровъ, продолжала неумолимая Нанета.

— Возьми, сколько нужно будетъ, уныло отвѣчалъ Грандѐ: но ужъ заразо̀мъ, чтобы не топить въ другой разъ, сдѣлаешь намъ компотъ и пораньше состряпаешь весь обѣдъ.

— Ужъ будто и не знаю!... лишнія слова, сударь.

Гранде́ бросилъ на вѣрную Нанету взглядъ глубокой признательности, отеческой нѣжности.

— Ну, барышня, будетъ пирожное, закричала въ восторгѣ Нанета.

Когда старикъ воротился съ плодами, и разложилъ ихъ на столѣ, Нанета разговорилась съ нимъ, по-обыкновенію.

— Посмотрите-ка, сударь, какіе прекрасные сапоги у молодаго барина! Что̀ за кожа, да какъ она хорошо пахнетъ. — А чѣмъ ихъ чистить, сударь?—Неуже-ли вашей ваксой?

— Послушай-ка, Нанета, моя вакса ихъ только испортитъ; скажи ему, что ты вовсе не умѣешь чистить такихъ сапогъ ; пусть самъ купитъ ваксы въ городѣ. — Я слышалъ, что въ ихъ ваксу сахару разволятъ, для блеска.

— Такъ ее ѣсть можно, сказала Нанета, понюхивая сапоги: ахъ, сударь, да они пахнутъ о-де-колономъ, — вотъ чудеса!

— Чудеса! Хороши чудеса, ворчалъ старикъ: тратить на сапоги больше денегъ, чѣмъ сто́итъ весь то ихъ хозяинъ! глупость!

— Послушайте, сударь, ужъ вѣрно раза два въ недѣлю мы сдѣлаемъ супъ, по случаю пріѣзда ..

— Ну да, да, что́ тамъ еще?

— Да вамъ, сударь, стало-быть, придется сбѣгать на рынокъ за говядиной.

— Совсѣмъ не нужно; сдѣлай бульйону изъ дичи; тебѣ принесутъ дичи; скажи Корнулье, чтобы онъ настрѣлялъ воронъ. — Воронiй бульйонъ всего лучше.

— Ахъ, сударь, воронъ гадкая птица — клюетъ мертвечину, да всякую падаль!

— Дура ты! ѣдятъ, какъ и мы, все, что̀ Богъ имъ пошлетъ; развѣ мы сами не щиплемъ мертвечину? А наслѣдство-то? а наслѣдники-то?

Не было больше никакихъ приказаній; Гранде́ взглянулъ на часы, и видя, что до завтрака осталось еще добрыхъ полчаса, пошолъ въ садъ къ своей дочери. Поздоровавшись, онъ сказалъ ей:

— Пойдемъ-ка погулять на луга; мнѣ тамъ нужно кое-на-что посмотрѣть.

Евгенія надѣла свою соломенную шляпку, подбитую розовою тафтою.—Старикъ и дочь сошли внизъ по улицѣ на площадь.

— Что̀ такъ рано, сказалъ Крюшо́, нотаріусъ, *попавшись* имъ на-встрѣчу.

— А вотъ кое-на-что́ посмотрѣть , отвѣчалъ чудакъ, разгадавъ встрѣчу съ Крюшо̀.

Когда Гранде́ шолъ посмотрѣть кое-на-что́, такъ ужъ нотаріусъ

зналъ навѣрно, что можно при этомъ выиграть кое-что̀.— Крюшо̀ присоединился къ гуляющимъ.

— Пойдемте-ка съ нами, Крюшо̀, сказалъ Гранде́: вы нашъ домашній, съ вами таиться нечего, пойдемте-ка; я хочу вамъ доказать, какая страшная глупость — садить тополи на хорошихъ лугахъ.

Крюшо̀ разинулъ ротъ отъ удивленія.

— Такъ, стало-быть, вы позабыли, что за тополи на Луарѣ получили вы добрыхъ 60000 франковъ? что̀ это для васъ — такъ, ничего? Правда и счастіе: именно тогда срѣзали, когда въ Нантѣ нужно было строеваго лѣсу. — Продали по тридцати франковъ штуку! — Евгенія слушала равнодушно, не предчувствуя, что настаетъ для нея роковая минута, когда нотаріусъ заставитъ Гранде́ высказать свою волю о судьбѣ своей дочери.

— Слушайте, Крюшо̀, сказалъ Гранде́, когда всѣ пришли на прекрасные, заливные луга его, гдѣ тридцать работниковъ планировали, очищали и засыпа̀ли ямы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были порублены тополи: слушайте Крюшо́: видите-ли сколько мѣста занимало здѣсь каждое дерево? Жанъ! закричалъ онъ работнику: обмѣряй-ка поскорѣе со-всѣхъ сторонъ яму. — Бокъ 8 футовъ, отвѣчалъ работникъ. —64 квадратныхъ фута потери, отвѣчалъ Гранде́. У меня въ этомъ ряду было триста тополей, не правда-ли? Ну такъ триста разъ трижды четыре фута терялось, да вдвое столько-же по-бокамъ, да по срединѣ столько-же, всего положимъ три тысячи вязанокъ сѣна.

— Сто̀итъ 1800 франковъ, пособилъ Крюшо́.

— Скажите двѣ тысячи, потому-что на три или на четыреста франковъ будетъ отавы. — Такъ, сосчитайте-ка сколько будетъ въ сорокъ лѣтъ съ процентами на проценты. — Ну, хоть сто тысячь, сказалъ нотаріусъ.—Ну, ну хоть сто тысячь, переговорилъ скряга. Ну, такъ двѣ-тысячи-пятьсотъ сорока-лѣтнихъ тополей не дали-бы мнѣ и 75,000 франковъ. Потеря! Я разсчиталъ это, сказалъ Гранде́, охорашиваясь. — Все послѣднее онъ проговорилъ чисто и не заикаясь. Жанъ! Засыпь вездѣ ямы, кромѣ тѣхъ, которыя у рѣки; тамъ посадишь молодые тополи, вотъ что купилъ я недавно.

— Тамъ у рѣки они будутъ на казенномъ содержаніи, продолжалъ онъ, обращаясь къ Крюшо̀, причомъ шишка на носу его стала легонько пошевеливаться, что́ означало въ немъ самую ѣдку иронію.

Изумленный Крюшо̀ смотрѣлъ на своего кліента въ какомъ-то обожаніи.

— Ясно, ясно, повторялъ нотаріусъ: невыгодно садить деревья на заливныхъ лугахъ.

— Да, сударь, отвѣчалъ бочаръ.

Евгенія не слушала разсчотовъ своего отца и смотрѣла на величественный видъ пышнаго теченія Лоары; но вдругъ слова Крюшо поразили ее и она стала прислушиваться.

— А что, Гранде, къ вамъ пріѣхалъ изъ Парижа зятюшка? А? только и рѣчи въ Сомюрѣ, что объ вашемъ племянникѣ. Не приготовить-ли мнѣ контракта.... а? Гранде!

— Вы вышли пораньше, чтобъ разузнать объ этомъ, Крюшо, сказалъ Гранде съ насмѣшкою. Ну, старый товарищъ, намъ скрываться нечего, я вамъ пожалуй скажу,... видишь-ли: я лучше брошу дочь въ Лоару, чѣмъ отдамъ ее за кузена.... Можешь всѣмъ разсказать. — Впрочемъ не разсказывай, пусть ихъ еще подурачатся, посплетничаютъ.

Евгенія едва устояла на ногахъ, услыша отвѣтъ отца своего. — Въ одинъ мигъ всѣ надежды, всѣ мечты, едва разцвѣтшія въ сердцѣ ея, были смяты, разорваны, уничтожены. — Она почувствовала, что уже судьба ея соединена съ судьбою Шарля, и что начинается для нея время любви, страданій и горести. — Не въ благородномъ-ли назначеніи женщины быть величественнѣе въ страданіи и бѣдствіи, чѣмъ въ счастіи и роскоши? Какъ могло чувство родительское изчезнуть въ сердцѣ отца ея? Чѣмъ виноватъ бѣдный Шарль? Для Евгеніи это было загадкою! Едва возродившаяся любовь ея была окружена страшною таинственностію. Она трепетала отъ страха; природа не улыбалась ей болѣе; все дышало грустію, навѣвало уныніе, и старая сомюрская улица, по которой они, всѣ трое, возвращались домой, показалась ей темнѣе и мрачнѣе вдвое прежняго.

За нѣсколько шаговъ отъ ихъ дома, она опередила отца и постучалась въ двери.—Но Гранде, увидя журналъ въ рукахъ нотаріуса, остановился поговорить съ нимъ.—Ну, какъ курсы, Крюшо, какъ курсы?

— Ахъ, Гранде, вы не хотите меня послушаться; покупайте скорѣе, покупайте немедленно; можно еще выиграть по двадцати на сто въ два года, не считая пресоблазнительныхъ процентовъ. 5000 ливровъ дохода и стоятъ только 80,000 франковъ, по 80 франковъ 50 сантимовъ! — А посмотримъ, посмотримъ, сказалъ Гранде, поглаживая подбородокъ.

— Боже! закричалъ нотаріусъ.

— Ну что тамъ, что тамъ? говоритъ Гранде, вырывая журналъ изъ рукъ его.

— Читайте, читайте здѣсь, Гранде; вотъ это!..

«Г-нъ Гранде, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ негоціянтовъ парижскихъ, застрѣлился вчера, послѣ обычнаго появленія своего на биржѣ. Передъ смертію онъ послалъ свое отреченіе президенту палаты депутатовъ, равно какъ сложилъ съ себя свое званіе въ коммерческомъ судѣ. Банкрутство Г. Г. и А. С., стряпчаго и нотаріуса покойнаго господина Гранде, были причиною его разоренія и смерти. Впрочемъ, уваженіе и кредитъ, пріобрѣтенные имъ между своими товарищами, могли-бы спасти его. Сожалѣютъ, что человѣкъ, всѣми уважаемый, какъ господинъ Гранде, не устоялъ противъ перваго порыва отчаянія...» и т. д. и т. д.

— Да, я зналъ еще вчера, сказалъ бочаръ.

Нотаріусъ былъ, какъ и всѣ нотаріусы, холодный, разсчетливый, дѣловой человѣкъ; но ознобъ пробѣжалъ по всему тѣлу его, при мысли, что самоубійца братъ, можетъ-быть, тщетно молилъ о помощи девяти-милліоннаго Гранде сомюрскаго.

— А сынъ его? Онъ былъ такъ веселъ вчера...

— Онъ еще ничего не знаетъ, отвѣчалъ старикъ съ прежнимъ хладнокровіемъ.

— Прощайте, Гранде, сказалъ Крюшо, поспѣшно раскланиваясь. Онъ понялъ все и побѣжалъ къ племяннику своему, президенту.

Завтракъ былъ уже поданъ, когда гулявшіе возвратились. Евгенія бросилась на шею къ своей матери, влекомая избыткомъ ощущеній, скопившихся въ сердцѣ ея. Госпожа Гранде, по обыкновенію, сидѣла въ своихъ креслахъ, у окна, и вязала для себя зимніе рукава.

— Завтракайте одни, сказала Нанета. Онъ еще спитъ, какъ херувимчикъ! какой хорошенькой! Я взошла къ нему, звала, — куда, еще не просыпается!

— Да пусть спитъ, сказалъ Гранде : бѣда не за горами, время всегда найдется.

— Что такое? спросила Евгенія, опуская въ свой кофе два маленькіе кусочка сахару, во сколько-то грановъ каждый; (работы старика, который въ досужные часы самъ кололъ свой сахаръ).

Госпожа Гранде, не смѣвшая спросить мужа, съ безпокойствомъ ожидала его отвѣта на вопросъ Евгеніи.

— Отецъ его застрѣлился.

— Дядюшка!! закричала Евгенія.

— Бѣдный молодой человѣкъ, сказала госпожа Гранде.

— Да, бѣдный, бѣдняга, бѣднякъ, нищій, отвѣчалъ скряга: у него нѣтъ ни копейки.

— Ну, а онъ спитъ, какъ король, проговорила сквозь слезы Нанета.

Евгенія перестала ѣсть; сердце ея сжалось мучительно, тоскливо, какъ сжимается сердце влюбленной женщины, трепещущей за жизнь своего любовника. Слезы хлынули изъ глазъ бѣдной дѣвушки.

— Вотъ! да развѣ ты знала своего дядю, сказалъ Гранде, бросивъ на дочь взглядъ голоднаго тигра: ну, зачѣмъ-же ты плачешь?

— Да кто-же и не заплачетъ-то, сударь, глядя на этого бѣднажку, сказала Нанета: спитъ себѣ мертвымъ сномъ; ему горе и во снѣ не грезится.

— Съ тобой не говорятъ. Молчи.

Тутъ Евгенія узнала, что женщина, которая любитъ, должна скрывать свои чувства. На вопросы отца она не отвѣчала.

— Не говорите ему ничего до моего возвращенія,—держите языкъ за зубами; слышите-ли вы меня, госпожа Гранде? а мнѣ нужно еще посмотрѣть на лугахъ за работою. Когда я ворочусь, къ полднику, такъ самъ поболтаю съ нимъ.

— Ну, а ты, дочка, если ты хнычешь по этомъ красавчикѣ, такъ предупреждаю тебя, что напрасный трудъ; усадимъ да и пустимъ его, въ Индію, за море, — не долго полюбуемся имъ... слава Богу!

Старикъ взялъ свои перчатки, надѣлъ ихъ, расправилъ на пальцахъ и вышелъ.

— А!.. матушка! мнѣ дурно, закричала Евгенія, по уходѣ своего отца: я никогда такъ не мучилась!

Госпожа Гранде поспѣшно отворила окно, воздухъ освѣжилъ Евгенію.

— Мнѣ легче, сказала она.

Бѣдная мать испугалась за дочь свою; какъ мать, она поняла все, и съ какимъ-то невольнымъ сочувствіемъ смотрѣла на Евгенію. Сказать истину, жизнь и дружба извѣстныхъ венгерскихъ сестрицъ-близнецовъ, сросшихся вмѣстѣ, можетъ-быть, не могла-бы сравниться съ дружбою этихъ двухъ женщинъ, жившихъ вмѣстѣ, молившихся вмѣстѣ, спавшихъ вмѣстѣ, въ одной комнатѣ.

— Бѣдное, бѣдное дитя! сказала госпожа Гранде, прижимая дочь къ своему сердцу.

Евгенія подняла голову, устремила на мать глубокій, вопрошающій взглядъ, и, разгадавъ ея мысли, сказала:

— Зачѣмъ посылать его въ Индію? Онъ несчастливъ, — мы его родные, мы должны будемъ помочь ему.

— Правда твоя, другъ мой; но у отца твоего другія намѣренія, и мы не должны осуждать ихъ.

Обѣ замолчали и принялись каждая за свое рукодѣлье. Но вдругъ Евгенія, побужденная влеченіемъ сердца своего, схватила руку доброй матери и набожно поцѣловала ее. Сердце ея кипѣло любовью.

— Какъ ты добра, ангелъ мой, милая, добрая маменька!

Лицо старушки засіяло небесною радостію.

— Тебѣ онъ понравился, не правда-ли? спросила Евгенія мать свою.

Г-жа Грандé улыбнулась; но послѣ минутнаго молчанія она тихо спросила Евгенію: — Ты полюбила его? Ахъ, другъ мой! нехорошо!

—Нехорошо? отчего это? Да онъ всѣмъ нравится; тебѣ, мнѣ, Нанетѣ; отчего-же не любить его? Полно, мамаша! Приготовьтека лучше ему завтракать.

Она бросила работу.—Дурочка, сказала ей мать, и встала вмѣстѣ съ нею. Евгенія кликнула Нанету.

— Ну, что вамъ еще нужно, хорошенькая барышня?

— Нанета, будутъ у насъ сливки къ полднику?

— Къ полднику? будутъ; это дѣло другое.

— Такъ приготовь кофе, какъ можно крѣпче; я помню, господинъ де-Грассéнъ говорилъ когда-то, что въ Парижѣ любятъ пить кофе самый крѣпкій. Клади его какъ можно больше, Нанета.

— Хорошо, хорошо! да гдѣ взять-то его сударыня?

— Да купи; вотъ деньги...

— А если баринъ меня встрѣтитъ, что...

— Не встрѣтитъ, не встрѣтитъ! Онъ ушолъ на луга.

— Бѣгу, бѣгу сію-минуту. Но знаете-ли, сударыня? вчера господинъ Грондаръ уже изволилъ меня спрашивать, когда я пришла за восковою свѣчкою въ его лавку, что, дескать, не остановились-ли у насъ три царя восточные? — Вѣдь въ городѣ уже заболтали о нашихъ пирахъ да праздникахъ.

— Ежели мужъ замѣтитъ что-нибудь, право, онъ въ состояніи будетъ прибить насъ, сказала госпожа Грандé.

— Да пожалуй! Я не буду ни плакать, ни жаловаться, мамаша, и на колѣняхъ приму его удары.

Госпожа Грандé возвела взоры къ небу. — Нанета надѣла чепецъ и вышла.

Евгенія выдала столовое бѣлье, и побѣжала на чердакъ, взять оттуда нѣсколько кистей винограда, которыя она сама развѣсила тамъ на веревкѣ. Тихо прошла она по корридору, чтобы не разбудить Шарля, но, проходя мимо двери его комнаты, услышала легкое дыханіе спящаго.

— Горе созрѣло, а онъ еще спитъ, подумала Евгенія.

Она набрала самыхъ свѣжихъ виноградныхъ листьевъ и кокетливо, изящно убрала ими тарелку винограда. Тарелка была торжественно поставлена на столѣ; послѣ чего взяты были изъ кухни утромъ отсчитанныя отцомъ груши: онѣ составили прекрасную пирамиду между виноградными листьями. Евгенія ходила, бѣгала, прыгала. Ей-бы очень-хотѣлось похозяйничать въ домѣ по-своему, но все было припертo и ключи у отца. Нанета, возвратившись, представила Евгеніи пару свѣжихъ яицъ. Евгенія чуть не вспрыгнула ей на шею.

— Мнѣ предложилъ эти яйца лаландскій фермеръ изъ вѣжливости, а я и взяла ихъ... добрый старикъ!

Наконецъ послѣ двухъ-часовыхъ трудовъ, въ продолженіе которыхъ Евгенія двадцать разъ бросала свое рукодѣлье, чтобы присмотрѣть за кофе, чтобы пойти послушать, встаетъ-ли кузенъ ея, кой-какъ сочинился завтракъ, хотя очень, очень-скромный, но который могъ-бы почесться пиршествомъ,— такъ рѣзко не гармонировалъ онъ со всегдашнимъ обычаемъ и правилами этого дома. Обыкновенно завтракали они всегда стоя, то-есть, ѣли немножко хлѣба, плодовъ или стаканъ вина. Но теперь, видя накрытый столъ съ придвинутыми креслами, видя цѣлыхъ двѣ тарелки съ плодами, бутылку бѣлаго вина, хлѣбъ и сахаръ, Евгенія невольно вздрогнула, подумавъ только, что-бы всѣмъ было, еслибъ старикъ вошолъ въ эту минуту. Евгенія стала безпокойно поглядывать на часы, разсчитывая время до возвращенія отца своего.

— Не безпокойся, Евгенія, сказала госпожа Гранде: если неравно придетъ отецъ, то я все возьму на себя.

Евгенія не могла удержаться отъ слезъ при словахъ своей матери.

— Матушка, добрая матушка, сказала она, я не умѣла цѣнить тебя до-сихъ-поръ.

Шарль, пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ, пропѣвъ нѣсколько куплетовъ, явился наконецъ въ залу. Къ-счастію было только одиннадцать часовъ. Онъ одѣлся такъ изящно, какъ-будто-бы находился въ замкѣ своей Анеты, въ Шотландіи. Онъ вошолъ весело и свободно; веселый видъ украшаетъ юность, но какъ-то сердце сжалось у Евгеніи. Шарль утѣшился уже на счотъ анжуйскихъ замковъ, и весело поздоровался съ своей тёткой.

— Хорошо-ли вы провели ночь, тётушка? здоровы-ли вы, кузина?

— Хорошо; а вы? отвѣчала госпожа Гранде.

— Я? безподобно....

— Не угодно ли вамъ завтракать, братецъ; садитесь.

— Но я никогда не завтракаю ранѣе полудня, когда просыпаюсь. Однако я такъ плохо жилъ въ дорогѣ, что съ удовольствіемъ послѣдую вашему совѣту. Притомъ....

И онъ вынулъ изъ кармана восхитительные часы Брегета.

— Ага! только одиннадцать часовъ; я рано всталъ сегодня.

— Рано! сказала госпожа Гранде.

— Да! но мнѣ нужно было кой-чѣмъ заняться: — Ну, такъ я съ охотою съѣмъ что-нибудь... такъ что-нибудь, цыпленка или куропатку.

— Пречистая дѣва! вскрикнула Нанета.—Куропатку, шептала Евгенія; она-бы теперь все отдала за одну куропатку.

— Садитесь-же, сказала госпожа Гранде.

И нашъ денди развалился на диванѣ, какъ хорошенькая женщина. Евгенія съ матерью придвинули поближе къ столу свои стулья.

— Вы всегда здѣсь живете? сказалъ Шарль, озирая кругомъ эту залу, причомъ комната днемъ показалась ему еще скучнѣе, чѣмъ при свѣчахъ.

— Всегда, отвѣчала Евгенія; кромѣ торговаго времени, и тогда мы всѣ поселяемся въ Нойескомъ аббатствѣ.

— Часто вы прогуливаетесь?

— Иногда, сказала госпожа Гранде: въ воскресенье послѣ вечерень, когда погода хорошая; тогда мы ходимъ на мостъ или на луга, во-время сѣнокоса.

— Здѣсь есть театръ?

— Театръ! актеры! воскликнула госпожа Гранде: но вѣдь это смертный грѣхъ!

— Ну, вотъ вамъ и яица, сказала Нанета, поставивъ тарелку на столъ.

— Какъ! свѣжія яйца, ба! это безподобно! вскричалъ Шарль, который мигомъ позабылъ о куропаткахъ, подобно всѣмъ лакомкамъ, приученымъ къ роскоши. Еслибы еще не много масла... прибавилъ онъ: — Нутка Нанета?

— Масла? сказала добрая служанка; ну, тогда проститесь съ пирожнымъ.

— Да дай-же масла, Нанета, закричала въ нетерпѣніи Евгенія. Она смотрѣла на своего кузена, и на завтракъ, ею приготовленный, съ какимъ-то тайнымъ, торжественнымъ наслажденіемъ, какъ парижская гризетка на мелодраму, гдѣ торжествуетъ невинность. Правда, что и Шарль, воспитанный умною, нѣжною матерью, перевоспитанный и усовершенствованный жен-

щиною большаго свѣта, былъ ловокъ, граціозенъ, какъ хорошенькая кокетка.

Есть какой-то магнетизмъ сочувствія въ нѣжной внимательности молодой дѣвушки. — Карлъ не могъ не замѣтить, не могъ устоять противъ ласковаго, милаго вниманія своей кузины, и бросилъ на нее взглядъ, блистающій нѣжнымъ, неизъяснимымъ чувствомъ. Онъ замѣтилъ тогда всю прелесть и гармонію лица ея, невинность пріемовъ, магнетическій блескъ ея взора, сіяющаго юной любовію и невѣдомымъ желаніемъ.

— Право, прекрасная кузина, если-бы вы явились въ ложѣ парижской оперы, и въ блестящемъ нарядѣ, то я васъ увѣряю, что всѣ мужчины вздрогнули-бы отъ удивленія, а женщины отъ зависти.

Сердце Евгеніи затрепетало отъ радости.

— Вы насмѣхаетесь, кузенъ, надъ бѣдной провинціалкой.

— Если-бы вы знали меня, кузина, то не сказали бы этого. Знайте-же, что я ненавижу насмѣшку : она губитъ сердце, уничтожаетъ всякое чувство....

И онъ премило проглотилъ ложечку яйца, приготовленнаго въ смятку.

— Нѣтъ, сестрица, я совсѣмъ не такъ остроуменъ, чтобы быть насмѣшникомъ, и признаюсь, это мнѣ даже вредитъ. Видите-ли : въ Парижѣ есть особенная система, однимъ словомъ убить, уничтожить человѣка. Стóитъ напримѣръ сказать : у него доброе сердце, это значитъ, что бѣднягa глупъ, какъ носорогъ. Но такъ-какъ я, во-первыхъ, богатъ, а во-вторыхъ, не даю промаху изъ пистолета, то насмѣшка по-неволѣ щадитъ меня....

— Это показываетъ, милый племянникъ, что у васъ доброе сердце, сказала г-жа Гранде.

— Какой у васъ миленькой перстень, поспѣшила сказать Евгенія: можно взглянуть на него?

Шарль протянулъ свою руку и Евгенія покраснѣла, когда, снимая кольцо, дотронулась до его тонкихъ, длинныхъ, бѣлыхъ пальцевъ.

— Посмотри, какая работа, маменька.

— И, да сколько тутъ золота! сказала Нанета, поставивъ на столъ кофейникъ.

— Какъ! что это? смѣясь спросилъ Шарль, увидѣвъ продолговатый глиняный горшокъ, полированный подъ фаянсъ внутри, покрытый пепломъ и золою снаружи, и въ которомъ кофе то вскипалъ на поверхность жидкости, то медленно осадалъ на дно.

— Кофе кипячоный, отвѣчала Нанета.

— А, любезнѣйшая тётушка, ну, я радъ, что, по-крайней-мѣрѣ, оставлю здѣсь по себѣ добрую память. Да вы отстали на цѣлый вѣкъ; позвольте же изъяснить вамъ, какъ готовятъ кофе à la Chaptal, любезнѣйшая тётушка.

И онъ пустился въ объясненія о томъ, какъ приготовляется кофе à la Chaptal.

— Ну, ужъ если тутъ столько работы, такъ поздно мнѣ этому учиться, и не пойму, батюшка. Да къ-тому-же нѣкогда; кто будетъ ходить за коровой, доить, поить ее, покамѣстъ я буду возиться съ кофеемъ?

— Я буду ходить за нею, сказала Евгенія.

— Дитя! сказала госпожа Гранде, взглянувъ на дочь свою.

И при этомъ словѣ вдругъ всѣ три, вспомнивъ о несчастіи молодаго человѣка, замолчали и взглянули на него съ видомъ состраданія.—Это поразило Шарля.

— Что съ вами, кузина?

— Молчи, Евгенія, сказала госпожа Гранде, видя, что дочь готова проговориться: ты знаешь, что отецъ твой хочетъ самъ говорить съ господиномъ...

— Шарлемъ, тётушка.

— Ахъ! васъ зовутъ Шарлемъ... это прекрасное имя, сказала Евгенія.

Предчувствуемыя несчастія почти всегда сбываются.

Нанета, госпожа Гранде и Евгенія, съ трепетомъ помышлявшія о возвращеніи старика, вдругъ услышали стукъ молотка, стукъ имъ знакомый, привычный.

— Это батюшка! сказала Евгенія.

Мигомъ она спрятала сахарницу, оставивъ нѣсколько кусочковъ на столѣ. — Нанета унесла яичную скорлупу. — Госпожа Гранде выпрямилась, какъ испуганная серна.—Шарль ничего не понималъ въ этомъ внезапномъ припадкѣ комическаго страха!

— Ну что-же это съ вами? спросилъ онъ.

— Батюшка воротился, отвѣчала Евгенія.

— Такъ что-же?

Старикъ вошолъ, жадно взглянулъ на столъ, на Шарля, и понялъ все.

— Ага! да у васъ здѣсь пиръ-горой, ради дорогаго племянничка? Хорошо, хорошо, очень-хорошо, прекрасно! Котъ на крышку, мыши въ амбаръ!

— Пиръ! подумалъ Шарль, непосвященный въ таинства этого хозяйства.

— Дай-ка мнѣ мой стаканъ, Нанета, спросилъ старикъ. Евгенія

подала ему стаканъ. Гранде вынулъ изъ кармана свой ножикъ, роговой, съ широкимъ лезвеемъ, отрѣзалъ тартинку, намазалъ на нее крошечку масла и принялся ѣсть, стоя. Въ это время Шарль клалъ сахару въ свой кофе. Гранде увидалъ на столѣ куски сахару, взглянулъ на жену свою, побѣднѣвшую отъ ужаса, и подошедъ къ ней, сказалъ на ухо:

— Гдѣ ты это набрала столько сахару, мадамъ Гранде?

— Нанета купила; было мало.

Невозможно описать ужаса трехъ женщинъ въ продолженіе этой нѣжной сцены. Нанета пришла изъ кухни, взглянуть, чѣмъ все это кончится.

Шарль отвѣдалъ свой кофе, кофе показался ему горькимъ, и онъ сталъ искать сахару.

— Чего ты тамъ еще ищешь? спросилъ чудакъ.

— Сахару... онъ былъ сейчасъ здѣсь.

— Прилей молока! все равно. Кофе и отъ этого будетъ сладокъ.

Евгенія встала, взяла сахарницу и поставила ее на столъ, хладнокровно смотря на отца. Ужъ конечно любовница, подерживающая однѣми руками шолковую лѣстницу, по которой спускается ея любовникъ, спасающійся отъ преслѣдованія ревниваго мужа, не выказала-бы столько великодушія и самоотверженія, какъ Евгенія, подавъ опять на столъ сахаръ. Любовникъ, когда гордо покажутъ ему разбитую, изможденную ручку, омоетъ слезами язвы, излечитъ ихъ страстными поцѣлуями; онъ наградитъ свою любовницу. Но Шарлю никогда не суждено было понять страшной тоски и ужаса сердца Евгеніи, сердца, разбитаго однимъ взглядомъ, брошеннымъ старикомъ на дочь свою.

— Ты что-то не ѣшь, жонушка, сказалъ Гранде.

Бѣдная плотка подошла къ столу; отрѣзала чуть-чуть себѣ хлѣбца и взяла грушу. Евгенія съ отчаянною смѣлостію подала отцу винограду.

— Покушай, папаша, на здоровье, сказала она. Братецъ! вы также, неправда-ли? я нарочно для васъ выбрала самыя лучшія кисти.

— Да ужъ такъ, такъ! не присмотри за ними, такъ они цѣлый городъ растащутъ, ради моего дорогаго племянника Когда ты кончишь племянничекъ, такъ мы съ тобой пройдемся по саду; мнѣ нужно сообщить тебѣ одно несчастное извѣстіе.

— Несчастное! любезный дядюшка: но послѣ кончины моей доброй матушки....

Тутъ голосъ его смягчился, задрожалъ.

— Трудно найти что-нибудь, что-бы огорчило меня болѣе.

— Любезный племянникъ, кто-же можетъ предузнать, какія

испытанія угодно будетъ низпослать на насъ Господу Богу нашему? замѣтила госпожа Гранде.

— Та, та, та, та! закричалъ Гранде. Нужно тебя тутъ, съ твоимъ вздоромъ! Знаешь племянничекъ, бѣшусь я, когда посмотрю на твои бѣленькія ручки!

И онъ протянулъ ему свои руки, или, лучше сказать, что-то въ родѣ двухъ бараньихъ лопатокъ, по ширинѣ.

— Вотъ чѣмъ загребаются денежки, сказалъ онъ : а вы, сударь, свои ножки обувать изволите въ кожу, изъ которой дѣлаются наши бумажники! Да да!.. Худо, худо племянничекъ!

— Но о чомъ вы говорите, дядюшка! пусть повѣсятъ меня, если я хоть одно слово понимаю!

— Пойдемъ со мною, сказалъ Гранде, сложивъ свой ножичекъ, выпивъ остатокъ вина, и отворяя дверь.

— Будьте тверды, братецъ, проговорила Евгенія. Шарль вздрогнулъ отъ этого предостереженія и, молча, отправился за своимъ страшнымъ дядюшкой. Евгенія, госпожа Гранде и Нанета, вошли въ кухню, мучимыя печальнымъ любопытствомъ; имъ хотѣлось хоть глазами слѣдовать за двумя дѣйствующими лицами въ драмѣ, начинавшейся въ аллеѣ ихъ маленькаго садика. Старикъ шолъ нѣкоторое время молча.

Нетрудно было объявить племяннику о смерти отца его; но Гранде чувствовалъ какое-то невольное состраданіе, зная, что бѣднякъ остался безъ копейки. Старикъ искалъ словъ; ему хотѣлось смягчить жестокость страшнаго извѣстія.

— *Отецъ твой умеръ, племянничекъ*! это-бы еще ничего; отцы всегда умираютъ прежде дѣтей; но:

— *Ты нищій ,братецъ*! Изобрѣтите-ка что-нибудь ужаснѣе.

Чудакъ уже три раза прошолся по аллеѣ взадъ и впередъ, и все молча.

Въ радости или въ горѣ, вообще въ важныхъ случаяхъ жизни нашей, душа наша крѣпко сживается съ малѣйшими обстоятельствами дѣйствія, и съ мѣстомъ, гдѣ происходитъ оно. Съ какимъ-то страннымъ, невольнымъ вниманіемъ смотрѣлъ Шарль на кусты маленькаго сада, на блѣдныя, опадающія листья, на ветхія стѣны, фруктовыя деревья... вообще замѣчалъ всѣ подробности, всѣ оттѣнки обстоятельствъ этой печальной минуты.... Эти мгновенія остались навсегда въ его памяти.

— Тепло! славное, прекрасное время! сказалъ Гранде, вдыхая въ себя воздухъ.

— Да, дядюшка, очень-тепло... но...

— Ну, видишь-ли мой милый; у меня... у меня есть непріятная новость... Съ твоимъ отцомъ случилось несчастіе.

— Зачѣмъ-же я-то здѣсь! Нанета, закричалъ Шарль: лошадей! прикажи привесть лошадей! Разумѣется, здѣсь можно безъ труда достать какую-нибудь повозку? прибавилъ онъ, обращаясь къ дядѣ, смотрѣвшему на него съ открытымъ ртомъ.

— Ни повозокъ, ни лошадей не нужно, сказалъ наконецъ Грандé.

Шарль остолбенѣлъ, поблѣднѣлъ. Глаза его сдѣлались неподвижны.

— Да, бѣдный другъ мой! ты догадываешься! Онъ умеръ! Но это-бы ничего; а вотъ что̀ дурно, онъ застрѣлился.

— Батюшка!

— Да! но это все еще ничего; объ этомъ кричатъ всѣ журналы, какъ-будто̀ бы они имѣютъ на это какое-нибудь право. На, смотри....

И старикъ подалъ ему журналъ, взятый имъ на-время у Крюшо̀.

Тутъ Шарль, еще юноша, еще въ возрастѣ чувства и впечатлѣній, не выдержалъ и залился слезами.

— Ну, ну! хорошо!.. вотъ хорошо; а то меня пугали эти глаза не на шутку.—Онъ плачетъ! ну вотъ онъ и спасенъ, слава Богу! Ну, слышишь-ли, дружочекъ, это-бы все ничего, это ничего; ты поплачешь теперь, а потомъ успокоишься; но...

— О никогда! никогда! батюшка, батюшка!!!...

— Но вѣдь онъ разорилъ тебя, онъ ограбилъ тебя; у тебя нѣтъ ничего, ни копейки!

— А что̀ мнѣ до того, что̀ мнѣ до денегъ? Гдѣ батюшка, батюшка, батюшка, гдѣ мой батюшка!

Плачъ и рыданія вырывались изъ груди его. Женщины, свидѣтельницы приведенной нами сцены, тоже плакали; слезы, какъ и смѣхъ, заразительны. — Шарль, ничего не понимая и не слушая больше, выбѣжалъ изъ сада, взбѣжалъ по лѣстницѣ въ свою комнату и, рыдая, бросился на постель, склонивъ голову на подушки.

— Пусть его плачетъ, пусть первый припадокъ пройдетъ, сказалъ Грандé, входя въ комнаты; Евгенія съ матерью были уже на своихъ мѣстахъ, и, отерши на-скоро глаза, съ дрожащими руками трудились надъ своей работой.

Тяжело стало сердцу Евгеніи, когда услышала она равнодушныя, сухія слова отца, говорившаго о самой святой добродѣтели и обязанности человѣка; съ этой минуты она невольно стала судить поступки отца въ своемъ сердцѣ. Рыданія Шарля, хотя и заглу-

шаемыя имъ, раздавались по-всему дому, и стоны его утихли постепенно только къ вечеру.

— Бѣдный молодой человѣкъ, сказала госпожа Гранде.

Несчастное восклицаніе! Старикъ взглянулъ на жену, потомъ на дочь, потомъ на сахарницу; наконецъ, припомнивъ необыкновенный торжественный завтракъ, приготовленный для ихъ несчастнаго родственника, онъ напустился на всѣхъ.

— Надѣюсь, госпожа Гранде, началъ онъ съ своимъ обыкновеннымъ хладнокровіемъ: я надѣюсь, что пора вамъ кончить мотовство и грабежъ моего дома. — Или вы хотите обсахарить эту куклу на *мои* денежки?

— Матушка ни въ чомъ не виновата, прервала Евгенія: я одна...

— А не потому-ли, что ты уже совершеннолѣтняя, вздумалось тебѣ идти на-перекоръ моей волѣ? Послушай, сударыня...

— Но онъ намъ родственникъ,—сынъ брата вашего не могъ нуждаться,..

— Та, та, та, та! запѣлъ старикъ на четыре хроматическіе тона: и племянникъ! и родственникъ! и сынъ брата вашего!..Знайже, сударыня, что онъ для насъ нуль, ничего, чужой; у него нѣтъ ни копейки; онъ нищій; отецъ его обанкрутился, и когда красавчикъ наплачется здѣсь вдоволь, такъ мы съ нимъ по-добру, по-здорову раскланяемся; не хочу, чтобы весь мой домъ пошолъ вверхъ дномъ отъ него.

— Что такое обанкрутиться, батюшка? спросила Евгенія.

— Обанкрутиться! Это значитъ сдѣлать самую низкую подлость, самое чорное, неблагородное дѣло, отвѣчалъ старикъ.

— Должно-быть, это ужасный грѣхъ, сказала старушка: братецъ будетъ горько страдать на томъ свѣтѣ.

— А ты вѣчно будешь читать свои проповѣди, сказалъ, пожимая плечами, Гранде.—Обанкрутиться, Евгенія!... Банкрутство, это кража, которая къ-несчастію внѣ закона, — Люди ввѣрили свое имущество Вильгельму Гранде, повѣрили ему на честное слово, на его доброе имя; онъ у нихъ забралъ все и поминай какъ звали; у бѣдныхъ остались одни глаза, чтобы плакать! Да разбойникъ на большой дорогѣ честнѣе банкрута; разбойникъ нападаетъ; отъ него отбиваются; онъ головой рискуетъ; а банкрутъ.., Братъ мой обезчестилъ на вѣкъ своего сына.—

Страшныя слова тяжело отдались въ благородномъ сердцѣ Евгеніи. — Она не имѣла никакого понятія о свѣтѣ, о его вѣрованіяхъ и софизмахъ; она была чиста и невинна сердцемъ и ничего не знала, расцвѣтая въ глуши, какъ пышный цвѣтъ въ дремучемъ лѣсу.—Она повѣрила жестокому, безжалостному изъясненію

банкротства; и сй не объяснили неизмѣримой разницы банкрутства невольнаго, слѣдствія непредвидѣнныхъ несчастій, отъ банкрутства, разсчитаннаго плутовствомъ и безстыдствомъ.

— А вы, батюшка, вы никакъ не могли воспрепятствовать этому несчастію?

— Братъ со мной не посовѣтовался, отвѣчалъ старикъ: да и долженъ-то онъ былъ три милліона.

— А что такое милліонъ, батюшка? спросила Евгенія, съ наивностію дитяти, желающаго какъ можно скорѣе достать то, чего ему вдругъ захотѣлось.

— Три милліона? сказалъ старикъ: это три милліона монетъ въ двадцать су; нужно пять монетъ въ двадцать су, чтобы вышло пять франковъ.

— Господи, Боже мой! вскричала Евгенія: да какъ это могло быть у дядюшки столько денегъ! неужели есть еще кто-нибудь во Франціи, у кого было-бы три милліона?

Старикъ потиралъ свой подбородокъ, гримасничалъ, улыбался и, казалось, шишка на носу его шевелилась и двигалась.

— А что будетъ съ братцемъ?

— Онъ отправится въ Индію; это будетъ, по-крайней-мѣрѣ, по-желанію отца его. Тамъ онъ постарается себѣ сколотить копейку.

— А есть-ли у него деньги на проѣздъ, батюшка?

— Я заплачу́ за него... до Нанта.

Евгенія прыгнула на шею отца.

— А батюшка! ты добръ! милый, добрый батюшка!

Она такъ цѣловала отца, что скрягѣ стало какъ-то стыдно; совѣсть немного щекотала его.

— Много ли нужно времени, чтобы скопить милліонъ? спросила она.

— Ну, сказалъ бочаръ: ты вѣдь знаешь что такое луидоръ? Нужно 50000 такихъ луидоровъ, чтобы набрать милліонъ.

— Маменька, будемъ мы справлять поминки? спросила Евгенія госпожу Гранде.

— Я уже думала объ этомъ, отвѣчала она.

— Ну, такъ и есть, тратить деньги. Да что-же вы думаете? что́ у насъ — сотни, тысячи, сотни тысячъ франковъ, что-ли?

Въ эту минуту страшный, пронзительный вопль Шарля раздался по всему дому. Мать и дочь затрепетали отъ ужаса.

— Посмотри тамъ Нанета, сказалъ Гранде: взгляни, что онъ тамъ, зарѣзался, застрѣлился, что-ли? Ну, слушайте вы тутъ, продолжалъ онъ, оборотясь къ женѣ и дочери, оцѣпенѣвшимъ отъ словъ его: не проказничать и сидѣть смирно, а я пойду, поша-

таюсь около нашихъ Голландцевъ. Они ѣдутъ сегодня; потомъ вайлу къ Крюшо; нужно и съ Крюшо поболтать.

Онъ отправился, мать и дочь вздохнули свободнѣе. Никогда еще Евгенія не притворялась, не вынуждала себя передъ отцомъ. Теперь-же она принуждена была скрывать свои чувства, говорить о другомъ, и въ первый разъ въ жизни удалиться по немногу отъ правды.

— За сколько луидоровъ продается бочка вина, матушка!

— Отецъ твой продаетъ свое вино по 150, по 200, иногда и по 300 франковъ, какъ я слышала.

— Такъ если батюшка сбираетъ въ годъ по 1500 бочекъ вина...

— Не знаю, другъ мой, сколько у него доходу; твой отецъ никогда ничего не говоритъ о дѣлахъ со мною.

— Батюшка, кажется, очень-богатъ.

— Можетъ-быть. Но г. Крюшо говорилъ мнѣ, что назадъ тому два года отецъ твой купилъ Фруафондъ, и, можетъ-быть, теперь у него нѣтъ денегъ.

Евгенія, не понимая болѣе ничего, перестала разспрашивать.

— Какое! и не взглянулъ на меня, мой голубчикъ, сказала возвратившись Нанета: лежитъ себѣ на кроваткѣ, плачетъ, заливается, прости Господи.

— Пойдемъ къ нему, мамаша; мы успѣемъ сойти, когда войдетъ батюшка.

Госпожа Гранде не могла противиться нѣжной, трогательной просьбѣ своей Евгеніи. Дочь ея въ эту минуту была хороша, прекрасна; она была женщина.

Обѣ онѣ вошли къ Шарлю потихоньку, но сердце у обѣихъ билось сильно. Дверь была отворена; несчастный ничего не видалъ и не слыхалъ; онъ только обливался слезами.

— Какъ онъ любитъ своего отца, сказала Евгенія шопотомъ.

Нельзя было ошибиться, не узнать, не прочитать всего въ сердцѣ Евгеніи. Госпожа Гранде взглянула на нее взглядомъ, въ которомъ отражалась вся материнская нѣжность ея, потомъ сказала ей на ухо:

— Берегись, дитя мое! ты уже его любишь, другъ мой.

— Его любить! сказала Евгенія : ахъ! если-бы ты знала, что говорилъ утромъ батюшка.

Шарль повернулъ голову и увидалъ свою кузину и тётку.

— Я потерялъ отца! я лишился его, моего бѣднаго, несчастнаго отца. О, еслибы онъ открылся мнѣ, ввѣрился сыну, своему сыну, то этого не было бы; мы-бы вдоемъ работали, мы-бы исправили несчастіе наше. О, Боже мой, Боже мой! Бѣдный ба-

тюшка! Я такъ былъ увѣренъ, что разстаюсь съ нимъ не надолго, что, кажется.... я простился съ нимъ холодно!... — И рыданія заглушили слова его.

— Мы будемъ молиться за него, сказала госпожа Гранде: покоритесь волѣ Всемогущаго.

— Будьте мужественны, братецъ, сказала Евгенія. Ваша потеря невозвратима; такъ подумайте о васъ самихъ, о своей чести....

Умъ, проницательность, тактъ женщины, научили говорить Евгенію. Она хотѣла обмануть горесть и отчаяніе Шарля, давъ имъ другую пищу.

Шарль привсталъ на своей кровати.

— Честь моя! закричалъ несчастный. (Волосы его стали дыбомъ).

— А! да, это правда! правда!... дядюшка говорилъ мнѣ, что онъ обанкрутился.

Изъ груди Шарля вырвался пронзительный крикъ; онъ закрылъ лицо руками.

— Оставьте меня, оставьте, оставьте меня, кузина! Боже, Боже! прости ему! прости самоубійцѣ; онъ уже и такъ страдалъ довольно!...

Это чистое изліяніе сердца, это неподдѣльная грусть, это страшное отчаяніе, не могли не найдти себѣ отголоска въ добрыхъ и простыхъ сердцахъ Евгеніи и ея матери; онѣ поняли, что онъ желалъ быть одинъ, что нужно оставить его.

Возвратясь въ залу, онѣ сѣли молча на мѣста свои, и работали съ-часъ, не прерывая молчанія. Бѣглый взглядъ Евгеніи успѣлъ замѣтить въ комнатѣ Шарля все роскошное хозяйство бывшаго *денди*, всѣ мелочи его туалета, ножники, бритвы, и все, все обдѣланное, оправленное въ золото. Этотъ проблескъ роскоши, эти слѣды недавняго, веселаго времени, дѣлали Шарля еще интереснѣе въ воображеніи ея; можетъ-быть, здѣсь дѣйствовало обыкновенное вліяніе противуположностей. Никогда еще для обѣихъ обитательницъ этого тихаго, грустнаго жилища, не было зрѣлища болѣе ужаснаго, болѣе драматическаго, болѣе поразительнаго среди ихъ безмятежнаго одиночества.

— Маменька! будемъ мы носить трауръ по дядюшкѣ?

— Отецъ твой рѣшитъ это, отвѣчала г-жа Гранде. — И опять молчаніе. Евгенія работала, не обращая вниманія на работу, какъ-то машинально. Наблюдатель угадалъ-бы глубокую заботу въ ея сердцѣ. Первымъ желаніемъ этой прекрасной дѣвушки было раздѣлить трауръ своего кузена.

Около четырехъ часовъ раздался сильный ударъ молотка въ двери. Сердце забилось у госпожи Грандé.

— Что это съ твоимъ отцомъ, сказала она?

Весело вошолъ бочаръ. Онъ снялъ перчатки, бросилъ ихъ; потомъ потеръ свои руки, такъ что едва-едва не содралъ съ нихъ всей кожи; потомъ началъ ходить взадъ и впередъ, посматривать на часы... Наконецъ секретъ таки вырвался у него.

— Жена, сказалъ онъ не запинаясь: я надулъ ихъ всѣхъ. Вино наше продано. Голландцы уѣзжали сегодня утромъ; я пошолъ гулять около ихъ трактира, какъ ни въ чомъ не бывало. Тотъ, что ты знаешь, подошолъ ко мнѣ. Всѣ виноградчики прижались, спрятали вино, не продаютъ; хотятъ подождать. Мнѣ и дѣла нѣтъ; я не мѣшаю. Голландецъ былъ въ отчаяніи; я все вижу! Мы торгуемся, сходимся; по сту экю за бочонокъ, половину на чистыя. Заплатили золотомъ, а на остальное написали билеты; вотъ тебѣ шесть лундоровъ жена! *Черезъ три мѣсяца цѣны понизятся.*

Послѣднее было произнесено тихо, но съ такою глубокою, злою ироніей, что еслибы Сомюрцы, собравшіеся въ это время на площади, и толковавшіе о сдѣлкѣ старика Грандé, услышали-бы слова его, то задрожали-бы отъ ужаса. Паническій страхъ понизилъ бы цѣны на пятьдесять процентовъ.

— У васъ 1000 бочекъ вина этотъ годъ, батюшка?

— Да, *дочечка*! (Словцо, означавшее высшій порывъ восторга господина Грандé).

— Триста-тысячь франковъ? продолжала Евгенія.

— Точно такъ, мадмоазель Грандé.

— Такъ, стало быть, вы можете теперь помочь Шарлю, батюшка?

Удивленіе, гнѣвъ, столбнякъ царя Бальтазара, при видѣ знамени таго «Mani, Fakel, Pharés», были ничто въ сравненіи съ тяжолымъ, холоднымъ гнѣвомъ Грандé, который, позабывши о племянникѣ, вдругъ встрѣтилъ его въ сердцѣ, въ головѣ, въ разсчотахъ своей дочери.

— Да это безбожно! да здѣсь разбой! Съ-тѣхъ-поръ, какъ эта обезьяна у меня въ домѣ, все пошло вверхъ-одномъ. Покупается сахаръ, задаются пиры и обѣды! Не хочу этого! Не хочу этого! Я знаю, сударыня, какъ мнѣ нужно вести себя на-старости; ни отъ кого не приму совѣтовъ, а отъ васъ и подавно, сударыня. Въ мои дѣла не соваться; я знаю, что сдѣлать для моего племянника, знаю безъ васъ!... А вы, сударыня, извольте молчать, иначе отошлю васъ съ Нанетой въ Нойе, посмотрѣть, все-ли тамъ исправно, и завтраже, завтра-же отошлю. А гдѣ онъ? гдѣ нашъ красавчикъ? гдѣ Шарль? Что, онъ выходилъ оттуда?

— Нѣтъ еще, другъ мой, отвѣчала полумертвая госпожа Грандѐ.

— Да что́ же онъ тамъ дѣлаетъ?

— Онъ плачетъ о своемъ отцѣ, отвѣчала Евгенія.

Гранде́ затихъ. Онъ былъ самъ немножко отцомъ, старикъ!

Пройдя раза два по комнатѣ, онъ побѣжалъ на-верхъ и заперся въ своемъ кабинетѣ. Тамъ онъ началъ раздумывать, куда-бы ему пристроить свои денежки. Двѣ тысячи арпановъ срѣзаннаго лѣса дали емъ 1,500,000 франковъ. Прибавивъ къ этой суммѣ деньги за срѣзанные тополи, доходы за прошлый и настоящій года, онъ могъ выложить чистыми 2,400,000 франковъ, кромѣ 100,000 экю, только-что имъ вырученныхъ. Очень, очень соблазняли его проценты 20 на 100, о которыхъ говорили они вчера съ Крюшо́. Гранде́ набросалъ планъ своей спекуляціи на поляхъ журнала, въ которомъ было напечатано извѣстіе о самоубійствѣ его брата. Стоны племянника долетали между тѣмъ до него. Но онъ лишь слышалъ, а не слушалъ.

Наконецъ Нанета пришла звать его сквозь дверь обѣдать. Въ дверяхъ и на послѣдней ступенькѣ онъ еще болталъ про себя: «По восьми процентовъ... и если дѣло удастся... въ два года будетъ у меня четыре милліона... и чистымъ золотомъ! чистымъ золотомъ... Ну, гдѣ-же племянникъ?»

— Да онъ говоритъ, что не хочетъ обѣдать, сударь, отвѣчала Нанета; вѣдь это нездорово, сударь.

— Тѣмъ-лучше, тѣмъ-лучше; больше экономіи.

— Какъ, экономіи! сказала служанка.

— Ба! Наплачется, проголодается. Голодъ изъ лѣсу волка выживетъ.

Обѣдъ былъ молчаливъ и скученъ.

— Другъ мой, сказала госпожа Гранде́, когда сняли скатерть: нужно намъ надѣть трауръ.

— Право, вы не знаете наконецъ, что́ выдумать, куда-бы деньги тратить, госпожа Гранде́! Трауръ долженъ быть въ сердцѣ, а не на платьѣ.

— Но, другъ мой, трауръ по родномъ братѣ необходимъ, и даже церковь приказываетъ...

— Ну, такъ управьтесь тамъ на шесть луидоровъ, вотъ что́ я далъ, а мнѣ дайте кусокъ крену, съ меня будетъ довольно. Евгенія молча возвела глаза свои ко небу. Въ первый разъ въ жизни всѣ святыя и благородныя ея вѣрованія были унижены и поруганы словами стараго скряги.

Хотя наступившій вечеръ былъ, по-обыкновенію, похожъ на всѣ вечера, проводимые въ этомъ домѣ, но при всемъ томъ онъ

былъ самый скучный и долгій. Евгенія сидѣла, не отрываясь отъ работы и не дотрогиваясь до ящичка, подареннаго ей наканунѣ. Мать вязала свои шерстяные рукава. Гранде вертѣлъ пальцами битыхъ четыре часа, погруженный въ свои разсчоты. Результаты разсчотовъ должны были завтра удивить весь Сомюръ съ его округомъ.

Изъ гостей никто не являлся; въ это время весь городъ только и говорилъ, что о штукѣ, сыгранной утромъ господиномъ Гранде, о банкрутствѣ его брата и пріѣздѣ племянника. Всѣ были у де-Грассéновъ; всѣ собрались поболтать о дѣлахъ, о виноградѣ, о Голландцахъ, и тутъ-то раздавались самыя страшныя выходки противъ стараго бочара, который преспокойно смѣялся въ своемъ углу надъ всѣмъ городомъ. Нанета пряла, и одинъ шумъ колеса въ самопрялкѣ нарушалъ семейное безмолвіе.

— Мы не теряемъ словъ, нéчего сказать, проговорила Нанета, усмѣхнувшись и выказавъ рядъ огромныхъ, бѣлыхъ зубовъ своихъ.

— Ничего не нужно терять, отвѣчалъ Гранде, стряхнувъ съ себя нули, цифры, итоги и разсчоты.

Въ перспективѣ блистали передъ нимъ четырнадцать милліоновъ, и недалѣе какъ чрезъ три года; душа его плавала, грѣлась надъ кучами золота.

— Пойдемъ спать! Я, за всѣхъ, пойду прощусь съ племянникомъ. Не хочетъ ли онъ ѣсть въ-самомъ-дѣлѣ?

Госпожа Гранде остановилась въ корридорѣ, чтобы послушать, что̀ будетъ на-верху. Болѣе храбрая Евгенія взбѣжала двѣ ступеньки.

— Ну что̀, племянничекъ, плачешь? Плачь, плачь! Что̀ дѣлать! отецъ все таки отецъ, но нужно все сносить терпѣливо, другъ мой. Вотъ ты здѣсь плачешь, а я о тебѣ забочусь; я старый добрякъ, другъ мой. Ну, ну, поободримся немного; не хочешь-ли стаканъ вина?

Въ Сомюрѣ вино продается даромъ, — въ одной цѣнѣ, что чай въ Китаѣ.

— Но у тебя и свѣчки-то нѣтъ? продолжалъ Гранде: дурно! дурно! нужно, чтобы было свѣтло всегда, вездѣ и во всемъ. Гранде подошолъ къ камину.

— Ого! восковыя свѣчи! ну, ну! а гдѣ, чортъ ихъ знаетъ, онѣ отрыли восковыя свѣчи! Онѣ сломаютъ весь полъ на дрова, чтобы сварить яичницу этому... негодяю!

Мать и дочь едва услышали послѣднія слова старика, бросились

въ свою спальню, какъ испуганныя мыши и забились подъ одѣяла.

— У васъ рудники перуанскіе, мадамъ Гранде? сказалъ старикъ, входя въ спальню жены своей.

— Другъ мой, подожди: я читаю молитвы, сказала она дрожащимъ отъ страха голосомъ.

— А, чтобы чортъ....

Скупые не вѣруютъ въ будущую жизнь, въ жизнь духовную; для нихъ настоящее все. Мысль эта въ состояніи выказать настоящій характеръ нашей эпохи, когда деньги составляютъ все — законы, политику, нравы. Секты, книги, люди, ученія, все сговорилось противъ вѣры, на которую уже восемнадцать вѣковъ опирается общество. Теперь хуло вѣратъ тайнамъ за могилою, и мысль о будущности, за предѣлами нашего *requiem*, блѣднѣетъ и исчезаетъ, какъ ложный призракъ передъ грубою существенностію. Достичь *per fas et nefas* земнаго рая роскоши, тщеславныхъ наслажденій, изсушить сердце огнемъ ядовитыхъ страстей и (въ параллель обратнаго сходства) подобно святымъ мученикамъ, вытерпѣвшимъ казни и пытки, за мысль, идею, за безплотную будущность, отравить и растлить кровь свою для златой пыли, за скоропреходящія тлѣнныя сокровища наши, вотъ общее вѣрованіе, вотъ общая мысль, проявляющаяся всюду, даже въ законахъ, въ положеніяхъ жизни общественной. Васъ спрашиваютъ: *сколько вы платите*? вмѣсто того, *что вы думаете*? Когда весь народъ усвоитъ подобное ученіе, что станется съ обществомъ?

— Кончила-ли ты, жонушка? спросилъ наконецъ бочаръ.

— Я молюсь о тебѣ, другъ мой.

— Это очень-хорошо, такъ до завтра, мадамъ Гранде, а покамѣстъ прощай.

Бѣдняжка заснула, какъ школьникъ, недоучившій урока, которому снился завтрашній день вмѣстѣ съ розгами и съ гнѣвомъ господина учителя.

Въ ту минуту, когда она завернулась въ одѣяло отъ страха, чтобы ничего не видѣть и не слышать, Евгенія встала съ постели, подошла къ ней тихо, ступая босыми ногами, и поцѣловала ее.

— Я скажу завтра все, добрая, милая матушка, я скажу, что это я.

— Нѣтъ, Евгенія, онъ отошлетъ тебя въ Нойе. Пусть ужъ такъ останется; вѣдь онъ-же меня не съѣстъ.

— Слышишь-ли ты, матушка?

— Что такое?

— Онъ все еще плачетъ.

— Ложись, моя милая, ты простудишься, съ голыми ногами.

Такъ прошолъ торжественный день, имѣвшій сильное вліяніе на судьбу богатѣйшей невѣсты Сомюра. Эта ночь была не такъ тиха и безмятежна для нея, какъ всѣ прежнія.

Весьма-часто нѣкоторыя черты человѣческой жизни намъ кажутся совершенно-невѣроятными, хотя они сбылись дѣйствительно. При быстрыхъ, необыкновенныхъ переворотахъ судьбы человѣческой, изслѣдователи почти всегда забываютъ освѣтить неясную сторону дѣла свѣтомъ физіологіи, т. е. не разбираютъ въ подробности причинъ, заключающихся не во внѣшней природѣ нашей, а глубоко, во внутренней, духовной. Можетъ-быть, мучительная страсть Евгеніи должна быть разобрана въ своихъ тончайшихъ фибрахъ и нитяхъ; ибо страсть эта, какъ замѣтятъ нѣкоторые, обратилась въ болѣзнь, отравившую все существованіе дѣвушки. Но многіе изслѣдователи любятъ лучше отречься отъ существованія дѣла, чѣмъ трудиться, анализируя его, распутывая запутанные узлы и связывая порванные концы происшествій. Для наблюдателей и физіологовъ довольно будетъ припомнить, для объясненія внезапной страсти, такъ наивно укоренившейся въ сердцѣ Евгеніи, прежнюю жизнь ея. Это естественно: чѣмъ тише и мирнѣе были протекшіе дни ея, тѣмъ сильнѣе воспрянули въ сердцѣ ея женское сочувствіе и жалость къ несчастію и бѣдствію Шарля.

Взволнованная дневными происшествіями, она не могла заснуть спокойно, просыпалась часто, стараясь прислушаться и угадать, что̀ дѣлалось въ комнатѣ Шарля; поминутно чудились ей вздохи и стоны его, такъ измучившіе ее наканунѣ. Онъ снился ей умирающимъ отъ горя, въ бѣдности; подъ-утро явственно услышали она страшное восклицаніе; она мигомъ одѣлаюсь и побѣжала на-верхъ.

Дверь въ комнату Шарля оставалась отворенною. Свѣчка потухала, догорѣвъ до конца. Побѣжденный внезапно сномъ, Шарль заснулъ нераздѣтый, сидя въ креслахъ и положивъ голову на постель. Евгенія могла тогда вдоволь наплакаться, глядя на него, и налюбоваться на это прекрасное чистое лицо, запечатлѣнное глубокою, тоскливою горестію; глаза его распухли отъ слезъ, и, смеженные сномъ, казалось, все еще плакали. Шарль угадалъ симпатически присутствіе Евгеніи, и, открывъ глаза, увидѣлъ ее передъ собою, всю въ слезахъ.

— Извините, кузина, сказалъ онъ, вѣроятно, не помня ни настоящаго часа, ни мѣста, гдѣ былъ.

— Мы принимаемъ въ васъ участіе, братецъ. Мы хотѣли спросить васъ, не нужно-ли вамъ чего-нибудь?.. вамъ надобно лечь, братецъ; вы и безъ того такъ утомились....

— Правда, кузина, и я...

— Прощайте-же, братецъ!..

И она убѣжала, краснѣя отъ стыда и задыхаясь отъ радости. — Только одна невинность осмѣливается на подобныя выходки.—Евгенія, нетрепетавшая возлѣ Шарля, едва могла держаться на ногахъ въ своей комнатѣ.—Ея жизнь простая, безхитростная, кончилась.—Евгенія начала размышлять и упрекать себя.

— Что́ подумаетъ онъ теперь обо мнѣ? Онъ подумаетъ, что я люблю его.

Ничего не желала она болѣе, какъ того, чтобы Шарль подумалъ именно это самое.

Какое странное, въ самомъ-дѣлѣ, происшествіе, неожиданное въ жизни простой, неопытной дѣвушки— войдти одной ночью въ комнату молодаго человѣка!

Часъ спустя, Евгенія, по-обыкновенію, вошла въ комнату своей матери, и помогла старушкѣ одѣться.—Потомъ обѣ пошли въ залу, и сѣли на своихъ мѣстахъ у окна, ожидая Грандé. — Обѣ онѣ были въ томъ странномъ состояніи духа, когда, въ ожиданіи бѣды, наказанія, сомнительной развязки, тоска сжимаетъ и холодитъ сердце: чувство естественное! Даже домашнія животныя подвержены ему до такой степени, что кричатъ при самомъ слабомъ наказаніи, тогда какъ тихо переносятъ жестокую боль, причиненную собственной неосторожностію.—Старикъ сошолъ наконецъ въ залу, но чрезвычайно разсѣянный, сказалъ нѣсколько словъ женѣ, поздоровался съ Евгеніею и сѣлъ за столъ. Казалось, что вчерашнія угрозы были забыты совершенно.

— А что́ дѣлается у племянника? Смиренъ малютка, по чистой совѣсти!

— Спитъ еще, сударь, отвѣчала Нанета.

— Ну, тѣмъ-лучше, такъ ему не надобно восковыхъ свѣчей, сказалъ бочаръ, насмѣшливо подмигивая однимъ глазомъ.

Такая неслыханная, неожиданная пощада, такая странная веселость, поразили госпожу Грандé; она внимательно взглянула на мужа.

Но чудакъ...

Здѣсь, можетъ-быть, не худо будетъ замѣтить, что въ Туррени, въ Анжу, въ Поатье, въ Бретони, слово *чудакъ*, которымъ мы часто означали старика Грандé, равно принадлежитъ къ означенію стариковъ самаго сварливаго и злаго характера, какъ и самыхъ терпѣливыхъ и незатѣйливыхъ добряковъ.

Итакъ нашъ чудакъ всталъ со стула и взялъ свою шляпу и перчатки:

— Я пойду побродить, сказалъ онъ: нужно столкнуться съ Крюшо.

— Послушай, Евгенія: отецъ твой непремѣнно задумалъ что-нибудь сего-дня, сказала госпожа Гранде.

И дѣйствительно, привыкши мало спать, Гранде болѣе половины ночей своихъ проводилъ за вычисленіями и разсчотами. — Такимъ-образомъ всякое замѣчаніе его, всякое сужденіе было безошибочно и основано на разсчотахъ заранѣе. — И весь Сомюръ удивлялся господину Гранде.

Все человѣческое могущество заключается въ двухъ элементахъ: въ терпѣніи и времени. Могучіе хотятъ и трудятся. — Жизнь скупаго есть одно изъ проявленій всей необъятной воли человѣческой въ одномъ частномъ лицѣ, въ индивидумѣ. — Два начала составляютъ вмѣстѣ жизнь скупца: самолюбіе, жестокое и неумолимое, и твердая самоувѣренность; два элемента эти, будучи совокуплены вмѣстѣ, составляютъ одно — эгоизмъ; вотъ почему лицо скупаго въ драмѣ или комедіи возбуждаетъ огромнѣйшій интересъ. — Всякій подмѣтитъ въ ловко развитомъ характерѣ скупаго какую-нибудь сторону и своего сердца, часть своего внутренняго *я*. Лицо скупаго заключаетъ въ себѣ почти всѣ обстоятельства жизни, почти всѣ мелочи человѣческія, всѣ желанія общественныя. Сыщите человѣка безъ желаній? Какое общественное желаніе не покупается золотомъ?

Дѣйствительно, Гранде *что-то задумалъ*, по выраженію жены своей. — Какъ и у всѣхъ скупцовъ, въ характерѣ его, въ его природѣ, вѣчно и неумолкаемо двигалось желаніе, какая-то ненасытная страсть—законнымъ образомъ цѣлить золото въ свои сундуки изъ кармановъ ближняго. — Перехитрить всѣхъ и каждаго и потомъ презирать простаковъ, смѣяться надъ ними, вотъ жизнь, власть, душа, могущество, гордость скупаго. — Скупецъ понимаетъ терзанія нищеты и бѣдности, онъ ихъ постигъ; онъ *постигъ агнца, ведомаго на закланіе*, эмблему умирающаго съ-голода. — Но скупецъ — онъ сначала откормитъ своего агнца, обнѣжитъ его, потомъ его рѣжетъ, потомъ его жаритъ, потомъ его ѣстъ, по правиламъ, терпѣливо, методически. — Презрѣніе и золото, вотъ насущный хлѣбъ для скупаго.

Ночью блестящая мысль озарила Гранде, — вотъ отчего утромъ перемѣнился вѣтеръ. — Онъ выдумалъ планъ посмѣяться надъ Парижанами, уничтожить ихъ, втоптать ихъ въ грязь, раздавить ихъ; онъ, старый бочаръ, онъ заставитъ трепетать Парижанъ! — Поводомъ ко всему былъ его племянникъ. — Старику пришла въ голову идея спасти честь своего покойнаго брата и уничтожить его банкрутство, не истративъ на все это сломаной копѣйки. — Капита-

лы свои онъ положилъ на три года, онъ-таки разстался наконецъ съ своими сокровищами; теперь ему не доставало пищи духу, не доставало занятія, движенія; онъ былъ безъ рукъ; нужно было найти занятіе, изобрѣсти его. — Банкротство брата доставило ему и поводъ, и средства.—Ему хотѣлось обезпечить судьбу Шарля, выказаться превосходнымъ братомъ, преоригинальнымъ чудакомъ дядюшкой и все это даромъ, по цѣнѣ самой умѣренной. Честь дома Грандé была въ сторонѣ; ей и мѣста не было въ спекуляціяхъ старика. — Нѣтъ! съ нимъ было тоже, что бываетъ съ отчаянными игроками, спустившими все до копейки; они не отходятъ отъ стола и, сложа руки, съ наслажденіемъ смотрятъ на игру своихъ побѣдителей; и это для нихъ счастіе, и это забава!

Крюшò необходимы теперь старику, но рѣшено, что онъ самъ къ нимъ не пойдетъ. — Пусть сами придутъ, тогда вечеромъ начнется знаменитая комедія, а послѣ завтра въ цѣломъ Сомюрѣ только и рѣчей будетъ о благодѣтельномъ родственникѣ, о превосходномъ братѣ, словомъ о господинѣ Феликсѣ Грандé Сомюрскомъ, и, главное, все это будетъ даромъ — не будетъ стòить ни копейки.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

* * *

Скажи, скажи, товарищъ мой —
Любилъ-ли ты, какъ я?
Кипѣла-ль буйною волной
Страсть пылкая твоя?
Бывалъ-ли ты съ судьбой въ борьбѣ?
И кто изъ васъ сильнѣй?
И много-ль горестныхъ тебѣ
Прожить досталось дней?
Скажи.... Кто грусть передаетъ,
Легко тому вздохнуть!
Онъ снова терпитъ и живетъ,
И тише бьется грудь.
Какъ вихрь въ разсѣлину скалы
Съ грозою залетитъ,
Шумитъ, визжитъ до чорной мглы,
И пыль столбомъ крутитъ....
Но утро ясное блеснетъ —
И буря далеко.. .
Печаль отъ сердца отпадетъ,
И — на сердцѣ легко!
Звѣздой горитъ надежда вновь,
Лелѣетъ сладкій сонъ....
И будто счастье и любовь
Случайно встрѣтилъ онъ. —
Скажи, скажи, товарищъ мой —
Любилъ-ли ты, какъ я?
Кипѣла-ль буйною волной
Страсть пылкая твоя?
Бывалъ-ли ты съ судьбой въ борьбѣ?
И кто изъ васъ сильнѣй?
И много-ль горестныхъ тебѣ
Прожить досталось дней?

Н. С.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

—

ВЛАДИМІРЪ ЛУКИНЪ,

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ПИСАТЕЛЬ 1765 ГОДА.

Что̀ ни говорите объ Александрѣ Петровичѣ Сумароковѣ, а онъ, именно *онъ*, заставилъ многихъ и премногихъ у насъ и думать, и гадать о родномъ нашемъ русскомъ театрѣ; до него-же, смѣло могу спросить васъ: «что̀ такое былъ театръ нашъ: *Бова Королевичъ*? *Ярославъ Лазаревичъ*? *Мивъ*, а-съ?» Да! рѣшительно да! только Сумароковъ, въ свое время, сдѣлалъ многое, *очень многое* для нашихъ театровъ, а вмѣстѣ уже съ Сумароковымъ и послѣ Сумарокова, у насъ-же нашлися тотчасъ люди, которые, какъ и слѣдовало, какъ и надобно имъ, тутъ же стали сами говорить о театрѣ и *заниматься* театромъ и *писать* для театра! Такъ было и — тогда-то лишь, послѣ прежнихъ дѣтскихъзабавъ нашихъ въ *ломовыхъ*, да въ *конныхъ*, да въ *кукольныхъ* *, мы жадно раскусили прелесть и усладу гораздо-высшихъ забавъ, не для однихъ только глазъ, но и для сердца и для души,—для ума-разума полезныхъ!

Въ числѣ самыхъ ревностнѣйшихъ послѣдователей за Сумароковымъ (какъ сказано) очень-скоро явились писатели, на свою пору, весьма-замѣчательные, годные хоть-бы и нынче. Я назову

---

* Выражаюсь языкомъ простотолюдиновъ: *ломовыми* комедіями, на этомъ языкѣ, называются комедіи *фигляровъ*; *конныя* и *кукольныя* понятны всякому. *М.*

изъ нихъ *Аблесимова*, *Богдановича*, *Веревкина*, *Дашкова*, *Дмитревскаго*, *Ельчанинова*, *Козицкаго*, *Майкова*, *Фон-Визина*, да пожалуй и другихъ многихъ, а въ числѣ уже *этихъ-же* многихъ и Владиміра Александровича (а по другой вѣсти *Алексѣевича* *) *Лукина*. Этотъ Лукинъ былъ *Надворный* совѣтникъ (такъ говоритъ извѣстный мнѣ формуляръ его) и по-службѣ своей, *безвыѣздный* петербургской житель. Все это и что́ булетъ слѣдовать, мнѣ довольно-подробно передала молва, Лукину современная; но теперь она, *эта молва*, уже преданіе!...

Знакомясь *почтительно*, хотя и неблизко съ Сумароковымъ (чинъ чина почитай!) — говоритъ самое это преданіе и, какъ видите, даже и съ отмѣткою: *чинъ чина почитай*! — Владиміръ *Лукинъ*, тоже съ *почтеніемъ* вертѣлся и около другихъ нашихъ драматическихъ именитостей, особенно-же подлѣ юнаго *Веревкина*, который, по своей остротѣ, въ неровенъ часъ, не спускалъ и самому Александру Петровичу: подтрунивалъ онъ надъ старикомъ препорядочно! Вотъ и Лукинъ, въ его мѣру, тоже проказникъ, иногда за нимъ-же за Веревкинымъ, вторилъ свои *подсмѣшки* надъ драматикомъ-старцемъ, уже весьма, весьма слабымъ и уже отъ самой этой слабости совершенно безцвѣтнымъ! Грѣшили они оба!

Бывало все это однакожъ заочно, безъ Александра Петровича; но ужъ если когда, тотъ-же нашъ *глумило*, Лукинъ, встрѣчалъ его глазъ къ глазу, носъ къ носу, тогда-де онъ не смѣлъ и сидѣть передъ Александромъ Петровичемъ: стоитъ, бывало, онъ Лукинъ, все стоитъ, да величаетъ его Александра Петровича: «*Ваше Превосходительство*!» Штуки такія вѣдь и нынче водятся *за иными* литературными слугами и особенно за *журналистами*: на *которой-нибудь полкѣ* ихъ *библіотеки* или въ какой-либо ихъ *запискѣ*, расклянутся они вамъ что нѣтъ *ни сіятельства*, ни *превосходительства*; а гдѣ придетъ имъ надобность, такъ тутъ ужъ нѣтъ *у нихъ и мѣры сіятельству* и *превосходительству*, тутъ ужъ не *аршинами*, а прямо *саженями* такъ то́ и другое и мѣряютъ; смѣются лишь надъ *вѣчными титулярными совѣтниками* — Впрочемъ журналисты дѣло особое, попадется имъ на глаза *иной* и *титулярный*, они и передъ нимъ сѣсть не смѣютъ; ну, а тотъ-же *титулярный*, или и кто-бы то ни было, подвернется *не подъ ихъ*

---

* Копія съ формуляра Лукина доставлена мнѣ покойнымъ Графомъ Д. Ив. Хвостовымъ, но весьма-связно и худо переписанною, и потому-то я не ручаюсь за точность отчества нашего драматика. *Новиковъ* также не говоритъ о немъ. *М.* — Въ Каталогѣ Смирдина Лукинъ названъ по отчеству *Игнатьевичемъ*. *Ред.*

идею, издали, за стѣнкою, разругаютъ его до тла, да еще и отопрутся: «Это-де *не я васъ бранилъ*, а *Богдыханъ Китайской*, *Францыль Венціянъ*, *Король Брамбеусъ* * или *иныя* какія лица; *онъ-де* прислали мнѣ *свои* статьи, должно было ихъ помѣстить въ моихъ листкахъ, а не то-бы я залетѣлъ *въ такую* подсолнечную! Мнѣ же что до васъ! Помилуйте, да я къ вамъ имѣю *наичистѣйшее* уваженіе!» — Вотъ, видите-ли, какъ бывало въ старину? да не такъ-ли-же и нынче?...

— Да что-это, братъ, Володя! Ужъ, говорятъ, и ты пописываешь? однажды спрашивалъ Лукина Александръ Петровичъ.

— Ахъ! Ахъ! Ахъ! да будьте-же отцомъ, Ваше Превосходительство! Ну! *какъ-это*! Гдѣ намъ! Возможно-ли? возразилъ съ младенческою робостію Лукинъ Александру Петровичу.

— Какъ! Какъ-это? съ великою досадою крикнулъ Его Превосходительство: *а это-же что*? Вѣдь *Иванъ Перфильевичъ* не станетъ-же лгать на тебя! Развѣ не онъ заказывалъ тебѣ переводы изъ *Гоппа*? И вотъ смотри, твой-ли это *Пустомеля*? — Пустомеля, Пустомеля!

Старый трагикъ, будучи на-веселѣ, смотря на Лукина, повторилъ это слово «*Пустомеля, Пустомеля*» разъ двадцать.

Лукинъ, краснѣя, какъ дѣвица, не нашолъ также и самъ другаго слова, кромѣ слова «*Пустомеля*»; онъ тоже, глядя на Сумарокова, твердилъ за нимъ: «*Пустомеля, Пустомеля, Пустомеля*!»

— Комедіяльная то была сцена! замѣчалъ о томъ Иванъ Перфильевичъ *Елагинъ*, въ запискѣ своей къ Веревкину, которую, съ прочими многими бумагами, удалось намъ видѣть у покойнаго Платона Петровича Бекетова. Анекдотъ этотъ долго ходилъ по Петербургу. Лукина хорошо узнали! Впрочемъ и до того еще, его комедія «*Мотъ, любовію исправленный*», съ большимъ успѣхомъ представленная 19 января 1765 года, на придворномъ театрѣ, принесла уже ему лестную для него извѣстность «Его похвалила Сама Императрица!» Такъ говорили. Похвала эта, противу Лукина, еще болѣе вооружила завистію *основщика* русскаго театра (какъ и самъ себя, иногда, называлъ Александръ Петровичъ). Его поддерживалъ Майковъ и говорилъ даже во многихъ, тогда блестящихъ *салонахъ*, «что то-де весьма-*странная* вещь, что многіе *такіе люди* берутся у насъ писать *о свѣтѣ*, незная хорошенько и

* Дѣйствующіе лица въ извѣстной, въ свое время, исторіи О *славномъ и храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венціянѣ и о прекрасной Королевнѣ Рыцевинѣ*. *М.*

синь–порошиночки по обязанностямъ этого свѣта. Вотъ, хоть-бы *Володякъ* Лукинъ, повѣса, шалунъ, подъячій родомъ!» — Такъ-то побранивала Лукина великая литературная партія Сумарокова; но, однакожъ, были добрые и свѣтлые люди, которые и *за* Лукина крѣпко спорили; а предпочтительно славные, по той порѣ, наши придворные актеры — *Бахтуринъ*, *Дмитревскій*, *Поповъ*, *Троепольская*; всѣ они единогласно утверждали, что *языкомъ Лукина* гораздо-легче говорить, нежели *на языкахъ* Сумарокова и Майкова! И тутъ ужъ Сумарокову почти и дѣлать было нечего: къ Лукину, отчасу болѣе и болѣе пристава.ла, или лучше выражусь, *прививалась* сильная партія тогдашнихъ знатоковъ и любителей нашего *россійскаго театра*; особенно, въ этомъ случаѣ, *по* Лукинѣ-же былъ Богданъ Егоровичъ *Ельчаниновъ*, задушевный другъ Лукина, да и самъ, какъ выше означено, *драматикъ*, а притомъ и сценистъ великій. Со–всѣмъ–тѣмъ, какъ и всегда бываетъ, *сила случайности* превозмогла *непрочную настойчивость за опыты юности драматической*, громомъ разразилась на ней *всякая* клевета и наконецъ сломила Лукина! Конечно, говоръ публики кое–гдѣ еще держался за него, да и то въ-тихомолку, и то весьма-недолговременно, и то на *двухъ* только его комедіяхъ, именно на *Мотъ* и на *Пустомеля*; другія-же двѣ его піесы: *Награжденное Постолиство* и *Щепетильникъ* (Bijoutier ou la boutique de galanteries) посвященная отъ ея перелагателя *Ельчанинову*, какъ-будто не были; о нихъ при *именитостяхъ*, какъ и теперь водится, даже и говорить не смѣли! Одинъ только Иванъ Семеновичъ *Барковъ*, при встрѣчѣ какъ-то съ Лукинымъ, расхохотавшись, молвилъ ему:

— А что́ братъ, Володька! *ошибли* перья? Дай выручу! Поднеси! Я взведу тебя къ парнасскому *небу*; вотъ они и станутъ — ну! знаешь, на *раковомъ* походѣ! Да это бы все ничего, а то у нихъ *манира — затирать* нашу братью и отъ службы на *уголъ*; сами лѣзутъ себѣ въ *сенаторію*, а другому и къ *повытью* нѣтъ тропиночки, тотчасъ ее заложатъ дрязгомъ; а не то высоко-де пойдетъ *къ небу, къ небу*! Видишь, имъ только и жить, да быть *небесными*! Ахъ-ма! *»

Приведенныя сцены случались съ Лукинымъ въ-часту́ю, а онъ, какъ водится и съ другими нашими братьями–писаками, *все мыслилъ, да мыслилъ*, все *писалъ, да писалъ*; а между–тѣмъ нѣкоторые товарищи его *не по мыслямъ*, но по службѣ и *безъ мыслей*, и

---

* Пересказъ Сенатора *Гавр. Алексѣев. Кропотова*, знавшаго Лукина лично. *М.*

безъ писанья, съ одною только *вѣрною точностію данныхъ имъ формъ*, далеко, далеко его обѣгали; многіе уже изъ нихъ сидѣли на *стульяхъ* и *креслахъ мыслительности*, а притомъ еще и съ великимъ правомъ (именно только по *кресламъ* и *стульямъ*) — и *безъ мышленія судить* и *рядить*, что̀ *имъ сидящимъ будетъ угодно*! Онъ-же Лукинъ, попавши въ Совѣтники *Надворныс*, долженъ былъ биться всѣми неправдами и то кое-какъ около одной *Дворской* Канцеляріи — писецъ, *не писецъ*, *державецъ столовой*, не *державецъ*!— «Не могу понять, что̀-бы это такое *Надворной* Совѣтникъ?» шутливо-обращаясь къ Лукину, спросилъ его какъ-то Сумароковъ. — *Рангъ* очень понятный, отвѣчалъ Лукинъ: *я на дворѣ*, а вы только *при дворѣ*, мое право въ *немъ*, а ваше лишь подлѣ *него*. Иванъ Перфильевичъ *Елагинъ*, услышавши такое объясненіе чинамъ, не утерпѣлъ, чтобъ не разсмѣяться, и тутъ-же сказалъ Лукину: «Какъ быть, *Володя*, цѣлѣе будешь, *не-куралѣсь дальше*: коль скоро задумаешься, такъ тебя и не растолкаешь!...» Такова почти обыкновенно участь *мыслящихъ*: задумаются, ихъ не растолкаешь, или на-оборотъ, ужъ слишкомъ примутся *за смыслъ во всемъ*; а и это невсегда-то ладно — много *придумается*....

Всѣ четыре піесы, изданныя Лукинымъ, конечно не оригиналы, *собственно* имъ изобрѣтенные; онѣ всѣ вообще, что̀ у насъ называютъ, *передѣлка на русскіе нравы*; но и другіе наши писатели, особенно Сумароковъ, кромѣ Дениса *фонъ-Визина* (который, также, послѣ надъ Лукинымъ трунилъ) развѣ не того-же держались? Гдѣ ихъ произведенія *родныя*, вылившіяся изъ души ихъ?

Въ 1765 году сочиненія Лукина были имъ собраны, уступлены за совершенную бездѣлку петербургскому переплетчку *Миллеру* и наконецъ всѣми неправдами самой злой медлительности были имъ напечатаны, какъ онъ, *Миллеръ*, говаривалъ, положительно въ убытокъ его капиталу. Вотъ весь порядокъ этого изданія:

Титулъ книги:

«*Сочиненія* и *переводы Владиміра Лукина*, двѣ части. Печатано въ С. п. бургѣ, 1765 года. (Продается въ *Милліонной* улицѣ, близъ *стараго зимняго двора*, у переплетчика *Миллера*. Цѣна 60 копеекъ.)»

Засимъ книга посвящена: *Кабинета* Ея Императорскаго Величества и *Главной Дворцовой Канцеляріи Члену Ивану Перфильевичу Елагину*, замѣчательному автору *Опыта Повѣствованія о Россіи*, переводчику, изъ *Браве*, именитой, въ свое время, трагедіи *Безбожный* и переводчику же *Приключеній Маркиза Г...* романа *Маркиза Д'Аржанса* (въ 6-ти частяхъ), книги, отъ которой, на позапрошлыхъ годахъ, вся наша тогда еще очень, очень-*маленькая*

читающая публика была безъ ума и безъ памяти! — За самымъ этимъ приношеніемъ Елагину, предварительно *настоящему* посвященію, слѣдуетъ еще *особое авторское извѣстіе* (безъ нонумеровки его страницъ); оно весьма-просто, но любопытно, наивно, да притомъ же оно рисуетъ, достаточно понятно, и весь *вольный* характеръ автора. Вотъ какъ онъ въ этомъ *извѣстіи* сознаетъ самого-себя:

«Сердце мое» такъ говоритъ онъ: «мнѣ предвѣщаетъ, что мно-«гіе люди, коимъ не припишу я *имени прилагательнаго*, а оста-«влю на догадку читателей, будутъ меня, безъ всякія пощады, «нетолько осуждать, но и бранить за то, что я издаю *частями* «*мои сочиненія и переводы*.» — Тогда *это дозволялось* только *именитостямъ* литературнымъ, а про *невеликаго* писаку единогласно говаривали: «*только пишешь, высоко лѣзешь, далеко ѣдишь*!»

«Станутъ всѣ,» продолжаетъ Лукинъ: «въ хулу мнѣ приписы-«вать разныя причины: на-примѣръ, что виною тому мое *само-«любіе, незнаніе*» (вѣроятно, приличій?) и проч. и проч. «Скажутъ «тоже они (недоброхоты Лукина), что надлежало-бы мнѣ *обо-«ждать* и написать что-нибудь получше, для того, что и *давно пи-«шущіе* не издаютъ *собранія своихъ сочиненій*....»

Вотъ въ чомъ и штука! Но за то ужъ *нынѣ* этой *привиллегіи* развѣ ждутъ только люди старомануерные; другіе-же въ печатаніи задержки не знаютъ: *выпрыгните* изъ школы, надѣньте *очки* и дуйте *во всю ивановскую* хоть *томы* журналовъ, бранитесь порѣзчей, — да вы ужъ великій словесникъ, Баронъ *Усыгусъ*!)

«... Не издаютъ собранія своихъ сочиненій», опять разсказываетъ *Володя*:» на сіе могъ-бы я имъ сказать, что *тѣ* господа писатели, «можетъ быть, имѣютъ неизвѣстныя мнѣ причины не выдавать «*вдругъ* трудовъ своихъ....»

А причины эти могутъ быть весьма-достаточными, опять замѣчаю я, какъ *бывшая жертва* такихъ причинъ, и особенно для писателей *юныхъ* и *юнѣйшихъ*. Собирая и печатая свои *осмнадца-тилѣтніе* и даже включительно до *тридцатилѣтія* писанья, чего, чего не соберешь и чего, чего не напечатаешь? Тутъ невольно откроешь *магазинъ съ игрушками*, но магазинъ самой непорядочный! Посмотрите, въ немъ игрушкамъ нѣтъ числа; а вотъ на этой полочкѣ, къ *птичкѣ* приклеена голова *коровьл*, а у *коровки*, вмѣсто *рога*, торчитъ *нога человѣка*, и такъ далѣе, далѣе, всё далѣе!... — Юность первая *ломка* въ жизни человѣческой: какъ она васъ *заломитъ*, такъ вы и останетесь! Но пора опять къ Лукину:

«А я, по моимъ обстоятельствамъ,» договариваетъ онъ: «прину-

«женъ мои выдавать (*сочиненія и переводы*), и за то всѣмъ и прочимъ «судіямъ не долженствую ни малымъ отчетомъ.»

Вынужденіе это, разсказывалъ мнѣ *Кропотовъ*, произошло отъ *долговъ* Лукина какому-то ростовщику, которой, *погромыхивая* деньгами, вездѣ, и въ частяхъ, и въ кварталахъ, грозилъ Лукину арестомъ *въ сибирку* (въ тюрьму). И вотъ Лукинъ, при весьма-ограниченномъ состояніи, совершенно потерялся и, продавая Миллеру *только за себя въ выручку двѣ свои комедіи*, никакъ еще этою выручкою не могъ покрыть своего долга и тѣмъ избавиться отъ закупленнаго *квартальнаго*, сидѣвшаго съ утра до ночи въ его пріемной; но квартальному было хорошо: Лукинъ угощалъ его *чѣмъ Богъ* послалъ, *кое-чѣмъ* дарилъ его, а кредиторъ Лукина награждалъ того-же *алгвазила* еще и вчетверо больше и *жареными*, *и парными*, какъ говорили; но за то бѣднягѣ нашему должнику ужъ очень, очень приходилось жутко; жилетъ заложилъ, капотъ заложилъ, шапка бобровая тула же глядѣла, и вотъ насилу-то онъ уговорилъ еще переплетчика, чтобъ онъ, принявъ отъ него весь театръ его, перевелъ за то на себя весь его долгъ. Миллеръ подумалъ о томъ; но согласился, ибо долги молодыхъ людей отъ ростовщиковъ можно скупать за половину и даже за четвертую часть капитала: ужасные проценты всегда гасятъ ихъ въ самое короткое время, и вотъ Лукинъ, за расплатою, остался только съ *сотнею* рублей и *часами*, полученными имъ за посвященіе, отъ Елагина.

Далѣе авторъ нашъ, объяснивъ, что онъ недолженъ за свои сочиненія отвѣтомъ, говоритъ: «Однако, удаляяся отъ таковыхъ «колкихъ отвѣтовъ, которые нерѣдко и въ ссоры заводятъ, скажу «всѣмъ читателямъ истинное мое намѣреніе: я предпріялъ чрезъ *сіе* «*изданіе* сохранить переведенныя мною *изъ двухъ чужихъ писате-*«*лей и на наши нравы исправленныя* (направленныя) комедіи и про-«чіе мелкіе переводы, которые навсегда, по содержанію ихъ, чте-«нія достойны. И *сіе* дерзновеніе пріемлю я болѣе для перево-«довъ, нежели для *собственныхъ* моихъ сочиненій, и по совѣсти «моей могу въ томъ побожиться, чему всѣ тѣ люди, которые *со-*«*вѣсть* имѣютъ, непремѣнно мнѣ повѣрятъ; а кто *ея не имѣетъ*, «до того мнѣ и нужды нѣтъ, потому-что и хула таковаго пере-«говорщика въ похвалу мнѣ послужитъ....»

Не спорю, можетъ-быть и въ этомъ случаѣ неблагородный Лукинъ справедливъ вполнѣ, но однакожъ слова его *да не всякой изъ насъ поставитъ для себя эпиграфомъ*!

«Вѣрьте, любители словесныхъ наукъ», говоритъ опять нашъ авторъ: «вѣрьте... что я *для удовольствія* вашего печатаю *труды*

«*мои*, изъ другихъ авторовъ *заимствованные и мною сочиненные*, «которые по *частямъ* выдавать буду.»

Къ-сожалѣнію продолженія трудовъ этихъ не было; переплетчикъ Миллеръ не напалъ въ Лукинѣ ожиданной прибыли, и Лукинъ сталъ на мель!

Тѣмъ, или почти тѣмъ, все *книжное извѣстіе* рѣшительнаго драматика кончилось; за нимъ уже тотчасъ слѣдуетъ его-же полное и *формальное посвященіе Елагину*; въ немъ онъ, благодаря своего Мецената, сознается, что *ему*, Лукину, «*произволеніемъ судьбины пресѣченъ путь ко всякой отплатѣ за получаемыя имъ отъ Ивана Перфильевича благотворенія.* Я», говоритъ онъ: «*и родился на свѣтъ только для принятія одолженій*, и *даже не могу быть полезнымъ и для тѣхъ, кто меня бѣднѣе?*» Тутъ видна вся душа автора. Это его соболѣзнованіе: «*желать помочь и не имѣть средствъ помочь.*» Разительно до-крайности! Далѣе онъ становится спокойнѣе и уже объясняетъ Елагину, «что и самая *хула* на его комедію *Мотъ*, сдѣланная отъ завистниковъ (его славы) служитъ еще ему-же удовольствіемъ»! Теперь желательно знать, въ чомъ-же эта была *хула*, столько Лукину любезная? Объясняю это опять преданіемъ, дошедшимъ мнѣ отъ *Кропотова*: «*Сами* Сумароковъ и Майковъ», разсказываетъ мнѣ этотъ почтенный старецъ: «не надѣясь, чтобы *неизвѣстный* Лукинъ хотя-бы что-нибудь могъ написать порядочно, *приписывали всѣ его сочиненія Елагину* — по-слогу; а *слогъ* Елагина тогда почитался однимъ изъ наилучшихъ!» Остальное поясняется продолженіемъ посвященія, гдѣ Лукинъ уже съ восторгомъ говоритъ *о томъ*, что, по приговору его враговъ, даже и въ *слогѣ* его видѣнъ *весь его благодѣтель и учитель Иванъ Перфильевичъ Елагинъ*,—чего-же лучше? Признательность справедливая и самая благородная. Но спустя лѣтъ сорокъ послѣ того, тѣмъ-же начали урекать и послѣдователей Карамзина?—Между писателями всегда остается какая-то могучая посредственность; она доступнѣе людей высокихъ, каждому невѣждѣ, и потому, партія *ихъ подъисковъ* всегда сильнѣе *партіи просвѣщенныхъ*. Худо дѣлали, что слѣдовали Елагину, а еще хуже того было послѣдованіе за Карамзинымъ: — такъ говаривали *невѣжды*!

Въ первой части сочиненій Лукина находятся: 1-е какъ мы видѣли, *Извѣстіе* и 2-е *Приписаніе*; 3-е *Предисловіе къ Моту*; 4-е *Мотъ*, комедія; 5-е Предисловіе къ *Пустомелѣ*, и 6-е *Пустомеля*.

Предисловіемъ къ *Моту*, Лукинъ объясняетъ, что тутъ *образцомъ* для него были *де-Ту* и *Ла-Шоссе*; но что онъ, гдѣ только

ему возможно было, вездѣ снаравливалъ *чужаго* Мота къ нашему *мотовству родному*. А какъ притомъ, будучи и *самъ* игрокъ *азардный* (которому, однако-жъ, можно было выигрывать, а проигрывать нечего) онъ *сказаннымъ*-же своимъ *Мотомъ* раскрывалъ всѣ таинства современнаго ему *дворянскаго* нашего *мотовства*, а съ тѣмъ-же вмѣстѣ представлялъ и прелюбопытную картину, современныхъ-же себѣ, *картежныхъ сборищъ*. Очень-хорошо выведены у него, при семъ случаѣ, всѣ обманы и ужасная *прилипчивость* тогдашнихъ *надувателей* молодежи, ростовщиковъ! Тутъ весьма-явственно высмотришь всѣхъ этихъ *грабителей* и замѣтишь, безъ всякаго труда, какъ *они* во всякомъ *частномъ* займѣ умѣютъ *закрыть* законъ *закономъ* и обращаются уже въ *совершенныхъ* злодѣевъ, ужаснѣйшихъ самыхъ разбойниковъ; тутъ совѣсть ихъ такъ *черства*, что нѣтъ уже *для* нея никакого убѣжденія человѣчесваго, которое могло-бы ее тронуть, а тѣмъ болѣе расшевелить; и вотъ потому-то эти ужаснѣйшіе преступники, безнаказанно пользуясь слабостями *ближнихъ*, живутъ и цвѣтутъ, *цвѣтутъ* и зрѣютъ!

Картина игры нарисованная Лукинымъ, слѣдующая: (говорю его словами) : *Выигрывающіе* богачи сидятъ кичливо, на столъ об- «локотяся; видъ ихъ веселъ; грабя звѣрски братій своихъ, на «лицахъ у себя сохраняютъ полную радость! Но вотъ и *несча- «стныя* жертвы ихъ; они истощаютъ послѣднія силы, и по разно- «образію лицъ, недоступны кисти *лучшаго* художника живописи. «Посмотрите: вотъ эти мертвецы, только-лишь оставившіе гроба «свои, а вотъ *эти* съ налитыми кровью глазами, не вѣрные-ли «портреты Фуріи? Тутъ-же бесѣдуютъ и такіе, которые ничѣмъ «не разнятся отъ преступника, приговореннаго къ смерти; а иные, «посмотрите-ка на нихъ, *необычайнымъ румянцемъ* на лицахъ «своихъ (употребляю точное выраженіе Лукина) *ягодъ клюквъ по- «добны*! А вотъ иные клянутъ день своего рожденія и родителей, «вотъ эти бьютъ по столу, эти терзаютъ волосы, эти дерутъ карты «и проч., и проч.» За самою-же этою картиною, слѣдовало-бы Лукину также обрисовать и поставить въ рамку ростовщиковъ, *потворщиковъ* мотамъ, *навязчиковъ*-торговцевъ, сводчиковъ, *завлэчивыхъ* стряпуновъ-ябедниковъ и проч. и проч.; но большая часть этихъ людей принадлежитъ *могучему* классу денежной аристократіи, ея силѣ, для недостатка страшной, и потому-то бѣднякъ Лукинъ, не приступая къ *близкому* очертанію *всѣхъ этихъ золотыхъ лицъ*, сказываетъ только то, что на *мотовскихъ-же сходбищахъ* присутствуютъ и самые *безбожные ростовщики* и *безсовѣстные купцы*, продающіе свой товаръ погибающимъ *вдесятеро* дороже того,

чего онъ стоитъ. Впрочемъ, кромѣ подобныхъ словъ, о такомъ предметѣ Лукинъ ничего другаго и сказать не смѣлъ!—С. п. бургскій оберъ-полиціймейстеръ Никита Ивановичъ *Рылѣевъ*, уже гораздо и послѣ-того, видѣвши обманутымъ и обыгранымъ своего сына, старался найдти *мастера*-законника, который-бы написалъ проектъ для доклада Государынѣ, какъ и какимъ образомъ *уничтожить игроковъ и ростовщиковъ*.

— Правда-ли это, *Никитушка*, что и ты началъ хлопотать про *сочиненіе новаго уложенія?*» спрашивала, улыбаясь, Императрица Никиту Ивановича *.

— Правда, правда, матушка, денной грабежъ! отвѣчалъ смѣло *Рылѣевъ*. Напишемъ, да вамъ доложимъ.

— А у чего-же ты, *дружочекъ*, оберъ-полиціймейстеромъ! продолжала Государыня: Не самъ-ли ты плохъ? Мы всѣ здѣшніе городскіе *одна твоя семья*, а *въ своей семьѣ*, какъ чего не вызнать, особенно съ такимъ *множествомъ* братіи *приставовъ*, сколько у тебя ихъ? У приставовъ-же твоихъ тоже *свои братья* квартальные! Какъ-же это вамъ не знать *между своими*: кто у васъ *роститъ*, кто *сажаетъ*, кто *поливаетъ*, а кто только что *рветъ*? вы огородники! Подмѣть одного *такого* злодѣя, отдай его закону, и вотъ ужъ *сотни*, какъ не бывало!..

— Ищемъ, ищемъ, матушка! отвѣчалъ Никита Ивановичъ, по привычкѣ потирая свой лобъ: да *братья*-то у меня *не всѣ* родные—*кумятся!*

— Лови и братьевъ! продолжала Екатерина Великая, и приказала Рылѣеву выдти.

Вотъ вскорѣ послѣ этого-то случилась у нашего оберъ-полиціймейстера съ иностранцемъ *Пекерсомъ* или *Пикеромъ*, касательно покражи мебели, презабавная выходка — Она многимъ была извѣстна, по комедіи Судовщикова: *Неслыханное диво или Честный Секретарь*.

Но пора о Лукинѣ. Развертываю его книгу и читаю, какъ онъ разсказываетъ о своей *интригистикѣ*: *Мота* его опредѣлили играть, и «въ *среду*, *въ пять часовъ*, почти весь партеръ наполнился, а ложи «и того ранѣе.» Тамъ и сямъ шушукали, какъ и водится, что «*будетъ-де играна новая русская комедія въ пяти дѣйствіяхъ*». Лю-

* Эта сцена передана мнѣ роднымъ моимъ дядею, гвардіи *Семеновскаго* полка *капитаномъ* и *современникомъ Рылѣева*, Д. В. *Писаревымъ*.

бопытство и склонность къ новизнѣ, продолжаетъ Лукинъ, влекли многихъ зрителей се видѣть; нѣкоторая-же часть изъ нихъ шла и затѣмъ въ театръ, чтобъ увидѣть *мое паденіе*. Не слыхалъ я самъ всѣхъ разсужденій, въ партерѣ дѣлавшихъ; но отъ пріятелей моихъ свѣдалъ, коль оныя странны были! Большая часть противниковъ моихъ еще до начатія піесы кричали, что *не моего пера плоды увидятъ*, а коли и *моего*, то конечно *кѣмъ-либо правленные*.

Началась комедія. *Первое* дѣйствіе до конца прошумѣли, прокашляли, просморкали и табакъ пронюхали, а *два* главные русскаго языка ненавистники, *Пустозвяковъ* и *Чужехватовъ* (?) разносили по партеру *прошлогоднія* вѣдомости, сказывая зрителямъ, что *веселье ихъ читать*, нежели *представляемый вздоръ* слушать. Второе дѣйствіе побудило зрителей ко вниманію; а въ послѣдующихъ была тишина, рѣдко случающаяся. Словомъ, въ противность желанія моихъ ненавистниковъ, комедія бо̀льшей успѣхъ имѣла, нежели я уповать могъ; и если-бы она была *не моя*, или и *моя*, *но кѣмъ-нибудь правленна*, то конечно-бы этимъ опорочиваніемъ упала, ибо не могло-бы сіе дѣло долго тайною остаться. Прежде представленія свѣдали-бы о томъ нѣкоторые изъ моихъ знакомцевъ, которые (не въ попошеніе имъ будь сказано) въ дѣлахъ, *до письменъ* касающихся, не весьма-скромны. Они-бы сдѣлали въ томъ своимъ друзьямъ довѣренность, а друзья ихъ еще своимъ друзьямъ, и такъ-бы отъ друга къ другу промчалась *сія вѣсть*, подобно и прочимъ, по цѣлому городу и оною-бы *съ доказательствомъ* меня обличили.»

Ходъ городскихъ нашихъ русскихъ сплетенъ, родившихся въ головѣ какого-нибудь *запечатаннаго публичною важностію Совронія Тривоновича*, здѣсь очень-натуралепъ и весьма всякому понятенъ.—Толпа признала важнымъ *Совронія Тривоновича*, и вотъ отъ него все идетъ и все пошло *важнымъ*, его ужъ не *цензируютъ*, а просто *имя его перескавываютъ* —Отъ подобнаго *Тривоновича* и его-же порядкомъ текла, можетъ-быть, рѣчь и о Лукинѣ, и о многихъ, о многихъ *изъ насъ* также течетъ она! Далѣе Лукинъ сознается, что онъ успѣхами своей комедіи много и премного одолженъ актерамъ, ее представлявшимъ, а болѣе всѣхъ изъ нихъ господамъ *Дмитревскому*, *Попову*, *Шумскому* и актрисѣ госпожѣ *Михайловой*». О славной, тогда, *Троепольской*, которая тутъ-же занимала значительную роли кокетки *Княгини Клеопатры*, Лукинъ молчалъ! *Она*, *Бахтуринъ* и *Волковъ* были на сторонѣ *партіи* Сумароковской. Между ими-же интриганили *Княжнинъ*, *Аблесимовъ*, а шалунъ *Тиньковъ* (Александръ), переводчикъ *Овидія*,

тутже подчивалъ *Татьяну Михайловну* * *для велей ея смѣлости*, какъ онъ говорилъ, *даже ратафіей* **.

Такъ было, да. «Г. *Дмитревскій*,» продолжаетъ Лукинъ, «искусствомъ своимъ, въ иныхъ мѣстахъ поддержалъ мою комедію.»

Замѣтьте, только въ *иныхъ мѣстахъ*; слѣдовательно и онъ не совсѣмъ-то благоволилъ Лукину?.

«За то уже *Попову* (пишу опять словами автора) заслуживаетъ «бо́льшую отъ меня похвалу, за хорошее свое *дѣйствованіе*, неже«ли краткость мѣста мнѣ позволяетъ; и я могу сказать, что онъ «помогъ въ успѣхѣ труда моего, и мы съ нимъ другъ-другу взаимно услужили. Дѣлая комедію и зная коротко актеровъ, старал«ся я лица *дѣйствующія* сочинять свойственно *съ ихъ* способно«стями» (*Чего* Сумароковъ и Майковъ, замѣчаетъ одинъ современникъ, *не могли дѣлать*?).

«Итакъ», доканчиваетъ опять свое-же Лукинъ «итакъ», повторяетъ онъ: «вмѣсто того, чтобы *Злорадова* *** сдѣлать степеннѣе, дабы ему имѣть тѣмъ пущую власть надъ *Добросердовымъ* ****, «сдѣлалъ я его, въ *первыхъ* дѣйствіяхъ, *вертопрахомъ*, что спо«собствовало г. *Попову*, приобыкшему къ лицамъ сего рода, лучше «играть въ комедіи моей!» Тутъ-же онъ, Лукинъ, отдаетъ полную справедливость *Шумскому* и *Михайловой*, хорошо разыгравшимъ нарочно *для нихъ* передѣланныя роли!

Комедія *Мотъ* представлена на придворномъ театрѣ, какъ уже сказано, 19 января 1765 года. Вообще роли въ ней занимали, включая и поименованныхъ актрисъ и актеровъ: *Бахтурина*, *Вановъ*, *Волковъ*, *Дмитревская*, *Дмитревскій*, *Кожевниковъ*, *Кусова*, *Михайлова*, *Михайловъ*, *Поповъ*, *Сокаревъ*, *Соколовъ*, *Троепольская*, *Шумской*. Это все именитости драматическихъ врѣлищъ Елизаветы и *начала* государствованія Великой Екатерины. Нѣкоторыя сцены *Мота*, сколько дозволяли обстоятельства, такъ сказать, *выжаты* Лукинымъ изъ самыхъ рѣзкихъ очерковъ общественной нашей жизни. Такова, напримѣръ, сцена *Василья*, добраго, усерднаго слуги господскаго; онъ бесѣдуетъ съ *торговцемъ-навязчикомъ своихъ товаровъ на всякаго* съ тѣмъ, чтобъ *ждать за нихъ* уплаты и *по мелочамъ* и *безсрочно*, *когда случатся*

---

* *Троепольскую. М.*

** Пересказъ *дьдовскій. М.*

*** Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ комедіи *Мотъ*. М.

**** *Другое* лицо изъ той-же комедіи. Первый *Генлей*, Безбожный, другой, жертва его—*Клердонъ*. — Оба характера имѣли хорошую выдержку (*для своихъ дней*). *М.*

деньги, сладкими устами и съ божбою говоритъ онъ это и въ тоже время является *безвыходнымъ* жителемъ *господскихъ* прихожихъ. Онъ тутъ уже *свой* и по *кварталу*, и по *лакеямъ*; въ первый брошенъ имъ *задатокъ*, частичка барыша, *вторымъ* вѣчный *чай* и вѣчная *водка*! Господинъ, задолжавшій такому *спекулятивному* мошеннику, уже весь его; онъ не успѣлъ еще проснуться, а вѣрный посѣтитель давнымъ-давно дежуритъ передъ его дверями. Въ такомъ точно положеніи Лукинъ поставилъ у дверей мота—*Добросердова*—злодѣя *Докукина*!

— Дьяволъ тебя принесъ! ворчитъ про себя усердный господину *Василій*.

Докукинъ не слышитъ такого себѣ привѣта и выступаетъ къ *Василью* со словомъ своего роднаго типа. «Желаю-*сте* здравствовать, Василій Матвѣевичъ», говоритъ онъ: «непрогнѣвайся пожалуй, что я такъ рано забрелъ къ вамъ, мнѣ *стали* по дорогѣ идти *случилося*.»— «Да и гдѣ-жъ тебѣ быть, какъ *не на дорогѣ*?» язвительно, *иногда*, прибавлялъ отъ себя *Василій*, а иногда, слѣдуя *буквально* Лукину, останавливался, глядѣлъ прямо въ глаза *Докукину*; этотъ терялся, утиралъ лицо платкомъ, почесывалъ голову, гладилъ бороду; а *Василій*, между-тѣмъ, бормоталъ себѣ подъ носъ: «по неволѣ этакого обмануть придется!» Зрители хлопали и заливались смѣхомъ. «Актеръ Соколовъ, (такъ переливали мнѣ моп старики) занимавшій роль *Докукина*, великій мастеръ былъ рисовать такихъ *прихожихъ* разбойниковъ; у него одно слово: «*стали по дорогѣ*» отпечатывало весь характеръ взятой имъ на себя роли. Слуга *Василій*—Шумской, еще былъ превосходнѣе *Соколова*. И вотъ когда *Докукинъ*, улещая его всячески на продажу барина, обѣщаетъ ему на *пару платья* сукна, *Шумской* вдругъ бросается къ нему съ распростертыми объятіями, но съ тѣмъ-же вмѣстѣ приговариваетъ, съ *какою-то* оригинальною *холопскою* наивностію: «Да нѣтъ! до подарковъ я неохотникъ!..» Вся сцена идетъ прекрасно: вы изъ нея тутъ-же узнаете *первый заводъ мота* къ тюрьмѣ, къ ямѣ, пропасти бездной, по крайней-мѣрѣ, въ часы настоящей нашей жизни; — тутъ, именно, въ самой этой сценѣ, повторю я, самая вѣрная высказка всѣхъ домашнихъ обстоятельствъ разоряемаго коварствомъ. Зло его, зло ужасное; говорю рѣшительно, что подобнаго зла, какъ завлеченія и на будущія бѣдствія въ жизни человѣка и какъ уронъ *взаимнаго* кредита, которымъ обманывается нетолько обольщаемый къ себѣ довѣренностію, но и самый злѣйшій ростовщикъ (рано или поздно), при благоустройствѣ, терпѣть недолжно! *Василій*-слуга постигалъ это и потому, улыбнувшись, спрашиваетъ ростовщика—*навязчика*: «А я думаю,

что тебѣ въ деньгахъ не безъ нужды?» Ростовщикъ *запылилъ* и не понялъ этого вопроса, почему и отвѣтилъ весьма-пастойчиво: что ему «такая въ деньгахъ нужда, что и *промолвить о томъ стыдно!*» (Видите-ли, что въ этомъ *стыдно*, самая живая игра словъ?) Далѣе онъ-же, денежный *оборщикъ* смѣло говоритъ своимъ-же тономъ, «что *тѣ-же самые* Нѣмцы, у которыхъ я для васъ забиралъ товаръ, хотятъ меня же спровадить въ магистратъ» и проч. и проч. Здѣсь уже злодѣй наружно оправданъ: душа человѣческая *потёмки*; а магистратъ въ прошлое, дѣдовское время былъ ужасное дѣло, тоже, что нынѣ *городская тюрьма* или яма. Но такіе плуты, каковъ *оборщикъ-Докукинъ*, (дѣйствующій въ комедіи) видимо далеки отъ этой ловушки; они сами злѣйшіе ловцы слабостей человѣческихъ, и потому-то добрый слуга *Василій* прямо и положительно замѣчаетъ злодѣю: «Нельзя этому статься, чтобъ у тебя, будто-бы, денегъ не стало!» Плутъ былъ озадаченъ этимъ холопскимъ словомъ, и, какъ вопіющій, будто-бы, противъ неправды, воскликнулъ: «*Намъ бѣднымъ людямъ всегда невѣрятъ!*» Но этого еще мало; онъ, отрѣкаясь *скоромничать*, употребляетъ страшную божбу: «*ей-же ей*», и дополняетъ ее тѣмъ, что у него уже нѣтъ въ дому копейки, что всѣ его капиталы въ долгахъ *по знатнымъ*, изъ которыхъ иные и *на дворъ* его не пускаютъ! «А вѣдь ихъ въ магистратъ не возмешь?» о предѣляетъ онъ, поглядывая и туда и сюда. Слуга улыбается, хотѣлъ-бы что-то сказать; но громъ уже изъ устъ ханжи-плута грянулъ, онъ слезно успѣлъ вымолвить, что онъ-то несчастный, по самой *святой истинѣ*, до такой бѣды дошолъ, что уже *долженъ*, обязанъ, *вынужденъ—поступать съ своими должниками точно также, какъ и съ нимъ поступаютъ.*

Но Василій, честенъ, честенъ, а и самъ непромахъ. Тотчасъ смѣкнувъ, къ чему клонится плутовское дѣло, онъ вдругъ, какъ-бы и доброму человѣку, начинаетъ говорить Докукину: «А что, однако-жъ я думаю, что мы у тебя не въ *числѣ-же тѣхъ людей*, съ которыми ты хочешь раздѣлываться магистратомъ?»

Весь этотъ и слѣдующій за тѣмъ разговоръ продолжается точно въ одномъ и томъ-же духѣ: то усердія, то плутовства, неловкаго, пытливаго, очень-подлаго въ полной мѣрѣ. Необыкновенно-мерзокъ корыстолюбецъ Докукинъ въ сценахъ съ *Добросердовымъ*, барином. *Васильевымъ*, а своимъ должникомъ. Столько-же мерзокъ тутъ и мнимый другъ мота, *Злорадовъ*; онъ продаетъ и продаетъ *всякаго гдѣ-бы то ни было и за что ни на-есть!* Напослѣдокъ за всѣми этими торжками и переторжками, піеса развертывается и прекрасно рисуетъ всю *жесткую цѣпь* корыстолюбія,

неожиданно оковавшую и по рукамъ и по ногамъ неопытность. Цѣпь эта тяжела ужасно; она вся составлена изъ всѣхъ оборотовъ *самого* корыстолюбца, слугъ, приказныхъ, судей, полицейскихъ, все это слито въ одно цѣлое злодѣйство и дѣйствуетъ противу безсильной слабости всею своею массою. Почти нѣтъ тутъ никакой возможности ловѣрчивой и слабой душѣ человѣческой устоять, или ополчиться противъ зла очевиднаго — благовидный предметъ скрылъ его, и *сами наши законы, доколѣ его не обнаружатъ*, всѣ за него-же! Но вотъ любовь, усердіе къ власти и главное — Богъ, вдругъ разсѣеваютъ весь туманъ коварствъ, и добродѣтель спасена! Піеса прекрасна; она въ тысячу тысячъ разъ полезнѣе многихъ, настоящаго времени, *безпесленностей* водевильныхъ — забавныхъ только для легкомысленности толпы. Лукина-бы опять на сцену—да онъ дряхлъ слогомъ, а потому уже и теменъ, для насъ, даже самымъ своимъ словомъ! Чрезъ многіе годы послѣ *Мота* явилась между нами рукопись комедіи *Неслыханное диво или Честный Секретарь*, сочиненіе *Судовщикова*. Тутъ также не пощажонъ торговецъ; но уже не ростовщикъ, а *подрядчикъ, приносящій взятокъ*; его окружили и окружаютъ также *взяточники*, начиная отъ *судьи-предсѣдателя* до *полицейскаго крючкотвора*, который даже не стыдится сознаться и въ томъ, что ему —

«...За храбрость—дали *звѣзду*
Когда онъ былъ въ театрѣ у разъѣзду,
Что кучеръ тамъ его нечаянно задѣлъ
По рожѣ кулакомъ!»

Но это ужъ не то́, не то́! Объ этой, также замѣчательной и оригинальной піесѣ, извѣстной Екатеринѣ и Павлу, повелѣніемъ котораго она и напечатана, мы будемъ говорить въ *особой* статьѣ. Теперь-же посмотримъ, своимъ порядкомъ, на *предисловіе* нашего Лукина къ его *Пустомелѣ*, къ *Говоруну* (parleur eternel).

Этотъ *Пустомеля* переложенъ имъ тоже въ русскихъ нравахъ и говоритъ языкомъ хоть-бы и не для *шестидесятыхъ* головъ! Читая этого *Пустомелю*, невольно подумаешь, что извѣстный нашъ драматикъ Николаій Ивановичъ Хмѣльницкій, своего «Говоруна» *не самъ перевелъ съ французскаго*, а только списалъ его *стихами* съ *перевода-же Лукина*, и именно съ его *Пустомели*. Вотъ тому и доказательства: Лукинъ своего *пустомелю* назвалъ *Неумолковымъ*, пустилъ его въ гостиную петербургскаго жителя *Прямикова* и заставилъ растабарывать съ служанкою его дочери, *Дарьею*. Читайте образчикъ этого *растобарства*:

«А! а! это ты, *Дарьюшка*», начинаетъ *Неумолковъ*: «Здравствуй, «голубушка моя. Какъ ты поживаешь? Я вижу, что ты въ до- «бромъ здоровьѣ; радуюсь сердечно. Госпожа твоя такъ-же-ли, «какъ ты, здорова? Я думаю, что она благополучна; да и я, слава «Богу, таковъ-же, какъ и давича былъ. Разставшись съ твоей го- «спожою, побывалъ я мѣстахъ *въ двадцати*, только никого, нетоль- «ко господъ, но и слугъ, не засталъ дома, и сегодня не имѣлъ слу- «чая ни съ кѣмъ словца промолвить. Отъ васъ поѣхалъ я *подъ* «*Невской*, и проклятая, безпокойная ваша карета, всего меня такъ «разбила, что я почти не могу ни ногою, ни рукою ворохнуться. «Изъ *подъ Невскаго* былъ я въ *Сенатѣ*, изъ *Сената въ Военной*, «потомъ побывалъ *на Литейной*, съ *Литейной* въ *Мѣщанской*, «изъ *Мѣщанской* на *Галерномъ* дворѣ, съ *Галернова* двора въ «*Милліонной*; поѣхалъ было *въ ряды*; но, подъѣзжая *къ Казанской*, «карета моя испортилась, и помѣшала мнѣ еще разъ побывать въ «*Сенатѣ*, въ *Вотчинной*, во *дворцѣ* и у князя *Остроумова*, гдѣ «было уповалъ я словца два, три...»

Служанка *Дарья*, засмѣявшись, перебиваетъ *Говоруна*, или *Пустомелю* Неумолкова и доболтываетъ за нимъ вслѣдъ его-же манерою: «А я нынѣшнимъ утромъ побывала *на рынкѣ*, а иду «*съ рынка*, отслушала *обѣдню*, пришедши домой, успѣла по- «дать два раза кофей... разъ пять побывала я *на кухнѣ*, изъ *кухни* ходила я въ *погребъ*, изъ *погреба въ кладовую*, изъ *кладовой въ овощную*, изъ *овощной* въ *людскую* и проч.» Останавливаюсь на этомъ и ставлю между *Лукинымъ* и *Хмельницкимъ* еще *третьяго* передатчика *Говоруна — въ наши русскіе нравы*. Третій этотъ былъ извѣстный-же нашъ писатель Николай Ивановичъ *Ильинъ*; поправивъ *кое-что* въ слогѣ *Лукинскаго Пустомели* онъ уже списалъ его слово-въ-слово, отдалъ въ такомъ видѣ играть на театрахъ, а потомъ, въ 1807 году, также точно и напечаталъ его въ Москвѣ, въ типографіи *П. П. Бекетова*; но у *Ильина* такихъ *продѣлокъ* была не одна эта: тоже самое онъ сдѣлалъ и съ *Добрымъ сыномъ* изъ *Беркена*, напечатаннымъ *Карамзинымъ* въ *Дѣтскомъ чтеніи* 1785 года. *Ильинъ* списалъ и его съ добавками, отдалъ на театръ и получилъ за то одобреніе, какъ *оригинальный* авторъ; я писалъ о томъ мои замѣтки въ современныхъ тому журналахъ, но не знаю, читалъ-ли кто ихъ. Ильинъ былъ славенъ своею *Лизою* и своимъ «Рекрутскимъ наборомъ»; эта послѣдняя піеса точно не даромъ жаловала его *извѣстностію*: она была хороша и очень нравилась публикѣ. Хмельницкій въ своемъ стихотворномъ «Говорунѣ» не обошолъ также Ильина и по его прозѣ онъ тоже мѣрилъ поэтической комизмъ свой; но посмотрите, какъ онъ необыкновен-

но близокъ и къ Лукину! разница только та, что здѣсь *Неумолковъ-пустомеля* получаетъ уже *графское достоинство* по *родословной Звоновыхъ*; но и въ графствѣ своемъ все тотъ-же, какъ и былъ *Неумолковымъ*. Онъ говоритъ и хорошими своими стихами все-еще по старому, тоже, что̀ говаривалъ и прозою. Посмотрите, вотъ его рѣчи піитическія:

«А а, *здорова-ли*?—Все къ лучшему идетъ;
Здорова, очень-радъ, я зналъ то напередъ.
А барыня твоя? - Какое приключенье!
Представь, она сейчасъ, дала мнѣ порученье
Заѣхать къ Лелевой—кой-что̀ ей разсказать.
Бѣгу, скачу, лечу—и могъ-ли ожидать!...
Когда-бъ я не былъ самъ, я счолъ-бы то за враки;
Я въ домѣ не нашолъ ни бѣтенной собаки:
Все пусто, заперто, не встрѣтился ни съ кѣмъ,
И ѣздивъ по нуждѣ—пріѣхалъ я ни съ чѣмъ!
Вчера я точно-жъ такъ кружился по-неволѣ;
Съ разсвѣтомъ поскакалъ къ *обѣднѣ* я къ Николѣ;
Обѣдня кончилась—поѣхалъ я въ *Сенатъ*,
Оттуда *во дворецъ*, оттуда въ *Лѣтній садъ*,
Изъ сада къ *Знаменью*, отъ *Знаменья* въ *Морскую*,
Съ *Морской* въ *Фуштадтскую*, съ *Фуштадтской* на *Сѣнную*,
Съ *Сѣнной* въ *Литейную*, съ *Литейной* на *Пески*,
Съ *Песковъ* въ *Садовую*—какіе все скачки!
Съ *Садовой* къ *Гавани*, изъ *Гавани* къ *Почтамской*,
Съ *Почтамской* къ *Невскому*, изъ *Невскаго* къ *Казанской*,
Оттуда поскакалъ объѣхать острова —
Отъ мысли сей одной кружится голова!
Я мигомъ облетѣлъ *Васильевской*, *Петровской*,
Еланинъ, *Каменной*, *Аптекарской*, *Крестовской*,
Съ Крестовскаго...

Здѣсь уже перебиваетъ *Звонова-Неумолкова*, служанка, *Лиза-Дарья*, и говоритъ, въ свою очередь, тоже, поминаючи нашего Лукина:

..... «И я сегодня точно-жъ такъ
Бросалась безъ ума разъ двадцать *на чердакъ*,
Оттуда въ *лавочку*, изъ лавочки въ *людскую*,
Лишь съ *лѣстницы* сбѣгу—на *лѣстницу* опять;
Кричатъ: бѣги, подай, умѣй лишь успѣвать;
И мой, и шей, и гладь, чтобъ мигомъ все поспѣло, и проч.

Не правда-ли, и въ этихъ хорошихъ стихахъ Лукинъ живъ?

Именно его передѣлка *Боасси* доставила намъ въ *Говорунѣ* сперва *Ильина*, а потомъ *Хмѣльницкаго*; но въ томъ ни тому, ни другому и *покору* не должно быть: такія благородныя передѣлки на пользу отечественныхъ правовъ, какъ лѣтописи, должны-бы непремѣнно переноситься *противнымъ* съ своего языка *устарѣлаго* на свой-же языкъ языкъ *современный*. «*Никто-же самъ себѣ вѣ́рогъ и отцы наши не глупый насъ были.*» Вредна только передѣлка водевилей и драмъ, выжимаемыхъ къ намъ изъ потомства человѣковъ *порожденныхъ вѣтромыслiемъ!*... Однакожъ, какъ *Ильину*, такъ и *Хмѣльницкому* слѣдовало-бы сказать хоть одну пару словъ о *позабытомъ* всѣми Лукинѣ: того требовала ихъ признательность къ нему, къ его мысли!

«Пустомеля» былъ разыгранъ на придворномъ театрѣ, въ одно время съ *Мотомъ*. Актеры и тутъ, почти тѣже, что и въ *Мотѣ*, а именно: *Васильевъ*, *Волковъ*, *Дмитревская*, *Дмитревскій* (Говорунъ), *Михайлова*, *Поповъ*, *Сечкаревъ*, *Троепольская*, *Чеканова*. Ильина *Говоруна*, послѣ *ихъ* представленія, явился на сценѣ слишкомъ черезъ *сорокъ* лѣтъ; а *Хмельницкаго*, слишкомъ черезъ *пятьдесятъ*. Повторяю, опять прекрасно будетъ, если точно такою-же манерою будетъ у насъ и теперь являться наша старинка? Вѣрьте, что совершенно *новаго нѣтъ ничего подъ луною*, да и быть не можетъ! «*Дмитревскій* и *Поповъ* въ своихъ роляхъ», говаривали мнѣ еще памятливые о томъ времени люди: «здѣсь превзо«шли самихъ себя и потому-то многіе дни весь Петербургъ толь«ко и толковалъ, что о *Мотѣ*, да о *Пустомелѣ*!» Таже поговорка была и о *Говорунѣ* Хмельницкаго, въ которомъ роль *Говоруна* игралъ *Сосницкій*, а роль служанки *Лизы—Сосницкая*.

Въ предисловіи къ *Пустомелѣ*, Лукинъ, какъ добросовѣстный литераторъ, сознается, что онъ взялъ это лицо изъ *Боасси* (Babillard). Здѣсь-же онъ жалуется на свою братью, литераторовъ, современныхъ ему, и говоритъ, что во многихъ изъ нихъ господа читатели не находятъ *ни завязки, ни развязки*, что они только *перетаскиваютъ* на нашъ языкъ одинъ *постыдной перекроныш*, *ветошь*! * Далѣе, принося свою благодарность *Дмитревскому*, за принятую имъ на себя роль *Пустомели*, онъ-же, Лукинъ, замѣчаетъ, что *Дмитревскій* до сего еще никакихъ *шутливыхъ* лицъ не игрывалъ, что именно *Пустомеля* былъ для него еще только первою *свѣточью* на пути къ комизму.—Черта историческая!

Двѣ послѣднія Лукина піесы: «Награжденное постоянство» и

---

* Не смѣю говорить, а чуть-ли еще и теперь эта *ветошь* и *перекроныш* не составляетъ главнѣйшаго богатства нашей литературы!— *М.*

«Щепетильникъ», столько-же хороши, какъ и двѣ первыя; но зависть не допустила уже ихъ на сцену. Особенно по прочтеніи нѣкоторыми именитостями *первой*, то-есть, «Награжденнаго постоянства», даже самъ *Дмитревской* заупрямился принять участіе въ ея представленіи и совѣтывалъ Лукину въ этой его комедіи *нѣкоторыя сцены убавить*, а другія *добавить*, или-бы и совсѣмъ всю піесу передѣлать. Лукинъ исполнилъ желаніе *Дмитревскаго*; но тѣмъ, однакожъ, никакъ неспасъ себя отъ кабалъ театральныхъ. Піеса его страдала, вмѣстѣ съ піесою его благодѣтеля *И. П. Елагина* *. Самую туже участь имѣла и другая комедія нашего славнаго драматурга *Ден. Ив. Фонъ-Визина* **. Публика, какъ водится и въ наши дни, не судя ничего сама-собою, – ибо сіе не до того,—подслушивала только о томъ и о семъ одни поговоры и толки *нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ*, единственно по одной ихъ *случайности*, названныхъ, ею-же публикою, *дѣльными* судьями; и вотъ безъ *возвышенія голоса* этихъ людей, она уже оставалась ко всему равнодушною, предпочтительно-же къ извѣстности Лукина, которая никакъ не подходила подъ *уровни*, *моды тона*, *аристократства*, общей *болтливы*! Впрочемъ, были уже и тогда у насъ литературные оцѣнщики, которые говорили, что въ *просвѣщенномъ народѣ* вкусъ, опредѣляемый положительно только *однимъ лицомъ*, общаго вліянія не долженъ дѣлать; что никто изъ насъ при чтеніи *чего-либо*, не обязанъ *затаивать* того, что мнѣ *нравится* и безъ опредѣленій *другаго*, разумѣю, безъ вреда *общественной нравственности*. Въ противномъ случаѣ взятый *въ общину* приговоръ *одноличной*, всегда останется *младенческимъ* или, просто, *механическимъ*! Но боюсь высказывать, что *тоже* и *то*, *это-же* и *это* все-еще у насъ идетъ, все-еще продолжается! Посмотрите, пожалуйста: является *счастливый* журналистъ, до *журнала* своего никому *невѣстный* и ни кѣмъ *дотолѣ невиданный*. Онъ смѣльчакъ, неожиданно вскакиваетъ *на говорливую* свою каѳедру, судитъ, рядитъ, приговариваетъ, казнитъ, награждаетъ,—смѣлымъ Богъ владѣетъ!—Безъ дѣйствій на душу, замореннаго нами, роднаго суда, мы всѣ оторопѣли и, какъ-бы по обязанности, слушаемъ только болтуна, смѣльчака громогласнаго, и онъ уже *великимъ горломъ* своимъ узакониваетъ намъ и письмо и чтеніе, за нимъ только мы *читаемъ* и *не читаемъ*, *свищемъ* и *хвалимъ*. Тутъ собственность каждаго разума въ особенности пропала! Тутъ и мы всѣ *общники!*

---

* Комедія *Французъ русской*, передѣланная *Елагинымъ* изъ *Голберга*.—*М.*

** *Сидней*, взятая *Фонъ-Визинымъ* изъ *Грессета*.—*М.*

Награжденное постоянство, въ числѣ сочиненій Лукина, также очень-хорошенькая піеса; она занимательна, дышетъ комизмомъ. Въ этой піесѣ для насъ, людей теперешнихъ, очень-много занимательнаго. Напримѣръ, не угодно-ли вамъ имѣть какое-нибудь понятіе о *модѣ*, о *приличіяхъ* и *тонѣ* нашихъ *тысяча-семьсотъ-шестидесятыхъ годовъ!* Послушайте-же, что говоритъ о томъ въ «Награжденномъ постоянствѣ», госпожѣ своей *Пульхеріи*, *Марья*, бойкая и ловкая ея служанка: «Вы хотите, чтобы въ васъ влюбились (такъ она начинаетъ), а не имѣете на шеѣ *дезеспуара*, ни въ рукахъ *лорнета*; да у васъ-же и кафтанъ *не напудренъ* * и волосы не *а ла грекъ* убраны. Это непростительный грѣхъ, ежели щоголь всѣхъ этихъ дурачествъ не исполняетъ. Вѣрьте мнѣ, что *волокиты* нашихъ легкомысленныхъ сестеръ больше всего шалостями и безстыдствомъ прельщаютъ». Изъ подобныхъ вольностей очень-скоро замѣтишь въ этой Марьѣ дѣвку французскую; но въ нашихъ великихъ домахъ были тогда уже и такія служанки: наша барышня или барыня, на тѣ поры, почитай всегда вся довѣрялась у себя подобнымъ служанкамъ; а отъ нихъ обыкновенно проявляли первый способъ къ дознанію всѣхъ домашнихъ тайнъ юной институтки. Но посмотримъ еще, что будетъ далѣе у барышни *Пулхеріи* съ ея *Марьею*? Барышня говоритъ: «Я тебѣ вѣрю» а служанка ей на это: «Посмотримъ, посмотримъ, какъ-то вы поступите? Но поправьте немножко вашъ *парикъ*, надѣньте *шляпу*! Фуй! какъ-же это дурно! Это совсѣмъ *по-посадски*! Посмотрите на меня, примѣчайте-же, какъ я дѣлаю и старайтесь мнѣ подражать?...»

Не дивитесь такимъ замѣткамъ *Марьи*; она — воспитанница французскихъ магазиновъ; тамъ у нея были связи со *всѣмъ*, со *всѣми*, оттуда получила она понятіе не только о *великомъ* мірѣ парижскомъ, но, вѣроятно, даже и о *великой наукѣ прононсіи французскаго языка*? Впрочемъ, это все въ сторону, иду опять къ дѣлу разговора барышни съ служанкою: «Ну! ну, это изрядно, (продолжаетъ опять питомка магазинная) притворитесь-же нѣсколько *попьянѣе*... фи! фи! у васъ совсѣмъ *русская физіономія*...** сдѣлайте томненькіе глазки, заговорите тише, тише и *попротяжнѣе*, а потомъ вдругъ рѣчь перервите. Ахъ! Покажите-же себя совершенно-*отчаянной*, убитой! Научитесь хоть что-нибудь *вертѣть въ вашихъ рукахъ* и *шевелить хоть вашу перчаточку*, хоть *платочекъ*, или хоть *что-нибудь* другое».

---

* И *барышня* и *служанка* здѣсь одѣты *по мужски*.— *М.*

** Взято изъ *старинной* роли *Марьи*.— *М.*

Пулхерія не вытерпѣла и прямо говоритъ, что подруга ея служанка «*мелетъ вздоръ*!» А та продолжаетъ свое: «Вотъ такой человѣкъ, какимъ я васъ хочу поставить (говоритъ Марья), долженъ нравиться женщинѣ. А вы, вы, сударыня, вы думали попасть на *стать* только вашею умною *рожицею*? Но покажите-ка мнѣ скорѣе ваши *ножки*, *ножки*, *ножки!* Это главная вещь. У кого *ноги*, а не *ножки*, тотъ пропалъ!» Господи, Боже мой! Подумаешь, какъ еще все это близко отъ насъ. Въ такомъ, почти, духѣ идетъ вся эта сцена и доходитъ даже до науки *сплетней*!

Наконецъ въ этой-же піесѣ есть и дуэль барышни или барыни съ кавалеромъ — важный шагъ къ нынѣшнему романтизму — все, какъ водится!

Въ слѣдующемъ за этою комедіею письмѣ своемъ къ пріятелю *Ельчанинову*, Лукинъ, между-прочимъ, все-таки продолжаетъ жаловаться на безпорядки нашихъ театровъ и упоминаетъ о *всенародномъ театрѣ*, устроенномъ на *пустырѣ* за *Малою Морскою*—фактъ любопытный и не всякаго памяти доступный. Незабвенный директоръ московскаго театра *Θ. Θ. Кокошкинъ*, въ самые послѣдніе годы своего директорства, говорилъ мнѣ, что онъ *нѣчто подобное* хотѣлъ-бы устроить для лѣта въ *Нескучномъ* или въ *Петровскомъ*, а зимою въ *отдѣльномъ* зданіи. Тутъ ему хотѣлось давать только однѣ *родныя намъ* драматическія зрѣлища и потому-то возобновить многое *старое русское*: *Мельниковъ*, *Счастливой тонею*, *Сбитеньщикомъ* и проч. и проч., и тѣмъ, какъ можно отдалять нашъ народъ отъ *пристрастія къ глупостямъ водевильнымъ*. Въ *Счастливой тонѣ* и въ *Сбитеньщикѣ*, замѣтилъ я Ѳедору Ѳедоровичу, также есть *кое-что* далекое отъ нашей Руси? — «Такъ, мой милой», отвѣчалъ онъ: «да главный *переводъ-то* піесъ на сторонѣ народной; тутъ все *чужое*, какъ мимолетное, *не рѣжется* въ память; а наше въ ней остается». Плата за входъ *въ неугодныя* зрѣлища предполагалась Кокошкинымъ самая низкая, всякому доступная! Мысль эта не сбылась; но видите-ли, что Кокошкинъ уже былъ предупрежденъ въ той-же самой мысли, хотя, можетъ-быть, и рано и неудачно, временемъ Екатерины? — Чего, чего Екатерина не предупредила? Впрочемъ, ея временъ *нашъ народный театръ*, по словамъ Лукина, началъ утѣшать нашу чернь Мольеровымъ *Скупымъ*, *Лекаремъ по неволѣ*, *Привидѣніемъ съ барабаномъ* и проч. и проч. Жаль, что не вполнѣ своимъ русскимъ, и оттого-то этотъ театръ скоро слился съ общимъ театромъ. Но при началѣ его народъ было полюбилъ его и нерѣдко хлопоталъ о билетахъ на входъ въ *тіятеръ*!

Пора однакожъ сказать что-нибудь и о послѣдней піесѣ нашего

Лукина, именно о его *Щепетильникѣ* (Bijoutier), переведенномъ, въ-послѣдствіи напечатанномъ 1799 года, если уже не съ англійскаго (говорю о переводѣ) то съ *русскаго* на *русской*, подъ именемъ *Галантерейной лавки*?! *Щепетильникъ*, какъ мы сказали, тоже не попалъ на сцену; а въ немъ тоже очень-много юмора, много комизма; да и въ немъ тоже (добавлю) есть и собственно Лукинская *жилка патріотическая*!

Чудакъ Лукинъ, въ этомъ *желѣзномъ* случаѣ, иногда бывалъ ужасенъ. Напримѣръ, здѣсь онъ поставивъ всѣ сцены *Щепетильника* на русской землѣ, вдругъ задумалъ ими передать публично: «что на *знатныхъ* людей *всего народа* глаза обращаются и что *въ нихъ пороки видные*, нежели въ *малочиновныхъ*, что всѣ комнаты *какъ знатныхъ*, такъ и *богатыхъ* набиты только *льстецами*; что великій *грѣхъ* оставить *дурака безъ обличенія*; что самъ *Щепетильникъ*-правдуха, отставной *офицеръ* и отставленъ онъ за то, что *именно всякому говоритъ правду*, что многіе наши *офицеры* еще и *грамотѣ не знаютъ*, что *большіе господа*, для своихъ видовъ, многихъ *купцовъ*, *подьячихъ* и даже своихъ *холопей* въ *офицеры* вывели, что всѣ *бездѣлицы* нашей *публикой* очень-*дорого* покупаются, что всѣ наши чтецы, кромѣ *бездѣлицъ*, ничего не читаютъ, что никто (изъ Русскихъ) *кромѣ бездѣлицъ* ничѣмъ другимъ не хочетъ заняться, что *бездѣльныхъ* мужчинъ и женщины любятъ на-подхватъ, что честь, совѣсть и даже вѣра идутъ тоже въ разрядъ *бездѣлюшекъ* и проч. и проч.» Да вѣдь это доносъ! Играйте-же послѣ этого *Щепетильника*! Много, очень-много тутъ хорошаго въ Лукинѣ, и, право, совсѣмъ-бы въ томъ худаго не было, еслибы наши *перекройщики* французскаго *водевилизма* и нѣмецкаго *драматизма*, *покроили* какъ-нибудь на современный ладъ и Лукина; но, знаете, *по совѣсти*, съ тѣмъ, чтобъ и самому *Лукину* творить вѣчную память, а намъ его *добромъ* вполнѣ не пользоваться.

Въ *Новиковскомъ* «*Опытѣ словаря о россійскихъ писателяхъ*» о Лукинѣ написано только слѣдующее: «Лукинъ *Владиміръ*, надвор-«ный совѣтникъ, сочинилъ комедію въ пяти дѣйствіяхъ, *Мотъ*, «*любовію исправленный*, которая напечатана и представлена была въ «С. Петербургѣ, на *придворномъ* театрѣ, 1765 года. Она принята «была весьма-изрядно; но сочинитель сей комедіи *весьма-много одол-жженъ актерамъ* ее представлявшимъ, какъ о томъ и самъ онъ въ «предисловіи на сію комелію изъясняется. Сочинитель *ввелъ въ «свою комедію два смѣшныя подлинника*, которыхъ *представлявшіе актеры* весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выго-«ромъ, ужимками и тѣлодвиженіемъ, также и сходственнымъ къ «тому платьемъ, *зрителей весьма-много смѣшили*. Онъ сочинилъ

«еще драму *Благодѣяніе пріобрѣтаетъ сердца*, которая также на-«печатана, но не была представлена. Перевелъ онъ-же и перело-«жилъ на русскіе нравы нѣсколько комедій, кои всѣ напечатаны; «иныя изъ нихъ играны и приняты изрядно.» *Новиковъ* писалъ это въ 1772 году, слѣдовательно спустя *семь* лѣтъ послѣ *изданія* Лукинымъ своего *театра* и очевидно, что, придерживаясь партіи *великихъ*, полной справедливости Лукину, особенно, какъ *нововводителю перешивки* чужихъ комедій на русскіе нравы, не отдалъ. *Сумароковъ*, *Майковъ*, потомъ *Херасковъ*, *Княжнинъ въ передѣлкахъ* своихъ мѣняли только *нѣмецкія* и *французскія имена на русскія*, то-есть, дѣлали *Карла* Карпомъ, а *Генриха* Ѳомою, да и въ томъ рѣдко сознавались. — А тутъ уже Лукину возможно-ли было *прать противу рожновъ*?...

У Смирдина *въ Каталогѣ* за *№* 7456 упоминаемая Новиковымъ драма: *Благодѣяніе приобрѣтаетъ сердца* названа переводомъ съ французскаго и приписана трудамъ Александра Семеновича *Шишкова*. Едва-ли это справедливо. Новиковъ съ своимъ *Опытомъ* ближе *Смирдина* былъ къ Лукину. Другіе говорятъ, что Шишковъ, желая доставить *ему* или *его семейству* какую-либо пользу, *поименованную* комедію принялъ на себя, но не измѣнилъ ее ни въ чомъ *.

Враги слишкомъ-горячо губили бѣднаго драматика-*нововводителя*!

Прошла великая полоса времени, и теперь уже почему намъ не говорить, что Лукинъ *не даромъ жилъ для русскаго театра*? онъ весь принадлежитъ его исторіи, какъ *живописецъ нравовъ ему современныхъ* и тѣмъ-то онъ сталъ выше многихъ; да и языкъ его, какъ видите, еще не противенъ и до-нынѣ.

Смирдинъ назначаетъ *цѣну* за *театръ Лукина десять рублей*; его еще можно находить и потому онъ намъ теперь недорогъ; но любитель нашей драмы, въ случаѣ нужды *имѣть Лукина*, не долженъ за него скупиться и въ бо́льшей платѣ!...

МАКАРОВЪ.

---

* Въ *Каталогѣ* Смирдина упоминается еще о трудахъ Лукина — подъ *№* 7101-мъ: «Задумчивой, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Ренара, пер. В. Лукина. Спб. Въ типографіи Акад. Наукъ. 1769»; подъ *№* 7325-мъ: «Разумной Вертопрахъ, соч. Буаси, пер. Лукина. Спб. Въ т. А. Н. 1768.» *Ред.*

РЫБАЧКѢ.

Взгляни, красавица-рыбачка,
Взгляни на море, какъ оно
Играетъ весело волнами
И смѣло топитъ берега!
Теперь скажи: не такъ ли страсти
Бушуютъ въ сердцѣ у меня?
И даже сердце съ моремъ схоже:
Оно, какъ море, глубоко!....

ИППОЛИТЪ ГОЛУБИНЪ.

ИСПАНСКІЕ ЛЮБОВНИКИ.

ПРОИСШЕСТВІЕ XIV ВѢКА.

—

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ И ШЕСТИ КАРТИНАХЪ,

Фредерика Сулье.

—

(Представлена въ первый разъ въ Парижѣ, на театрѣ Ambigu-Comique $\frac{9 \text{ марта}}{27 \text{ февраля}}$ 1844 года.)

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Донъ Генрихъ Пачеко, графъ Тавора, великій магистръ ордена Калатравы.
Донъ Фаустусъ Пачеко, графъ Дуэгасъ, сынъ дона Генрика.
Донъ Люйзъ Пачеко, графъ Вальверда, племянникъ дона Генрика.
Донъ Кристоваль Пачеко, графъ Лорга, престарѣлый вельможа.
Донъ Фернандо, маркизъ Вильяфлоръ, молодой вельможа.
Донъ Сильвіо Теллезъ, маркизъ Гуэскаръ, молодой вельможа.
Бенедиктъ, конюшій Сильвіо Теллеза.
Донъ Лопезъ, родственникъ Пачеко.
Донна Стелла, дочь дона Кристоваля Пачеко.
Франсеска, кормилица Стеллы.
Лелио, пажъ маркиза Вильяфлора.
Вельможи, Пажи, придворныя дамы, солдаты трехъ партій, Мавры, рабы, и пр.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Улица, съ одной стороны застроенная, съ другой засаженная деревьями.—Домы на-лѣво отъ зрителя, деревья на-право. — На первомъ планѣ, на-лѣво, домъ Пачеко. — Въ первомъ этажѣ дома балконъ. — На излучинѣ зданія, въ виду у зрителей, маленькая дверь, ведущая во внутренность зàмка. — Главныя двери зàмка подъ балкономъ, насупротивъ деревьевъ. — Подъ деревьями, направо, столъ съ кубками.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Донъ Генрикъ Пачеко, донъ Кристоваль, донъ Люйзъ, донъ Фаустусъ, другіе вельможи, сидятъ вкругъ стола и пьютъ; потомъ Бенедиктъ, послѣ донъ Фернандо.

ФАУСТУСЪ (*вставая*). Ну, друзья, послѣдній кубокъ и послѣдній куплетъ нашей славной пѣсни...

ПАЧЕКО. Довольно, дѣти... довольно... Кто такъ громко поетъ о своей побѣдѣ, тотъ показываетъ, что очень опасался пораженія...

ФАУСТУСЪ. Батюшка, Теллезы, побѣжденные нами, теперь въ изгнаніи...

ЛЮЙЗЪ. И указъ короля Генриха Трастамарскаго, осуждающій на смерть того изъ нихъ, кто осмѣлился-бы возвратиться въ нашъ городъ, есть скорѣе милостивый, чѣмъ строгій законъ.

ФАУСТУСЪ. Твоя правда, Люйзъ, потому что при бедрѣ у насъ есть смертный приговоръ, вѣрнѣе королевскаго, на всякаго Теллеза, который имѣлъ-бы безразсудство показаться въ нашемъ городѣ... потому что теперь это нашъ городъ.... Пачеко — властители Мурсіи.

КРИСТОВАЛЬ. Полноте, друзья; кромѣ короля, нѣтъ у Мурсіи властителей... и если въ избѣжаніе распрей, которыя ежедневно окровавляли городскія улицы, изгналъ онъ Теллезовъ, такъ не за то, что они сражались противъ него подъ знаменами Петра-Грознаго, ибо Генрикъ уважаетъ вѣрность; а за то, что они первые нарушили наше перемиріе съ ними... того требовало правосудіе... А ты знаешь, Пачеко, что никакая сила, никакая угроза не отклонила бъ короля отъ того, на что онъ однажды рѣшился.

ПАЧЕКО. Знаю... Но ты также знаешь, что когда нужно защи-

щать мои права или отмстить обиду... Я всегда полагаюсь только на себя, да на моихъ родныхъ...

люйзъ. И ниодинъ изъ насъ, кажется, не измѣнялъ ни разу вамъ, дядюшка... Ни племянники ваши, ни братья, никто, въ комъ течетъ хоть капля вашей благородной крови...

фаустусъ. А меня ты и забылъ, донъ Люйзъ...

люйзъ. Нѣтъ, Фаустусъ, нѣтъ... Но развѣ не знаетъ каждый, что ты душа предпріятій твоего родителя, око, которое за ними блюдетъ, рука, которая ихъ выполняетъ?.. Мнѣ было-бъ стыдно и сказать, что ты не измѣнялъ своему долгу.

фаустусъ. Благодарю, братъ... Батюшка позволитъ мнѣ звать тебя этимъ именемъ.

пачеко. Благодарю тебя, Фаустусъ, и тебя, донъ Люйзъ, благородный сынъ моей возлюбленной сестры... Благодарю васъ, дѣти; вы храбро вели себя... Оттого-то, молодые люди, и не надо такъ распускать шумную радость вашего торжества... Не далеко еще время, когда ниодинъ изъ насъ не смѣлъ пройдти по этой улицѣ безъ шпаги при бедрѣ, кинжала за поясомъ и кирасы на груди; не прошло еще мѣсяца съ тѣхъ-поръ, что мы не смѣли-бъ сидѣть такъ мирно и весело у дверей моего дома, за кубкомъ добраго вина... Пусть-же сосѣди, которыхъ пѣсни наши, можетъ-быть, безпокоятъ, не смѣются надъ нашими побѣдными кликами; ибо, знайте, дѣти... если презрѣніе сопровождаетъ побѣжденныхъ, то клевета идетъ объ-руку съ побѣдителями!..

фаустусъ. Правда ваша, батюшка; но выпьемъ еще по кубку, прежде, чѣмъ отправимся на собраніе, куда мы званы.

пачеко. Пожалуй, дѣти!.. Несчастенъ старикъ, который не умѣетъ чего-нибудь уступать пылкимъ порывомъ юности!..

фаустусъ. Горе тѣмъ... кто дерзнулъ-бы еще пренебречь нашимъ гнѣвомъ!

(*Въ этотъ мигъ раздаются аккорды цитры и появляется менестрель.*)

люйзъ. Это что?.. Серенада середи бѣлаго дня!..

кристоваль. Нѣтъ... это одинъ изъ тѣхъ фигляровъ, которыми Провансъ снабжаетъ Испанію, дѣтей веселья, которые бродятъ изъ города въ городъ съ своей нищетою, любовными пѣснями и нескончаемыми разсказами...

фаустусъ. Глупецъ и не спроситъ у насъ, хотимъ-ли мы его слушать...

пачеко. Коли онъ васъ принудитъ къ этому своимъ искусствомъ, такъ онъ правъ, что не спрашиваетъ позволенія.

ФАУСТУСЪ. Да, если ему это удастся, я щедро награжу его за такую побѣду...

БЕНЕДИКТЪ (*подходитъ подъ балконъ и поетъ*).

№ 1. Въ славномъ городѣ Вероннѣ,
Гдѣ по портикамъ старинным,
Разстилаясь, вьется плющъ,
Жили-были два семейства,
Враждовавшіе другъ съ другомъ
Съ незапамятныхъ временъ.
Рано утромъ, поздно ночью,
Днемъ и вечеромъ — тревога
Возмущала городъ весь :
Поединки, ссоры, драки,
Шумъ оружья, и проклятья
Наводили страхъ на всѣхъ.

О безумцы молодые,
Вы, которые за слово
Обнажить готовы мечъ!
Укротите жажду мести :
Побѣдить удастся нынче,
Завтра — можешь самъ ты пасть...

ФАУСТУСЪ (*вставая и гнѣвно ударя по столу*). Что этотъ дерзкій хочетъ сказать своими враждующими семействами... и своимъ припѣвомъ?..

ЛЮЙЗЪ (*также вставая*). Или онъ пришолъ дразнить насъ?..

ФАУСТУСЪ. Не знакомо-ли тебѣ его лицо, донъ Люйзъ?..

ЛЮЙЗЪ. Не побожусь, чтобъ не видалъ его въ свитѣ провансальскихъ слугъ, которыхъ негодный Сильвіо Теллезъ привезъ съ собою изъ путешествія...

ФАУСТУСЪ. О, если-бъ знать навѣрное!..

ПАЧЕКО. Полно, Фаустусъ, полно сердиться на этого бѣдняка за то, что онъ поетъ исторію, похожую на исторію многихъ испанскихъ фамилій, и за то, что въ пѣснѣ его есть припѣвъ, намѣченный какъ будто на насъ... Онъ правду говоритъ, Фаустусъ... Ты добрый и благородный сынъ... но двое покойныхъ твоихъ братьевъ также были добры и храбры... Онъ правду говоритъ... да,

Побѣдить удастся нынче,
Завтра — можешь самъ ты пасть.

(*Отираетъ слезу.*)

БЕНЕДИКТЪ (*въ-сторону, подъ балкономъ*). Не ужъ-то Стелла меня не слыхала?

ПАЧЕКО (*встаетъ и подходитъ къ пѣвцу*). Вѣдь ты, кажется, говорилъ, что «нынѣшній побѣдитель можетъ завтра пасть?» Продолжай ..

БЕНЕДИКТЪ. Извольте, сеньйоръ... (*Всторону, наигрывая на лютнѣ*) Если-бъ онъ зналъ, къ кому обращена эта пѣсня, и откуда она направлена, онъ вонзилъ-бы мнѣ кинжалъ въ сердце, а не заставлялъ-бы пѣть...

(*Въ это время, на сцену медленно приближается донъ Фернандо.*)

№ 2. Былъ въ семействѣ, старшій родомъ,
Стройный юноша, прекрасный,
Съ нравомъ пылкимъ и живымъ.
Шла объ немъ повсюду слава,
Какъ о юношѣ храбрѣйшемъ
Изъ героевъ молодыхъ.
И была въ другомъ семействѣ,
Упоительна, какъ радость,
Молодая красота.
Будто звѣздочки на небѣ,
Такъ ея сіяли очи,
Полны чуднаго огня.

О безумцы молодые,
Вы, которые за слово,
Обнажить готовы мечъ!...

ФАУСТУСЪ (*прерывая его*). Слышите, батюшка, слышите; этотъ храбрый юноша, предметъ гордости своего семейства, а съ другой стороны эта молодая дѣвица... прекрасная... о! видите, что пѣсня сложена въ оскорбленіе намъ... И этотъ презрѣнный...

БЕНЕДИКТЪ (*въ-сторону, поглядывая на балконъ*). Она не показывается.

ФЕРНАНДО (*подходя*). Ошибаетесь, Фаустусъ, это истинная исторія, случившаяся недавно въ Италіи.

ВСѢ (*съ презрѣніемъ*). Маркизъ де-Вильяфлоръ!

ФЕРНАНДО. Онъ самъ, сеньоры, и очень-бы жалѣлъ, если-бъ вы обидѣли этого бѣдняка, за то, что онъ вамъ разсказываетъ трогательную исторію храбраго Ромео и прекрасной Юліи... Удивительно, что вы ея не знали, Фаустусъ...

ФАУСТУСЪ. Маркизъ де-Вильяфлоръ, я провелъ мою юность въ наукѣ владѣть копьемъ и шпагою, и руки мои отъ этого реме-

сла стали слишкомъ грубы и мозолисты для того, чтобъ я когда-нибудь рѣшился взяться ими за струны лютни или арфы; не удивляйтесь-же, что я не знаю всѣхъ этихъ вздорныхъ исторій... которыя вы такъ хорошо знаете...

ФЕРНАНДО. У меня, у меня нѣжныя руки, и я горжусь этимъ... Правда, я люблю ими браться за струны арфы, и это приносило мнѣ не одну сладкую улыбку; но шпага моя не легче вашей, Фаустусъ... и рука моя владѣетъ ею еще искуснѣе, чѣмъ арфою...

ФАУСТУСЪ. Маркизъ де-Вильяфлоръ!..

ПАЧЕКО. Молчи, сынъ... ты неправъ...

ФЕРНАНДО. Благодарю, сеньоръ... Фаустусъ добрый малый, я знаю... и я воротился на-родину не для того, чтобы заводить новыя ссоры промежъ ея сынами... Я воротился, потому-что услышалъ, что Мавры намѣрены прійдти посчитаться съ нами за свои послѣднія пораженія, и вотъ враги, съ которыми мнѣ особенно хочется помѣряться силами...

ПАЧЕКО. О! ты храбръ, Вильяфлоръ, это всѣ знаютъ въ Мурсіи... Въ битвѣ при Сегорбѣ, ты самъ-другъ вошолъ въ башню крѣпости съ своимъ оруженосцемъ и истребилъ тридцать человѣкъ, охранявшихъ башню...

ФЕРНАНДО. Оруженосецъ былъ впереди меня, Пачеко... То-то былъ храбрый малый!

ПАЧЕКО. Правда! но когда непріятельскій отрядъ окружилъ башню, ты одинъ стоялъ въ воротахъ и цѣлый часъ сражался, не уступая ни шага...

ФЕРНАНДО. Оттого-что пажъ мой былъ раненъ, и они убили-бъ его, если-бъ я ихъ пропустилъ, а я далъ слово матери моего пажа, что возвращу ей сына.

ПАЧЕКО. Ну, и потомъ...

ФЕРНАНДО. Пачеко... я сынъ Мурсіи... я дѣлалъ то, что на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ-бы каждый изъ этихъ молодыхъ людей...

ПАЧЕКО. Ты сдѣлалъ лучше, маркизъ де-Вильяфлоръ; и когда я смотрю на тебя, сына моего стариннаго друга, когда вижу тебя столь юнымъ и славнымъ, столь прекраснымъ и храбрымъ... я думаю, почему Господь не вложилъ въ твое сердце добродѣтели, безъ которой всякая слава на челѣ смертнаго похожа на вѣнокъ сухой и увядшій...

ФЕРНАНДО. Вы знаете, Пачеко, что отъ васъ только зависитъ обратить меня къ добродѣтели... что ..

ПАЧЕКО. На этотъ счотъ я ужъ отвѣчалъ тебѣ, маркизъ, что никогда дочь моя не будетъ женою человѣка, котораго имѣніе промотано на безумныя оргіи, который по всей Испаніи безстыдно со-

блазнялъ и обманывалъ ложными клятвами женъ и дочерей благороднѣйшихъ вельможъ... что никогда...

ФЕРНАНДО (*съ нетерпѣніемъ, оборотясь къ Бенедикту*). Продолжай твою пѣсню, фигляръ... заплати урокомъ за урокъ, который мнѣ читаютъ... разскажи имъ, до-какой степени скорби и бѣдствія довелъ Богъ Монтекковъ и Капулеттовъ, ослѣпленныхъ лютой враждою... Скажи имъ, какъ одинъ потерялъ свою послѣднюю дочь, а другой послѣдняго сына... можетъ-быть, они поймутъ, что порокъ заключается не только въ юности, которая упивается, поетъ и кидаетъ красотѣ любовь, золото и пѣсни... что порокъ бываетъ и въ преклонныхъ враждахъ, которыя жертвуютъ своей жаждѣ мщенія... дѣтьми, семействомъ, родиною... Пой... пой твою пѣсню...

ПАЧЕКО (*Бенедикту, бросая ему золотую монету*). Довольно... фигляръ... вотъ тебѣ за пѣснію... Но не забывай, что въ здѣшнемъ городѣ есть уши, которыя она можетъ жестоко оскорбить.

ФЕРНАНДО. Потому-что она правдива, — не такъ-ли, Пачеко? потому-что звучитъ тебѣ упрекомъ совѣсти... страшитъ тебя...

ЛЮЙЗЪ. Ошибаешься, маркизъ де-Вильяфлоръ: дядя мой не боится, что его дочь, подобно Юліи, полюбитъ сына его врага...

ФЕРНАНДО (*въ-сторону*). Надѣюсь, что нѣтъ...

БЕНЕДИКТЪ (*въ-сторону*). Несчастный, если-бъ онъ зналъ, что говоритъ...

ЛЮЙЗЪ. Онъ увѣренъ въ добродѣтели дочери...

ФАУСТУСЪ. И знаетъ, что подлѣ нея есть рука, готовая омыть въ крови виновныхъ подобную обиду, такое гнусное преступленіе.

ПАЧЕКО. Оставимъ, пожалуй-ста, эти рѣчи... Молодой человѣкъ, не осуждай такъ поспѣшно и не говори такъ легкомысленно о наказаніи... Когда самъ будешь отцомъ, тогда научишься быть снисходительнымъ...

(*За сценою слышенъ звонъ колокола*).

КРИСТОВАЛЬ. Вотъ и часъ собранія... Пойдемте... пойдемте...

(*Всѣ вельможи идутъ въ глубину сцены*).

ФЕРНАНДО (*кланяясь Пачеко*). Прощайте, сеньоръ Пачеко, да благословитъ васъ Небо за ваше послѣднее слово... Но снисходительность такая добродѣтель, которая должна распространяться на всѣхъ...

ПАЧЕКО. Она распространяется и на тебя, маркизъ де-Вилья-

флоръ, потому что отъ глубины души желаю тебѣ быть столько-жъ добрымъ, сколько ты храбръ.

(*Всѣ уходятъ, кромѣ Фернандо и Бенедикта.*)

ФЕРНАНДО (*смотря на уходящихъ*). Старикъ добьется своего... (*Въ это мгновеніе, съ балкона падаетъ къ его ногамъ кошелекъ; онъ оборачивается.*) Это что̀ такое?.. кошелекъ!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Донъ Фернандо, Бенедиктъ.

БЕНЕДИКТЪ (*въ-сторону*). Стелла узнала меня...

ФЕРНАНДО. Да, въ-самомъ-дѣлѣ, кошелекъ...

(*Нагибается и поднимаетъ его.*)

БЕНЕДИКТЪ (*продолжая говорить въ-сторону*). Кошелекъ, до котораго касались прекрасныя ручки обожаемой... кошелекъ, отмѣченный ея вензелемъ...

БЕНЕДИКТЪ (*въ-слухъ Фернанду*). Это подаяніе, кинутое какой-нибудь прекрасной дамою бѣдному пѣвцу... вы, вѣрно, не захотите?..

ФЕРНАНДО (*выхватывая у себя изъ кармана кошелекъ, а поднятый оставляя въ рукахъ*). На, вотъ тебѣ, глупецъ... Никогда ты не получишь такой богатой платы за свои пѣсни...

БЕНЕДИКТЪ (*открывая кошелекъ*). Полнехонекъ золота... (*Въ-сторону*) А что̀-бишь мнѣ сказалъ сеньоръ донъ Сильвіо?.. «Если она тебѣ кинетъ кошелекъ, пришли его мнѣ тужъ-минуту.» Ну, вотъ кошелекъ есть, только я не помню, чтобъ онъ говорилъ что-нибудь о золотѣ...

(*Прячетъ деньги въ карманы.*)

ФЕРНАНДО (*въ-сторону, глядя на поднятый кошелекъ*). Право... я становлюсь сущимъ ребенкомъ... Этотъ кошелекъ, вышедшій изъ ея рукъ, заставляетъ меня пылать и трепетать... О! значитъ, я ее люблю; значитъ, мысль о ней пробуждаетъ во мнѣ угрызенія совѣсти...

БЕНЕДИКТЪ (*идя въ глубь сцены*). Стъ... стъ... (*Является пажъ, которому Бенедиктъ отдаетъ кошелекъ*). Сеньору Сильвіо Теллезу... у Толедскихъ воротъ.

ФЕРНАНДО. Ну, что̀ ты тамъ дѣлаешь, повѣса?..

БЕНЕДИКТЪ. Ничего, сеньоръ... (*въ-сторону*) Я ворочусь сюда, ко-

гда этотъ маркизъ де-Вильяфлоръ уйдетъ... Надо-жъ увѣдомить Стеллу.

(*Удаляется, напѣвая припѣвъ своей пѣсни*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Донъ Фернандо, одинъ.

Да.... при мысли объ этомъ прелестномъ ребенкѣ, я чувствую иногда, что желалъ-бы быть вовсе не тѣмъ, что́ я теперь.... Да, если-бъ не столько безумствъ сопровождали мою юность.... она могла-бы меня полюбить.... Если-бъ даже срока было у меня больше.... если-бъ меня не понуждало это слово, вырвавшееся въ одну изъ буйныхъ пьяныхъ ночей.... Ахъ, приходитъ время, когда человѣкъ дорого платится за свои заблужденія... и если мнѣ не удастся выпросить отсрочки.... останется одно роковое средство къ успѣху, средство, о которомъ и подумать стыдно... Прошу покорно.... я дрожу, какъ пятнадцатилѣтній любовникъ... Добьюсь..... я поклялся.... я хочу.... Оно будетъ худымъ путемъ.... но Богомъ свидѣтельствуюсь, что моя цѣль — выйдти на хорошую стезю.... А! Леліо идетъ.... У этого ребенка бездна ума.... Не найдя меня дома, онъ угадалъ, что я стою на часахъ подъ окномъ моей жестокосердой. Охъ! то-то-бъ расхохоталась Корнелія, безстыдная прелестница, еслибъ увидѣла меня трепетнаго, блѣднаго, цѣпенѣющаго, въ ожиданіи ея письма; потому-что́, точно, мнѣ страшно.... страшно.... (*Подбѣгающему Леліо*) Ну? что́ Леліо?...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Леліо, донъ Фернандо.

ЛЕЛІО. Отсюда до Картагены, сеньоръ, считаютъ двадцать миль. Берберійская лошадь, на которой я поѣхалъ, пала въ двухъ миляхъ отъ города; не-смотря на то, черезъ пять часовъ послѣ отъѣзда изъ Мурсіи, я былъ у сеньоры Корнеліи.... Два часа она продержала меня за отвѣтомъ. Кордуанская лошадь, которую я купилъ за сотню дукатовъ, вышла гораздо-лучше той, что́ вы мнѣ дали, потому-что, послѣ трехъ часовъ бѣшеной скачки, она пала только у воротъ вашего замка.... Счетомъ выходитъ всего ровно десять часовъ, а вы сами назначали мнѣ двѣнадцать.... Заслужилъ-ли-же я обѣщанную награду?...

ФЕРНАНДО. Это доказываетъ, Леліо, что ты ѣздишь скорѣе, чѣмъ

говоришь.... Полно тратить въ словахъ время, которое ты сберегъ отъ дороги.... Отвѣтъ Корнеліи....

ЛЕЛІО (*подавая письмо*). Вотъ онъ.

ФЕРНАНДО. Такъ вотъ мой приговоръ въ письмѣ отъ распутнѣйшей изъ испанскихъ прелестницъ.... (*Нюхаетъ письмо*). А! негодная! она надушила его тѣми восточными духами, за которыя я заплатилъ тысячу секиновъ, чтобъ угодить ея прихоти.... Глупецъ!...

ЛЕЛІО. Вы такъ торопились.... сеньоръ....

ФЕРНАНДО. Да, торопился.... а теперь.... страшно.... Ты видѣлъ Корнелію?

ЛЕЛІО. Когда я пріѣхалъ, меня кликнули въ залу пира.... Праздникъ былъ роскошный; Корнелія распоряжалась имъ.... Одной рукою взяла она письмо отъ меня, а другою между-тѣмъ играла русыми кудрями одного молодаго красавца, который глядѣлъ на нее очами, полными упоенія.

ФЕРНАНДО. Безстыдная!... Что-жъ она тебѣ сказала?...

ЛЕЛІО. Она пробѣжала ваше письмо съ разсѣяннымъ видомъ, потомъ кинула его подлѣ себя, и сказала мнѣ, даже не взглянувъ на меня: Приди черезъ два часа за отвѣтомъ.... онъ будетъ готовъ....

ФЕРНАНДО. И только?

ЛЕЛІО. Только.

ФЕРНАНДО. Посмотримъ.... кажется, время было удачно выбрано; немудрено, что Корнелія, съ сердцемъ, полнымъ новой любви, отъ которой пришлось-бы отказаться.... согласна на новую сдѣлку, какую я ей предлагаю.... вѣдь она хорошо знаетъ, что еслибъ я былъ принужденъ сдержать безразсудное обѣщаніе, которое далъ, то передъ нею лежала-бы жизнь мученій.... О, Боже мой! на что-то она рѣшилась?..

ЛЕЛІО. Сеньоръ.... если вы еще дольше будете по-теперешнему терзать письмо въ вашихъ судорожно-сжатыхъ пальцахъ, вамъ трудно будетъ его прочесть....

ФЕРНАНДО. Письмо.... на, возьми.... прочти его мнѣ, Леліо; самъ я ничего не разберу.... Голова моя идетъ кругомъ, въ глазахъ темнѣетъ при мысли объ отказѣ.... Читай, Леліо.... читай скорѣе.... (*Пока Леліо срываетъ печать*) Я ее знаю; она такая женщина, что отвѣтитъ однимъ словомъ.... Нѣтъ... или, можетъ-быть.... да.... Ну! что-жъ она пишетъ? Да или нѣтъ?...

ЛЕЛІО. Сеньоръ, тутъ исписаны цѣлыя четыре страницы....

ФЕРНАНДО. Четыре страницы!... Вѣрно, она налагаетъ на меня условія.... О! все, что ей угодно, сокровища, замки.... если у меня

еще остается хоть одинъ.... все, до послѣдней крохи моего состоянія, все, до послѣдняго червонца.... все, кромѣ моего имени... Да читай-же, негодный!

(*Садится къ столу*).

ЛЕЛІО. «Прелестница Корнелія дону Фернанду, маркизу де-Вилья-«Флору, графу де....»

ФЕРНАНДО (*прерывая его*). Да это грамота отъ державы къ державѣ.... И четыре страницы?...

ЛЕЛІО. Самаго мелкаго почерка....

ФЕРНАНДО. Уймешься-ли ты, несносный болтунъ!

ЛЕЛІО (*читаетъ*). «Ты помнишь, маркизъ, что мѣсяцъ тому на-«задъ, среди праздника, гдѣ толковали объ ангельской красотѣ «Стеллы Пачеко и строгихъ добродѣтеляхъ ея семейства, ты вос-«кликнулъ: Вотъ какую жену надо такому человѣку, какъ я!... «Вѣрно, помнишь, что всеобщій смѣхъ встрѣтилъ это восклицаніе, «помнишь, какъ всякій хохоталъ надъ тобою, распутнымъ, по-«грязшимъ въ порокахъ, слыша отъ тебя подобное желаніе....»

ФЕРНАНДО. Много ты прочолъ?

ЛЕЛІО. Все еще читаю первую страницу.

ФЕРНАНДО. Какъ она успѣла написать столько въ два часа?... Ну....

ЛЕЛІО. «Тогда-то, въ безуміи гордости, вызвался ты держать за-«кладъ, что, если захочешь, будешь черезъ мѣсяцъ мужемъ этой «прекрасной Стеллы, зятемъ этого суроваго Пачеко.»

ФЕРНАНДО. Божусь адомъ! я былъ безъ-ума, либо пьянъ отравленными винами, которыя мнѣ подносили....

ЛЕЛІО. «И какъ у тебя, кромѣ жалкихъ остатковъ промотаннаго «имѣнія, ничего не было поставить на этотъ закладъ, то ты пред-«ложилъ свое имя, и осмѣлился мнѣ сказать: Хорошо! если мнѣ не «удастся, я отдаю тебѣ больше, нежели далъ-бы и хотѣлъ-бы дать «тебѣ въ самое роскошное время моего богатства: отдаю тебя мое «имя. Если, черезъ мѣсяцъ, Стелла не будетъ маркизою де-Вилья-«Флоръ, то ею будешь ты, Корнелія,»

ФЕРНАНДО. Да, я сказалъ это, и подписалъ.... подписалъ моей рукою, моимъ именемъ; и въ ту минуту, когда я сдѣлалъ это, я стоилъ, чтобы палачъ отрубилъ мнѣ руку и разбилъ надо мною гербъ моихъ предковъ, которыхъ я безчестилъ своимъ поступкомъ..., О! позоръ.... позоръ.... позоръ на мнѣ!... Дочитывай.

ЛЕЛІО. «Обязательство законно.... нѣтъ судилища, которое не «заставило-бы тебя сдержать его.»

ФЕРНАНДО. Она права, и это было-бы мнѣ заслужонымъ наказаніемъ за заключеніе обязательства....

ЛЕЛІО. «Теперь ты предлагаешь мнѣ все, что̀ у тебя осталось «богатства.... обязуешься даже отказаться отъ Стеллы; прости- «раешь ужасъ, какой внушаетъ тебѣ бракъ со мною, до того, что «вызываешься пойдти въ монахи!...» Какъ! вы сеньоръ?...

ФЕРНАНДО. О! Леліо, я готовъ пойдти.... въ отшельники, что̀ еще хуже....

ЛЕЛІО. «Нѣтъ пожертвованій, на которыя-бъ ты не былъ готовъ, «чтобъ освободиться отъ этого обязательства.... Знаешь-ли, мар- «кизъ! еслибъ ты имѣлъ сокровищъ вдесятеро больше того, что̀ «ты безумно промоталъ.... и тогда-бъ я не согласилась....»

ФЕРНАНДО. Она отказывается.... Охъ!...

(*Закрываетъ лицо руками*).

ЛЕЛІО. «Черезъ три дня срокъ исполнится; черезъ три дня ты бу- «дешь затемъ Пачеко, либо прелестница Корнелія будетъ мар- «кизою де-Вильяфлоръ....»

ФЕРНАНДО (*съ нетерпѣніемъ*). Дальше.... дальше.... тутъ должно быть что̀-нибудь другое.... Это невозможно.... она только хочетъ меня испугать... Ну! станешь-ли ты читать?... вѣдь ты-же сказалъ мнѣ, что письма четыре страницы?...

ЛЕЛІО. Да, сеньоръ.... но я не смѣю....

ФЕРНАНДО. Не смѣешь!... Ба! несчастный! что̀-же можетъ быть ужаснѣе отказа, который осуждаетъ меня на позоръ дать мое имя этой презрѣнной прелестницѣ?... Дай сюда, дай.

(*Вырываетъ у него изъ рукъ письмо*).

ЛЕЛІО. Извольте.

ФЕРНАНДО (*читаетъ*). «Черезъ три дня ты будешь затемъ Па- чеко или прелестница Корнелія будетъ маркизою де-Виль- «флоръ.» (*Остановясь*) Безстыдная! (*читаетъ*) «Въ ожида- «ніи этой завидной чести, посылаю тебѣ мадригалы и сонеты, ко- «торые написалъ ко мнѣ поэтъ Маттео Дураццо, мой новый лю- «бовникъ....» О, проклятіе!

ЛЕЛІО. Ахъ! это ужасно, сеньоръ! не правда-ли?

ФЕРНАНДО. Нѣтъ, Леліо.... она даетъ мнѣ мужество, котораго мнѣ недоставало; то̀, что̀ я колебался бы сдѣлать.... теперь сдѣлаю... Напиши отъ меня Корнеліи, что черезъ три дня Стелла Пачеко будетъ маркизою де-Вильяфлоръ.

ЛЕЛІО. Въ добрый часъ, сеньоръ; вы опять прежній; а что̀ до наглой посылки, которая заключается въ этомъ письмѣ....

ФЕРНАНДО. Скажи ей, что шутка хороша, но стихи плохи, и что ея Дураццо олухъ, которому-бъ я не далъ мыть корыта моихъ собакъ.

ЛЕЛІО. Боже мой! теперь, сеньоръ, я увѣренъ, что вы успѣете, и черезъ три дня торжественно вступите въ комнату вашей прелестной супруги!

ФЕРНАНДО. Да.... въ ея комнату или въ свою могилу.... а изъ-за этого можно на все рѣшиться, чтобъ только успѣть.... Ступай за мною, Леліо; мнѣ надо добыть золота....

ЛЕЛІО. Что вы, сеньоръ!... золота?... Оно у насъ нынче рѣдкость....

ФЕРНАНДО. Полно, глупецъ!... было-же у меня его столько на мою погибель....

ЛЕЛІО. Что теперь, можетъ-быть, не найдете столько для вашего избавленія.

ФЕРНАНДО. Дѣло станетъ у насъ не за золотомъ, Леліо.... дороже всего время.... а его не продаютъ жиды ни за какую цѣну.... Пойдемъ скорѣе.

(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

БЕНЕДИКТЪ, *возвращается.*

Ужъ я, было, думалъ, что они никогда не уйдутъ.... Надо еще увѣдомить Стеллу.... (*Беретъ свою лютню, глядитъ вверхъ и останавливается*). То-то простакъ!... Она тутъ.... гораздо нетерпѣливѣе и безпокойнѣе меня самого.... Ахъ, дѣвушки, дѣвушки! когда любовь тронула ваше сердце, прощай благоразуміе, прощай семейство, прощай стыдливость.... а отцы да братья спокойно распиваютъ вино подъ тѣнью платановъ.... Благодареніе Господу, что, взявши у меня жену, Онъ не оставилъ мнѣ дочерей!...

ЯВЛЕНІЕ VI.

БЕНЕДИКТЪ, СТЕЛЛА.

СТЕЛЛА (*выходитъ изъ двери подъ балкономъ и подбѣгаетъ къ Бенедикту*). Ну что, Бенедиктъ, гдѣ Сильвіо?

БЕНЕДИКТЪ. Дожидался меня у Толедскихъ воротъ, а теперь долженъ быть въ городѣ.

СТЕЛЛА. Безразсудный!... Зачѣмъ онъ воротился сюда?

БЕНЕДИКТЪ. Любитъ васъ....

СТЕЛЛА. А между-тѣмъ онъ знаетъ, что если его захватятъ въ городѣ, смерть его несомнѣнна....

БЕНЕДИКТЪ. Онъ васъ любитъ, и возьметъ свои предосторожности....

СТЕЛЛА. Но развѣ онъ не знаетъ также, что король поклялся, что если не будетъ въ силахъ захватить того, кто ослушается его указа, то для того изгнаніе будетъ вѣчнымъ?

БЕНЕДИКТЪ. Онъ любитъ васъ, и увѣренъ въ моей скромности....

СТЕЛЛА. Безумецъ!... чтобы видѣться со мною на часъ, на минуту, на мигъ, можетъ-быть.... онъ рискуетъ жизнью!...

БЕНЕДИКТЪ. Эхъ, сударыня! Когда я служилъ въ солдатахъ у дона Педро, я каждый день рисковалъ жизнью за фунтъ муки да рюмку вина.... (*въ-сторону*) А, божусь св. Бенедиктомъ, она стоитъ дороже!

СТЕЛЛА. Но гдѣ-жъ онъ хочетъ со мною встрѣтиться?

БЕНЕДИКТЪ. Можетъ-быть, онъ надѣется чего-нибудь получше простой встрѣчи....

СТЕЛЛА. Господинъ конюшій, я васъ не понимаю....

БЕНЕДИКТЪ. Можетъ-статься отъ того, что я самъ его не такъ-то понялъ; сдается, будто онъ что-то говорилъ про полночь, про дверь, похожую на эту....

(*Указываетъ на маленькую боковую дверь*).

СТЕЛЛА. Ты лжешь, оруженосецъ! .. Не болтай глупыхъ вздоровъ вмѣсто словъ моего благороднаго Сильвіо. Что сказалъ тебѣ твой господинъ?

БЕНЕДИКТЪ (*въ-сторону*). Видно господинъ-то немножко прихвастнулъ.

СТЕЛЛА. Будешь ли ты отвѣчать?

БЕНЕДИКТЪ (*громко*). Извольте, сударыня! господинъ сказалъ мнѣ: «Если, когда ты будешь пѣть, она кинетъ тебѣ кошелекъ, то значитъ, она хочетъ говорить съ тобою...

СТЕЛЛА. А дальше?

БЕНЕДИКТЪ. Въ такомъ случаѣ, говоритъ, скажи ей, что я жду ея приказаній... Выслушай ихъ и тотчасъ-же явись передать мнѣ ихъ слово-въ-слово.

СТЕЛЛА. Хорошо! ступай, скажи ему, чтобъ онъ ровно въ девять часовъ былъ подъ портикомъ церкви Аннонсіады... Къ нему подойдетъ женщина и проговоритъ стихъ великаго поэта:

Смерть прилетѣла на крыльяхъ любви.

БЕНЕДИКТЪ. Вашъ съ нимъ пароль не вѣщуетъ радостнаго...

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). Таковъ и долженъ быть пароль любви преступной и проклятой...

БЕНЕДИКТЪ. Слушаю, сударыня; пущусь къ нему подъ Толедскіе ворота.

СТЕЛЛА. А кошелекъ ты послалъ къ нему?

БЕНЕДИКТЪ. Какъ-же.

СТЕЛЛА. Именно такимъ, какъ я его бросила?...

БЕНЕДИКТЪ (*съ замѣшательствомъ*). Такимъ... да... да, какъ-же.

СТЕЛЛА. Ну, такъ ты еще найдешь Сильвіо... Ступай... вѣдь ты понялъ меня: сегодня вечеромъ, въ девять часовъ, въ церкви Анонсіады.

БЕНЕДИКТЪ. Бѣгу, сударыня... бѣгу... (*Въ-сторону, уходя*). А чутьли я не надѣлалъ тревоги господину...

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

СТЕЛЛА, *одна*.

СТЕЛЛА. О! безумецъ.... безумецъ!... онъ играетъ своей жизнью, какъ-будто она ему принадлежитъ... И не больше-ли еще того онъ дѣлаетъ?... не моей-ли жизнью.... не моей-ли честью рискуетъ онъ, — и для чего?... Какъ я несправедлива!.... развѣ это не для того, чтобъ меня видѣть?... ужели я буду меньше отважна?.... И если я такъ страстно люблю тебя, что сердце трепещетъ при одномъ твоемъ имени, не за то-ли, что всѣмъ для меня пренебрегъ, мой Сильвіо? что ты забылъ друзей, семейство, и свою наслѣдственную вражду и свои недавнія обиды, когда, между-тѣмъ, въ твоихъ рукахъ было мщеніе?... Они бѣсятъ меня и становятся жалки, когда поютъ, какъ сейчасъ на-примѣръ, побѣду надъ Теллезами... Да, конечно... они побѣдили нѣкоторыхъ изъ самыхъ мелкихъ... Но кто изъ Пачековъ поднималъ шпагу на Сильвіо, не теряя жизни, или, что̀ постыднѣе, не принимая жизни отъ его надменнаго состраданія?... И тотъ, кто столько страшенъ всѣмъ.... чей взоръ смущаетъ самыхъ неробкихъ... онъ покоренъ моему малѣйшему мановенію... Если я захочу... онъ сейчасъ воротится назадъ, послѣ долгаго пути и ожиданія посреди опасности... не увидѣвъ меня глазомъ... Я его знаю... онъ скажетъ, что его обманываютъ.... будетъ гнѣвно угрожать, поклянется, что не послушается, что прилетъ... что хочетъ придти... и, не-смотря на все бѣшенство, удалится однако... съ гнѣвомъ и отчаяніемъ въ сердцѣ... съ глухимъ ропотомъ.... Небомъ свидѣтельствуясь, что я несправедлива и жестока...

но все-таки будетъ послушенъ и покоренъ... вотъ за что́ люблю тебя, мой Сильвіо!.. Если-жъ велю ему придти сюда... о! братья мои, родственники мои и всѣ обители Мурсіи, вооружайтесь, пожалуй, самыми тяжолыми мечами, карауль те по всѣмъ угламъ улицъ, у воротъ всѣхъ палатъ, онъ проберется сквозь ваши ряды, гибкій и неосязаемый, подобно молніи, либо сокрушитъ эти ряды, быстрый и неотразимый, какъ громъ... О! онъ придетъ!... я хочу, чтобъ онъ пришолъ... Два мѣсяца, проведенные въ разлукѣ съ нимъ, тяготили меня, какъ мертвая вѣчность... Я изнемогаю... терзаюсь.. плачу... и бѣдная кормилица плачетъ, глядя на мои слезы... О! теперь надо все сказать ей.... Но какъ это сдѣлать?... Э! развѣ она не знаетъ уже половины моей тайны?... Развѣ она не знаетъ, что я влюблена?... Отчего-жъ-бы иначе могла страдать дочь Пачеко, если не отъ любви?... И развѣ я не видала того, что́ сказать мнѣ она не осмѣливалась, когда я плакала на груди питавшей меня? Развѣ я не видала, что она готова позабыть и свою чистую прямоту и свои клятвы батюшкѣ... чтобы помочь мнѣ?... Да... да... она знаетъ столько, чтобы служить мнѣ... особливо-жъ не знаетъ слишкомъ-много; потому-что, снисходя къ моей любви, она была-бъ безжалостна къ тому, кого я люблю... Ненависть, которую дыханіе Сильвіо погасило въ моемъ сердцѣ, все по-прежнему ярко пылаетъ въ ея душѣ... Я не произнесу передъ нею имени Теллеза... Вотъ она... Какъ она торопится... бѣжитъ сюда изъ сада... Добрая кормилица!... она думаетъ найдти меня сидящей въ темномъ уголку, въ слезахъ и отчаяніи... а я такъ счастлива... а я смѣюсь надъ ея безпокойствомъ!... Ахъ! не такъ бывало прежде.... Я не по-прежнему люблю ее... Ахъ! оттого, что я люблю только тебя, Сильвіо!..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Стелла и Франсеска.

ФРАНСЕСКА (*озираясь во всѣ стороны*). А! вотъ она гдѣ; я избѣгала весь замокъ, клича васъ, Стелла, и вовсе не надѣялась найдти васъ тутъ.

СТЕЛЛА (*отводитъ ее подъ платаны*). Бѣдная кормилица!... Ты, вѣрно, очень-устала... Присядь, отдохни.

ФРАНСЕСКА (*уклоняясь отъ Стеллы, которая хочетъ посадить ее*). Охъ! что́ обо мнѣ скажутъ люди, если увидятъ дочь графа Таворы здѣсь, одну-одинешеньку, передъ сумерками?...

СТЕЛЛА (*усаживая ее*). Не сердись, добрая кормилица; какой-то

бѣднякъ пѣвецъ остановился подъ моимъ окошкомъ... я и вышла заплатить ему за пѣсню.

ФРАНСЕСКА. Ужъ, вѣрно, любовная пѣсня...

СТЕЛЛА. Да, очень-унылая.

ФРАНСЕСКА. И заставила опять расплакаться, Стелла!.... Охъ! ужъ эти нищіе фигляры, что̀ ходятъ распѣвать подъ окошками о любовныхъ похожденіяхъ.... Дѣвушки ихъ слушаютъ, и эти розсказни зароняютъ въ нихъ мысли, которыя безъ того, можетъ статься, и въ голову-бы имъ не пришли.

СТЕЛЛА. Ты знаешь, Франсеска, что и безъ пѣсенъ фигляровъ всегда думается о томъ, кого любишь... Когда горе дѣлаетъ тебя пооткровеннѣе и ты заговоришь про своего покойнаго мужа, про Паоло, моего добраго молочнаго отца, ты часто мнѣ разсказываешь, какъ ты его любила...

ФРАНСЕСКА. Правда... правда... я виновата...

СТЕЛЛА. Ты также сказывала мнѣ, какъ, бывало, выжидаешь у окна, пока онъ пройдетъ мимо.

ФРАНСЕСКА. Я болтала эти сказки, чтобъ тебя убаюкать...

СТЕЛЛА. Какъ, однажды вечеромъ, ты украдкой отперла дверь вашего дома.

ФРАНСЕСКА. Вотъ ужъ чего никогда-то я не говорила, Стелла.

СТЕЛЛА. Говорила, кормилица, и еще когда я засмѣялась, слушая, какъ вы съ нимъ были встревожены и не смѣли заговорить другъ-съ-другомъ... ты съ сердцемъ прибавила... «Придетъ и твоя череда, Стелла, на эти испуги, которые такъ давятъ сердце, что хоть задохнуться; тогда не станешь смѣяться».

ФРАНСЕСКА (*вставая*). Никогда не надо ничего говорить этимъ молодымъ головамъ.

СТЕЛЛА (*грустно*). И ты правду сказала, Франсеска, что это давитъ сердце, будто оно разорваться хочетъ...

ФРАНСЕСКА (*торопливо*). Что̀, что̀ ты говоришь, дитя?...

СТЕЛЛА. Говорю, что если приходится не видать, какъ онъ пройдетъ; если нельзя отворить двери, когда онъ всю ночь будетъ бродить вкругъ дома... это невыносимая мука... лютая... которая палитъ и терзаетъ сердце...

ФРАНСЕСКА. Ты ужъ и плачешь, раздумавшись про это, Стелла...

СТЕЛЛА. Кормилица...

ФРАНСЕСКА. И эта надежда и страхъ... эта радость и мученье?

СТЕЛЛА. Они здѣсь... Франсеска...

ФРАНСЕСКА. Въ вашемъ сердцѣ... Стелла!

СТЕЛЛА. У меня нѣтъ матери, кромѣ тебя; кому-жъ я это выскажу?...

ФРАНСЕСКА (*въ-сторону*). Такъ и есть... Охъ! дѣти... дѣти...

СТЕЛЛА. Вотъ, едва я сказала, ты ужъ и покидаешь меня... Ахъ! какъ это нехорошо...

ФРАНСЕСКА. Мнѣ тебя покинуть!.... нѣтъ.... а побранить тебя... хорошенько побранить... я должна... и сдѣлаю...

СТЕЛЛА. За то, что я люблю такъ, какъ ты любила?

ФРАНСЕСКА. То было совсѣмъ другое дѣло.

СТЕЛЛА. За то, что также хочу его видѣть и говорить съ нимъ?

ФРАНСЕСКА. Господи Боже, что еще такое... видѣть, говорить съ нимъ... дочери Пачеко... Въ своемъ-ли ты умѣ, дитя?...

СТЕЛЛА. Также какъ ты, когда ты отворяла дверь Паоло...

ФРАНСЕСКА. Да вѣдь если твой батюшка узнаетъ, онъ васъ обоихъ убьетъ, дѣти...

СТЕЛЛА. Также, какъ твой отецъ убилъ-бы тебя, еслибъ засталъ васъ съ Паоло...

ФРАНСЕСКА. И по-дѣломъ-бы мнѣ...

СТЕЛЛА. Однакожъ ты не побоялась...

ФРАНСЕСКА. Э! Боже мой... я его любила... Я была безъ ума...

СТЕЛЛА. Ну, вотъ! вѣдь и я... я тоже...

ФРАНСЕСКА. Полно... полно... Господи! да замолчи... (*Обнимаетъ ее*). Статочное-ли дѣло, Боже мой, чтобъ ты дошла до этого... а я ничего и не знала... Кто-же этотъ любовникъ... кто могъ такъ сильно тронуть сердце благородной дочери Пачеко?

СТЕЛЛА. Ты его встрѣтишь ужо вечеромъ подъ портикомъ церкви Аннонсіады.

ФРАНСЕСКА. Онъ дворянинъ... богатъ, прекрасенъ, не правда-ли?.. Его имя?...

СТЕЛЛА. Имя! Тебѣ зачѣмъ знать... на немъ будетъ длинный темный плащъ... ты подойдешь къ нему и скажешь: «Смерть прилетѣла на крыльяхъ любви...»

ФРАНСЕСКА. Правда того, кто это сказалъ... ты сама можешь служить примѣромъ...

СТЕЛЛА. Онъ тебя спроситъ, не кормилица ли ты моя?..

ФРАНСЕСКА. Такъ онъ меня знаетъ?...

СТЕЛЛА. Да, вѣдь ты часто бываешь со мною у окна...

ФРАНСЕСКА. Боже мой!... не ужто это...

СТЕЛЛА. Теперь, я тебя прошу замолчать... Вели ему идти за собою и приведи его сюда...

ФРАНСЕСКА. Вотъ ужъ этому-то не бывать, Стелла... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, хоть-бы ты просила меня на колѣнахъ... хоть-бы мнѣ пришлось оставить домъ твоего батюшки и никогда не видать тебя...

СТЕЛЛА. Хоть бы мнѣ пришлось умереть на твоихъ глазахъ, не правда-ли?

ФРАНСЕСКА. Умереть... тебѣ... моя Стелла... тебѣ умереть... Да вѣдь въ твои лѣта все такъ говорятъ...

СТЕЛЛА. Да такъ и умираютъ дѣвушки, оттого, что при нихъ нѣтъ никого, кто-бы сжалился надъ ихъ горемъ!...

ФРАНСЕСКА. Ахъ! перестань, Стелла.

СТЕЛЛА. Никого, кто-бы ихъ любилъ...

ФРАНСЕСКА. Никого, кто-бы любилъ... Прошу покорно, она мнѣ это говоритъ... О! Стелла, не баюкала-ль я тебя на моихъ колѣнахъ, не просиживала-ль ночи у твоего изголовья, когда ты хворала... не плакала-ль я вмѣстѣ съ тобою, не вѣдая, о чомъ ты плачешь!... а ты еще говоришь, что я тебя не люблю!...

СТЕЛЛА. Ну вотъ! коли ты мена любишь, Франсеска... въ третьемъ часу ночи отопри эту дверь..

ФРАНСЕСКА. Но вѣдь ты знаешь, дитя, что ужъ больше трехъ мѣсяцевъ ключъ отъ этой двери потерянъ... что его такъ и не нашли...

СТЕЛЛА (*прячетъ голову*). Вотъ онъ!. .

ФРАНСЕСКА. Господи... да... и то онъ... Онъ! Стелла! Стелла!

СТЕЛЛА. Теперь ты понимаешь, что мнѣ надо съ нимъ видѣться, либо умереть...

ФРАНСЕСКА. Боже мой!... Господи, отврати отъ ея головы кару, ее-же изрекаетъ Твое правосудіе надъ преступными дѣтьми... Одна я во-всемъ виновата... я, которая не смотрѣла за нею, какъ должно-бы мнѣ... О! счастлива твоя матушка, что умерла, когда ты была еще ребенкомъ невиннымъ и чистымъ...

СТЕЛЛА. О! матери имѣютъ жалость къ преступнымъ дѣтямъ...

ФРАНСЕСКА. Чего-жъ тебѣ больше? вотъ я тебя выслушала, непроронила ниодного твоего словечка... Стелла... дай мнѣ ключъ...

СТЕЛЛА. О! награди тебя Господь, Франсеска...

ФРАНСЕСКА. Только, понимаешь, я хочу быть при васъ.. хочу...

СТЕЛЛА. О! все, что̀ ты хочешь... Ступай скорѣе... смеркается... пора... и... слышишь... батюшка съ нашими возвращаются изъ собранія.

ФРАНСЕСКА. Какъ-бишь ты сказала-то?...

СТЕЛЛА. Въ церкви Аннонсіады.

ФРАНСЕСКА. Дворянинъ?

СТЕЛЛА. Въ длинномъ темномъ плащѣ.

ФРАНСЕСКА. Подойдти, да что̀-бишь ему сказать?

СТЕЛЛА. «Смерть прилетѣла на крыльяхъ любви.»

ФРАНСЕСКА. Охъ! дай Боже, чтобъ это не было вѣрнымъ предсказаніемъ ихъ судьбы!...

СТЕЛЛА. Ступай!... ступай!... О! такъ я увижу тебя, Сильвіо!

...

ЯВЛЕНІЕ IX.

СТЕЛЛА, ПАЧЕКО, ФАУСТУСЪ, донъ ЛЮЙЗЪ.

(*Молодые люди разговариваютъ въ глубинѣ сцены*).

ПАЧЕКО. Куда же идетъ твоя кормилица, Стелла?

СТЕЛЛА. Не знаю, батюшка... Какъ-бы она чего не перепутала..

ПАЧЕКО. Какъ рука твоя горитъ... ты больна, Стелла?

СТЕЛЛА. Вы очень-добры, батюшка... я прогуливалась нынѣшній вечеръ...

(*Продолжаетъ тихо говорить съ отцомъ*).

ФАУСТУСЪ (*дону Люйзу, который пришолъ съ озабоченнымъ видомъ*). Такъ это тебѣ сказывалъ твой конюшій? ..

ЛЮЙЗЪ. Да, онъ божился, что этотъ человѣкъ какъ двѣ капли похожъ на Сильвіо Теллеза.

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). На Сильвіо Теллеза!

ПАЧЕКО (*Фаустусу и дону Люйзу*). О чомъ вы тутъ толкуете, молодые люди?...

ФАУСТУСЪ (*давая дону Люйзу знакъ молчать*). Ни о чомъ, батюшка... (*Тихо дону Люйзу*). Пойдемъ его искать...

ПАЧЕКО (*по-прежнему*). Вы поминали Сильвіо Теллеза... Развѣ что̀ слышно объ немъ?...

ЛЮЙЗЪ. Къ чему скрывать это отъ васъ, дядюшка? Говорятъ, что его видѣли въ городѣ...

СТЕЛЛА. О! Боже мой!... Боже мой!... онъ погибъ...

ПАЧЕКО. Что̀, кажется, за надобность ему рисковать жизнью?

ЛЮЙЗЪ. Мой конюшій увѣряетъ, что въ платьѣ, какъ онъ переодѣтъ, онъ похожъ на любовника, ожидающаго поры свиданія...

ФАУСТУСЪ. Какая-жъ дама любитъ этого дерзкаго Теллеза... этого...

ПАЧЕКО (*прерывая его*). Дерзкаго, но храбраго... а женщина, внушившая любовь, которую не удерживаетъ страхъ смерти... можетъ смѣло этимъ гордиться...

СТЕЛЛА (*въ-сторону, глядя на отца*). О добрый, благородный батюшка!...

ПАЧЕКО (*указывая на дочь*). Однако мы забываемъ, что̀ тутъ

есть уши, которыя недолжны слышать подобныхъ рѣчей. Благодарю васъ за компанію, друзья... Поцѣлуй за меня мать, донъ Люйзъ... Пойдемъ домой, Фаустусъ... Пойдемъ, Стелла.

ФАУСТУСЪ. Сейчасъ, батюшка...

ПАЧЕКО. Полно... полно!.. Фаустусъ... я этого не хочу... чтобъ не было новыхъ ссоръ; и если точно Сильвіо въ городѣ... то не какъ непріятель.

ЛЮЙЗЪ. Клянусь Богомъ!... Я дорого-бы далъ, чтобы помѣшать его любовному свиданію.

ПАЧЕКО. Полно, полно, молодежь; ужели вамъ суждено никогда не быть снисходительными къ погрѣшностямъ, которымъ сами вы часто подвержены?

ЛЮЙЗЪ. Вы всегда справедливо замѣчаете, дядюшка....

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). О! онъ меня проститъ... если...

ФАУСТУСЪ. Повинуюсь, батюшка... но если представится случай сразиться... который-нибудь изъ насъ перестанетъ быть въ тягость другому.

ПАЧЕКО. Ну, если случай представится... я тебѣ не посовѣтую отъ него уклоняться...

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). О! Боже мой! вражды въ немъ еще больше, чѣмъ справедливости!

ПАЧЕКО. Пойдемъ, Фаустусъ...

(*Вы это мгновеніе, Сильвіо подкрадывается къ Стелль, стоящей поодаль на-лѣво*).

СИЛЬВІО. Стелла!

СТЕЛЛА. Боже!... Сильвіо!

ПАЧЕКО (*возвращаясь къ дочери*). Что съ тобою?...

СТЕЛЛА (*въ смущеніи*). То, что вы сейчасъ говорили, испугало меня.

ПАЧЕКО. (*беретъ ее за руку*). Ну, полно... Фаустусъ... видишь-ли... она вся дрожитъ... Прощайте, друзья...

ВСѢ. Доброй ночи... сеньоръ...

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). О! что-то съ нимъ!

ПАЧЕКО. Посвѣтите!... (*Слуги выходятъ съ факелами*) Да заприте хорошенько эти двери.

СТЕЛЛА. Батюшка, вы забыли, что Франсески нѣтъ дома.

ПАЧЕКО. Пусть ея дождутся, а ты, Стелла, побрани ее, что она въ ея лѣта такъ запаздываетъ... (*Оборотясь на порогѣ*). Еще разъ... покойной ночи друзья...

ЛЮЙЗЪ. Покойной ночи вамъ, дядюшка, и вамъ, прекрасная кузина...

всѣ. Покойной ночи!...

(Пачеко, Стелла, Фаустусъ и слуги уходятъ въ домъ, донъ Люйзъ съ товарищами удаляются).

ЯВЛЕНІЕ X.

Сильвіо, *снова появившись, потомъ* Стелла.

сильвіо. Ей нельзя будетъ придти на свиданіе, которое назначалъ мнѣ кошелекъ... а теперь она успѣетъ улучить минуту... О, моя Стелла, моя Стелла!... я буду бодрствовать у твоего порога, не отойду отъ этой двери, и если ты еще разъ мнѣ ее отворишь... тогда я готовъ, пожалуй, умереть... Но теперь не время на мрачныя думы... Король сдѣлалъ изъ нашего брака награду за мою покорность его указамъ, и залогъ спокойствія Мурсіи... О, Стелла... Стелла... на что́-бъ не отважился я, чтобы извѣстить тебя объ этомъ нежданномъ благополучіи... Скоро ты перестанешь быть тайной и трепещущей любовницей, чье имя произнести я боюсь... Имя, которое я дамъ тебѣ, гордо будешь ты носить, ибо имя это благородно и чисто...

(Смеркается).

стелла. Сильвіо... Сильвіо!...

сильвіо. Стелла! моя Стелла!

стелла. Остановись... батюшка еще въ сѣняхъ... Такъ ты не встрѣчался съ Франческою въ церкви Аннонсіады?

сильвіо. Въ церкви Аннонсіады?... нѣтъ... Кошелекъ безъ твоего вензеля развѣ не говорилъ мнѣ, что я найду тебя въ аллеяхъ замка...

стелла. Безъ вензеля!... На томъ, который я кинула Бенедикту, былъ вензель... Что̀ это значитъ?

сильвіо. Все равно, вѣдь я съ тобою. Но не можешь-ли ты пустить меня къ себѣ?

стелла. Я отдала ключъ Франческѣ.

сильвіо. Какъ-быть... Вѣдь меня замѣтили... боюсь по-крайней-мѣрѣ.

стелла. Знаю... Хорошо-же! послушай... Черезъ часъ, когда у меня въ окнѣ блеснетъ свѣча... приходи... я сберегла шолковую лѣстницу, по которой ты пробрался ко мнѣ... въ тотъ день... который мнѣ хотѣлось-бы забыть, и о которомъ я думаю безпрестанно.

СИЛЬВІО. О! Стелла! Стелла!... нынѣшній день также останется у тебя въ памяти, потому-что я принесъ тебѣ надежду на близкое счастіе...

ПАЧЕКО (*извнутри*). Стелла!

СТЕЛЛА. Батюшкинъ голосъ!...

СИЛЬВІО. Ступай... ступай... но не забудь, что я жду тебя...

ПАЧЕКО (*также*). Стелла! Стелла!

СТЕЛЛА. Иду... батюшка... иду... Охъ! Сильвіо... ты сдѣлалъ меня безумною...

(*Уходитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Сильвіо, *одинъ*.

Дверь дома незаперта... Можетъ-быть, кто-нибудь еще выйдетъ оттуда.. надо мнѣ удалиться... (*Отходитъ въ глубину сцены*). Кто-то идетъ съ этой стороны, а теперь не время искать встрѣчъ... Счастіе дѣлаетъ робкимъ...

(*удаляется*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Донъ Фернандо, Лелію, *потомъ* Франсеска.

ЛЕЛІО. Ну, сеньоръ! на что-же вы рѣшились, влѣзть или подкупить?...

ФЕРНАНДО. Я рѣшился на успѣхъ, Леліо... Всѣ-ли мѣры взяты?...

ЛЕЛІО. Вотъ крюкъ, чтобы взлѣзть...

ФЕРНАНДО (*показывая кошелекъ*). А вотъ средство расплавить самую закаленную совѣсть... Ну, постарайся-же приманить сюда кого-нибудь изъ служителей дома... Чортъ возьми! этотъ хересъ одурманилъ мнѣ голову...

ЛЕЛІО. Не видать никого.

ФРАНСЕСКА (*идетъ съ стороны противоположной дому*). Я его не нашла... тѣмъ лучше... тѣмъ лучше... Это свиданіе пугало меня...

ФЕРНАНДО. А признаюсь мнѣ хотѣлось-бы обойтись безъ взлѣзанья...

ФРАНСЕСКА (*подходя къ дому*). Свиданіе, котораго условнымъ знакомъ было: «Смерть прилетѣла на крыльяхъ любви.»

ФЕРНАНДО. Кто тамъ говоритъ?...

ФРАНСЕСКА. Вотъ-те на!... молодой человѣкъ въ плащѣ...

ФЕРНАНДО. Никакъ, это Франсеска... (*Громко*). Эй! послушайте-ко, милая; не вы-ли кормилица прекрасной Стеллы?...

ФРАНСЕСКА. Я самая, сеньоръ... (*въ-сторону*). Такъ точно, это красавецъ донъ Фернандо де-Вильяфлоръ, который такъ часто прохаживается мимо нашихъ оконъ, и котораго она, вишь, терпѣть не можетъ... Ахъ! да вѣдь всѣ дѣвушки такъ дѣлаютъ...

ФЕРНАНДО (*отошедши къ Леліо*). Карауль... я ужъ обдѣлаю дѣло... (*Возвращаясь*). Погодите минуту, кормилица.

ФРАНСЕСКА. Хоть двѣ, сеньоръ... если вамъ угодно... (*въ-сторону*). Онъ и есть!... такой вѣтренный... храбрый... расточительный... безпутный... Да вѣдь такихъ-то и любятъ больше...

ФЕРНАНДО. Доступно-ли жалости твое сердце, кормилица?..

ФРАНСЕСКА (*въ-сторону*). Ну, начинается... (*громко*) Жалости?.. не надо–бъ мнѣ имѣть ея...

ФЕРНАНДО. Значитъ, ты ее имѣешь, а это такое доброе чувство, что его надо поощрять... На, возьми...

(*Подаетъ ей кошелекъ.*)

ФРАНСЕСКА (*уклоняясь*). Ахъ! что вы сеньоръ.... я не возьму...

ФЕРНАНДО. Ты слишкомъ для этого честна, понимаю... не хочешь принять подарка, не за служивши напередъ...

ФРАНСЕСКА. А чѣмъ я должна заслужить?..

ФЕРНАНДО. Живя здѣсь въ домѣ двадцать лѣтъ, ты, вѣрно, вѣдь знаешь какой–нибудь секретный ходъ, какую-нибудь потаенную дверь, черезъ которую можно войти въ домъ...

ФРАНСЕСКА (*въ-сторону*). Онъ и есть... (*Громко*) Да, сеньоръ, знаю, и никакъ не ожидала, что мнѣ доведется отпирать ее въ такіе часы.

ФЕРНАНДО (*съ удивленіемъ*). Ты согласна?

ФРАНСЕСКА. Что съ вами дѣлать!.. Дайте вашу руку...

ФЕРНАНДО. То-есть, мой кошелекъ?..

(*Подаетъ его ей*).

ФРАНСЕСКА (*отталкивая кошелекъ*). Нѣтъ, сеньоръ... Кабы не жалость мнѣ...

ФЕРНАНДО. Ты очень-чувствительна...

ФРАНСЕСКА. Вѣдь сами вы сказали, сеньоръ... я честная женщина...

ФЕРНАНДО (*въ-сторону*). Ну, эту плутовку я прогоню изъ дома, едва успѣю обвѣнчаться...

ЛЕЛІО (*подбѣгая*). Спѣшите!.. Кто-то идетъ сюда!..

ФЕРНАНДО. Да ужъ и то, кажется, чего скорѣе, какъ я дѣлаю...

(*На балконѣ сверкаетъ свѣтъ*).

СИЛЬВІО (*показываясь изъ-за деревьевъ*). Она у себя въ комнатѣ...

ФЕРНАНДО. (*идя за Франсескою, которая ведетъ его къ маленькой двери*). Чортъ побери, самъ не знаю, куда иду...

ЛЕЛІО. Развѣ вы боитесь?..

ФЕРНАНДО. Когда рай отверзается... мнѣ, который не дрогнулъбы пойти въ преисподнюю!.. Нѣтъ... нѣтъ... Леліо...

ФРАНСЕСКА. Поскорѣе-же!

СИЛЬВІО (*въ-сторону*). Вотъ и лѣстница...

ФЕРНАНДО (*къ Леліо*). Да будь у двери, завтра, на разсвѣтѣ.

ЛЕЛІО. Буду!

ФЕРНАНДО. Теперь можешь написать къ Корнеліи, что Стелла Пачеко будетъ черезъ три дня маркизою де-Вильяфлоръ...

СИЛЬВІО. О! какая радость для тебя, Стелла, узнать, что скоро ты будешь маркизою де-Гуэскаръ!

(*Вильяфлоръ входитъ по лѣсенкѣ, идущей за дверью, которую отперла ему Франсеска. — Сильвіо подбѣгаетъ къ опущенной лѣстницѣ и влѣзаетъ въ окно*).

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ залу, въ глубинѣ которой находится окно съ балкономъ.—По-право и по-лѣво отъ окна, образуя два угла залы, находятся двѣ двери; одна, которая по-право, ведетъ на галлерею, другая, которая по-лѣво, въ капеллу.—Подлѣ галлереи, на ближайшемъ къ зрителямъ планѣ, видна дверь въ комнату Франсески.—Насупротивъ и на томъ-же планѣ, подлѣ капеллы, дверь въ комнату Стеллы.—На-право и на переди сцены кресло.—Ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДОНЪ СИЛЬВІО, ДОНЬЯ СТЕЛЛА, ДОНЪ ФЕРНАНДО, *спящій. Онъ лежитъ на скамьѣ, въ глубинѣ галлереи на-право; ни Сильвіо ни Стелла не могутъ его видѣть.*

СИЛЬВІО. Къ чему это уныніе?.. Надѣйся, Стелла... надѣйся...

Нѣтъ, ты ввѣрила свое счастіе и жизнь не такому человѣку, котораго можетъ остановить суровость отца или королевскій указъ... Если-бъ Генрикъ не предложилъ мнѣ черезъ Медину, моего друга, этотъ союзъ, гдѣ его политика такъ выгодна для нашей любви... я-бъ уже увезъ тебя изъ Мурсіи...

СТЕЛЛА. Знаю, что ты меня любишь, Сильвіо.

СИЛЬВІО. Не правда-ли, вѣдь знаешь?.. Ты помнишь, съ какой покорностью принялъ я незаконное воцареніе Транстамарскаго, когда смерть дона Педро, его брата и соперника, разрѣшала меня отъ всякихъ присягъ... Но я желалъ возвратиться въ Мурсію, быть тамъ, гдѣ ты, Стелла.

СТЕЛЛА. Радость для моей любви употребилъ ты оружьемъ противъ меня, Сильвіо; потому-что тогда я уже не могла отъ тебя скрывать, что происходило въ моемъ сердцѣ.

СИЛЬВІО. Развѣ ты раскаиваешься, что показала мнѣ свою любовь? и развѣ не скоро тогда затмилось наше счастіе отъ несносной гордости твоихъ родныхъ?..

СТЕЛЛА. Потише, Сильвіо, потише!

СИЛЬВІО. Потому-что я для тебя одной мирно воротился въ Мурсію, для тебя одной принялъ отъ имени моей фамиліи указъ Транстамарскаго, осуждавшій всякаго нарушителя городскаго спокойствія, — Пачеки забыли, что Транстамарскій убилъ дона Педро, но не побѣдилъ Теллезовъ, и что покорностью ихъ онъ былъ обязанъ только моей волѣ.

СТЕЛЛА. И нашей любви .. Знаю, что ты меня любишь, Сильвіо.

СИЛЬВІО. Не правда-ли, знаешь?.. Вѣдь ты помнишь также, съ какимъ терпѣніемъ переносилъ я насмѣшки, дерзости твоихъ родныхъ?

СТЕЛЛА. Не говори, Сильвіо, о своемъ терпѣніи, ты, чей внезапный гнѣвъ часто проявлялся въ такихъ страшныхъ взрывахъ. Я трепещу, видя тебя до-сихъ-поръ столько помнящимъ обиды, и желала-бъ найдти тебя болѣе счастливымъ нашей надеждою... больше признательнымъ къ милости короля.

СИЛЬВІО. Милость Генрика Транстамарскаго есть только разсчотъ ловкаго политика; онъ не такъ-твердо сидитъ на похищенномъ тронѣ, чтобы не понимать, что рука Теллезовъ можетъ поколебать этотъ тронъ... Онъ слишкомъ свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, чтобы не знать, что мой городъ Гуэскаръ есть проходъ, который мнѣ стоитъ только открыть Маврамъ, чтобъ отнять у него едва завоеванную провинцію.

СТЕЛЛА. Король знаетъ тебя, Теллезъ, и не опасается этого.

сильвіо. О! пора кончиться этому изгнанію...

стелла. Поѣзжай-же, Сильвіо; не станемъ вредить нашей надеждѣ неблагоразуміемъ... Поѣзжай, пора... Не-смотря на то, что называешь ты торжествомъ Пачековъ, мирный сонъ смежаетъ не всѣ глаза въ этомъ домѣ... смерть водворила въ немъ мучительныя безсонницы... отецъ мой часто не спитъ отъ слезъ, когда я не сплю отъ любви.

сильвіо. Зачѣмъ ты принуждаешь меня такъ скоро разстаться съ тобою, Стелла?

стелла. Потому-что тебѣ грозитъ смерть, если тебя застанутъ здѣсь; смерть, если тебя схватятъ въ городѣ; и опять смерть, если ты навлечешь подозрѣніе въ ослушаніи королевскому указу, потому-что тогда изгнаніе сдѣлается вѣчнымъ.

сильвіо. О! да, твоя правда, Стелла, изгнаніе—смерть... Больше еще, смерть болѣзненная, сердце закрытое для всѣхъ радостей, отверзтое всѣмъ скорбямъ, всѣмъ опасеніямъ, всѣмъ подозрѣніямъ.

стелла. Подозрѣніямъ!

сильвіо. О прости, прости меня Стелла! Разсудокъ темнѣетъ, сердце ожесточается отъ подозрѣній, отъ ревности, мое сердце, любящее, довѣрчивое... Воображеніе создаетъ ужасы, преступленія, измѣну, а неумолимая память припоминаетъ страшныя, кровавыя сказанія объ обманахъ, о коварствѣ женщинъ.

стелла. Измѣна! коварство! Ты говоришь объ измѣнѣ, о коварствѣ?

сильвіо. Я виноватъ, я несправедливъ! Но послушай: я говорилъ уже тебѣ: время кончиться этой ссылкѣ,.. настало время и для нашего брака... Я не хочу чтобы та, которая будетъ носить имя мое была обвинена, осуждена, предана злословію и подозрѣніямъ.

стелла. Подозрѣніямъ! опять это слово?

сильвіо. Развѣ не говорятъ уже вездѣ, что этотъ маркизъ Вильяфлоръ тебя любитъ.

стелла. Пусть говорятъ! но ты знаешь, что я его презираю, ненавижу!

сильвіо. Онъ храбръ, красавецъ.

стелла. Сильвіо!

сильвіо. Онъ изучилъ искусство обольщать женщинъ; онъ умѣетъ понравиться, плѣнить, очаровать.

стелла. Сильвіо!

сильвіо. И когда любовникъ въ изгнаніи, въ несчастіи, далеко;

когда нужно бороться съ волею отца, съ упрямствомъ брата, чтобы принадлежать навѣки тому, кого любишь...

стелла (*горестно*). Послушай, Сильвіо! Если дѣвушка еще честна, непорочна, если она еще не измѣнила своимъ обязанностямъ, то она въ правѣ, она можетъ смѣяться надъ подобными подозрѣніями, Сильвіо, потому-что ея невинность всегда защититъ ее; но я, позабывшая свои обязанности, запятнавшая честь отца....

сильвіо. Что говоришь ты?

стелла. Да, Сильвіо... да, эти подозрѣнія въ сердцѣ любовника, это первое наказаніе Неба за мое преступленіе.

сильвіо. Преступленіе!

стелла. О! я заслужила это наказаніе.

сильвіо. О замолчи, замолчи! я безумецъ... Но вѣдь ты знаешь меня, я ревнивъ, горячъ.

стелла. Я замолчу, Сильвіо! Но... дай мнѣ твою руку... положи ее сюда... на мое сердце; слышишь, какъ оно бьется; ему тѣсно въ груди; кровь кипитъ отъ гнѣва въ моихъ жилахъ... Я могу еще жить и посреди отчаянія... оставленная, забытая... но, ради Бога Всемогущаго, не повторяй никогда этихъ рѣчей передо мною! Я чувствую, я знаю, я не могу... Я не прошу тебѣ другой разъ, Сильвіо.

сильвіо. О! какъ ты очаровательна теперь, и мои подозрѣнія готовы разсѣяться.

стелла. Опять

сильвіо. Ну! я виноватъ... но вспомни — я такъ страдаю....

стелла. И поэтому ты въ правѣ быть несправедливымъ!

сильвіо. Я такъ люблю тебя, ты такъ хороша! я боюсь твоей любви, волшебница!!

(*Фернандо дѣлаетъ движеніе во сиѣ, на балконъ, шпага его падаетъ на полъ*).

стелла. Что это?

сильвіо. Шумъ!

стелла. Идутъ! убѣжимъ! (*идя на-право*) сюда! эта комната Франчески... Дверь заперта!

сильвіо. Скорѣе шолковую лѣстницу!

стелла. О, нѣтъ, нѣтъ! Ступай за мною (*возвращаясь на-лѣво*). Здѣсь капелла, изъ нея можно выйдти въ Толедскую улицу.

сильвіо. Правда, и я скорѣе выйду изъ города. Пойдемъ, Стелла, и удѣлимъ мгновеніе молитвѣ у подножія алтаря.... помолимся о нашей любви, о нашихъ надеждахъ!... (*входятъ въ капеллу*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ФЕРНАНДО (*ступая осторожно*). Кажется, эта проклятая ночь никогда не кончится!... А я еще былъ такъ увѣренъ въ себѣ. Полчаса не пробылъ въ этой залѣ, разумѣется, заперевъ сначала на ключъ добродѣтельную кормилицу, полчаса не пробылъ и заснулъ, какъ мертвый! Ахъ! эта гадкая кормилица! Клянусь всѣми чертями! Цѣлый мѣсяцъ бродилъ около дома, добивался, и вотъ она меня запросто беретъ за руку, приводитъ въ эту комнату и говоритъ, какъ ни въ чомъ не бывало: «Подождите, сеньоръ; сейчасъ скажу сеньорѣ, что вы ее дожидаетесь». Ну, чортъ возьми, этого мнѣ-бы не хотѣлось... Крикъ, шумъ, слезы, братья, отцы... Факелы... шпаги... кровь... а потомъ заставятъ за-мертво прогуляться за окошко! Покорный слуга! Нѣтъ, я лучше придумалъ, я право не знаю какъ-то вамъ слушать меня, прекрасная Стелла!... Мое предпріятіе неблагородно... даже низко... но съ искусствомъ, можно еще поправить дѣло. (*Обернувшись къ окну*). Ага! скоро развязка; кажется заря занимается... Но еще не время... Здѣсь всѣ еще спятъ; однако сквозь сонъ на этой холодной скамейкѣ, мнѣ кажется... какъ-будто я слышалъ голоса... вздоръ! Это сновидѣнія; это угрызеніе совѣсти!... да въ-добавокъ проклятая скамейка... У меня кости изломаны... Эти чудаки, антики за грѣхъ почитаютъ завести въ домѣ подушку... У меня все перемѣнится... Смѣюсь я!.. или лучше хочу смѣяться,—да какъ-то не до смѣху... Пробрался я въ этотъ домъ, гдѣ до меня все было тихо, спокойно, священно, и принесъ имъ безчестіе, отчаяніе, крики, слезы и кровь... и смерть, можетъ-быть.... а все проклятый закладъ да вино! Господи Боже мой! Ужъ не воротиться-ли мнѣ?... Да куда я ворочусь? Не къ Корнеліи-ли, развратницѣ, на которой придется жениться и откармливать у себя толпу ея любовниковъ... О! нѣтъ, нѣтъ!.. Такъ измѣнить обѣщанію, слову? Еще одна низость, а съ нею и презрѣніе, и насмѣшка цѣлой Испаніи... ну, нѣтъ! Чортъ возьми! Да и не дать-же здѣсь себя убить, какъ барана! Вотъ охота! А въ-добавокъ и грѣхъ смертный... Что сдѣлано, то къ лучшему! даже если эти Пачеко зарѣжутъ меня здѣсь для потѣхи, такъ и это къ лучшему; по-крайней-мѣрѣ не самъ зарѣзался; грѣхомъ меньше! Но впрочемъ, авось дѣло уладится! Старикъ Пачеко мнѣ не врагъ... Фаустусъ, грубый болванъ... онъ не замолчитъ, а шума-то мнѣ и надобно! Ну, а Стелла! Бѣдненькая... и подумать страшно... Но я буду ее любить, очень-любить! я буду примѣрнымъ мужемъ!... Конечно, это требуетъ особенныхъ качествъ! Но небо не обдѣ-

лило меня!... и такъ какъ я не торопился пользоваться его благодѣяніями, то, полагать нужно, дары его въ сохранности! Ахъ! жалкій, погибшій я негодяй! Смѣюсь моимъ преступленіямъ... А они мнѣ терзаютъ сердце! Зачѣмъ я здѣсь, Боже мой! Уйду! никто не знаетъ, когда я пришолъ, когда ушолъ... Низко безчестить эту фамилію! Стеллу! я ее такъ люблю!... Еще рано, улицы пусты, съ Богомъ, маршъ!

(*Идетъ къ балкону*)

ЛЕЛІО (*внизу*). Смотрите, смотрите, на верху!

(*Шумъ*).

ГОЛОСА. Что̀, что̀.

ФЕРНАНДО (*возвращаясь*). Уже! Леліо тутъ какъ тутъ! На дурное онъ мастеръ, а на доброе.... Но еще не поздно. (*Идетъ къ балкону*).

ЛЕЛІО (*внизу*). Опять, смотрите, кавалеръ!.. на балконѣ! у Стеллы!...

ГОЛОСА. Да, да! Точно, точно.... мужчина!

ФЕРНАНДО (*съ балкона*). Молчи, дуракъ!

ЛЕЛІО (*внизу*). Господи! Да это мой господинъ!

ГОЛОСА. Твой господинъ!

(*Шумъ внизу, у окна*).

ФЕРНАНДО (*возвращается въ комнату*). Ну!.. Само небо противъ меня! Жребій брошенъ, что̀-то выпадетъ... Но мнѣ нужно шуму, больше шуму... Нужно отпереть дверь кормилицы. (*Отдвигаетъ задвижку*). Шпага моя рвется изъ поженъ... трудна только первая минута.

(*Возвращается на балконъ*).

ГОЛОСА (*внизу*). Донъ-Фернандо.

ПАЧЕКО (*внутри дома*). Что̀ тамъ! что̀ такое!

ГОЛОСА. Это у Стеллы, у прекрасной Стеллы!

ЛЕЛІО (*снизу*). Смотрите, смотрите, у Стеллы!

ГОЛОСА. У Стеллы, у Стеллы!

ФАУСТУСЪ (*внутри дома*). Сестра!.. говорятъ о сестрѣ!

ГОЛОСА. Донъ-Фернандо!

ФЕРНАНДО. Ахъ, чортъ возьми! Славно-бы сдѣлали, если-бы меня убили здѣсь, какъ собаку!

(*Уходитъ въ углубленіе балкона*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Донъ-Фернандо (*на балконѣ*). Стелла.

СТЕЛЛА (*выбѣгая изъ своей комнаты*). Что̀ за шумъ, что̀ такое!

ФРАНСЕСКА (*съ другой стороны*). Бѣги, спасайся, спрячься Стелла!

СТЕЛЛА. Что̀, что̀, зачѣмъ?

ФРАНСЕСКА (*въ ужасѣ*). Его поймали!

СТЕЛЛА. Кого?

ФРАНСЕСКА. Твоего любовника!

СТЕЛЛА. Что̀ говоришь ты?

ПАЧЕКО (*внутри дома*). Фаустусъ! ко мнѣ Фаустусъ!

ФРАНСЕСКА. Слышишь-ли, слышишь-ли? Это твой отецъ... съ оружіемъ въ рукахъ; твой братъ, свирѣпый братъ твой! Да спрячься-же, запрись! Они убьютъ тебя!

СТЕЛЛА. Жизнь мою — за спасеніе Сильвіо!

ФРАНСЕСКА (*толкая ее въ комнату, и запирая за нею дверь*). Сюда! они идутъ! спрячься!

ФРАНСЕСКА (*Становясь противъ двери*). Прежде меня убьютъ они, а ужъ потомъ ее!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Донъ-Фернандо, Пачеко, Фаустусъ, Франсеска (*вооруженные служители*).

СЛУГИ. Смерть наглецу! смерть!

ФЕРНАНДО. Прочь, твари! не вамъ пролить благородную кастильянскую кровь!

ФАУСТУСЪ (*бросается на Донъ-Фернандо*). Вильяфлоръ! ты!... подлецъ!...

ФЕРНАНДО (*борется съ нимъ, обезоруживаетъ и отбрасываетъ его шпагу*). Неудача, благородный атлетъ!

ФАУСТУСЪ. Проклятіе!

ПАЧЕКО (*изъ галереи*). Дочь моя! дочь моя!

ФАУСТУСЪ (*бѣжитъ къ нему*). Остановись, батюшка!

ПАЧЕКО. Гдѣ Стелла! Стелла!

ФЕРНАНДО (*передъ дверью комнаты Стеллы*). Никто не пройдетъ къ ней; моя шпага въ ея защиту!

ПАЧЕКО (*беретъ шпагу изъ рукъ одного изъ служителей и идетъ на Фернандо*). Ты первый умрешь, маркизъ де-Вильяфлоръ.

ФЕРНАНДО (*бросая свою шпагу къ ногамъ Пачеко*). Я въ вашей власти, сеньоръ.

ПАЧЕКО (*въ бѣшенствѣ*). Защищайся!

ФЕРНАНДО. Нѣтъ! я признаю васъ моимъ судьею (*склоняетъ колѣна*). Вы можете поразить меня, если только судья можетъ казнить виновнаго, не выслушавъ.

ПАЧЕКО (*опускаетъ медленно свою шпагу*). Вильяфлоръ! О! зачѣмъ ты не защищался.

ФАУСТУСЪ. Пусть умретъ! не щадите батюшка!

ФЕРНАНДО (*все еще на колѣнахъ*). Возьмите сами вашу шпагу, Фаустусъ.

ФАУСТУСЪ. Ошибаешься, Вильяфлоръ, если думаешь побѣдить меня великодушіемъ... (*Беретъ шпагу и идетъ на Вильяфлора*). Умри, подлецъ!

ПАЧЕКО (*останавливаетъ его*). Остановись, Фаустусъ!.. Онъ не достоинъ умереть ни отъ моей, ни отъ твоей руки.

ФЕРНАНДО (*поднимаясь, всторону*). Наконецъ-то!... чуть, чуть не проигралъ!...

ПАЧЕКО. Запереть всѣ двери, воро́та,.. чтобы никто не смѣлъ выходить; чтобы въ городѣ разомъ узнали, какова обида, и каково наказаніе!...

ФЕРНАНДО (*въ-сторону*). Если Леліо ногъ не сломалъ или не онѣмѣлъ, такъ уже обиду знаетъ весь городъ.

ФАУСТУСЪ. Батюшка! что́ вы будете теперь дѣлать?

ПАЧЕКО. Смерть ему, смерть ему, Фаустусъ... Но тогда, когда я узнаю всю истину!

ФЕРНАНДО (*тихо*). Ловокъ будешь, если распутаешь что-нибудь.

ПАЧЕКО. Можетъ-быть, виновный не одинъ, — есть кромѣ него!

ФАУСТУСЪ. И ей смерть, и ей смерть, батюшка, или пятно навсегда заклеймитъ наше имя.

ПАЧЕКО. Судъ совершится, Фаустусъ... Безжалостный, неумолимый судъ, если надобно! (*слугамъ*). Ступайте.

(*Они уходятъ*).

ФЕРНАНДО (*въ-сторону*). Меня не убили... первая игра хороша! Какова-то вся партія!

ПАЧЕКО (*Франсескѣ*). Ты останься, Франсеска, останься! Тебѣ я ввѣрилъ дочь мою! О, горе мнѣ, горе... Какъ отдаешь ты мнѣ ее? О! и ты мнѣ отвѣтишь, и ты мнѣ отвѣтишь!

ФРАНСЕСКА. Сеньоръ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Франсеска, Донъ-Фернандо, Пачеко и Фаустусъ.

ФЕРНАНДО (*приближается къ кормилицѣ и говоритъ ей на-ухо*). Молчи!.. дай мнѣ говорить!

ФАУСТУСЪ. Поспѣшите-же, батюшка... Каждый мигъ его жизни — оскорбленіе нашему дому... Смотрите... на улицѣ собираются, говорятъ о насъ, о позорѣ нашемъ!

ПАЧЕКО. Да, вижу! это на томъ мѣстѣ, гдѣ ты воспѣвалъ вчера торжество наше... Когда ты безразсудный кричалъ: «Пачеко, властители Мурсіи!» тамъ, гдѣ ты воспламенился негодованіемъ, когда пѣвецъ говорилъ о погибшей, опозоренной дѣвицѣ... Теперь въ этой толпѣ говорятъ: «Слышали? застали любовника въ комнатѣ Стеллы... Какъ! Стелла обманывала отца? Стелла развратница, безчестная, опозоренная!» Они говорятъ это.... я ихъ слышу ... Они говорятъ о моей дочери! О, Боже! Ты былъ милосердъ, когда отнималъ у меня двухъ сыновей моихъ!

ФАУСТУСЪ. Кровь смываетъ все, все!

ПАЧЕКО. Да вѣдь ея мало, она скоро вытекаетъ!! а слезы, слезы никогда не изсякнутъ.

ФАУСТУСЪ. Батюшка! Такъ этотъ человѣкъ...

ПАЧЕКО. Не бойся, жизнь его наша, его ничто не спасетъ... ни законы, ни король, ни друзья его!

ФЕРНАНДО. Ни даже я самъ, сеньоръ, потому-что предался въ ваши руки самъ... И если уже рѣшена моя смерть, то Фаустусъ справедливъ: чѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣрнѣе вы будете отмщены.

ПАЧЕКО. Ошибаешься, Вильяфлоръ; я еще не знаю степени преступленія, и одинъ-ли ты виновенъ.

ФЕРНАНДО. А если не одинъ?

ФАУСТУСЪ. Тогда всѣмъ одно мщеніе.

ФЕРНАНДО. Въ самомъ дѣлѣ, Пачеко?

ПАЧЕКО. Монастырская тюрьма ужаснѣе смерти... и можетъ-быть та, гдѣ двадцать лѣтъ страдала сестра твоего отца, не заперта еще. . Пачеко съумѣетъ сдѣлать тоже, что Вильяфлоръ.

ФЕРНАНДО. Ты правъ, старикъ; и, можетъ-быть, я-бъ не былъ здѣсь, еслибы подумалъ объ этомъ происшествіи, нѣсколько часовъ назадъ.

ФАУСТУСЪ. Нѣсколько часовъ!

ФЕРНАНДО. Да, нѣсколько часовъ назадъ, я остановилъ эту женщину, далъ ей золота, и она привела меня сюда...

ПАЧЕКО. Ты, Франсеска!

ФРАНСЕСКА. Я въ вашей власти, сеньоръ!

ФЕРНАНДО. Когда эта женщина привела меня сюда, я остановился здѣсь, и не пошолъ далѣе.

ПАЧЕКО. Лжешь!

ФЕРНАНДО. Не лгу; я остановился здѣсь, въ этой комнатѣ, здѣсь ночевалъ... Я ждалъ дня, и когда заря занялась, то я нарочно показывалъ видъ, будто выхожу отъ твоей дочери.

ФАУСТУСЪ О! лжешь, лжешь!

ПАЧЕКО. Для чего-жъ ты это сдѣлалъ, несчастный?

ФЕРНАНДО. Для шуму, для крику. Чтобы кричали на улицахъ, что у Стеллы есть любовникъ, что этотъ любовникъ Вильяфлоръ; для того еще, чтобы Пачеко или убилъ меня или отдалъ мнѣ руку дочери, теперь обезславленной дочери.... этимъ однимъ только можно спасти ея честь.

ПАЧЕКО. Но этому вѣрить нельзя? Боже мой, Боже мой! такъ таково было твое намѣреніе?

ФАУСТУСЪ. Батюшка! развѣ вы не видите, что онъ хочетъ выпутаться изъ бѣды? Онъ лжетъ!

ПАЧЕКО. Правду-ли, правду-ли ты говоришь?... О Боже мой!... онъ подлъ, низокъ, онъ преступникъ.... Но вѣдь ты благороденъ даже и въ преступленіи, Вильяфлоръ.... ты не лжешь?

ФЕРНАНДО. Я готовъ повторить слова мои передъ цѣлымъ домомъ твоимъ, передъ всѣмъ твоимъ семействомъ.

ПАЧЕКО. Предъ всѣмъ моимъ семействомъ (*Фаустусу.*) Сказать имъ, позвать ихъ всѣхъ!

ФЕРНАНДО. Я все скажу, чтобы загладить зло, мною сдѣланное, если только можно загладить его..... Потому-что истина часто недоступна уху предубѣжденнаго, и Теллезы первые будутъ осуждать твою дочь.

ПАЧЕКО. О! я заставлю ихъ замолчать!

ФЕРНАНДО. Они замолчатъ тогда, когда Стелла будетъ маркизой Вильяфлоръ!

ПАЧЕКО. Итакъ я долженъ тебѣ выдать дочь мою, потому-что тебѣ было угодно ее обезчестить?

ФЕРНАНДО. Пачеко! я былъ силенъ и неукротимъ, когда нужно было удовлетворять страстямъ моимъ, порочнымъ наклонностямъ; у меня будетъ вдвое силъ, чтобы разбить это постыдное прошедшее. Придетъ день, когда дочь твоя возгордится именемъ,

которое носить будетъ, хоть она ненавидитъ теперь это имя... Пачеко, я съ умѣю осчастливить Стеллу на всю жизнь ея.

ПАЧЕКО. Безумецъ!

ФАУСТУСЪ И лжецъ, повторяю я!

ФЕРНАНДО. Я говорю въ мой предсмертный часъ!

ФАУСТУСЪ. Развѣ не видите, батюшка, какъ онъ хочетъ насъ увѣрить, что этотъ бракъ необходимъ для чести нашей и для чести преступницы? Но еслибы ты не лгалъ, то Стелла была-бы здѣсь, вмѣстѣ съ нами; Стелла обвиняла-бъ тебя вмѣстѣ съ нами.

ФЕРНАНДО. Я лгу, Фаустусъ? Такъ слушай-же... Ступай къ сестрѣ твоей; скажи ей, что маркизъ де-Вильяфлоръ умеръ, скажи, что ты убилъ его.... И она тебя спроситъ спокойно, хладнокровно, за какое преступленіе наказалъ ты этого развратника.

ПАЧЕКО. Уведи его, Фаустусъ!

ФЕРНАНДО И предувѣдомь своихъ, что бы собрались сюда всѣ — выслушать мое признаніе.

ФАУСТУСЪ. А ты приготовь плаху, куда положить свою голову.

ФЕРНАНДО. Объ этомъ не безпокойся! Мой кинжалъ еще со мною.

ФАУСТУСЪ Уведите его!

ФЕРНАНДО. Я проигралъ, можетъ-быть; за то ловко игралъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ФРАНСЕСКА. ПАЧЕКО. ФАУСТУСЪ.

ПАЧЕКО. О! да, да! онъ правду говоритъ... Нѣтъ, Стелла не виновна... Моя Стелла не можетъ-быть виновна... Но я самъ все узнаю! я узнаю по ея взгляду, по лицу, по звукамъ ея голоса... Да! да! она спокойно выслушаетъ вѣсть о смерти этого низкаго человѣка! она не смутится, не поблѣднѣетъ, не заплачетъ! Она невинна!... Ступайте скорѣе, скорѣе, приведите мнѣ дочь-мою!

ФАУСТУСЪ. Одну минуту, батюшка... Наши родственники собрались-всѣ, услышавъ шумъ и тревогу въ домѣ. Они здѣсь..... они лучше повѣрятъ невинности сестры, когда будутъ свидѣтелями испытанія.

ПАЧЕКО. Правда, мой сынъ; нужно, чтобы ея невинность разсѣяла ихъ подозрѣнія, какъ лучъ солнца разбиваетъ утренній туманъ... Ступай, зови ихъ всѣхъ...

ФРАНСЕСКО (*подходя къ Пачеко*) Возьмите назадъ ваше приказаніе, сеньоръ!

ПАЧЕКО. Великій Боже!

ФРАНСЕСКА. Они прочтутъ преступленіе на лицѣ ея!

ПАЧЕКО. Преступленіе!... (*громко кличетъ*) Фаустусъ! Фаустусъ!

ФАУСТУСЪ (*возвращаясь*). Что, батюшка?

ПАЧЕКО. Подожди.

ФАУСТУСЪ. Но что такое?

ПАЧЕКО. Ступай къ роднымъ... Прими ихъ.... они извинятъ горести отца.

ФАУСТУСЪ. Не забудьте-же, батюшка, что они осудятъ всѣ вашу слабость.

ПАЧЕКО. Сынъ-мой! Сынъ-мой!

ФАУСТУСЪ. Батюшка! вы начальникъ, вы представитель благороднѣйшей и богатѣйшей фамиліи въ Мурсіи..... Вы устыдились-бы расточить богатства.... Рѣшитесь-ли же расточать ея честь?

ПАЧЕКО. Ступай, сынъ-мой, я буду справедливъ, я привыкъ страдать!

ФАУСТУСЪ. (*въ-сторону, уходя*) А я узнаю истину!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПАЧЕКО, ФРАНСЕСКА.

ПАЧЕКО. Ну! мы одни, Франсеска!

ФРАНСЕСКА. О! сеньоръ, не требуйте...

ПАЧЕКО. Говори, говори!.. Я хочу... Они ждутъ ея; Фаустусъ придетъ и вырветъ у меня дочь, и повлечетъ ее на судъ ихъ, на казнь...

ФРАНСЕСКА. Не отдавайте, не отдавайте ее, говорю вамъ.

ПАЧЕКО. Почему?

ФРАНСЕСКА. Почему!.. (*въ-сторону*). Прости меня, Стелла!...

ПАЧЕКО. Но почему-же, почему?

ФРАНСЕСКА. Сеньоръ! я сказала, я въ вашей власти... Но опять говорю вамъ, если вы хотите простить своей дочери, то нужно, чтобы она въ глазахъ всѣхъ осталась невинною.

ПАЧЕКО. Такъ она виновна?.. ха! ты знала и не сказала мнѣ ни слова, несчастная!

ФРАНСЕСКА. Вчера, я еще ничего незнала.

ПАЧЕКО. Вчера!.. А теперь ты говоришь, говоришь потому, что этотъ человѣкъ, чтобы удобнѣе склонить тебя, клялся, что она его любитъ, что она его ждетъ... потому-что ты была участницей низкаго замысла.... ты обвиняешь, обвиняешь Стеллу! О! горе тебѣ! горе тебѣ!

ФРАНСЕСКА. Сеньоръ! Когда Стелла мнѣ сказала вчера: ты встрѣтишь моего любовника въ церкви Аннонсіады...

ПАЧЕКО. Боже!

ФРАНСЕСКА. Когда Стелла сказала мнѣ: я умру если неувижу его.... Когда она говорила это — тогда маркизъ де-Вильяфлоръ еще не просилъ меня помогать ему.

ПАЧЕКО. Такъ она виновна.... Боже!.... виновна!!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПАЧЕКО, ДОНЪ КРИСТОВАЛЬ, ДОНЪ ЛЮЙЗЪ, ФАУСТУСЪ, родственники.

ФАУСТУСЪ (*входя*). Да, батюшка, она виновна... Послѣ признанія Франсески остается лишь произнести нашъ приговоръ надъ нею. Уведите ее!

(*Слуги уводятъ Франческу*).

ПАЧЕКО. Га! ты подслушивалъ!.. Такъ ты жаждешь крови родной сестры, сынъ мой?

КРИСТОВАЛЬ. Только на сильныя души посылаетъ Господь сильныя испытанія, благородный Пачеко! и кто хочетъ быть великимъ между людьми, тотъ долженъ переносить ихъ безъ ропота.

ПАЧЕКО. Она погибла! несчастная!

КРИСТОВАЛЬ. Помнишь-ли ты, на какихъ условіяхъ сохранялась донынѣ честь дома Пачеко?

ПАЧЕКО. Помню, донъ Кристоваль, знаю, что всякій изъ этого дома имѣетъ право судить запятнавшаго имя наше: судите — я предаю вамъ виновную. Графъ Лорка, вамъ первому слово (*въ-сторону*). Старость иногда сострадательна. (*Въ-слухъ*) Говорите, мы слушаемъ!

(*Садится. Общее движеніе*).

КРИСТОВАЛЬ. Я немного скажу, Пачеко, я не буду растравлять твоихъ ранъ, утѣшая тебя... Я скажу только, что въ 1208 году, дѣвица изъ дому Гусмановъ была уличена на мѣстѣ преступленія братомъ; любовники погибли отъ его руки, и старикъ Гусманъ Оливарезъ благодарилъ за это сына. Нѣтъ еще ста лѣтъ, какъ въ фамиліи этихъ Теллезовъ, враговъ нашихъ, которыхъ ненавидимъ мы всѣ, дѣвица Лаура Теллезъ обезчестила свое имя, и тогда въ собраніи всѣхъ родственниковъ...

ПАЧЕКО. Знаю! всѣ потребовали ея смерти.

КРИСТОВАЛЬ. И отецъ предалъ ее смерти, и вотъ почему Телле-

вы соперники, достойные насъ. Нужно-ли еще примѣровъ?.. упомянуть-ли о Савиніи... о Паолѣ?..

пачеко. Довольно, довольно!.. Такъ смерть, смерть ей?...

кристоваль. Я только спрашиваю: развѣ одна только фамилія Пачеко способна перенести такое оскорбленіе?

всѣ. Нѣтъ, нѣтъ; не можетъ-быть!

кристоваль. Я говорилъ, какъ мнѣ сердце указывало, но не буду противиться, если другіе будутъ снисходительнѣе.

люйзъ. Говори, Фаустусъ; мы знаемъ, какъ ты строгъ; знаемъ также, какъ ты великодушенъ. Слова брата будутъ для насъ, для меня, по-крайней-мѣрѣ, приговоромъ, внушеннымъ честію и великодушіемъ.

фаустусъ. Не принуждайте меня, я не буду говорить.

пачеко. Такъ смерти, смерти, и ты требуешь ея смерти?...

фаустусъ. Батюшка, я молчу... Пусть другіе говорятъ то, чего я не осмѣлюсь выговорить.

люйзъ. Такъ я, я буду говорить!

пачеко. Ха! они молчатъ—это молчаніе приговоръ несчастной! Говори Люйзъ—ты имѣешь право.

люйзъ. Да, право! я и тоже въ-правѣ сказать, что если Гусманъ Оливарезъ хорошо сдѣлалъ, убивши въ первомъ движеніи гнѣва родную сестру; что если старикъ Теллезъ предалъ дочь свою, чтобы кровью ея смыть пятно съ ихъ позорнаго имени.... то жестоко и безчеловѣчно было-бъ осуждать на смерть беззащитную дѣвушку; несправедливо, казнить одною казнію порокъ и развратъ — и бѣдную, раскаянную грѣшницу.... И тотъ, кто наноситъ рану неизлечимую, чтобы смыть пятно; кто, наказывая дочь, убиваетъ отца, тотъ справедливъ, великодушенъ — справедливъ, какъ тигръ,—великодушенъ, какъ палачъ!

всѣ. Онъ защищаетъ ее!

пачеко. Дайте ему говорить!

фаустусъ. Что осмѣлился ты сказать, Люйзъ?

пачеко. Тебя никто не прерывалъ, Фаустусъ.... Говори, Люйзъ!

люйзъ. Я говорю, что между кровавыми примѣрами страшнаго неумолимаго суда, найдемъ такіе, въ которыхъ, какъ перлъ, блистаетъ небесное милосердіе. Не одинъ кинжалъ, но и келья монастырская часто бывала наказаніемъ справедливымъ за преступленія и заблужденія.

пачеко. Это правда!

люйзъ. И въ его фамиліи, въ фамиліи Вильяфлоровъ, хочу я сказать, найду я подтвержденіе словамъ моимъ.

ПАЧЕКО. А Вильяфлоры благородная фамилія.

ЛЮЙЗЪ. Одна была наказана заключеніемъ, другая загладила безчестіе бракомъ. Да нужно-ли примѣровъ милосердія, чтобы самому быть милосердымъ! Дошли-ли до того Пачеко, чтобы кровью женщины возстановлять свое доброе имя!.. Осмѣлься отецъ, прости дочь свою, и если сердца жестокія, неумолимыя, возстанутъ противъ тебя, то много отцовъ втайнѣ благословятъ тебя за твое милосердіе; много юношей громко будутъ хвалить тебя... Всѣ, кто любитъ, всѣ, кто страдаетъ, всѣ, кто надѣется, всѣ на колѣнахъ возблагодарятъ тебя. Прости ей, Пачеко, прости... прощеніе есть Божье дитя; помилуй Стеллу, помилуй дочь свою!

ПАЧЕКО (*обнимая его*). Люйзъ, Люйзъ! мой сынъ, благородный другъ мой! о благодарю, благодарю тебя!

ЛЮЙЗЪ. Отецъ мой!

(*Всѣ, кромѣ Кристоваля и Фаустуса, жмутъ ему руку*).

ПАЧЕКО. Теперь вы слышали... Произнесите-же приговоръ ея... Нужна-ли ея смерть?

КРИСТОВАЛЬ. Твоя радость налагаетъ на насъ молчаніе... Ты самъ простилъ дочь свою.

ПАЧЕКО. А ты, сынъ мой, ты все еще требуешь ея смерти?

ФАУСТУСЪ. Я еще не видалъ вашихъ слезъ, батюшка... Поздравляю брата дона Люйза, что онъ удостоился назваться сыномъ вашимъ.

ПАЧЕКО. Ты жестокъ, мой сынъ! это не хорошо съ твоей стороны!

КРИСТОВАЛЬ. Полно, Фаустусъ, я былъ строже тебя, но я замолчалъ. — Скажи, Пачеко, когда пригласишь ты насъ на свадьбу?

ПАЧЕКО. Черезъ часъ, въ мою капеллу, и черезъ часъ цѣлый городъ, которому извѣстно оскорбленіе наше, узнаетъ и удовлетвореніе.

ФАУСТУСЪ. Онъ узнаетъ только, что закоснѣлый въ преступленіяхъ получаетъ награду чаще благороднаго и добродѣтельнаго.

ПАЧЕКО. Сынъ!

ФАУСТУСЪ. Батюшка!

ПАЧЕКО. Тебѣ-бы слѣдовало, сынъ мой, извѣстить того, кто скоро назовется твоимъ братомъ, о счастіи, котораго онъ не заслуживаетъ, но я избавлю тебя отъ этой обязанности... Ступай ты, донъ-Люйзъ.

ФАУСТУСЪ. Я-бы пошолъ туда, еслибы вы приказали, батюшка;

я еще не научился играть моими обязанностями. Я даже пойду къ сестрѣ и буду хвалить ея за ея поступокъ, коли хотите.

пачеко. Ты жестокъ, Фаустусъ... Да избавитъ тебя Богъ отъ такого сына, какъ ты самъ!

люйзъ. Молчи, Фаустусъ! что рѣшено, то исполнится; радость скоро опять воцарится въ вашемъ домѣ.

кристоваль (*тихо Люйзу*). Ошибаешься, донъ-Люйзъ; горе поселилось въ этомъ домѣ; и одинъ Богъ знаетъ, кто назначенъ въ жертву.

пачеко. Ступайте, друзья, ступайте!... позвать Франсеску!

фаустусъ. Всѣмъ прощеніе! Счастливый день!

пачеко. Погодите немного, друзья. Скоро приведу вамъ невѣсту; вы разойдетесь по домамъ, и тамъ говорите, пожалуй, что у меня не достало силы зарѣзать дочь.

люйзъ. Никто не будетъ осуждать васъ.

пачеко. Ты также уходишь, Фаустусъ?

фаустусъ. Оставляю васъ съ вашей дочерью, батюшка.

(*Всѣ уходятъ. Входитъ Франсеска*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Пачеко, Франсеска, *потомъ* Стелла.

пачеко. Франсеска, поди, поди скорѣе за нею!...

франсеска. О! да благословитъ васъ Богъ, сеньоръ! Бѣгу, бѣгу!

(*Бѣжитъ къ дверямъ Стеллы*).

пачеко (*одинъ*). О! они убили мое счастіе.., Они-же и возвратили мнѣ радость души, сладость прощенія... О! Стелла! Спасеніе твое будетъ мнѣ стоить любви моего сына! Боже! возврати его къ милости и прощенію; Ты далъ ему силу и доблесть героевъ, внуши ему тѣ добродѣтели, которыя дѣлаютъ отцовъ счастливыми въ старости... Вотъ она! блѣдная, трепещущая... О! хорошо сдѣлалъ, Господи, что простилъ ее .. Стелла! Стелла!

франсеска (*Стелль, которая не смѣетъ приблизиться*). Иди, иди, не бойся, моя душечка.

пачеко. Развѣ ты не сказала еще ей, что я простилъ ее?

стелла (*подбѣгаетъ къ нему и бросается на колѣна*). Батюшка! Батюшка!

пачеко. Дитя мое, дочь моя!

стелла. Батюшка, вы добры, вы великодушны! Батюшка... О я теперь умру, если надобно; потому-что я заслужила смерть.

ПАЧЕКО. Молчи, молчи дитя, не произноси этого страшнаго слова... Они долго меня мучили этимъ словомъ... Никто не упоминалъ о прощеніи.

СТЕЛЛА. Но вы, вы одни защищали вашу преступную дочь, добрый батюшка.

ПАЧЕКО. Нѣтъ, Стелла... нѣтъ... между нашими родственниками есть еще дитя... юноша... которому ты одолжна спасеніемъ своимъ; прощеніе вырывалось изъ устъ моихъ, но я не смѣлъ произнести этого слова... Благодари дона-Люйза, и если ему будетъ когда-нибудь угрожать несчастіе, помни, что ты должна спасти его въ свою очередь.

СТЕЛЛА. Онъ былъ добръ, великодушенъ, какъ и всегда... но братъ мой?

ПАЧЕКО. Твой братъ, Стелла! Одинъ Богъ знаетъ, проститъ ли онъ мнѣ за то́, что я простилъ тебя.

СТЕЛЛА И онъ вѣчно будетъ ненавидѣть меня!

ПАЧЕКО. Стелла, Стелла!... Преступленіе не смоешь ничѣмъ съ человѣческой совѣсти; я простилъ, не упрекаю тебя, но слушай: жизнь и честь твоя спасены, но твое будущее ужасно.

СТЕЛЛА. Ваша любовь искупитъ мои страданія.

ПАЧЕКО. Дитя мое! Твердо-ли ты примешь свой крестъ, если Господь пошлетъ его тебѣ.

СТЕЛЛА. Но зачѣмъ эти мрачныя предчувствія, батюшка?

ПАЧЕКО. Другъ мой! таковы люди.... и мудрено ли, что тотъ, кто не пощадилъ чести дѣвушки подъ кровомъ родительскимъ, будетъ пренебрегать и счастіемъ и честію супруги подъ своимъ кровомъ?

СТЕЛЛА. О нѣтъ, я увѣрена въ его сердцѣ.

ПАЧЕКО. И мудрено-ли, что когда-нибудь онъ усумнится въ добродѣтели той, надъ которою такъ легко восторжествовалъ.

СТЕЛЛА. Батюшка!... батюшка!

ПАЧЕКО. Я строгъ, не правда-ли... Но это потому, что я желалъ-бы, чтобъ не на него палъ твой выборъ.... Конечно, фамилія Вильяфлоръ знаменита....

СТЕЛЛА. (*приподнявъ голову*) Вильяфлоръ!

ПАЧЕКО. Безъ сомнѣнія, онъ храбръ, гордъ, объ немъ много говорятъ... но какъ подумаю о заблужденіяхъ его молодости...

СТЕЛЛА. (*тихо, обращаясь къ Франсеску*). Что́ говоритъ онъ? Боже!... я боюсь!

ПАЧЕКО. Мнѣ страшно за тебя, Стелла, и дай Богъ, чтобы любовь твоя возвратила его къ обязанностямъ, которыя онъ до-сихъ-поръ попиралъ ногами.

СТЕЛЛА (*съ ужасомъ*). Но что говоритъ онъ, Франсеска?

ПАЧЕКО. Я пугаю тебя!... Ну, надѣйся, дай Богъ, чтобы онъ оцѣнилъ тебя... Да, да.... Вильяфлоръ отвыкнетъ отъ своихъ пороковъ.

СТЕЛЛА (*вставая, Франсескѣ*). Опять!... Франсеска, зачѣмъ говоритъ онъ о Вильяфлорѣ?

ФРАНСЕСКА. Но, какъ-же, Стелла....

ПАЧЕКО. Да что съ тобою, Стелла? (*Франсескѣ*). Что она говоритъ?

СТЕЛЛА. Батюшка, батюшка, вы меня простили, неправда-ли?

ПАЧЕКО. Вѣдь я сказалъ тебѣ, дитя мое.

СТЕЛЛА. Онъ женится на мнѣ, не правда-ли?

ПАЧЕКО. Въ капеллѣ уже все готово; наши друзья ждутъ тебя.

СТЕЛЛА. И мужемъ моимъ будетъ...

ПАЧЕКО. Но отчего ты такъ странно смотришь на меня? отчего ты блѣдна?... дрожишь?

СТЕЛЛА. Вѣдь мужа моего зовутъ....

ПАЧЕКО. Я сказалъ ужъ : Вильяфлоръ!

СТЕЛЛА (*отступая, въ-сторону*). Ужасъ! Зачѣмъ онъ все твердитъ это несносное имя?... что съ нимъ?

ПАЧЕКО. О Боже! Неужели она лишилась разсудка!

СТЕЛЛА. Батюшка! выслушайте меня!

ПАЧЕКО. Послушай... послушай меня, дитя мое!...

СТЕЛЛА. Батюшка, добрый батюшка, вѣдь вы знаете, что я не Вильяфлора люблю...

ПАЧЕКО. Успокойся, успокойся!

СТЕЛЛА. Вы знаете; вѣдь Франсеска все вамъ разсказала.

ПАЧЕКО. Да она сказала мнѣ, что вчера ты ей открылась.

СТЕЛЛА (*Франсескѣ*). Ты говорила?

ФРАНСЕСКА. Разумѣется!

ПАЧЕКО. Какъ ты ей отдала затерянный ключъ...

СТЕЛЛА. Ты сказала ему?

ФРАНСЕСКА (*Стеллѣ*). Да! какъ-же!

СТЕЛЛА. О Боже! благодарю Тебя! онъ знаетъ все!

ПАЧЕКО. Да, я все знаю... Она призналась мнѣ, какъ ввела его сюда...

СТЕЛЛА. Но батюшка, она не нашла Сильвіо на условномъ мѣстѣ.

ПАЧЕКО. Сильвіо!

СТЕЛЛА. И я сама ввела его сюда.

ПАЧЕКО. Сильвіо Теллеза?

СТЕЛЛА. И онъ разсказалъ мнѣ, о чомъ ужъ вы, вѣроятно, знаете,

что Король желаетъ нашего брака; что это послужитъ залогомъ вашего примиренія съ Теллезами.

ПАЧЕКО. Съ Теллезами!... (*Схватывается руками за голову*). Франсеска, ступай за Фаустусомъ... позови Графа де-Лорку, дона-Люйза... Я ничего не слышу больше... не понимаю... Позовите Вильяфлора; можетъ-быть, она опомнится, увидѣвъ его.

СТЕЛЛА. Но зачѣмъ все твердятъ объ этомъ Вильяфлорѣ?

ФРАНСЕСКА. Да вѣдь я его привела сюда... вѣдь онъ ночевалъ въ этой комнатѣ.

СТЕЛЛА. Онъ!

ПАЧЕКО. Да вѣдь онъ въ тебя влюбленъ, онъ дожидается теперь тебя въ капеллѣ, онъ будетъ твоимъ мужемъ; потому-что я хочу наконецъ этого.

СТЕЛЛА. Но Сильвіо убьетъ меня.

ПАЧЕКО. Что̀ ты все твердишь про Сильвіо?

СТЕЛЛА. Да вѣдь я его ожидала, его впустила сюда сама, онъ былъ здѣсь, со мной, въ этой комнатѣ; его-то я люблю и не хочу быть ни за кѣмъ, кромѣ моего любовника! (*бросается на колѣна*).

ПАЧЕКО. Сильвіо Теллезъ!

ФРАНСЕСКА. Не слушайте ея, сеньоръ; она помѣшалась!

ПАЧЕКО. О, нѣтъ, нѣтъ... она не помѣшалась!... Припоминаю теперь: его видѣли вчера въ городѣ... ты еще задрожала при его имени... Донъ-Фернандо правду говорилъ... «Скажите Стеллѣ, что я умеръ, она приметъ вѣсть хладнокровно». Онъ правду говорилъ... Только ты, Франсеска...

ФРАНСЕСКА. О пагубная ошибка!

ПАЧЕКО. Но для потерянной женщины все-равно, тотъ или другой!

СТЕЛЛА (*все-еще на колѣнахъ*). Батюшка!

ПАЧЕКО. Останься на колѣнахъ; это прилично осужденнымъ на смерть.

СТЕЛЛА. На смерть!... но вы простили меня, батюшка.

ПАЧЕКО. О, я былъ жалокъ, низокъ, не правда-ли?.... И что̀ я имъ скажу? Они всѣ ждутъ меня: и Лорка, который требовалъ отъ меня твоей смерти, и Фаустусъ который объвинялъ меня въ слабости, и донъ-Люйзъ который защищалъ тебя, и котораго я обнялъ, безумца, и Донъ-Фернандо, который думалъ, что обезчестилъ тебя.... и котораго я наказать не могу, потому-что ты не стоишь этого.

(*Съ отвращеніемъ приподнимаетъ ее и бросаетъ на руки Франсески*).

СТЕЛЛА. Батюшка! Лучше смерть, смерть, нежели страшныя слова!....

(*Она шатается. Франсеска ее поддерживаетъ и подводитъ къ кресламъ*).

ПАЧЕКО. Смерть! Да что̀ смерть... развѣ ты думаешь, что я самъ не желаю смерти лучше, чѣмъ идти къ нимъ и сказать: нѣтъ, не дону-Фернандо, не развратнику дону-Фернандо, не любовнику потерянныхъ женщинъ, не ему пожертвовала честію родная дочь моя... Нѣтъ, то былъ врагъ вашъ, тотъ самый, который радуется смерти каждаго Пачеко, который, какъ разбойникъ, выжидаетъ часа зарѣзать отца, или брата той, которая горитъ любовью въ его объятіяхъ... тотъ самый, который гордится тѣмъ, что презираетъ насъ, что обезчестилъ насъ, не могши зарѣзать; что оплевалъ нашу честь.... Это Сильвіо Теллезъ.... любовникъ Стеллы Пачеко.... Не угодно-ли присутствовать на этой свадьбѣ?

СТЕЛЛА. Смерти... смерти, батюшка!

ПАЧЕКО. Да! Умрешь! вы оба умрете, но этого мало.... мало... Вамъ нужны терзанія... Смерти!... да скажи мнѣ, разувѣрь меня, Сильвіо Теллезъ твой любовникъ.... и я тотчасъ умру... если ты думаешь, что умирать такъ трудно!

СТЕЛЛА (*съ трудомъ поднимаясь съ кресель*). Вы хотите умереть... вы боитесь моего стыда?

ПАЧЕКО. Да, лучше смерть, нежели это признаніе!

СТЕЛЛА (*подходя къ Пачеко*). Такъ я избавлю васъ отъ стыда, батюшка; а на терзанія я себя обрекаю.

ПАЧЕКО. А какое терзаніе жесточе всѣхъ?

СТЕЛЛА. Жизнь, батюшка!

ПАЧЕКО. Жизнь!

СТЕЛЛА. Да! жизнь, съ тѣмъ, кого я ненавижу и презираю; съ тѣмъ, кто хотѣлъ погубить меня.

ПАЧЕКО. Съ Вилльяфлоромъ! но это значитъ обмануть его!

СТЕЛЛА. Но вѣдь онъ не зналъ, что я обезчещена, когда пришолъ меня обезчестить.

ПАЧЕКО. О, правда! правда! Обоимъ одинакое наказаніе.... Ужасъ!... ужасъ!... Но ты не перенесешь?

СТЕЛЛА. Перенесу, и вы не покраснѣете вторично передъ сыномъ, васъ порицающимъ, передъ суровымъ домомъ-Кристовалемъ... передъ великодушнымъ домомъ-Люйзомъ.

ПАЧЕКО. Нѣтъ... нѣтъ... ты меня обманываешь... ты хочешь остаться живою, чтобы бѣжать, спастись отъ меня...

СТЕЛЛА. Вы говорили, что алтарь готовъ.

ПАЧЕКО. Онъ ждетъ тебя!

СТЕЛЛА. Я тоже готова, пойдемте!

ПАЧЕКО. Хорошо! пусть такъ! (*Отходя въ глубину сцены*). Эй! кто тамъ есть!

СТЕЛЛА (*тихо Франсескѣ*). А ты, ты завтра отправься и скажи Сильвіо, почему я умерла съ именемъ маркизы Вильяфлоръ.

ФРАНСЕСКА. Несчастная!

ПАЧЕКО (*въ глубинѣ сцены, вошедшему оруженосцу*). Кликни нашихъ родныхъ, да скажи сыну, чтобы надѣлъ оружіе.

СТЕЛЛА (*Пачеко*). Пойду-ль я на это несчастіе съ вашимъ проклятіемъ?

ПАЧЕКО. Сердце мое глухо для жалости, Стелла; у меня больше нѣтъ дочери.

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). Онъ не подозрѣваетъ всей правды своихъ словъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

ФРАНСЕСКА, СТЕЛЛА, ПАЧЕКО, ФАУСТУСЪ, ДОНЪ-КРИСТОВАЛЬ, ДОНЪ-ЛЮЙЗЪ, ДОНЪ-ФЕРНАНДО, *вельможи, слуги.*

ПАЧЕКО. Войдите, сеньоры... пасторъ ждетъ, а вотъ и невѣста.

ФЕРНАНДО. Я было не смѣлъ вѣрить дону-Люйзу.

ПАЧЕКО. Маркизъ де-Вильяфлоръ... ну, бери ея руку...

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). Боже мой, подай еще одну минуту твердости, и тогда мнѣ можно умереть...

ФЕРНАНДО (*въ-сторону*) Такъ, за меня игралъ самъ дьяволъ.

(*Почтительно подходитъ къ Стеллѣ, и беретъ ее за-руку*).

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). Ядъ здѣсь.

ПАЧЕКО (*вельможамъ*). Ступайте за ними, сеньоры!

КРИСТОВАЛЬ (*Пачеко*). А ты не пойдешь?

ПАЧЕКО. Сейчасъ... Когда пасторъ ихъ благословитъ, отецъ скажетъ имъ свои послѣднія слова... (*Всѣ вельможи идутъ за обрученными въ капеллу. Является Фаустусъ въ полномъ вооруженіи*). А! ты пришолъ, Фаустусъ...

ФАУСТУСЪ. Вооруженный, батюшка, и готовый наказать того, кого вы мнѣ укажете, кто-бъ онъ ни былъ.

ПАЧЕКО. Слушай-же... Королевскій указъ запрещаетъ Теллезамъ въѣздъ въ Мурсію, но не воспрещаетъ Пачекамъ отправиться въ Кордову, гдѣ теперь Теллезы.

ФАУСТУСЪ. О! благодарю васъ, батюшка! наказаніе извинитъ ваше прощеніе; люди увидятъ, что тотъ, кто мститъ безъ жалости, можетъ безъ слабости прощать.

ПАЧЕКО. Ищи между Теллезами...

ФАУСТУСЪ. Храбрѣйшаго, не такъ-ли?

ПАЧЕКО. Да храбрѣйшаго или безчестнѣйшаго... все-равно! Ищи Сильвіо Теллеза...

ФРАНСЕСКА (*изъ дверей капеллы*). Сеньоръ, обрядъ кончается; не угодно-ли вамъ придти?

ПАЧЕКО (*Франсескѣ*). Сейчасъ; когда они произнесутъ послѣдній обѣтъ... (*Фаустусу*) Фаустусъ, этотъ Теллезъ долженъ умереть, непремѣнно долженъ!

ФАУСТУСЪ. Почему-жъ именно онъ, а не другой?

ФРАНСЕСКА (*опять появлялась въ дверяхъ*). Сеньоръ!

ПАЧЕКО (*Фаустусу*). Постой, я тебѣ скажу!

ФРАНСЕСКА. Обрядъ конченъ... вотъ они идутъ назадъ!

(*Всѣ вельможи съ свитами возвращаются на сцену; но въ то мгновеніе, какъ Вильяфлоръ и Стелла показались на порогѣ, Пачеко бросается имъ на-встрѣчу*).

ПАЧЕКО (*отбѣгая въ глубину сцены*). Маркизъ де-Вильяфлоръ... дверь. что̀ напротивъ алтаря ведетъ на Толедскую улицу; возьми въ свой за́мокъ жену, которой ты добивался!

СТЕЛЛА. Батюшка!

ПАЧЕКО. Прочь! съ-этихъ-поръ навсегда, вы не знаете порога моего дома... (*Стелла падаетъ въ обморокъ; онъ захлопываетъ дверь, и кидается къ Фаустусу*). Теперь, Фаустусъ, надо, чтобъ Сильвіо не было на свѣтѣ... потому-что любовникомъ Стеллы былъ онъ!

—

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Богато-убранная зала, въ глубинѣ дверь съ террассою, выходящею въ садъ. На-право отъ зрителей дверь, на-лѣво окно, выходящее на поле. На-право въ залѣ кресло, на-лѣво кушетка.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛЕЛІО и ДОНЪ-ФЕРНАНДО (*послѣдній стоитъ противъ двери направо*).

ЛЕЛІО (*появляясь въ глубинѣ театра*). Я здѣсь, сеньоръ!

ФЕРНАНДО. Ну!... Какой-же отвѣтъ, Леліо?

ЛЕЛІО. Вы дѣлаете чудеса, сеньоръ. Я отдалъ письмо Теллезамъ, и они обѣщали явиться въ нашъ замокъ, на праздникъ.

ФЕРНАНДО. Здѣсь еще нѣтъ чудесъ, Леліо. Хотя въ ихъ фамиліи найдется много вѣтреныхъ молодыхъ головъ, которые отдадутъ все за балъ и музыку, но тѣмъ не менѣе найдутся люди съ огромными замыслами и съ огромною волею.

ЛЕЛІО. Какъ серьёзно вы говорите это, сеньоръ!...

ФЕРНАНДО (*садясь въ кресла*). Пришла пора быть серьёзнымъ. Война неизбѣжна, и если раздоръ все-еще будетъ пылать въ стѣнахъ нашей Мурсіи, то Калифъ Абделькадеръ исполнитъ свое обѣщаніе, сроетъ грозныя стѣны, и плугомъ запашетъ мѣсто, гдѣ прежде они возвышались. Теллезы всѣ храбры, богаты, сильны; нужно держаться за нихъ; но они будутъ наконецъ, будутъ у меня.

ЛЕЛІО. А я повторяю, сеньоръ, что вы чудеса дѣлаете; Сильвіо Теллесъ, отвѣчалъ мнѣ: «Еслибы всѣ Пачеко были на праздникѣ, то и тогда мы явимся на праздникъ къ твоему господину».

ФЕРНАНДО. Горячая выходка сумасшедшаго Сильвіо; онъ долженъ-же знать, зачѣмъ я даю этотъ праздникъ внѣ города, въ моемъ замкѣ. Пачеки благороднѣе поступили. Они обѣщались явиться, не освѣдомляясь, будутъ ли тутъ ихъ враги.

ЛЕЛІО. Какъ, и Пачеки у васъ, послѣ того, что было? Ну, не чудеса-ли, не чудеса-ли это, сеньоръ!

ФЕРНАНДО. Это чудо сдѣлалъ не я, а король... или лучше, повѣрь мнѣ, мой Леліо, это чудо сдѣлано тѣмъ, что гораздо-убѣдительнѣе и совѣтовъ моихъ и власти самого короля... Это сдѣлала любовь, та любовь, которая облагораживаетъ самое низкое сердце, та любовь, которая одна можетъ еще заставить биться сердце, изъязвленное всѣми несчастіями, которая смиряетъ кичливость гордости, и слабѣйшее созданіе возноситъ до блистательнаго героизма — это любовь къ отечеству, Леліо. Она также горяча въ сердцѣ дряхлаго старика, какъ и въ сердцѣ пламеннаго юноши; она безпредѣльна; горячія слезы матери не преклонятъ, не прожгутъ душу человѣка и не отвлекутъ его отъ святаго служенія родинѣ, и мщеніе, самое мщеніе стынетъ въ сердцѣ, когда въ немъ пылаетъ святая обязанность! Вотъ, Леліо, вотъ отчего Теллезы и Пачеки, смертельные враги, сойдутся сегодня, какъ друзья, въ замкѣ Вильяфлорскомъ.

ЛЕЛІО. Какъ благородны, какъ величественны слова ваши, сеньоръ; какъ-бы гордилась она, когда-бы васъ слышала.

ФЕРНАНДО (*вставая*) Замолчи, замолчи, Леліо! Въ цѣлые восемь дней первый разъ.... она заснула!

ЛЕЛІО. А въ эти два дня, сеньоръ, въ эти два дня, когда я преслѣдовалъ Сильвіо сначала въ Кордовѣ, гдѣ мнѣ сказали, что онъ уже въ Картагенѣ, въ Картагенѣ, гдѣ мнѣ сказали, что онъ въ Гренадѣ, и котораго настигъ я уже на дорогѣ сюда въ Мурсію, скажите, сударь, въ эти два дня не было-ли чего, что-бы могло вамъ подать хотя малѣйшую надежду?

ФЕРНАНДО. Ничего, Леліо.... Съ той самой, страшной минуты, когда она въ безпамятствѣ, замертво, упала къ подножію алтаря, гдѣ поразило ее, какъ громомъ, проклятіе отцовское; съ того самаго дня, когда я уносилъ ее въ моихъ объятіяхъ, какъ дикій звѣрь свою добычу, посреди криковъ ужаса всѣхъ гражданъ Мурсіи; съ того самаго времени, когда ее предали мнѣ, потому-что я запятналъ ее безчестіемъ, когда я сложилъ ее тамъ, блѣдную, изнеможенную, растерзанную отчаяніемъ; съ того времени ни разу ни словомъ, ни взглядомъ она не показала мнѣ, что понимаетъ меня.

ЛЕЛІО. Можетъ-быть, этотъ ударъ подѣйствовалъ на ея разсудокъ....

ФЕРНАНДО. О! нѣтъ, нѣтъ, Леліо, нѣтъ. Она говорила о смерти!.. Уней вырвали кинжалъ, которымъ она хотѣла поразить себя, она отталкиваетъ пищу и не хочетъ въ ней прикоснуться... она хотѣла броситься въ окно, которое выходитъ на пропасть Сегуры! О! нѣтъ, нѣтъ, Леліо: она не сумасшедшая, она не можетъ быть сумасшедшею.... она хочетъ лишить себя жизни!

ЛЕЛІО. Боже!

ФЕРНАНДО. О! повѣрь мнѣ, Леліо, лучше-бы мнѣ жениться на Корнеліи, втоптать въ грязь нашъ гордый щитъ, бросить его на поруганіе подлѣйшимъ изъ черни.... лучше-бы мнѣ быть опозорену, изгнану.... Но каждый часъ, каждую минуту видѣть, какъ умираетъ это бѣдное дитя, безъ слезъ, безъ роптаній, безъ малѣйшей жалобы, моля о смерти, ожидая мгновенія избавиться отъ ненавистнаго существованія.... Боже, Боже, Боже!! (*онъ бросается на кушетку*).

ЛЕЛІО. О! не говорите, не говорите такъ, сеньоръ! Сердце разбивается у вашего бѣднаго Леліо отъ словъ вашихъ; безъ сомнѣнія, ваше преступленіе было велико, но это ужасное отчаяніе, эта страшная рѣшимость невѣроятны, сеньоръ. Нѣтъ, нѣтъ, не замужество поразило ее: она шла спокойно и твердо къ алтарю.

ФЕРНАНДЪ. Молчи, молчи Леліо!... Здѣсь кроется тайна и я трепещу узнать ее.... Тайна, которую, можетъ-быть, я прочту только, на ея могилѣ.... Леліо! велико преступленіе.... но и наказаніе ужасно!

ЛЕЛІО. Проклятіе отца поразило, какъ кинжаломъ, ея сердце;

только благословеніе отца исцѣлитъ его... Знаетъ-ли она, что отецъ ея будетъ здѣсь сего-дня? Вздрогнула-ль она, перемѣнилась-ли въ лицѣ, услышавши эту новость?

ФЕРНАНДО. Я не смѣлъ ей сказать этого... Это послѣдняя надежда моя! Впрочемъ еслибы Теллезы не явились сюда, то и Пачеки не переступили-бъ за порогъ моей двери: они придутъ сюда не къ зятю ихъ предводителя, не къ родственнику своему, но къ маркизу Вильяфлоръ, предводителю всего воинства Мурсіи. Ступай къ Пачекамъ, скажи имъ, что Теллезы будутъ черезъ нѣсколько часовъ. Ступай, а я пойду, разскажу все Стеллѣ! О, невозможно, чтобы эта вѣсть не поколебала ея сердца.

ЛЕЛІО. Прикажите узнать, проснулась ли она?

ФЕРНАНДО. (*вставая*) Нѣтъ, Леліо. Безчеловѣчно отнимать сны у несчастнаго... Она сама придетъ сюда, по обыкновенію, подъ окно... отсюда такъ далеко видно (*идетъ къ окну*). Только здѣсь, когда, она смотритъ въ самую даль, взоръ ея загорается жизнію.... кого она ищетъ, кого она ждетъ?.... (*Затворяетъ окно.*) О! для чего честь запрещаетъ умирать передъ опасностію!

ЛЕЛІО (*про себя*). Увы! какъ онъ страдаетъ! но что мнѣ дѣлать.... нужно....

ФЕРНАНДО. Ступай, Леліо!

ЛЕЛІО. Иду, сеньоръ; но прежде... позвольте передать вамъ эту записку.

ФЕРНАНДО. Записку?

ЛЕЛІО. Я долго не рѣшался взять ее, еще больше не рѣшался передать вамъ, потому-что въ податель узналъ я скромнаго посланнаго Корнеліи... а я не забылъ, что это воспоминаніе...

ФЕРНАНДО. Хорошо; самъ Богъ невластенъ изгладить прошедшее... Помни это, дитя, не приготовляй своему будущему такого прошедшаго, которое заставило-бъ тебя сожалѣть, что ты жилъ на-свѣтѣ.

ЛЕЛІО. (*пока Фернандо читаетъ записку*). Итакъ иду къ дону Генрику Пачеко.

ФЕРНАНДО (*съ бѣшенствомъ*). Дерзкая!

ЛЕЛІО. Что такое?

ФЕРНАНДО. Ничего!... оставь меня!

ЛЕЛІО. Боже, какъ онъ блѣденъ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Донъ Фернандо (*одинъ, читаетъ*).

«Храбрый донъ Фернандо! нашъ закладъ странно кончился....

оба мы проиграли; ты женился на Стеллѣ, и все-таки мужъ обезчещенной женщины»... (*останавливается*). Проклятіе!.... (*продолжая читать*) «Пѣвецъ, котораго ты прислалъ мнѣ, сочинилъ прелестный романсъ на этотъ случай, еще лучше прежнихъ романсовъ.... Можетъ-быть, ты услышишь его прежде, нежели желалъ-бы.... Это будетъ маленькое мщеніе.

«Прелестница, которая тебя ни разу не обманывала.

Корнелія.»

О! стыдъ и проклятіе. Да, я трепеталъ передъ этимъ ударомъ, и страшная мысль, какъ холодный кинжалъ, пронзала мое сердце... О! если это правда! Если Стелла плачетъ о своемъ любовникѣ!., О! это письмо растерзало пополамъ мое сердце... Но нѣтъ! я потерялъ разсудокъ; я стараюсь отыскать причину отчаянія внѣ себя, а она во мнѣ, здѣсь, въ моемъ сердцѣ.... (*дверь съ правой стороны отворяется*) Вотъ и она сама.... О Боже, внемли мольбамъ моимъ! Да не будетъ имя отца пустымъ звукомъ, мертвымъ словомъ для ея растерзанной души!

ЯВЛЕНІЕ III.

Донъ Фернандо, Стелла, прислужницы.

(*Стелла входитъ съ правой стороны, опираясь на двухъ прислужницъ. Увидя дона Фернандо, она медленно поднимаетъ голову, смотритъ на него холодно, опускаетъ голову и идетъ медленно, опираясь на женщинъ, къ кушеткѣ, на которую садится; руки ея сложены на колѣнахъ, взглядъ неподвиженъ, лицо покрыто блѣдностью.*)

ФЕРНАНДО (*въ то время, какъ она проходитъ*). Боже, Боже! Молодость, красота, все, все изчезло въ нѣсколько дней!... Господи! или на зло ты могущественнѣе, чѣмъ на благо? и есть-ли у тебя сокровища радостей, которыя могли бы разцвѣтить вновь это увядшее чело?... (*Когда она сѣла*). Какъ походитъ она, сидящая, на надгробную статую, образъ погребеннаго, сидящій на его могилѣ! О Стелла! несчастная Стелла!... (*прислужницамъ*) Ступайте! (*приближается къ ней*). Стелла, въ этомъ домѣ скоро будутъ странныя происшествія; нужно предупредить васъ... мнѣ-бы не хотѣлось увеличить еще однимъ обвиненіемъ ужасъ, который вамъ внушаю... (*Стелла, невнимательная, холодная по-прежнему, подымаетъ взоры къ небу*). Вы меня слышите, Стелла, слышите? (*молчаніе. — Про себя*). И вѣчно этотъ взглядъ блуждаетъ въ небѣ, когда не

опущенъ въ землѣ!... (*въ-слухъ*). Стелла! можетъ-быть сегодня клики празднества долетятъ до вашего слуха. Не-смотря на преступленіе мое, я не столько низокъ, и не столько безуменъ, чтобы желать оскорблять васъ, или думать утѣшить васъ праздникомъ!... Нѣтъ, цѣль этого празднества велика, серьёзна, одна изъ тѣхъ, которыя доступны благородной душѣ вашей, хотя-бъ даже вы и не приняли участія во весельѣ.... (*молчаніе*). Вы не слушаете меня, Стелла?... А о если-бы и слушали, то не вѣрили-бы мнѣ... (*медленно*). Но когда узнаете имена моихъ гостей, когда узнаете, какая страшная ненависть будетъ подавлена у порога этихъ дверей... тогда скажете: это достойное, благородное дѣло, потому-что цѣль его — ненарушимое, святое примиреніе. (*Стелла склоняетъ голову. Донъ Фернандо пристально смотритъ на нее и продолжаетъ тихимъ голосомъ.*) Черезъ нѣсколько минутъ, Стелла, добродѣтельный Пачеко... (*Стелла смотритъ на него*) отецъ вашъ... (*она поднимаетъ голову*)... отецъ вашъ будетъ здѣсь!... (*Стелла встаетъ, испускаетъ крикъ, но въ тоже мгновеніе удерживается, зажимая ротъ руками. Донъ Фернандо встаетъ въ восторгѣ*). О! я зналъ, что разсудокъ ея не помрачился, я это зналъ!... Стелла! (*Снова подходитъ къ ней*) Стелла!... (*Стелла медленно опускаетъ голову и впадаетъ въ прежнее безчувствіе. Фернандо съ жаромъ*). Стелла! выслушайте, выслушайте меня! Я.... не хочу васъ обманывать; не съ прощеніемъ въ сердцѣ вамъ, невинной, и мнѣ, виновному, будетъ сюда отецъ вашъ, нѣтъ. Но высокія и великодушныя мысли — родныя сестры между собою: когда сердце приметъ одну, то можетъ принять и другую... И сегодня отецъ вашъ, слыша возгласъ отечества, зовущаго сыновъ на свою защиту, входитъ въ домъ того, кого справедливо ненавидитъ, примирится съ тѣми, которыхъ ненавидитъ ненавистью тѣмъ болѣе непримиримою, что до-сихъ-поръ она была слѣпа и глуха. Сегодня Пачеко, забывая старинныя вражды, клятвы вѣчнаго мщенія, протянетъ Теллезамъ руку примиренія.

СТЕЛЛА (*вставая вдругъ, и отступая отъ Фернандо*). Теллезамъ?

ФЕРНАНДО. Да, Теллезамъ!

СТЕЛЛА. Это невозможно! нѣтъ!

ФЕРНАНДО. Теллезы будутъ здѣсь сейчасъ.

СТЕЛЛА. Всѣ?

ФЕРНАНДО. Всѣ!

(*Стелла падаетъ на кушетку, склонивъ голову на руки и зарыдавъ*).

СТЕЛЛА. И отецъ мой согласенъ съ ними видѣться здѣсь, гдѣ я?

ФЕРНАНДО. Да, Стелла! и если вашъ отецъ найдетъ въ любви къ отчизнѣ столько силы, чтобы побѣдить подобную ненависть, то неужели въ его сердцѣ не отзовется голосъ: «Сжалься надъ дочерью, невинною, бѣдною, дочерью!...» Вѣдь вы невинны, не такъ-ли, Стелла?

СТЕЛЛА (*съ отчаяніемъ*). О Боже! .. смерти.... смерти молю у тебя!

ФЕРНАНДО (*въ-сторону*). Все смерти!.. И это она заговорила при имени Теллезовъ.?

ЯВЛЕНІЕ IV.

СТЕЛЛА, ДОНЪ ФЕРНАНДО, ЛЕЛІО.

ЛЕЛІО (*входя*). Сеньоръ! донъ Генрикъ Пачеко съ своими у воротъ замка. Угодно-ли принять ихъ здѣсь?

ФЕРНАНДО. Здѣсь? (*Стелла киваетъ головою въ знакъ согласія*). Здѣсь?... угодно это вамъ, Стелла?... И вы не уйдете отсюда? (*она дѣлаетъ знакъ — нѣтъ*) И вы увидитесь съ вашимъ отцомъ?.... (*Стелла дѣлаетъ знакъ—да!—Въ восторгѣ къ Лелію*) Ступай, проси ихъ сюда... проси .. (*Стелла*). И теперь, Стелла, что-бъ ни было у васъ на сердцѣ, откройте все отцу... Требуйте у него, чего хотите... И если-бы для исполненія вашей просьбы нужно выдержать муку изгнанія, жить въ нищетѣ... заставить содрогнуться міръ отъ преступленія, или изумить его геройствомъ, говорите Стелла, говорите, вы все получите!

(*Стелла неподвижна. Замѣтно только, что она прислушивается къ шагамъ идущихъ, и до-тѣхъ-поръ слушаетъ неподвижно, покамѣстъ возвѣщаютъ имя ея отца. Тутъ она наклоняется впередъ, и слушаетъ съ жадностью*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ДОНЪ ФЕРНАНДО, СТЕЛЛА, ДОНЪ КРИСТОВАЛЬ, ДОНЪ ЛЮЙЗЪ, ПАЧЕКО, ЛЕЛІО, рыцари.

(*Занавѣсы въ глубинѣ сцены распахиваются*).

ЛЕЛІО. Господинъ мой! Возвѣщаю вамъ прибытіе, благородныхъ рыцарей, господъ дона Кристоваля, дона Фабіана, дона Люйза Пачеко, графа Вальверда, благороднаго дона Генрика Пачеко, графа Таворы, великаго магистра Калатравы, и...

ПАЧЕКО (*входя и останавливаясь въ глубинѣ сцены*). Довольно, юноша! маркизъ де-Вильяфлоръ знаетъ родъ Пачеко и титла всѣхъ его друзей.

ФЕРНАНДО (*встрѣчая Пачеко*). Привѣтъ мой вамъ и почтеніе, сеньоръ; горжусь честью видѣть васъ въ моемъ домѣ. — Благодарю всѣхъ, послѣдовавшихъ благородному примѣру вашему... Жалѣю лишь объ отсутствіи вашего сына.

ПАЧЕКО. Фаустусъ не ослушается моихъ приказаній и будетъ скоро въ Мурсіи; Фаустусъ покорный сынъ; онъ явится на наше съ вами свиданіе.

ФЕРНАНДО. Милости прошу, сеньоры; благодарю васъ, что вы первые явились на свиданіе для цѣли святой и благородной, для прощенія и примиренія; великодушіе сродно тѣмъ, которые всегда первыми являются на призывъ войны.

(*Пачеко приближается. Донъ Кристоваль и донъ Люйзъ слѣдуютъ за нимъ. Вдругъ Пачеко останавливается, увидѣвъ Стеллу*).

ПАЧЕКО. Женщина!... женщина!... Маркизъ де-Вильяфлоръ? я ожидалъ встрѣтить здѣсь однихъ мужчинъ... Прощайте!

СТЕЛЛА (*про себя, въ отчаяніи*). Онъ уходитъ!

ФЕРНАНДО (*становясь между Пачеко и дверями*). Пачеко, вы видали поле послѣ грозной битвы, видали смерть, кровь и обезображенные трупы; неужели у васъ недостаетъ твердости видѣть женщину при послѣднемъ издыханіи?

(*Стелла оборачивается*).

ВСѢ (*исключая Пачеко, при видѣ ея*). Великій Боже!

ЛЮЙЗЪ (*бросаясь къ ней*). Боже милосердый! Стелла!... (*Пачеко*). О! посмотрите на нее, посмотрите, сеньоръ!

СТЕЛЛА. (*сидя на кушеткѣ*). Батюшка!

ПАЧЕКО (*не оборачиваясь, дѣлаетъ шагъ къ дверямъ*). Довольно, довольно!

КРИСТОВАЛЬ (*останавливая его*). Да взгляни-же на нее, Пачеко!

ПАЧЕКО. Хорошо! пожалуй! (*приближается къ ней*). Что вамъ угодно отъ меня, маркиза де-Вильяфлоръ?

СТЕЛЛА (*падая предъ нимъ на колѣна*). Васъ видѣть, видѣть васъ, батюшка!

ПАЧЕКО (*отступая отъ нея*). О! горе!... горе!

СТЕЛЛА (*влачась за нимъ на колѣнахъ*). Батюшка!... батюшка! ..

ПАЧЕКО (*отступая*). Вильяфлоръ! неужели это дочь моя?

ФЕРНАНДО. Вотъ что сдѣлала съ нею мое преступленіе и ваше проклятіе!

ПАЧЕКО. Несчастный!... О! лучше-бъ было убить ее! (*падаетъ на стулъ, по другую сторону сцены*).

ЛЮЙЗЪ (*тихо*). Пойдемте, пойдемте, донъ Фернандо, пойдемте сеньоры, оставимъ наединѣ эти два страдающія сердца, почтимъ раскаяніе дочери и скорбь отца: такія сцены не должны имѣть свидѣтелей.

ФЕРНАНДО. Благодарю, донъ Люйзъ! Я давно знаю, что ты добръ и великодушенъ.

(*Уходятъ; занавѣсы дверей задергиваются за ними*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

СТЕЛЛА, ПАЧЕКО.

(*Стелла на колѣнахъ возлѣ кушетки, Пачеко сидитъ на противоположной сторонѣ сцены*).

ПАЧЕКО (*про себя*). Нѣтъ... нѣтъ! я поклялся... нѣтъ у меня для нея прощенія... (*Встаетъ и смотритъ вокругъ себя*) Они оставили меня одного... не хотѣли краснѣть за меня... за мою слабость. Уйду-жъ и я!.... (*Хочетъ уйдти*).

СТЕЛЛА. Кто-же сжалится надо мною, Господи?

ПАЧЕКО. Маркиза де-Вильяфлоръ, не на колѣнахъ должны вы принимать гостей... Встаньте, сударыня.

СТЕЛЛА (*дѣлая усиліе встать и снова упадая на колѣна*). Но я не могу, не въ-силахъ!

ПАЧЕКО. Боже всемогущій!

СТЕЛЛА. Вы подали-бъ руку нищему, упавшему на краю дороги... Вашу руку, батюшка... вашу руку!

ПАЧЕКО (*подавая ей руку*). И моя рука ослабѣла. Теперь она не удержала-бъ даже шпаги.

СТЕЛЛА. Но она довольно крѣпка, чтобы помочь вашей дочери... (*беретъ ее и осыпаетъ поцѣлуями*). Эта рука бросила на меня проклятіе... (*приподнимается, опираясь на руку отца*). Эта-же рука и благословляла меня нѣкогда!

(*Схватается за руку отца обѣими руками*).

ПАЧЕКО (*не-глядя на нее*). Куда прикажете отвести васъ, маркиза де-Вильяфлоръ?

СТЕЛЛА (*указывая на кушетку*). Туда!

ПАЧЕКО (*посадивъ ее на кушетку*). Что вамъ еще угодно?

СТЕЛЛА (*замирающимъ голосомъ*). Кинжалъ... ножъ... что-нибудь, чѣмъ-бы можно убить себя поскорѣе.

ПАЧЕКО. Несчастная!... Ты думаешь о самоубійствѣ!...

СТЕЛЛА. Но развѣ вы не видите, какова я?

ПАЧЕКО (*отирая слезы*). Нѣтъ! слезы мѣшаютъ, я плачу!

СТЕЛЛА. А у меня нѣтъ болѣе слезъ, батюшка.... онѣ высохли, изсякли въ глазахъ и въ сердцѣ.... мнѣ надо умереть...

ПАЧЕКО. И у меня ты просишь кинжала?

СТЕЛЛА. Что-жъ мнѣ дѣлать безъ вашей помощи? здѣсь въ домѣ за мною стерегутъ.

ПАЧЕКО. Мнѣ помочь тебѣ умереть!

СТЕЛЛА. Дайте все вамъ разсказать, батюшка; когда я просила васъ дать согласіе на бракъ съ маркизомъ Вильяфлоромъ, чтобы спасти васъ отъ стыда моего настоящаго преступленія... когда я обѣщала жить... я васъ обманывала, я рѣшилась умереть, ядъ былъ готовъ... Но вы не пустили меня въ свой домъ и меня принесли сюда...

ПАЧЕКО. И здѣсь ты перестала думать о самоубійствѣ...

СТЕЛЛА. Возлѣ постели, на которую положили меня, во-время моего безпамятства, былъ кинжалъ... Очнувшись, я схватила его... у меня его отняли!... Чрезъ нѣсколько часовъ я могла встать... я увидѣла это окно... подъ нимъ пропасть ... я хотѣла броситься, меня удержали!...

ПАЧЕКО. О! благодарю тѣхъ, кто спасъ тебя!

СТЕЛЛА. Съ той поры женщины не оставляютъ меня одну ни днемъ, ни ночью... Что мнѣ дѣлать.... Какъ умереть? А нельзя же-такъ жить на свѣтѣ... я довольно мучилась... Тогда-то пришла мнѣ новая мысль, я рѣшилась уморить себя голодомъ.

ПАЧЕКО. Господи!

СТЕЛЛА. Да, батюшка, я отказалась отъ пищи... Я была такъ несчастна, такъ потеряна, оставлена всѣми родными, братомъ, вами, что отчаяніе придавало мнѣ твердость умереть этой смертью.

ПАЧЕКО. И ты терпѣла эту адскую муку?

СТЕЛЛА. Но не столько времени, чтобъ умереть отъ нея.... это ужасно, батюшка... я терпѣла цѣлый день и другой; тогда женщины со слезами умоляли меня, но я не трогалась ихъ слезами... Передо мною ставили столъ съ кушаньями.... съ хлѣбомъ... сперва, я не хотѣла ѣсть, но вскорѣ... почувствовала... не умѣю вамъ описать, что-такое... что грудь мою тѣснитъ, что дыханіе мое спирается, меня влекла сила неодолимаго искушенія... я не могла отвесть

глазъ отъ пищи... невольно простирала руки, и ѣла, и въ этотъ день не могла уже умереть.

ПАЧЕКО. О! это ужасно!

СТЕЛЛА. Вы думаете, этого недовольно? Неужто я еще не заслужила смерти... И если Богъ васъ посылаетъ ко мнѣ, то не затѣмъ-ли, чтобы прекратить наконецъ мои страданія? не за тѣмъли, чтобъ я умерла не одинока, и чтобъ слеза прощенія упала на мой трупъ? Не за тѣмъ-ли, чтобъ вы, какъ послѣднюю милость, дали мнѣ... этотъ кинжалъ?

(*вырываетъ кинжалъ изъ-за пояса у Пачеко*).

ПАЧЕКО. Несчастная! что ты дѣлаешь?

СТЕЛЛА. То, что вы-бы сими сдѣлали, если-бы предвидѣли мои мученія.

ПАЧЕКО. Остановись, Стелла!... дочь моя!

СТЕЛЛА. У меня нѣтъ силы жить; не отнимайте-же силъ умереть.

ПАЧЕКО. О! ты будешь жить, дитя мое, дочь моя!... я прощу тебя.

СТЕЛЛА. Ахъ!

ПАЧЕКО. Я прощаю тебя!

СТЕЛЛА (*падая къ ногамъ отца*). Батюшка! ваше прощеніе поздно: я жена Вильяфлора!

ПАЧЕКО. Но бракъ этотъ можно расторгнуть.

СТЕЛЛА. Да зачѣмъ, къ чему, бятюшка? столько жила, столько страдала, столько проклинали жизнь, что, кажется, сердце мое уже не можетъ любить.

ПАЧЕКО Даже отца твоего?... даже меня, Стелла!

СТЕЛЛА. О нѣтъ, нѣтъ, васъ, батюшка, я люблю: въ вашихъ объятіяхъ теплѣе моему сердцу; оно бьется новою жизнію.

ПАЧЕКО. Благодарю, дитя мое... О! я самъ чувствую, что душа моя оживаетъ отъ твоей любви... Ты будешь жить Стелла, для меня!

СТЕЛЛА. Но, батюшка! спасете-ли вы меня отъ моего несчастія, которое доводитъ меня до безумія?

ПАЧЕКО. Я тебѣ сказалъ, что этотъ бракъ можно расторгнуть.

СТЕЛЛА. А донъ Фернандо обѣщалъ мнѣ исполнить все, о чомъ я попрошу васъ.

ПАЧЕКО. Да! надѣйся, надѣйся! Стелла!...

СТЕЛЛА. Господи! Ты, подавшій мнѣ столько силъ на страданіе... не лишай меня ихъ теперь, когда прощеніе отца возвращаетъ меня къ жизни.

ПАЧЕКО. Обопрись на меня, дитя мое, пойдемъ!... (*она опирается на его руку*). Пойдемъ!...

(*Онъ ведетъ ее къ кушеткѣ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Стелла, Пачеко, Фаустусъ.

ФАУСТУСЪ (*показывался въ глубинѣ театра*). Батюшка!...

СТЕЛЛА. Фаустусъ!...

ПАЧЕКО (*оставляя Стеллу*). Фаустусъ!... я и позабылъ о немъ!

(*Стелла падаетъ на кушетку*).

ФАУСТУСЪ (*быстро подходя къ отцу*). Батюшка! Теллезы идутъ сюда.

ПАЧЕКО. Молчи!

ФАУСТУСЪ. Наконецъ они предаются намъ!

ПАЧЕКО. О! замолчи!... не говори при ней!

ФАУСТУСЪ. А что̀ такое?

ПАЧЕКО. Смотри!

ФАУСТУСЪ. Стелла!... О! несчастная!... удалите ее отсюда!...

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). Это Фаустусъ!... онъ вооруженъ... Батюшка заставляетъ его молчать... Охъ! неужто горе неизчерпаемо!

ПАЧЕКО (*Стеллѣ.*) Ступай, дитя мое.... поди въ эту комнату, я позову твоихъ прислужницъ.

СТЕЛЛА. Но развѣ мнѣ не хорошо здѣсь.... подлѣ васъ, батюшка?..

ПАЧЕКО. Дитя мое, здѣсь тебѣ не мѣсто теперь.

СТЕЛЛА. По-чему-же?

ПАЧЕКО. Мы будемъ говорить о дѣлахъ, о которыхъ недолжно знать женщинѣ.

СТЕЛЛА. Такъ Вильяфлоръ обманулъ меня?

ФАУСТУСЪ. А что̀... что̀ онъ сказалъ вамъ?

СТЕЛЛА. Что дѣло идетъ о спасеніи отечества!

ФАУСТУСЪ (*въ-сторону*). Жалкій сумасбродъ!

ПАЧЕКО. Какъ-бы то ни было, тебѣ нѣчего здѣсь дѣлать!

СТЕЛЛА. Но онъ сказалъ, что сюда будутъ Теллезы.

ПАЧЕКО. Правда!

ФАУСТУСЪ. Такъ для этого-ли вы хотите остаться здѣсь?

СТЕЛЛА. Да, братецъ! Вильяфлоръ говорилъ еще, что вы хотите помириться съ ними.

ФАУСТУСЪ (*въ-сторону*). Негодяй!... онъ такъ насъ презираетъ, что повѣрилъ этому.

СТЕЛЛА. Но теперь я вижу, что вы пришли сюда погубить ихъ.

ПАЧЕКО. По-чему ты такъ думаешь?

СТЕЛЛА. Посмотрите на брата... рука его сжимаетъ кинжалъ, лицо блѣдно, онъ видимо жаждетъ крови и смерти.

ФАУСТУСЪ. Я повинуюсь батюшкѣ... Цѣлую недѣлю гоняюсь я за Сильвіо, изъ Кордовы въ Картагену, изъ Картагены въ Гренаду; я все не могу его настичь.... жизнь этого человѣка отравляетъ воздухъ, которымъ я дышу.

ПАЧЕКО (*Фаустусу*). Молчи!

СТЕЛЛА. Онъ не нашолъ его нигдѣ и хочетъ съ нимъ встрѣтиться здѣсь!

ПАЧЕКО. (*Стеллѣ*). Молчи!

ФАУСТУСЪ. Я являюсь вездѣ, гдѣ есть надежда встрѣтить его... а гдѣ встрѣчу, тамъ смерть ему!.. Удалитесь-же, отсюда, маркиза де-Вильяфлоръ.

СТЕЛЛА (*вставая*). Ахъ! вы кстати напомнили мнѣ мое имя, графъ Фаустусъ; да! маркиза де Вильяфлоръ, правда, и не забудьте, что вы у нея въ домѣ!

ФАУСТУСЪ. Несчастная!

ПАЧЕКО. Сынъ мой!

СТЕЛЛА. Вы у нея въ домѣ и измѣнѣ не бывать въ этихъ стѣнахъ!

ФАУСТУСЪ. Пойдемте, батюшка, оставимъ эту женщину, ослѣпленную своей страстью.

СТЕЛЛА. Останьтесь! вы меня выслушаете Фаустусъ.... и отвѣтите мнѣ, если осмѣлитесь... Вы, такой строгій судья женской чести, вы, требующій смерти за одинъ проступокъ... скажите мнѣ, какое должно быть наказаніе тому, кто измѣняетъ честному слову?

ФАУСТУСЪ. Развѣ такъ должна говорить виновная дѣвушка съ своимъ братомъ!

СТЕЛЛА. И вы взялись быть судьею моимъ?... вы!... Я измѣнила вѣковой враждѣ фамиліи, забыла свои обязанности дочери, и за то должна умереть, въ слезахъ и отчаяніи; а вы измѣняете любви къ отечеству, къ этому первому семейству воина, измѣняете честному слову, этой святынѣ человѣка, и вы смѣете презирать меня, быть моимъ судьею?

ФАУСТУСЪ. Довольно!

СТЕЛЛА. И если встрѣтите трупъ родной сестры на своей дорогѣ, вы безжалостно оттолкнете его рукою и скажете: «Прочь это препятствіе моему мщенію»!... Этому не бывать! (*Яростное движеніе Фаустуса.*) Вы не испугаете меня, Фаустусъ... *Та*, кото-

рая ожидала смерти, звала ее къ себѣ, *та* тверже тебя... Этому не бывать!

ПАЧЕКО. Такъ-то благодаришь ты меня за прощеніе?

СТЕЛЛА. Такъ это-то награда за мои страданія?... А когда я просила у васъ согласія на мой ненавистный бракъ, чтобы избавить васъ отъ излишняго стыда, тогда я спасала вмѣстѣ и его... а теперь, теперь вы хотите убить его у меня... Нѣтъ, этому не бывать!

ФАУСТУСЪ. Батюшка! что намъ дѣлать съ нею?...

ПАЧЕКО. Прости ей, Фаустусъ; есть горести, которая все извиняютъ... прости ей... но что рѣшено, то сбудется.

СТЕЛЛА. Состраданія, батюшка! состраданія!

ПАЧЕКО. Состраданія! Я сейчасъ имѣлъ его къ тебѣ... и не-смотря на проклятія, которыми ты насъ осыпаешь, опять буду его имѣть къ тебѣ.

СТЕЛЛА. Отступитесь-же отъ вашихъ намѣреній!

ПАЧЕКО. Правосудіе должно совершиться. Удались отюда, Стелла.

СТЕЛЛА. Я остаюсь, батюшка; посмотрю, осмѣлитесь-ли вы убить его на моихъ глазахъ.

(*Звуки трубъ*).

ПАЧЕКО. Идутъ!

СТЕЛЛА. Я остаюсь... и если это бѣдствіе еще меня постигнетъ... его ужъ я не вынесу, — оно убьетъ меня.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СТЕЛЛА, ПАЧЕКО, ФАУСТУСЪ, донъ-ЛЮЙЗЪ, донъ-КРИСТОВАЛЬ, вельможи партіи ПАЧЕКО, донъ-ФЕРНАНДО.

ФЕРНАНДО (*входя*). Сеньоры, возвѣщаю вамъ прибытіе Теллезовъ.

ФАУСТУСЪ. Наконецъ!

СТЕЛЛА. Сеньоръ! не пускайте ихъ сюда!

ПАЧЕКО. Молчи, несчастная!

ФЕРНАНДО (*про себя*). Опять смущеніе при этомъ имени.... Ахъ! вѣрно одинъ изъ Теллезовъ причиною этой тайной скорби... Который-же изъ нихъ этотъ оплакиваемый любовникъ?... О! я узнаю...

ПАЧЕКО (*тихо*). Вотъ наконецъ они!

ФАУСТУСЪ. Положитесь-же теперь на насъ, батюшка!

ПАЧЕКО. Каково-бъ ни было мщеніе, я ни отъ чего не прочь! Не забывай этого!

ФАУСТУСЪ. Ничего не забуду.

(*Пачеко провожаетъ Фаустуса до глубины сцены. Въ это время Фернандо, замѣтившій уходъ Фаустуса, говоритъ съ домомъ-Людзомъ. Пачеко возвращается*).

ПАЧЕКО (*Фернанду*). Не правда-ли, что лучше-бы маркизъ де-Вильяфлоръ удалиться отсюда?... Дѣла наши таковы, что женщинѣ не годилось-бы ихъ слушать?

СТЕЛЛА. Но, батюшка!...

ФЕРНАНДО. Ничего, сеньоръ: пусть, маркиза останется, пусть она, по званію хозяйки, приметъ Теллезовъ, какъ приняла васъ!

СТЕЛЛА. Благодарю васъ, сеньоръ!

ПАЧЕКО (*тихо Стеллѣ*). Пока есть еще время—уйди!

СТЕЛЛА. Развѣ думаете, что у меня недостанетъ духа стралать?

ФЕРНАНДО (*въ-сторону*). Она хочетъ его видѣть, и для того остается... Ахъ, Стелла! Я могу простить тебѣ любовь къ другому, но не прощу ему счастья быть тобою любимымъ... (*Всѣмъ*). Сеньоры, сейчасъ явятся Теллезы; вы не забудете данной мнѣ клятвы... Если голосъ отечества не силенъ потушитъ вашу вражду, если вы чувствуете, что готовы запылать мщеніемъ при видѣ враговъ, не забудьте, что Теллезы явились въ замокъ, увѣренные въ безопасности моимъ и вашимъ, Пачеко, словомъ.

ПАЧЕКО. Мы сдержимъ слово не хуже Теллезовъ, — будьте увѣрены, донъ-Фернандо.

ФЕРНАНДО. Не забывайте, что они подъ покровительствомъ короля.

ПАЧЕКО. Королевскій указъ будетъ исполненъ въ точности.

ФЕРНАНДО. Помните тоже, что они у меня въ домѣ.

ПАЧЕКО. Попросите ихъ также не забыть этого!

ФЕРНАНДО. И во всякомъ случаѣ, я самъ буду за всѣхъ помнить.

(*Идетъ къ одному изъ служителей и даетъ ему приказаніе*).

СТЕЛЛА (*тихо Пачеко*) Слышите-ли, батюшка!

ПАЧЕКО. Уйди отсюда... уйди... говорятъ тебѣ!

(*Въ эту минуту всѣ находятся насцень такимъ образомъ: на-лѣво отъ зрителей Стелла, Пачеко, донъ-Людзъ, донъ-Кристовиль и прочіе члены партіи Пачеко; на-право, одинъ на переднемъ планѣ Фернандо, который стоитъ прямо противъ Стеллы, и пристально за ней наблюдаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Прежніе, *потомъ Вельможи партіи Теллезовъ, потомъ* Сильвіо, *потомъ* Бенедиктъ.

лелio (*громко*). Сеньоръ! благородный графъ Родриго Теллезъ!.. донъ-Фабіано, графъ де-Вальдесъ, два благородные брата Теллезы де-Кастро.

фернандо (*смотря на Стеллу*). Она спокойна!

стелла (*въ-сторону*). О, если-бъ онъ не былъ сюда!

лелio. Графъ Сильвіо Теллезъ, маркизъ де-Гуэскаръ.

пачеко. Наконецъ!

фернандо. Красавецъ, Сильвіо!... (*въ-сторону, смотря на Стеллу*). Она неподвижна.... (*въ-слухъ*). Добро жаловать! я помню, что мы вмѣстѣ надѣли въ первый разъ мечи... Привѣтъ и дружба тебѣ, Сильвіо... Твою руку! (*Идетъ къ нему*).

сильвіо (*не подавая руки*). Здравствуйте, маркизъ де-Вильяфлоръ.

фернандо. Какъ! мнѣ такое холодное привѣтствіе?.. Ты не хочешь дать мнѣ своей руки, Сильвіо!.. (*Въ-сторону*). Какъ она блѣдна!

сильвіо. Хотя вы насъ созвали сюда на праздникъ, для удовольствій и веселья, но кажется, маркизъ де-Вильяфлоръ, мы можемъ обойтись безъ этихъ пустыхъ изъявленій ребяческой дружбы нашихъ юныхъ лѣтъ.

фернандо. Какъ вамъ угодно, маркизъ де-Гуэскаръ; и если все между нами должно происходить въ формахъ этикета, то дайте же мнѣ руку, какъ гость, который переступилъ порогъ моего дома.

сильвіо. Извольте, вотъ моя рука!

фернандо (*подводя его къ Стеллѣ*). Теперь позвольте представить васъ царицу нашего праздника.... Донъ Сильвіо — маркиза Вильяфлоръ!

сильвіо (*холодно.*) Мой привѣтъ маркизѣ де-Вильяфлоръ.

стелла (*также*). Мой привѣтъ маркизу де Гуэскаръ.

фернандо (*въ-сторону*). Оба хладнокровны!.. но, можетъ быть, они пересиливаютъ свою горесть. (*Въ-слухъ*). Сеньоры, слышите, праздникъ ожидаетъ васъ; благоволите почтить его своимъ участіемъ. Великолѣпіемъ своимъ онъ будетъ обязанъ знатности гостей, и ваше веселье сдѣластъ его счастливѣйшимъ праздникомъ, какой когда-либо видѣла Мурсія. (*Всѣ удаляются медленно*):

сильвіо (*тихо Бенедикту*). Она не содрогнулась.

БЕНЕДИКТЪ (*также*). Поглядите на нее, — видите, какъ, она страдаетъ.

СИЛЬВІО (*тихо*). Угрызенія совѣсти столькожъ мучительны, какъ само отчаяніе.

БЕНЕДИКТЪ (*также*). О! Франсеска говорила правду, она невинна.

СИЛЬВІО (*тихо*). Виновна или невинна она, но она должна быть моею. Вели нашимъ быть на-готовѣ.

БЕНЕДИКТЪ (*также*). Будьте осторожны!

СИЛЬВІО (*тихо*). Помни только, что если я не возвращусь, и не отвѣчу на условный сигналъ, то ты отправишься въ Гуэскаръ.

БЕНЕДИКТЪ (*тихо*). Какъ! что такое, сеньоръ?..

СИЛЬВІО. Я такъ хочу.

ФЕРНАНДО. Донъ Сильвіо, вы сейчасъ говорили, что мы собрались сюда на праздникъ и веселье... Родъ моихъ гостей долженъ-бы напомнить вамъ, что теперь не время и не мѣсто разговаривать потихоньку съ этимъ пѣвцомъ, котораго я теперь узнаю.

СИЛЬВІО. А что-же, Вильяфлоръ? но пѣвецъ по моему также необходимъ на праздникѣ, какъ шпага въ битвѣ!.. И вотъ онъ сейчасъ подалъ мнѣ совѣтъ, съ которымъ вы, по-крайней-мѣрѣ, сами согласитесь.

ФЕРНАНДО. Незабудьте, что здѣсь я не одинъ васъ слушаю!

СИЛЬВІО. Я никого не забываю, Вильяфлоръ, говорю для всѣхъ, и если ты позволишь мнѣ продолжать, то отвѣчаю за вниманіе всѣхъ и каждаго.

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). Что онъ говоритъ!

ФЕРНАНДО (*про себя*). Она вздрогнула!.. (*въ-слухъ*). Продолжай, Сильвіо; мнѣ всего пріятнѣе видѣть тебя такимъ веселымъ.

СИЛЬВІО. Такъ вотъ что говорилъ мнѣ мой пѣвецъ: «Къ чему пускаться въ эти длинныя разсужденія и объясненія, къ чему растравлять ненависть враговъ; къ чему эти вѣчныя повторенія разсказовъ о кровавыхъ спорахъ Пачеко и Теллезовъ; разскажи-ка имъ лучше ту повѣсть, въ стихахъ, въ которой говорится, какимъ образомъ можно наконецъ покончить кровавый раздоръ и вѣчную ссору самыхъ непримиримыхъ враговъ.»

ФЕРНАНДО. Дай Богъ, чтобъ эти стихи имѣли на гостей моихъ такое-жъ вліяніе, какъ на тебя. Пожалуйте, сеньоры, пожалуйте сюда: маркизъ де-Гуэскаръ обѣщаетъ намъ веселую балладу, полнехоньку полезныхъ уроковъ о забвеніи всего прошлаго... Пожалуйте.

(*Вельможи сходятся и садятся вокругъ Сильвіо*).

СИЛЬВІО. Такъ ты хочешь, чтобъ я пѣлъ ее при всѣхъ?

ФЕРНАНДО. Почему–жъ не при нихъ, коли можно при насъ?

СИЛЬВІО (*въ-сторону*). Нѣтъ, это будетъ жестоко!

ФЕРНАНДО. Или ты боишься намъ это сказать?

СИЛЬВІО (*громко*). Я! нѣтъ, Вильяфлоръ; коли ты хочешь, я готовъ. (*Тихо Бенедикту*). А ты, какъ скоро я подамъ знакъ, поѣзжай, да не забудь моего приказанія.

ФЕРНАНДО (*въ-сторону*). Онъ хочетъ уйдти, а Фаустусъ уже отправился... надо наблюсти за ними! (*Громко*) Ну, маркизъ! мыждемъ этой пѣсни, которой ты, вѣрно, выучился недавно?

СИЛЬВІО. Ее пѣли въ первый разъ, нѣсколько дней тому назадъ, у прелестницы Корнеліи.

(*Общее выраженіе удивленія*).

СТЕЛЛА (*также съ удивленіемъ*). У прелестницы!

ФЕРНАНДО (*въ-сторону*). У Корнеліи! О! проклятіе!

ПАЧЕКО (*тихо Стеллѣ*). Ты захотѣла остаться, Стелла, теперь должна слушать.

СИЛЬВІО. У Корнеліи, красавицы Корнеліи... которая сама, говорятъ, подала мысль этой пѣсни поэту.

ФЕРНАНДО. Можетъ-быть, и ты ей въ этомъ помогъ?

СИЛЬВІО. Можетъ-быть... Какъ-бы то ни было, а исторія странная. Мнѣ не разсказать ее съ такой прелестью, какъ разсказалъ-бы ты, маркизъ, ты, славный своими веселыми разсказами... но постараюсь, чтобъ она вамъ понравилась.

ФЕРНАНДО. И я, съ своей стороны, помогу тебѣ, можетъ-быть... ее разсказывать.

СИЛЬВІО. Слушайте-же!

Два дома жили въ Мурсіи давно,
Непримиримою враждой горя равно,
Подъ скиптромъ Генрика, который слабъ и страненъ
Въ коронѣ былъ. Дома тѣ съ давнихъ дней
Другъ друга ненавидѣли сильнѣй,
Чѣмъ ненавидитъ Мавра Христіанинъ,
И тигръ коварный льва, царя звѣрей.

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). Боже мой! что такое онъ хочетъ сказать?..

ПАЧЕКО (*тихо Стеллѣ*). Ты сама хотѣла... но я щажу тебя!... (*Громко*). Довольно, Сильвіо, этотъ фигляръ уже пѣлъ намъ твою исторію

СИЛЬВІО. Но та была совсѣмъ другая, сеньоръ!

ФЕРНАНДО. Позвольте ему продолжать, Пачеко, я не слыхалъ ея!

СИЛЬВІО. Продолжаю...

Зачтò-же тѣ домà другъ къ другу
Враждой пылали день и ночь
За оскорбленную-ль супругу,
За обольщенную-ли дочь?
Изъ-за такой пустой причины
Они не стали-бъ крови лить,
Отецъ не завѣщалъ-бы сыну
У двери гроба – вѣчно мстить.
Нѣтъ! предки ихъ, поссорясь въ храмѣ
За мѣсто—въ той кровавой драмѣ
Всѣ пали, въ битвахъ, средь мечей,
И черезъ двѣсти лѣтъ за то-же,
Всю жалость въ сердцѣ уничтожа,
Дрались дѣти ихъ дѣтей.

СТЕЛЛА (*въ-сторону*) Боже мой! что-жъ у него за намѣреніе?..
ПАЧЕКО (*въ-сторону*). О! Фаустусъ, долго мѣшкаешь!
ФЕРНАНДО. Да, продолжай-же; смотри, съ какимъ вниманіемъ тебя слушаютъ.
СИЛЬВІО.

Но властелинъ сердецъ могучій,
Кому покоренъ цѣлый свѣтъ,
Природы сынъ и царь созвучій,
Рабъ бѣдности и царь побѣдъ,
На пламя ненависти вѣчной
Пахнулъ съ насмѣшкою крыломъ,
И страсти тайной и сердечной
Развилъ нежданно искру въ немъ.

СТЕЛЛА (*въ-сторону*). О! силы... силы подай мнѣ, Боже!
ПАЧЕКО (*тихо Стеллѣ*). Терпѣніе! срокъ близокъ.
СИЛЬВІО.

Въ два сердца чистыя та искра заронилась.
Одно изъ нихъ тогда любовью вдругъ забилось
Въ груди красавицы невинной и простой.

СТЕЛЛА (*съ испугомъ*). О, Боже!
ПАЧЕКО (*тихо Стеллѣ*). Молчи!
СИЛЬВІО.

Другое юношу терзаньемъ истомило,
Чья грудь всегда одни опасности любила —
Войну и грозный бой.

ФЕРНАНДО. Ты знаешь этого героя?

СИЛЬВІО. Я тебѣ назову его по-имени, только слушай дальше...
СТЕЛЛА (*тихо Пачеку*). Сжальтесь, батюшка!.. уведите меня!
ПАЧЕКО (*тихо Стелль*). Постой!.. постой!..
СИЛЬВІО.

Но ихъ любовь ждала признанья
И случай ихъ соединилъ,
И между ними часъ свиданья
Условленъ очень-скоро былъ.

СТЕЛЛА (*тихо съ ужасомъ*). Довольно!
ПАЧЕКО (*тихо, Стелль*). Молчи! Мужайся!
СИЛЬВІО.

Но въ томъ-же городѣ отважный
И гордый caballero жилъ;
Съ душею низкой и продажной,
Въ распутствѣ дни онъ проводилъ.

Не знаешь-ли ты его, Вильяфлоръ?
ФЕРНАНДО. Я напишу его имя на твоемъ сердцѣ.
СИЛЬВІО.

Успѣлъ-ли онъ плѣнить красавицу младую,

СТЕЛЛА (*по-прежнему, съ ужасомъ*). О!
СИЛЬВІО.

Иль адской хитростью дуэнью подкупную
Онъ обмануть умѣлъ,
Но въ часъ свиданія на томъ-же самомъ мѣстѣ
Явиться онъ успѣлъ—
И два врага сошлися вмѣстѣ.

СТЕЛЛА (*съ отчаяніемъ*). О! велите ему замолчать, батюшка!. велите ему замолчать!
ПАЧЕКО (*въ-сторону*). Фаустусъ... Фаустусъ, придешь-ли ты когда-нибудь?
СИЛЬВІО.

О, для чегожъ она такъ умоляла,
Чтобъ до зари ее оставилъ онъ?
За тѣмъ, что въ тоже время ожидала
Она другаго!..... .

СТЕЛЛА (*вставъ и подходя къ Сильвіо*). О ужасъ!.. и это говоритъ Сильвіо!.. Позоръ тебѣ!

ПАЧЕКО (*удерживая Стеллу*). Да что̀ съ вами, Стелла? Это исторія, вымышленная для забавы, и графъ Теллезъ чудесно ее разсказываетъ... Доканчивайте.

ФЕРНАНДО. Нѣтъ, сеньоръ, видите, что онъ самъ не знаетъ этой исторіи; по-его выходитъ, будто красавица ждала послѣ любовника волокиту... Ты лжешь, Сильвіо... одинъ я проводилъ ту ночь въ спальнѣ дочери Пачеко... (*Бѣжитъ въ глубину сцены и кличетъ*) Леліо!

(*На-минуту скрывается*).

СИЛЬВІО. Ложь!

СТЕЛЛА (*въ отчаяніи*). О! кто-жъ избавитъ меня отъ столькихъ оскорбленій?

СИЛЬВІО (*подходя къ Стеллѣ*). Я, Стелла!.. Стелла, я пришолъ сюда не затѣмъ, чтобъ только оскорблять тебя, но чтобы вырвать тебя изъ-рукъ этого человѣка, изъ рукъ отца, который тобою пожертвовалъ своей лютой ненависти, своей ненасытной гордости... Пойдемъ со мною!..

ПАЧЕКО (*становясь промежъ Стеллою и Сильвіо*). Развѣ ты забылъ, что она моя дочь!

СИЛЬВІО. А ты развѣ забылъ, что не другой кто, а Теллезъ поклялся вырвать ее изъ твоихъ рукъ?.. Не для того рѣшился я на эту тяжкую пытку, чтобъ не получить Стеллы... Всѣ, кто ставляетъ себѣ за честь быть преданъ Теллезамъ, окружаютъ этотъ домъ... Сюда!

ПАЧЕКО. Сюда, солдаты!

(*На ихъ восклицанія сбѣгаются воины той и другой партіи*).

СИЛЬВІО. Прочь всѣ! Вы мои плѣнники, и Стелла моя.

(*Всѣ обнажаютъ шпаги*).

ПАЧЕКО (*слыша звуки роговъ*). Слышишь, Фаустусъ пріѣхалъ. Ты подумалъ, Теллезъ, что я явился сюда протянуть тебѣ руку, какъ другу. Домъ занятъ моими воинами... Вы теперь мои плѣнники, и я беру свою дочь къ себѣ.

ФЕРНАНДО (*появляясь въ глубинѣ сцены, со шпагою въ рукѣ*). Маркиза де-Вильяфлоръ не принадлежитъ никому, кромѣ ея супруга, а гдѣ хозяиномъ донъ Фернандо де-Вильяфлоръ, тамъ нѣтъ другихъ господъ... Замокъ запертъ... рѣшотки подняты... по стѣнамъ разставлены солдаты... Ни Пачекамъ, ни Теллезамъ не войдти сюда, и я рѣшаю вашу участь.

ПАЧЕКО. Проклятіе!

СИЛЬВІО. Измѣна!

ФЕРНАНДО. Молчать!.. Всѣ вы измѣнили своимъ клятвамъ... развратникъ, котораго вы презираете, сейчасъ покажетъ вамъ, какъ держутъ слово и какъ защищаютъ женщину.

—

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ комнату съ каменными стѣнами. — Въ глубинѣ сцены окно съ рѣшоткою; по обѣимъ сторонамъ окна двери. — По бокамъ залы, на-право и на-лѣво отъ зрителей, также двери. — На-лѣво сѣдалище.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПАЧЕКО, СИЛЬВІО, ЛЕЛІО, потомъ донъ-ФЕРНАНДО.

(*При поднятіи занавѣса, на сценѣ ночь; Пачеко одинъ въ комнатѣ.*)

ЛЕЛІО (*входитъ въ дверь, что подлѣ окна на-право отъ дверей*). Пожалуйте, сеньоръ.

СИЛЬВІО (*окруженный стражею, останавливаясь на порогѣ*). Куда вы еще ведете меня?.. Или комната, гдѣ я былъ заключенъ, показалась недовольно-надежною волѣ маркиза? Такъ въ этой-то тюрьмѣ надѣется твой господинъ долго продержать Сильвіо Телльеза?

ЛЕЛІО. Пожалуйте, сеньоръ; здѣсь мой господинъ, вѣроятно, скажетъ вамъ, что онъ рѣшилъ съ вами дѣлать.

(*Остается въ глубинѣ сцены*).

СИЛЬВІО (*входя*). Что рѣшилъ со мною дѣлать?.. Давай сюда твоего господина, — я жду его!

ПАЧЕКО. Кто-то вошолъ!

(*Дверь на-лѣво отъ окна тихо растворяется. Является Вильяфлоръ*).

ФЕРНАНДО (*тихо къ Лелію*). Хорошо; ступай, Леліо. Дай Богъ

мнѣ найдти въ ихъ сердцахъ иное, чѣмъ слѣпую и непреклонную ненависть!

(*Леліо уходитъ, а Фернандо остается въ глубинѣ комнаты*).

ПАЧЕКО (*идя въ потьмахъ*). Кто тутъ?

СИЛЬВІО. Что́ за голосъ... Пачеко!..

ПАЧЕКО (*подходя къ Сильвіо*). Сильвіо Теллезъ... а я безоруженъ!

СИЛЬВІО. Зять твой догадливъ, онъ и у меня отнялъ шпагу.

ПАЧЕКО. Сильвіо Теллезъ со мною въ темницѣ... и Вильяфлоръ прислалъ тебя!.. О! горе ему и проклятіе! онъ дорого заплатитъ за эту обиду!

СИЛЬВІО. Да ты ее простишь ему, потому-что онъ позаботится купить твое прощеніе, избавивши тебя отъ врага, котораго ты былъ безсиленъ сокрушить.

ПАЧЕКО. Если Вильяфлоръ хочетъ, чтобъ я простилъ ему, пусть принесетъ намъ оружіе, и тогда я поблагодарю его, что наконецъ онъ поставилъ насъ лицомъ къ лицу.

СИЛЬВІО. Ахъ! если-бъ онъ далъ намъ оружіе, не на тебя-бъ я поднялъ это оружіе, Пачеко.

ПАЧЕКО. Кого-жъ это ненавидишь ты еще больше меня?

СИЛЬВІО. Его, его!.. его растерзалъ-бы я зубами, ногами-бъ растопталъ, если-бъ онъ мнѣ попался!

ПАЧЕКО. Хорошо! коли точно ты его такъ ненавидишь, обѣщаю тебѣ его смерть, лишь-бы она довела меня до тебя.

ФЕРНАНДО (*выступивъ впередъ*). Здравствуйте, господа!

СИЛЬВІО и ПАЧЕКО. Маркизъ!

ФЕРНАНДО (*подходя къ Сильвіо и Пачеко*). Право! вотъ ужъ я и убитъ навѣрное, коли не тобою, такъ имъ; коли не имъ, такъ тобою... Одно забыли вы, господа, то́, что вы мои плѣнники. Ну, да это мимо: намъ надо расчесться кровью, а для этого всѣмъ троимъ намъ необходимо видѣть ясно другъ друга въ лицо... Эй! освѣтить эту комнату! (*Приносятъ факелы и ставятъ ихъ въ огромные желѣзные подсвѣчники. Вильяфлоръ, между-тѣмъ, неподвижно разсматриваетъ комнату, гдѣ находится.—Обращаясь самъ къ себѣ*): Десять лѣтъ не былъ я въ этой комнатѣ, полной горькихъ воспоминаній!.. (*Громко*) Отворите окно, дайте намъ дохнуть свѣжимъ воздухомъ; воздухъ небесный успокоиваетъ голову и сердце, а мнѣ нужно спокойствіе.

(*Окно отворяютъ; онъ смотритъ въ него*).

СИЛЬВІО. Мы ждемъ тебя, маркизъ де-Вильяфлоръ.

ПАЧЕКО. На что́ ты тамъ глядишь, донъ Фернандо?

ФЕРНАНДО. Я вамъ сейчасъ скажу,.. Пачеко, четыреста удальцовъ, которыхъ Фаустусъ держалъ въ засадѣ, чтобъ аттаковать и истребить Теллезовъ съ товарищами, стоятъ лагеремъ промежъ стѣнами города и моимъ за́мкомъ; я узнаю этихъ разбойниковъ по огнямъ, разложеннымъ какъ-попало на равнинѣ, по крикамъ, слышнымъ отсюда: они тебя не оставили.

ПАЧЕКО (*подходя къ окну*). Точно, они... (*Сильвіо*). Кто сражался за донъ Педро, тотъ знаетъ, ка́къ храбры эти люди.

ФЕРНАНДО (*продолжая смотрѣть въ окно*). Но дальше, влѣво, подлѣ аббатства Пустыни, я вижу бѣлые плащи... Понимаешь, Сильвіо Теллезъ?.. Я вижу отрядъ кочевыхъ Мавровъ, которые служатъ всякому, кто ихъ наймете. Во-главѣ ихъ Бенедиктъ... Сильвіо! ты обѣщалъ этимъ невѣрнымъ пролитіе испанской крови, и они терпѣливо ждутъ.

СИЛЬВІО. Ну что́-жъ! пусть они подложатъ огня подъ стѣны твоего за́мка, чтобъ мы съ тобою погибли тутъ вмѣстѣ... я буду доволенъ ихъ службою.

ПАЧЕКО. Пусть-бы и мои удальцы подсобили имъ въ этомъ дѣлѣ смерти, если только вы оба погибнете вмѣстѣ со мною!

ФЕРНАНДО. Коли ваше желаніе таково, намъ мудрено согласиться другъ съ другомъ... Къ-счастію, тигры въ клѣткѣ; настала пора выучить ихъ повиновенію.

СИЛЬВІО. Говори-же, да поскорѣе... все-равно смерть-ли, свободу-ли ты мнѣ принесъ!

ПАЧЕКО. Кажется, ужъ и-то я тебя долго слушаю!

ФЕРНАНДО. Хорошо! но прежде нежели я что-нибудь скажу, отвѣчайте мнѣ, отвѣчайте безъ пустыхъ угрозъ, такъ, какъ я съ вами говорю. Твердо-ль вы увѣрены, тотъ и другой, что я не уклонюсь ни отъ какого боя, на который вамъ когда-нибудь вздумается меня позвать?

СИЛЬВІО. Ты, Вильяфлоръ?

ПАЧЕКО. О! конечно, не уклонишься!

ФЕРНАНДО. Хорошо! такъ прежде того роковаго часа, слѣдуйте жъ вы за мною на бой, куда я васъ теперь зову.

СИЛЬВІО (*съ радостью*). На бой съ тобою?

ПАЧЕКО (*съ удивленіемъ*). Съ тобою?

ФЕРНАНДО. Съ врагами Испаніи! Уже два года Абдъ-эль-Романъ, съ вершины своихъ кордуанскихъ минаретовъ, зоркимъ глазомъ сторожитъ богатыя Костиліи, которыя мы такъ нескоро успѣли отнять у него. Прижавшись за своими неприступными стѣнами, тигръ выжидаетъ поры, когда, утомленные спокойствіемъ побѣды, бла-

городные Испанцы вновь поднимутъ у себя междоусобную войну. Когда-жъ ударитъ эта пора, онъ кинется въ схватку нашихъ враждующихъ партій, закрадется въ наши раздоры, и явится въ наши города водружать знамя Магомета на колокольняхъ нашихъ церквей.

ПАЧЕКО. Если ты въ состояніи столько забыть обиду этого Теллеза, чтобъ идти къ одной съ нимъ славѣ и подъ однимъ знаменемъ, ступай съ нимъ, маркизъ де-Вильяфлоръ... я послѣдую за обоими вами, но такъ какъ левъ, слѣдящій за добычею.

ФЕРНАНДО. А ты что̀ отвѣтишь, маркизъ де-Гуэскаръ?

СИЛЬВІО. Тоже, что̀ Пачеко .. Мнѣ не кажется возможнымъ, чтобъ маркизъ де-Вильяфлоръ и Сильвіо Теллезъ оба держали шпаги въ рукахъ и обратили ихъ на кого-нибудь, кромѣ какъ другъ на друга.

ФЕРНАНДО. Такъ значитъ, вы мало уважаете самихъ себя, коли такъ много дорожите презрѣніемъ другихъ?.. Значитъ, вамъ нуженъ минутный порывъ гнѣва для отмщенія вашихъ обидъ, коли вы не можете ихъ отложить до срока спасенія отечества?

ПАЧЕКО. Отечества!

ФЕРНАНДО. Неужели-же ты думалъ, Сильвіо Теллезъ, что оскорбленіе, которое ты нанесъ мнѣ вчера, приму я равнодушно, не жаждая послѣдней капли твоей крови?.. неужели-же ты думалъ, что мы можемъ ужиться на одной съ тобою землѣ?

СИЛЬВІО. Хорошо! такъ вели дать мнѣ шпагу, если ты помнишь, что есть обиды, которыя смываются только кровью.

ФЕРНАНДО. Сильвіо, ты въ моей власти .. Я могу снова запереть темницу, которую вызываюсь отворить тебѣ; могу обременить оковами руку, которую хочу вооружить; могу оставить тебя пожирать во мракѣ тюрьмы твою безсильную и безплодную вражду.

СИЛЬВІО. Дѣлай, что̀ можешь; я дождусь поры, когда она выйдетъ изъ темницы могучѣе и неумолимѣе прежняго.

ФЕРНАНДО. И ты не понялъ, что вмѣсто позорныхъ оковъ я налагалъ на тебя священныя узы. . что вмѣсто того, чтобъ заключить твою месть въ мрачной темницѣ, я давалъ ей темницею поле сраженія!.. Ты не понялъ, что вмѣсто того, чтобъ заставить тебя ждать, когда никакое усиліе не можетъ ускорить для тебя мгновенія свободы, часа встрѣчи со мною, я предлагалъ тебѣ благородный случай побѣдою ускорить свободу родной страны и часъ, когда мы могли-бъ сразиться безъ сожалѣній, безъ раскаянія, спокойные въ своей враждѣ, вольные передъ отечествомъ... Ты этого не понялъ... Ахъ! неужели вы, ни тотъ, ни другой, не стоите чести, которую хотѣлъ я оказать вамъ обоимъ?

ПАЧЕКО. О! если ты это такъ разумѣешь, Вильяфлоръ, то я твой, да и ты самъ, Сильвіо, долженъ быть нашимъ. Давай! очистимъ поле сраженія, и до-тѣхъ-поръ, пока будемъ въ-правѣ сойдтись на немъ, мы можемъ еще мѣрять свою вражду великостью подвиговъ противъ непріятелей Испаніи!

ФЕРНАНДО. О! я былъ увѣренъ, что ты можешь меня понять, Пачеко... А ты что̀ скажешь маркизъ, де-Гуэскаръ?

СИЛЬВІО. Вильяфлоръ, вели приготовить самыя тяжолыя оковы, отпереть самую мрачную твою темницу.

(*Молчаніе*).

ФЕРНАНДО. Сильвіо Теллезъ... обдумалъ-ли ты свои слова?

СИЛЬВІО. Я жду.

ФЕРНАНДО. Тебѣ не долго ждать... (*Отворяетъ боковую дверь, направо*). Погляди на порогъ.

ПАЧЕКО (*подойдя*). Тутъ кровь!

СИЛЬВІО. Кровь!

ФЕРНАНДО (*Сильвіо*). И я скажу тебѣ, что̀ это за кровь... Не ты первый покушался словами запятнать честь женщины. Одинъ мужчина дерзнулъ похвастаться, подобно тебѣ, будто владѣлъ любовью одной изъ Вильяфлоръ... Тутъ стоялъ онъ, когда произнесъ эти слова, и кинжалъ Вильяфлора повергъ его бездыханнымъ на мѣстѣ!

СИЛЬВІО. А послѣ?

ФЕРНАНДО. Какъ трупъ нечестивца надо было убрать, то его стащили въ эту комнату, гдѣ ты сейчасъ будешь, и потомъ заперли дверь, которая десять лѣтъ не запиралась.

СИЛЬВІО. Ужасно!... но его заперли мертваго!

ФЕРНАНДО. А тебя сейчасъ запрутъ живаго.

ПАЧЕКО. Но что́-жъ у тебя за намѣреніе?

СИЛЬВІО. Не можешь-ли ты меня убить поблагороднѣе? и неужели твоей враждѣ нужны му́ки голода?

ПАЧЕКО. Но я не этого хочу; не это нужно моему мщенію!

ФЕРНАНДО (*подбѣгая къ Сильвіо*). Муки голода!... Здѣсь въ домѣ есть женщина, которая цѣлую недѣлю терпѣла эти муки, чтобъ остаться вѣрною тебѣ,—и ты вытерпишь ихъ до-смерти въ наказаніе за оскорбленіе этой женщины!

СИЛЬВІО (*дѣлая шагъ войдти въ тюрьму*). Что̀ ты сказалъ... Стелла...

ФЕРНАНДО. И когда дверь затворится за тобою, проси Бога послать тебѣ руку отпереть эту дверь.

(*На дворѣ слышенъ звукъ гитары*).

сильвіо (*съ радостію*). А! Бенедиктъ!

пачеко. Вспомни, что этотъ сигналъ даетъ, можетъ-быть, тебѣ послѣднее средство спасенія.

сильвіо. Можетъ-быть?...

пачеко. Вспомни, что тебѣ уже нельзя на него отвѣчать!

фернандо. Пусть онъ отвѣчаетъ, если хочетъ, Пачеко. Послушай, Сильвіо, твой оруженосецъ у подножія этой башни. Говори съ нимъ, что хочешь, подавай ему какіе хочешь знаки; если этакъ ты надѣешься вырваться изъ моихъ рукъ... пусть надежда сопутствуетъ тебѣ въ эту могилу.

сильвіо (*идя къ двери, отворенной Фернандомъ*). Нѣтъ, нѣтъ, Вильяфлоръ... не хочу ничего отъ тебя... Пусть запирается за мною дверь, и трепещите вы оба, чтобъ не поднялась на васъ рука, которая отворитъ мою темницу.

(*Входитъ въ тюрьму и сильно захлопываетъ за собою дверь*).

пачеко. А! въ тебѣ нѣтъ ничего, кромѣ ненависти!... Хорошоже! пусть будетъ по твоему, Сильвіо, и клянусь тебѣ, что не руки твоихъ друзей отворятъ эту дверь.

ЯВЛЕВІЕ II.

Фернандо, Стелла и Пачеко.

стелла (*подбѣгая къ глубинѣ сцены, къ двери на-право*). Такъ мои руки!

фернандо. Ваши, сударыня!

пачеко. Ваши, маркиза де-Вильяфлоръ!... Ха! еслибъ онъ поругался только надъ вашимъ отцомъ, оскорбилъ-бы одного только вашего супруга, я-бъ еще понялъ жалость сердца, заблудшаго отъ любви; но онъ опозорилъ твоего отца... твой родъ! Значитъ, въ тебѣ не остается ни гордости, ни уваженія къ своему имени, что ты прощаешь обиду, которою обезчестилъ онъ всѣхъ насъ вмѣстѣ съ тобою?

стелла. Батюшка, прежде чѣмъ еще разъ осуждать меня, прежде чѣмъ принимать новое пагубное рѣшеніе... подождите одинъ часъ, и вы узнаете, можетъ-быть, что сердце дочери вашей твердо не противъ горя только, что оно умѣетъ жертвовать не одной только жизнью.

пачеко. Не мнѣ принадлежитъ право располагать вашей участью: оставьте меня!

стелла. Батюшка!

ПАЧЕКО. Пусть Вильяфлоръ слушаетъ васъ, мнѣ слишкомъ-больно васъ выслушивать.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

СТЕЛЛА и ФЕРНАНДО.

ФЕРНАНДО. Разслушалъ-ли я васъ, сударыня? вы сказали, что ваша рука отопретъ эту дверь?

СТЕЛЛА. Да, моя рука; потому-что у насъ съ вами, маркизъ де-Вильяфлоръ, также есть страшный разсчотъ!

ФЕРНАНДО. Правда!

СТЕЛЛА. За зло, которое вы сдѣлали намъ съ нимъ... я, можетъ-быть, имѣю право требовать отъ васъ жизни и свободы маркиза де-Гуэскара.

ФЕРНАНДО. Сейчасъ я предлагалъ ихъ ему.

СТЕЛЛА. Знаю!

ФЕРНАНДО. Онъ отказался принять.

СТЕЛЛА. Отъ васъ!

ФЕРНАНДО. А вы меня столько презираете, что думаете, будто я въ состояніи предложить ихъ отъ чьего-нибудь другаго имени?

СТЕЛЛА. Я столько васъ уважаю, что думаю, вы-бъ теперь были на его мѣстѣ, еслибъ онъ былъ на вашемъ.

ФЕРНАНДО. Что́ вы осмѣлились сказать?

СТЕЛЛА. Что вы не приняли-бъ отъ него ни пощады, ни состраданія, ни милости... что вы-бъ охотнѣе умерли, нежели дали ему честь спасти васъ.

ФЕРНАНДО. Справедливо!

СТЕЛЛА. А если такъ, Вильяфлоръ, то значитъ шуткою была эта любовь къ отечеству, во-имя которой вы хотѣли навязать ему ваше благодѣяніе?

ФЕРНАНДО. Нѣтъ, Стелла, но, можетъ-быть, слѣдуя примѣру, который онъ мнѣ подаетъ, я принесъ-бы его въ жертву моей ненависти.

СТЕЛЛА. Это самое вы сдѣлаете, если откажете въ пощадѣ Теллеса той, отъ кого онъ согласится принять пощаду.

ФЕРНАНДО. Отъ той, кого онъ любитъ, и кѣмъ любимъ!..

СТЕЛЛА. Если любовь эта преступленіе, кто-же въ немъ виноватъ изъ насъ съ вами, сеньоръ?

ФЕРНАНДО (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Вы правы, Стелла, и если первое движеніе моего сердца показалось вамъ несогласнымъ

съ вашими желаніями... это потому, что мнѣ досадно было на васъ, зачѣмъ вы не дали мнѣ срока самому предоставить вамъ спасеніе Теллеза.

СТЕЛЛА. Пришедши къ вамъ просить объ этомъ спасеніи... надѣюсь, я показала, сеньоръ, что считаю васъ великодушнымъ.

ФЕРНАНДО. Да, не-смотря на мою вину передъ вами... я великодушенъ больше, чѣмъ вы думаете, сударыня.

СТЕЛЛА. О! мнѣ ненужно было знать васъ, чтобы понять, сколько добродѣтели потребно самому благородному сердцу, чтобы простить и забыть оскорбленіе.

ФЕРНАНДО. Повѣрьте, сударыня, для того, чья шпага никогда ему не измѣняла, забвеніе обиды есть нетрудная добродѣтель. Не въ томъ я великодушенъ.

СТЕЛЛА. Какое-жъ еще забвеніе разумѣете вы, сеньоръ?

ФЕРНАНДО. Стелла! когда, увлеченный безумной дерзостью, я захотѣлъ сдѣлаться вашимъ супругомъ во что́-бъ ни стало... признаюсь, ваша красота, ваша знатность, ваша непорочность, пуще всего льстили моему тщеславію, и въ надеждахъ моихъ я почти не считалъ вашей любви... Но съ-тѣхъ-поръ, когда увидѣлъ, какъ, щадя гордость отца, величаво и твердо пошли вы къ брачному алтарю, который желали обратить въ могилу... когда увидѣлъ, какъ въ этомъ замкѣ, подобно утопающему, ищущему жизни, искали вы смерти, которая постоянно бѣжала васъ, тогда я понялъ, какое сердце я оскорбилъ... какую душу растерзалъ... И когда узналъ я, что виною всей этой скорби была потерянная любовь .. о! тогда я почувствовалъ, что быть такъ любиму есть небесное блаженство; что такая любовь, какъ ваша, можетъ-быть наградою всякой доблести, вѣнцомъ всякой славы, вѣ́рхомъ всякаго честолюбія...

СТЕЛЛА. О! перестаньте, сеньоръ!

ФЕРНАНДО. Стелла! горе, горе, тому, кто заключенъ въ своемъ преступленіи, какъ въ желѣзной темницѣ... кто не можетъ уже выйдти оттуда, чтобы сказать той, которой жизнь онъ омрачилъ и которую любитъ, сказать за всѣ страданія, которыя ей навлекъ: «хочешь-ли славы? богатства? власти? я дамъ тебѣ все это за одну каплю твоей любви».

СТЕЛЛА. Вы не имѣли этой надежды, маркизъ де-Вильяфлоръ?

ФЕРНАНДО. Нѣтъ, Стелла, не имѣлъ: и вотъ почему я великодушенъ. Ибо тотъ, кто могъ вамъ все это говорить, тотъ, кого за это наградила ваша любовь... тотъ, чье желалъ-бы я изгладить существованіе, не только въ будущемъ, но и въ прошедшемъ... тотъ останется живъ, останется живъ, потому-что вы этого хотите....

останется живъ и любимъ вами... любимъ маркизою де-Вильяфлоръ...

СТЕЛЛА. Которая желала умереть, чтобъ вы не могли этимъ ея упрекать.

ФЕРНАНДО. И которая не пережила-бъ его смерти, не правда-ли?.. Вотъ вамъ ключъ... пусть онъ бѣжитъ... пусть я не знаю, что онъ такъ близко отъ меня... иначе я могу вспомнить, что онъ далъ мнѣ право убить его.

СТЕЛЛА. Вы сдѣлали-бы преступленіе!

ФЕРНАНДО. Ни слова больше... Поспѣшите... То, что я рѣшилъ сдѣлать для васъ, вспомнивши вашу горесть... можетъ-быть, у меня не достанетъ силъ сдѣлать того, при видѣ радости, какую внушаетъ вамъ надежда на его спасеніе... А пуще всего, чтобъ я не видалъ его больше... (*Указывая на боковую дверь съ-права*). Это дверь темницы... (*Указывая на боковую дверь съ-лѣва*). Эта проведетъ его къ друзьямъ, которые его ожидаютъ... Пусть онъ идетъ, пусть провожаютъ его ваши молитвы и ваша любовь... Ступайте вы сами съ нимъ... если угодно... Едва-ль не легче будетъ моей ревности переносить его счастіе, чѣмъ ваше отчаяніе.

(*Уходитъ*).

СТЕЛЛА (*одна*). О! ошибаешься, маркизъ Вильяфлоръ... Ты могъ сдѣлать меня несчастнѣйшей изъ женщинъ, но не сдѣлаешь преступной супругою.

ЯВЛЕНІЕ IV.

СТЕЛЛА, СИЛЬВІО.

СТЕЛЛА (*отпирая дверь тюрьмы, гдѣ заключенъ Сильвіо*). Сильвіо! Сильвіо!

СИЛЬВІО (*выходитъ изъ тюрьмы*). О! кто избавляетъ меня отъ этой могилы?

СТЕЛЛА. Я, Сильвіо, я, Стелла!

СИЛЬВІО (*съ ужасомъ, не видя Стеллу*). Ты, Стелла!

СТЕЛЛА (*подходя къ Сильвіо*). Да, Сильвіо, я; теперь тебѣ надо бѣжать... бѣги скорѣе!

СИЛЬВІО (*по-прежнему съ ужасомъ*). О! поди-же сюда! поди сюда! убѣжимъ изъ этого страшнаго мѣста; еще мнѣ чудится, будто слышу, какъ хрустятъ подъ моими ногами сухія кости любовника маркизы де-Вильяфлоръ.

СТЕЛЛА. Что ты говоришь?

сильвіо. О! я считалъ себя тверже духомъ противъ темницы... Но къ чему этотъ глупый страхъ! .. Я возвращаюсь на свѣтъ, къ жизни... Бѣжимъ отсюда! бѣжимъ!

стелла (*указывая на боковую дверь на-лѣво*). Эта дверь проведетъ тебя къ твоимъ друзьямъ.

сильвіо. Да, пора мнѣ быть съ ними... день настаетъ... а я не отвѣчалъ на знакъ Бенедикта.

стелла (*подавая ему ключъ*). Вотъ ключъ отъ двери!

сильвіо (*беретъ ключъ и идетъ отпирать дверь*). Хорошо, спѣши-же... Пойдемъ!

стелла. Прощай, Сильвіо... да хранитъ тебѣ Господь жизнь долгую и славную, да подкрѣпитъ онъ меня въ то краткое время, которое мнѣ еще остается страдать здѣсь долу.

сильвіо (*возвращаясь къ Стеллѣ*). Что̀ ты такое говоришь, Стелла?

стелла. Прощай, Сильвіо!

сильвіо. Вѣрно, я тебя худо понялъ; пойдемъ-же, пойдемъ со мною!

(*Силится увлечь ее за собою*).

стелла (*отнимая у него руку*). Ты этого не ждалъ?

сильвіо (*съ изумленіемъ*). Зачѣмъ-же ты очутилась тутъ?

стелла. Пришла избавить тебя отъ темницы.

сильвіо. На-что̀?

стелла. На то̀, чтобъ возвратить тебѣ твою свободу... твою жизнь.

сильвіо. Мою свободу... но она есть ты... мою жизнь... но она есть ты...

стелла. Несчастіе теперь нашъ неразлучный спутникъ, Сильвіо... Съумѣемъ-же принять его благородно, пока оно покинетъ насъ вмѣстѣ съ жизнью.

сильвіо. Право, Стелла... я не знаю, что̀ тебѣ сказать... ка̀къ съ тобою говорить... Ты велишь мнѣ бѣжать, оставить тебя здѣсь, оставить тебя умереть одну... ка̀къ, ты ужъ и хотѣла это сдѣлать... О! ты требуешь отъ меня низости, преступленія!

стелла (*страстно*). Ничего! ступай... я буду жить... обѣщаю тебѣ жить.

сильвіо. Такъ опять я оставлю тебя въ рукахъ Вильяфлора?.. а что̀ будетъ со мною при этой мысли?

стелла. А что̀ со мною будетъ, если я пойду за тобою? Какимъ именемъ меня назовутъ, меня, которая запятнала честь отца, и которая повлечетъ вслѣдъ за тобою имя супруга!

сильвіо (*иронически*). Имя супруга?... Хорошо! пусть по-тво-

ему, Стелла... ты не измѣнишь чести этого имени, столько драгоцѣннаго тебѣ; ты не послѣдуешь за мною въ моемъ бѣгствѣ... Я не выйду отсюда.

(*Садится*).

СТЕЛЛА (*подходя къ нему*). А если ты останешься. Сильвіо, на свѣтѣ будетъ имя еще позорнѣе моего: имя Теллеза!

СИЛЬВІО (*вскакивая*) Стелла!

СТЕЛЛА. Знаешь-ли ты, что я видѣла Бенедикта?

СИЛЬВІО. Великій Боже!

СТЕЛЛА. Знаешь-ли, что онъ признался мнѣ, какое приказаніе ты ему далъ?

СИЛЬВІО. Быть не можетъ!

СТЕЛЛА. Понимаешь-ли, вѣдь я знаю, что если на разсвѣтѣ ты не воротишься взять назадъ это безчестное приказаніе, то Бенедиктъ, твой оруженосецъ, поскачетъ въ Гуэскаръ, впуститъ въ твой городъ Мавровъ, которымъ ты обѣщалъ отдать городъ, съ тѣмъ, чтобъ они помогли тебѣ въ мщеніи.

СИЛЬВІО (*запальчиво*). Что-жъ! пусть они придутъ... если призвать ихъ есть непростительное преступленіе... половина этого преступленія ляжетъ на тебѣ, которая можешь предупредить его, послѣдовавъ за мною, и не хочешь.

СТЕЛЛА (*умоляющимъ голосомъ*). Разсудокъ твой мутится, Сильвіо... ступай, ступай скорѣе, я тебѣ говорю!... Смотри, чтобы сейже часъ не оплакивать вотще твоей чести, развивающейся на стѣнахъ Гуэскара, съ знаменами враговъ вѣры.

СИЛЬВІО. Пойдешь-ли ты со мною, Стелла?

СТЕЛЛА. Ни за что!

СИЛЬВІО. Коли такъ, не требуй-же, чтобъ я бѣжалъ; потому-что не Бенедиктъ долженъ отворить ворота моего города всадникамъ Абдъ-эль-Романа, а я во-главѣ ихъ явлюсь за тобою.

СТЕЛЛА. Если ты это сдѣлаешь, ты сдѣлаешь больше, чѣмъ Вильяфлоръ; не только заставишь меня проклинать жизнь, а заставишь проклясть и любовь, съ которою я могла-бъ еще какънибудь жить.

СИЛЬВІО. Что ты говоришь!

СТЕЛЛА (*съ отчаяніемъ*). О! да неужели ты не видишь, что мнѣ надо умереть? если-жъ хочешь, чтобъ я жила, то неужели не видишь, что я могу жить съ однимъ только условіемъ, съ условіемъ, чтобъ ты былъ чтимъ и великъ?

СИЛЬВІО. Но ты останешься женой другаго!

СТЕЛЛА. Этотъ другой станетъ гордиться твоимъ безчестьемъ.

СИЛЬВІО. О! позоръ и горе мнѣ!

СТЕЛЛА. Истинный позоръ, истинное горе, повѣрь мнѣ, будетъ тогда, когда онъ въ-правѣ будетъ сказать мнѣ, безъ всякаго вида оскорбленія, съ притворной горестью, можетъ-статься, съ лживымъ сострадавіемъ... «Знаешь-ли, что маркизъ де-Гуэскаръ сдѣлался измѣнникомъ»? И отецъ мой повторитъ это мнѣ, надѣясь исцѣлить меня отъ безумной страсти, которая заставила меня простить тебѣ вчерашнюю обиду... Онъ скажетъ мнѣ это... и вмѣсто исцѣленія, усилитъ мои страданія... Того-ли ты желаешь, Сильвіо?

СИЛЬВІО (*падая къ ногамъ Стеллы*). О! я хочу, чтобъ ты жила, Стелла... жила для меня; но хочу также и отмстить за себя.

СТЕЛЛА. Хорошо, Сильвіо! ступай, куда отецъ мой и мужъ сейчасъ звали тебя, ступай, и на пути славы, на который они тебя зовутъ, дѣйствуй такъ, чтобъ каждый часъ этой войны, грозящей отечеству, всѣ и всюду говорили: «Было сраженіе съ Маврами, и маркизъ де-Гуэскаръ первый кинулся въ бой... Отняли у Мавровъ Кордуу, и первый взошолъ на стѣну маркизъ де-Гуэскаръ... Абдъ-эль-Раманъ разбитъ, и побѣдитель его маркизъ де-Гуэскаръ...» Хочешь-ли ты мщенія, которое-бъ терзало?... Ахъ! ручаюсь тебѣ, что такое мщеніе будетъ для нихъ жесточе смерти!

СИЛЬВІО (*вставъ*). О! иду, но ты... Стелла?...

СТЕЛЛА (*страстно*). Я, Сильвіо?... я буду слышать.. и буду счастлива!

СИЛЬВІО. Хорошо! иду.

(*Оборачивается къ двери*).

СТЕЛЛА. Спѣши!...

СИЛЬВІО (*снова оборотясь къ Стеллѣ*). Прощай, Стелла, прощай!... О! коли ревность моя тебя оскорбляла, коли любовь моя едва не заставила меня измѣнить родинѣ... О! ты должна, простить мнѣ... еслибъ ты знала, какъ я страдаю!

СТЕЛЛА. А развѣ, думаешь, я не страдаю?

СИЛЬВІО. И ты хочешь, чтобъ я никогда больше не видалъ тебя!

СТЕЛЛА. Я хочу, чтобъ ты сберегъ мнѣ ту каплю чести, которая еще мнѣ остается.

СИЛЬВІО. О! да я отдамъ тебѣ больше, чѣмъ собственную честь!

СТЕЛЛА. Ахъ! ты опять ужъ готовъ погубить себя!

СИЛЬВІО (*ступивъ шагъ, чтобы удалиться*). Нѣтъ, Стелла! нѣтъ! я остановлю Бенедикта... (*Снова приближается*). Но если ты боишься стыда, который будетъ всюду слѣдовать за дочерью Пачеко... за женою Вильяфлора, если она свяжетъ свои судьбу съ участью Тельеза... (*беретъ ее за руку*) ничего! пойдемъ со мною... скроемъ подъ какимъ-нибудь безвѣстнымъ именемъ, въ незнакомой странѣ, то счастіе, которое можетъ-быть нашимъ удѣломъ... (*беретъ*

ее въ объятія). Пойдемъ, Стелла, пойдемъ... изъ всѣхъ благъ, о которыхъ я мечталъ, хочу тебя одну... Ты мнѣ замѣнишь богатство, власть, славу, все, все!

СТЕЛЛА (*стараясь оттолкнуть Сильвіо*). О! перестань!... замолчи! не говори мнѣ такъ, со слезами, съ моленьями... Я пришла сюда, полная довѣрія къ тебѣ... Я пришла возвратить тебѣ больше, чѣмъ жизнь, возвратить тебѣ честь, и тебѣ не годится такъ употреблять во-зло любовь мою.

СИЛЬВІО. Но ужасно потерять тебя, ужасно!...

СТЕЛЛА (*вырвавшись изъ его объятій, и подбѣгая къ окну*). Сильвіо, видно мнѣ надо быть тверже твоего! (*Слышенъ опять звукъ гитары. — Она возвращается къ Сильвіо*). Слышишь-ли послѣдній условный знакъ? Еще минута, и они въ правѣ будутъ называть тебя измѣнникомъ и нечестивцемъ!

СИЛЬВІО (*идетъ вонъ изъ комнаты*). О! если Господь правосудепъ, онъ пошлетъ мнѣ смерть въ побѣдѣ.

(*Стелла отворяетъ ему дверь*).

СТЕЛЛА (*съ нѣжностью*) Помни, что я живу твоей жизнью и что я умру твоей смертью.

(*Во-время этихъ послѣднихъ словъ, Фаустусъ входитъ въ дверь, отворенную Стеллою, запираетъ ее за собою, отбрасываетъ ключъ и становится на порогѣ, опершись на шпагу*)

СИЛЬВІО (*также нѣжно*). Пусть смерть придетъ для обоихъ насъ, если ты меня любишь...

ЯВЛЕНІЕ V.

ФАУСТУСЪ, СТЕЛЛА, СИЛЬВІО.

ФАУСТУСЪ (*поднявъ шпагу*). Ты зовешь смерть, Сильвіо? она здѣсь!

СИЛЬВІО. Онъ!

СТЕЛЛА (*съ испугомъ*). Братъ!

СИЛЬВІО. Ха! такъ вотъ великодушіе Вильяфлора! онъ поставилъ убійцу у двери спасенія!

СТЕЛЛА (*подбѣгая къ Фаустусу*). Братъ!... пусти, посторонись!.. дай бѣжать Сильвіо!...

СИЛЬВІО. Бѣжать!... никогда.

СТЕЛЛА (*Фаустусу, умоляющимъ голосомъ*). Я все простила, вра-

жда наша погасла... Фаустусъ... ради Неба, ради Господа, посторонись отсюда!...

ФАУСТУСЪ (*отталкивая ее и кидаясь къ Сильвіо*). Прочь, Стелла!

СТЕЛЛА (*не отходя отъ Фаустуса*). Братъ!...

СИЛЬВІО (*ища вкругъ себя глазами*). О! дайте мнѣ оружіе! оружіе!...

ФАУСТУСЪ. Каждое твое слово дѣлаетъ вѣрнѣе его смерть.

СТЕЛЛА (*продолжая кидаться къ Фаустусу*). Братъ, пощади, пощади!... вѣдь ты не будешь убійцею?...

ФАУСТУСЪ. Убійцею?... (*Останавливается неподвижно*). Поди, принеси твоему любовнику шпагу; вотъ единственная милость тебѣ отъ меня...

СТЕЛЛА (*съ энергіею*). О! Господи! Боже мой!... Еслибъ у меня была шпага, ты-бы не говорилъ этого мнѣ дважды, Фаустусъ!

СИЛЬВІО (*съ отчаяніемъ*). Ничего нѣтъ, Боже мой, ничего!

СТЕЛЛА (*глядя въ окно*). А Бенедиктъ ѣдетъ!... (*Кличетъ*). Бенедиктъ! Бенедиктъ!

СИЛЬВІО (*также глядя въ окно*). Бенедитъ!... (*съ отчаяніемъ*). Его уже нѣтъ.

СТЕЛЛА (*отчаянно*) Уѣхалъ!

СИЛЬВІО (*также*). И Мавры за нимъ.

СТЕЛЛА (*все по-прежнему съ отчаяніемъ*). И вотъ настаетъ день, а съ нимъ и безчестіе.

ФАУСТУСЪ (*съ угрозою*). Настаетъ его смерть!

СТЕЛЛА (*умоляющимъ голосомъ*). Фаустусъ!

СИЛЬВІО (*съ отчаяніемъ*). Безчестіе!... (*Подходя къ Фаустусу*). О! теперь, ради жизни... лошадь мнѣ, я поспѣю прежде Бенедикта, и даю тебѣ слово, Фаустусъ, воротиться сюда безоружный, на это самое мѣсто, принести тебѣ мою голову.

ФАУСТУСЪ (*простно*). Нѣтъ!

СТЕЛЛА (*Фаустусу, съ умоляющимъ голосомъ*). Слышишь-ли? онъ даетъ тебѣ слово воротиться,..

ФАУСТУСЪ (*потрясая шпагою*). Нѣтъ, я сказалъ тебѣ: лишь-только встрѣчу его, онъ умретъ!

СТЕЛЛА (*съ отчаянной энергіею*). Ха! Фаустусъ!... ты подлецъ!

ФАУСТУСЪ (*бросаясь на Сильвіо*). Я тебѣ сказалъ: поди, принеси ему шпагу!

СТЕЛЛА (*внѣ–себя*) Горе!... Помоготе! помогите!...

СИЛЬВІО (*увертываясь отъ Фаустуса*). О! низкій убійца!

СТЕЛЛА (*внѣ себя*). Батюшка!

ФАУСТУСЪ (*отталкивая Стеллу*). Ты зовешь отца!

СТЕЛЛА (*кличетъ*). Вильяфлоръ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Сильвіо, Стелла, Пачеко, Фаустусъ, *потомъ* Вильяфлоръ.

пачеко (*входя въ дверь, что въ глубинѣ сцены, налѣво, бросается между Фаустуса и Сильвіо, готоваго ударить Фаустуса, и останавливаетъ сына, не узнавъ его сначала*). Стой!... Что за крики?... (*Узнавъ Фаустуса*) Фаустусъ!... Ты здѣсь?... Что у васъ такое?

стелла (*съ отчаяніемъ*). Что такое... что такое!.. То, что когда Фернандо понялъ, что не можетъ умертвить Сильвіо.... то, что когда отецъ мой и мужъ захотѣли дать ему свободу, тогда явился братъ, который, не могши добиться моей смерти, хочетъ смерти Сильвіо!

фаустусъ (*по-прежнему съ угрозою*). Явился мужчина, который не поддался на слезы женщины, и который не хочетъ, чтобы сестра его бѣжала, какъ распутная съ любовникомъ.

стелла. Гнусная клевета!

пачеко (*удерживая Фаустуса*). Не отвѣчай ей, Фаустусъ... а скажи мнѣ, какъ ты добрался до этой двери: вѣдь башню стерегли Теллезы?

фаустусъ. Они спятъ вѣчнымъ сномъ!

сильвіо (*сдѣлавъ шагъ впередъ*). Что онъ говоритъ?

пачеко. О! такъ правосудіе свершилось... Благодарю, Фаустусъ, хотя отецъ твой готовъ позавидовать тебѣ въ чести побѣды.

фернандо (*войдя вдругъ тою-же дверью, которою вошолъ Пачеко*). Чести побѣды, говоришь ты?... Но вѣдь когда ты напалъ на нихъ, Фаустусъ, Мавровъ уже не было: вы сражались двѣсти человѣкъ противъ десяти.

пачеко (*съ горестью*). Въ-самомъ-дѣлѣ?

фаустусъ (*указывая на окно*). Батюшка, Сильвіо можетъ отсюда счесть трупы нашихъ враговъ... Тамъ недостаетъ только его трупа.

пачеко (*отступая отъ Фаустуса*). Ха! несчастный!... развѣ я велѣлъ тебѣ мстить подлымъ убійствомъ!

сильвіо (*запальчиво*). Они зарѣзаны!... низко зарѣзаны!... а я здѣсь безоруженъ!

пачеко (*Сильвіо*). Бѣги, несчастный!.. бѣги!

фаустусъ. Батюшка, что вы дѣлаете?

пачеко. Ступай, Сильвіо Теллезъ.., ступай, мсти за себя, того требуетъ справедливость!

сильвіо (*внѣ-себя*). Не дѣлайте этого, сеньоръ, не давайте мнѣ свободы, убейте-меня... потому-что я теперь не ворочусь къ сте-

намъ этого города иначе, какъ съ Абдъ-эль-Раманомъ, съ мечомъ и огнемъ въ рукахъ.

СТЕЛЛА (*подходя къ Сильвіо, съ умоляющимъ видомъ*). Сильвіо!

ПАЧЕКО (*Сильвіо*). Приходи такъ, если хочешь; Фаустусъ напередъ оправдалъ твое преступленіе.

СИЛЬВІО. Хорошо! такъ горе-же всѣмъ вамъ!

(*Идетъ къ двери*).

ФАУСТУСЪ (*заслоняя ему дорогу*). Ты не выйдешь отсюда, измѣнникъ!

СИЛЬВІО. О! дайте мнѣ шпагу на этого человѣка!

ПАЧЕКО (*вынимая ему свою шпагу и подавая ее Сильвіо*). Вотъ тебѣ моя шпага, Сильвіо Теллезъ, и открой силою себѣ дорогу, если онъ откажетъ ее дать.

ФАУСТУСЪ (*поднимая шпагу*) Ступай-же!...

ФЕРНАНДО (*отстраняя Фаустуса*). Пропусти его, Фаустусъ!

СИЛЬВІО (*отъ двери*). Мы съ тобой скоро увидимся!

ФАУСТУСЪ. Я не не отстану отъ тебя!

ФЕРНАНДО (*удерживаетъ Фаустуса*). Если ты его не оставишь, ты найдешь меня напереди его.

ПАЧЕКО (*также останавливая Фаустуса*). А въ случаѣ нужды найдешь и отца.

СИЛЬВІО (*въ двери*). Прощайте-же, да помилуетъ васъ Господь, васъ, которые перерѣзали всѣхъ моихъ ближнихъ!

(*Уходитъ*).

ФЕРНАНДО (*подходя къ Фаустусу*). Будь проклятъ ты, Фаустусъ, погубившій отечество!

СТЕЛЛА (*тоже подходя къ брату*) Будь проклятъ ты, Фаустусъ, погубившій Сильвіо!

ПАЧЕКО (*тоже*). Будь проклятъ ты, принудившій меня пощадить его!

(*Въ тотъ мигъ, какъ Пачеко произноситъ послѣднія слова, Фаустусъ, пораженный, склонитъ голову и роняетъ шпагу изъ рукъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

Декорація таже, что́ во второмъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПАЧЕКО, СТЕЛЛА, ФАУСТУСЪ и ЛОПЕЗЪ.

(*При поднятіи занавѣса, Фаустусъ, раненный, сидитъ въ креслахъ, на-право отъ зрителей. Передъ нимъ стоитъ Лопезъ. На-лѣво сидитъ Стелла, подлѣ нея находится Леліо. Пачеко стоитъ по-срединѣ комнаты*).

СТЕЛЛА (*сидя*). Господи! уже-ли ты всѣхъ насъ накажешь за преступленіе Фаустуса?

ФАУСТУСЪ (*сидя*). Онъ!... эта рана палитъ меня, какъ раскаленное желѣзо.

ПАЧЕКО. О! Сильвіо Теллезъ обѣщалъ намъ войну и опустошеніе... онъ сдержелъ слово... Что́ новаго, Лопезъ?

ЛОПЕЗЪ. Толедскія ворота взяты... и только десять человѣкъ воротились съ вашимъ сыномъ.

ПАЧЕКО. Горе!... Какія взяты мѣры отбить у нихъ ворота?

ЛОПЕЗЪ. Я сейчасъ иду въ совѣтъ, и единственная вещь, которую могу вамъ сказать, это—что собраніе готовится принятьословъ Сильвіо Теллеза...

ПАЧЕКО.Ословъ Сильвіо Теллеза!... О! срамъ и позоръ!... Такъ затѣмъ-то они не допустили меня на совѣтъ!

ФАУСТУСЪ. Это обида, которой не заслужили по-крайней-мѣрѣ вы...

ПАЧЕКО. И которую надо принять намъ покорно... Ха! нынче мы ужъ не толкуемъ такъ легко о мщеніи... Насъ оскорбляютъ, а мы терпимъ безчестье...

ФАУСТУСЪ (*вставая*). Мавры пролили во мнѣ не всю кровь, и рука моя, утомясь поражать ихъ, снова обрѣтетъ силу, чтобы потребовать отчота за оскорбленіе отъ тѣхъ, кто нанесъ его вамъ.

ПАЧЕКО (*Фаустусу*). А они тебѣ отвѣтятъ, что въ войнѣ, кото-

рой первые виновники мы съ тобою, они столько жертвовали мечамъ Мавровъ своей кровью, что не станетъ ея тратить еще на наши шпаги.

СТЕЛЛА (*вставая*). Надѣйтесь на Вильяфлора, батюшка; онъ отправился къ войску, которое Транстамарскій повелъ противъ Абдъэль-Рамана, осадившаго его въ Картагенѣ, между-тѣмъ, какъ Мавры осаждаютъ нашъ городъ, и маркизъ поклялся вамъ... что не пройдетъ двухъ дней, какъ онъ воротится на помощь Мурсіи.

ПАЧЕКО. Что-жъ онъ медлитъ, что-жъ медлитъ онъ? пора!

(*Идетъ къ окну и смотритъ*).

ФАУСТУСЪ (*съ горечью и насмѣшкою*). Первая помощь, какую вашъ супругъ обязанъ-бы подать Мурсіи, есть его присутствіе... Но, видно, Вильяфлоръ счолъ за храбрѣйшее дѣло оставить городъ, когда защита города сдѣлалась отчаянною.

ЛЕЛІО (*Фаустусу, съ гордостью*). Сеньоръ, еслибъ стѣны Мурсіи защищались такъ, какъ защищались стѣны замка Вильяфлора... вамъ-бы нѣчего бояться, что Сильвіо Теллезъ сдѣлается властелиномъ вашей участи.

ФАУСТУСЪ (*иронически*). Однакожъ храбрый маркизъ де-Вильяфлоръ оставилъ этотъ такъ храбро защищаемый замокъ, потому-что въ тамошнихъ стѣнахъ жизнь его перестала быть безопасною.

ЛЕЛІО (*Стеллѣ*). О! вы, сударыня, были свидѣтельницею этой восьмидневной битвы, гдѣ господинъ мой защищался въ башнѣ за башнею, въ комнатѣ за комнатой, въ двери за дверью, отступая тогда только, когда стѣны или пола не ставало подъ его ногами; вы знаете, для спасенія чьей, его или вашей жизни, воспользовался онъ темнотой послѣдней ночи, чтобы бѣжать и доставить невредимою къ роднымъ ту, которой онъ уже не могъ дать у себя пріюта, потому-что пожаръ все истребилъ.

СТЕЛЛА. Перестань, дитя! какова-бъ ни была вина Вильяфлора передо мною, но не онъ виноватъ въ бѣдствіяхъ отечества... (*Обращаясь къ Фаустусу*) и Сильвіо Теллезъ не сокрушалъ-бы теперь воротъ Мурсіи, еслибъ на немъ не лежалъ долгъ отмщенія за своихъ ближнихъ, безчестно перерѣзанныхъ въ-расплохъ.

ФАУСТУСЪ (*Стеллѣ*). И Сильвіо Теллезъ не сокрушалъ-бы воротъ Мурсіи, еслибъ онъ не искалъ здѣсь той, которая дала ему право требовать ее, будто ему принадлежащую!

ПАЧЕКО (*выходя на авансцену*). О! Господи! ужели Тебѣ угодно, чтобы вражда, которую посѣялъ я въ городѣ, заронилось въ мое семейство, чтобы я слышалъ, какъ мои дѣти горько упрекаютъ другъ друга въ проступкахъ!

ФАУСТУСЪ (*покорно*). Батюшка!

СТЕЛЛА (*также*). Неужто я одна виновна?

ПАЧЕКО. Полно. перестаньте оба... Сюда идутъ... станемте хоть по-крайней-мѣрѣ скрывать отъ всѣхъ, что подъ нашей кровлею гнѣздиться раздоръ; прикроемъ этимъ послѣднимъ лоскуткомъ достоинства ту страшную крайность, до какой мы дошли... А! это донъ Кристоваль.

ЯВЛЕНІЕ II.

СТЕЛЛА, ФАУСТУСЪ, ПАЧЕКО, ЛЕЛІО, ДОНЪ-КРИСТОВАЛЬ.

ПАЧЕКО (*идя на-встрѣчу*). Привѣтъ тебѣ, старинный другъ.

КРИСТОВАЛЬ (*уныло*). Привѣтъ всѣмъ вамъ!

ПАЧЕКО (*возвращаясь къ Фаустусу и Стеллѣ*). Ахъ! онъ едва смѣетъ взглянуть на насъ.

СТЕЛЛА. Вѣрно, пришолъ съ вѣстью о какомъ-нибудь новомъ несчастіи.

ПАЧЕКО. Коли несчастіе, то вѣдь мы знаемъ, какъ принять такого гостя!

КРИСТОВАЛЬ. (*печально*). Мнѣ слѣдовало не одному придти къ тебѣ, Пачеко, потому-что я самъ-третій назначенъ передать тебѣ рѣшеніе, принятое вождями въ совѣтѣ.

ПАЧЕКО (*съ достоинствомъ*). Что-жъ это за совѣтъ, гдѣ не участвуетъ Пачеко, и что за рѣшеніе, которое надо все-таки предложить на утвержденіе Пачеко... и которое передать мнѣ одинъ ты осмѣлился взяться?

ФАУСТУСЪ (*также*). Съ которыхъ поръ совѣтъ дворянъ сталъ располагать судьбою благороднѣйшаго и сильнѣйшаго между ними?

ПАЧЕКО (*Фаустусу*). Молчи! (*Кристовалю*) Графъ Лорка, я слушаю тебя.

(*Идетъ и садится въ кресла на-право*).

КРИСТОВАЛЬ. Тебѣ извѣстно, графъ Тавора, что Сильвіо овладѣлъ Толедскими воротами.

ПАЧЕКО. Но тебѣ также извѣстно, что у меня еще остается, у Гренадскихъ воротъ, тысячу человѣкъ наемныхъ воиновъ, и что съ ними я могу отнять назадъ ворота, которыя ты такъ храбро далъ у себя отбить.

КРИСТОВАЛЬ. Увы! ужели ты не предвидѣлъ, что люди, однажды продавшіе себя за золото, всегда могутъ быть куплены тѣмъ, кто щедрѣе заплатитъ?

ПАЧЕКО (*съ безпокойствомъ*). Какъ! мои воины...

КРИСТОВАЛЬ. По-прежнему у Гренадскихъ воротъ, только ужъ отъ имени Сильвіо Теллеза!

ПАЧЕКО (*съ отчаяніемъ*). Отъ имени Сильвіо Теллеза!

ФАУСТУСЪ (*также*) О! измѣна и злодѣйство!

КРИСТОВАЛЬ. Потому-то, Пачеко, совѣтъ поколебался передъ такой неравной, почти невозможной борьбою, которую и то уже многіе поддерживаютъ неохотно; потому-то дворяне выслушали предложеніе побѣдителя.

ПАЧЕКО (*съ величайшимъ спокойствіемъ*). А что за указъ прислалъ онъ имъ?...

КРИСТОВАЛЬ. Пачеко!... счастливы тѣ, кто палъ въ битвѣ!

ПАЧЕКО (*также*). Потребовалъ-ли онъ выдачи моей головы, безъ боя? обѣщали-ль уже выдать ему эту голову?

КРИСТОВАЛЬ. Сильвіо Теллезъ не требуетъ ни твоей жизни, ни жизни твоихъ дѣтей, Пачеко; онъ требуетъ того, о чомъ я не желалъ-бы извѣщать тебя...

ПАЧЕКО (*все также*). Донъ-Кристоваль, вѣрно, онъ требуетъ чего-нибудь позорнаго, если ты колеблешься сказать, послѣ всего, что уже сказалъ мнѣ?

КРИСТОВАЛЬ (*перьшительно*). Онъ требуетъ, чтобы дочь твоя, сынъ и ты самъ были ему выданы сегодня-же...

ПАЧЕКО. Въ плѣнники?...

КРИСТОВАЛЬ (*вставая*). Въ рабы.

ПАЧЕКО (*съ недовѣрчивымъ изумленіемъ*). Въ рабы, меня!

ФАУСТУСЪ и СТЕЛЛА (*также*). Насъ!

ПАЧЕКО (*все также*). О! вѣрно, я не разслушалъ... Онъ требуетъ нашей выдачи, чтобы убить насъ?

КРИСТОВАЛЬ. Требуетъ васъ въ рабы.

ПАЧЕКО (*ошеломленный*). И нашолся совѣтъ Испанцевъ, которые приняли такое позорное условіе!

СТЕЛЛА (*презрительно*). И нашолся человѣкъ нашей фамиліи, который взялся извѣстить насъ объ этомъ!

КРИСТОВАЛЬ (*горестно*). Развѣ вамъ пріятнѣе, Стелла, чтобъ съ этой вѣстью пришолъ кто-нибудь изъ всемогущихъ теперь Теллезовъ?

ПАЧЕКО (*съ отчаяніемъ*). Но куда-жъ дѣвались Овіэдосы, Медины, Гусманы?

КРИСТОВАЛЬ. Спроси объ нихъ у сына... они были съ нами у Толедскихъ воротъ.

ФАУСТУСЪ (*съ энергіей*). Но мы еще живы, а они... (*останавливается*). Простите, батюшка...

ПАЧЕКО. О! теперь говори, Фаустусъ! дерзость Сильвіо заглаживать твое преступленіе.

ФАУСТУСЪ (*энергически*). Хорошо-же! пусть тѣ, кто принимаетъ его повелѣнія, отворятъ побѣдителю послѣднія укрѣпленія, и пусть Сильвіо Теллезъ придетъ за своими рабами сюда... подъ развалинами этихъ палатъ, побѣдитель найдетъ, можетъ быть, три бездушныхъ трупа... тогда пожалуй, если хочетъ, можетъ надѣть на нихъ оковы и влачить за собою.

КРИСТОВАЛЬ (*съ отчаянной грустью*). Съ тобою говорю я, Пачеко, и тебѣ объявлю, что не Мавры исторгнутъ тебя изъ стѣнъ твоего дома, а тѣ, которые, утомясь, какъ они говорятъ, видѣть родину терзаемою нашими раздорами, дерзнули открыто признать правосуднымъ приговоромъ твое рабство и нашъ позоръ.

ЯВЛЕНІЕ III.

СТЕЛЛА, ЛЕЛІО, ПАЧЕКО, ФАУСТУСЪ, КРИСТОВАЛЬ, ЛЮЙЗЪ.

ЛЮЙЗЪ (*прибѣгая*). А много-ли тѣхъ, кто присягнулъ на такую низость?

ПАЧЕКО. Донъ Люйзъ! сынъ мой!

ФАУСТУСЪ. Братъ!

СТЕЛЛА. Другъ мой!

КРИСТОВАЛЬ (*останавливая дона Люйза*). Зачѣмъ ты пришолъ сюда, молодой человѣкъ? развѣ ты не присутствовалъ на совѣтѣ, гдѣ, вопреки всѣмъ нашимъ усиліямъ, Теллезы взяли верхъ?

ЛЮЙЗЪ (*съ негодованіемъ*). Ты знаешь, что мы вмѣстѣ вышли оттуда; ты понесъ къ тому, чьимъ имѣешь честь быть родственникомъ, вѣсть объ этомъ приговорѣ подлецовъ... объ этомъ крайнемъ предѣлѣ низости, утвержденномъ на собраніи дворянъ... а я пошолъ звать къ оружію всякаго, кто въ Мурсіи сохранилъ хоть искру чести въ сердцѣ, хоть каплю крови въ жилахъ,—чтобы спасти не главу моей фамиліи, не брата моей матери, но испанскаго дворянина, отъ ужаса такого унизительнаго безчестья.

ПАЧЕКО (*съ признательностію*). Ахъ! въ твоей рукѣ всегда наша лучшая шпага!...

СТЕЛЛА (*также*). И въ сердцѣ вашемъ всегда великодушные порывы.

ЛЮЙЗЪ (*съ энтузіазмомъ*). Донъ Кристоваль! если, какъ ты сейчасъ сказалъ, у приверженцовъ Теллезовъ довольно воиновъ, чтобы привести въ исполненіе приговоръ совѣта, то можешь от-

сюда счесть, сколько человѣкъ заклялись не повиноваться этому приговору!

СТЕЛЛА (*также*). О! благодарю, братецъ!

ЛЕЛІО (*у окна*) И число ихъ все возрастаетъ.

ФАУСТУСЪ (*также*). И всѣ они вооружены!

ПАЧЕКО (*самъ-себѣ, съ горечью*). Итакъ вотъ, бѣдствія, которыхъ Мурсія надѣялась избѣжать, обрушиваются на нее ужаснѣе, чѣмъ она ожидать могла! Сильвіо Теллезъ ждетъ, и, когда часъ перемирія минуетъ, опустошеніе вторгнется съ нимъ въ этотъ царственный городъ, и дѣло разрушенія будетъ легко, ибо мы его уже свершили на-половину; пожаръ, раздутый внутри, привлекаетъ пожаръ, поднявшійся внѣ; въ сумятицѣ приступа будетъ сумятица мятежа, междоусобіе превращается въ войну, драка въ убійство, и Мурсія, изнемогши подъ сугубыми усиліями сыновъ своихъ и непріятелей, рухнетъ въ пропасть, которую вырыли ей наши раздоры... О, донъ Люйзъ! донъ Люйзъ!... не есть-ли добродѣтель покорность, когда спасеніе невозможно?

ЛЮЙЗЪ (*съ вдохновеннымъ энтузіазмомъ*). Когда невозможна борьба, то прямая добродѣтель есть—умереть!

ПАЧЕКО (*пріунылый*). Черезъ нѣсколько часовъ Мавры будутъ попирать развалины Мурсіи.

ЛЮЙЗЪ (*по-прежнему съ энтузіазмомъ*). Но рядомъ съ ними на этихъ раввалинахъ будетъ наша честь...

ФАУСТУСЪ (*также*). Привѣтствую тебя, день послѣдней битвы!

СТЕЛЛА (*грустно*). Привѣтствую тебя, послѣдній день скорби!

(*Пачеко идетъ на балконъ; при видѣ его поднимаются клики и затихаютъ по мановенію его руки*).

ПАЧЕКО. Вы видите, юнѣйшіе и отважнѣйшіе ратники Мурсіи столпились вкругъ моего дома... Нетерпѣливое сонмище жадно глядитъ на двери, откуда выйдетъ война. Прислушайте! (*Идетъ къ окошку и говоритъ находящимся на улицѣ*). Вы за меня, вѣрные Испанцы?

ГОЛОСА. (*снизу*). За тебя! за тебя!...

ПАЧЕКО (*съ балкона*). Будете-ли вы мнѣ повиноваться, какой-бы жертвы я ни потребовалъ отъ васъ?

ГОЛОСА (*снизу*). Будемъ! будемъ, Пачеко!

ПАЧЕКО (*съ балкона*). Погодите-жъ!.. (*Возвращается въ комнату*). Слышишь, донъ-Кристоваль?

КРИСТОВАЛЬ (*раздѣляя энтузіазмъ дона-Люйза*). Ну, теперь я могу передать твой отвѣтъ собран?ю... Вѣдь война, не такъ-ли?

ПАЧЕКО (*съ спокойнымъ достоинствомъ*). Теперь, когда судьба Мурсіи въ моихъ рукахъ, когда городъ можетъ-быть спасенъ или погубленъ мною, ступай, скажи тѣмъ, кто тебя прислалъ: донъ-Генрикъ Пачеко, графъ де-Тавора, донъ Фаустусъ Пачеко, маркизъ де Дуэньясъ, и донья Стелла Пачеко, маркиза де-Вильяфлоръ, будутъ завтра на-разсвѣтѣ въ станѣ Теллеза, съ веревками на шеѣ и кольцами рабства на ногахъ.

ФАУСТУСЪ И СТЕЛЛА (*бросаясь къ Пачеко*). Батюшка!

ЛЮЙЗЪ (*также*). Дядюшка!

ЛЕЛІО (*также*). Сеньоръ!

ПАЧЕКО. Молчите, дѣти!

КРИСТОВАЛЬ (*измѣнившимся голосомъ*). О! Господь не проститъ твоимъ согражданамъ, что они потребовали отъ тебя такой страшной жертвы! Испанія рѣшитъ—кому честь, имъ-ли, которые потребовали, или тебѣ, который повиновался.

ПАЧЕКО (*Кристовалю*). Честь всякому, кто исполняетъ свой долгъ... Ступай!

(*Донъ-Кристовалъ уходитъ въ дверь, что въ галерею на-право*).

ЛЕЛІО. О! мой долгъ найдти господина и увѣдомить его объ этомъ ужасномъ несчастіи!

(*Уходитъ въ дверь на-лѣво. Стелла съ Фаустусомъ расходятся по угламъ*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

СТЕЛЛА, ДОНЪ-ЛЮЙЗЪ, ПАЧЕКО, ФАУСТУСЪ.

ЛЮЙЗЪ (*печально*). Вы—мой дядя, вы, графъ Таворскій, рабъ Теллеза, побѣдителя... И этотъ позоръ...

ПАЧЕКО (*съ спокойнымъ достоинствомъ*). Позоръ побѣдителю, которому Испанія создастъ висѣлицу изъ его побѣды, а не побѣжденному, котораго цѣпи обратятся, быть-можетъ, въ вѣнецъ... Но что облегчаетъ ужасъ моей судьбы, это то, что честь нашей фамиліи въ твоихъ рукахъ

ЛЮЙЗЪ (*съ угрозою*). И я вспомню о тѣхъ, которые ее забыли!

ПАЧЕКО (*останавливая его*). Опять ненависть, мщеніе, опять донъ-Люйзъ.. Взгляни, что ненависть и месть сдѣлали изъ моего дома .. Будь храбръ, будь справедливъ, останься вѣчно благороденъ и пусть твоя мать—передай ей это отъ меня—гордится своимъ сыномъ.

ЛЮЙЗЪ (*съ смиреніемъ*). О, дядюшка!

ПАЧЕКО. А теперь—обними меня...

(*Они падаютъ другъ-другу въ объятія*).

ЛЮЙЗЪ (*Стелль*). Прощайте, Стелла...

СТЕЛЛА (*подавая ему руку*). Прощайте, донъ-Люйзъ.

ЛЮЙЗЪ. О! когда вмѣстѣ со мною росли вы такъ хороши, такъ очаровательны, я мечталъ тогда, что васъ ждетъ иная, лучшая участь!

СТЕЛЛА. Если Богъ даетъ каждому по заслугамъ... донъ-Люйзъ! онъ дастъ вамъ счастіе... Прощайте!

ЛЮЙЗЪ (*цѣлуя ея руку*). Прощайте (*къ Фаустусу*). Прощай, Фаустусъ!

ФАУСТУСЪ. Прощай, братъ... Желаю тебѣ славной смерти!

(*Донъ-Люйзъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Стелла, Пачеко и Фаустусъ.

ПАЧЕКО. Теперь мы одни!... (*Фаустусъ и Стелла остаются оба погруженными въ глубокую задумчивость*). Слышите-ли вы меня оба? Фаустусъ!

ФАУСТУСЪ (*подходя къ нему*). Я васъ слушаю, сеньоръ.

ПАЧЕКО. Стелла!

СТЕЛЛА (*подходя къ нему на нѣсколько шаговъ*). Я здѣсь, батюшка.

ПАЧЕКО (*съ горькою ироніей*). И оба далеко... и оба отворотясь въ сторону, опустя глаза... оба, вѣроятно, съ намѣреніемъ противиться послѣдней верховной волѣ отца?

СТЕЛЛА (*печально*). Увы! когда я хотѣла умереть, Богъ отвергъ мое отчаяніе: онъ хотѣлъ, чтобы тотъ, кто далъ мнѣ жизнь, былъ вполнѣ ея властелиномъ... Я вамъ ее предаю батюшка, я благословлю всякое ваше рѣшеніе.

ФАУСТУСЪ (*тоже*). А мнѣ, развѣ мнѣ запретите вы, батюшка, жалѣть о томъ, что эта рана—вмѣсто руки не въ сердцѣ?

ПАЧЕКО (*съ энергіею*). А давно-ли смерть не въ рукахъ тѣхъ, кто зоветъ ее искренно и рѣшительно?

СТЕЛЛА. Развѣ я ее не просила?

ФАУСТУСЪ. О! пусть она придетъ, если можетъ спасти насъ отъ этого послѣдняго оскорбленія!

ПАЧЕКО. Это оскорбленіе — наша слава, и наша смерть побѣдительная жертва.

ФАУСТУСЪ (*съ изумленіемъ*). Что́ говорите вы?

СТЕЛЛА (*тоже*). Какъ, батюшка...

ПАЧЕКО (*съ восторгомъ*). Мы умремъ всѣ трое, дѣти... и въ этой послѣдней битвѣ побѣда будетъ на сторонѣ раба, разбившаго свои цѣпи, на которыхъ вычеканена побѣда властелина — мы умремъ, но тогда, когда жертва совершится, когда клятва будетъ исполнена и отчизна—спасена.

ФАУСТУСЪ (*подходя къ Пачеко*). О, мой отецъ!

СТЕЛЛА (*также*). Отецъ мой!

ПАЧЕКО (*рѣшительно*). А въ роковую минуту, достанетъ ли у васъ мужества?

ФАУСТУСЪ (*также*). Да!

ПАЧЕКО. Но вспомни, Фаустусъ, въ твоей молодости цѣлое будущее свободы и славы!

ФАУСТУСЪ. Моя свобода, моя слава, мое будущее—теперь смерть.

ПАЧЕКО. А ты, Стелла—борьба для тебя будетъ еще мучительнѣе подлѣ того, кто былъ любовью всей твоей жизни... Станетъ ли у тебя силы умереть?

СТЕЛЛА. Потому-то что я люблю его еще до-сихъ-поръ — эта сила меня не оставитъ.

ПАЧЕКО (*простирая къ нимъ объятія*). Итакъ дѣти!

СТЕЛЛА и ФАУСТУСЪ (*вмѣстѣ, преклоняя головы*). Батюшка!

ПАЧЕКО. Обнимитесь-же прежде — чтобы обоихъ вмѣстѣ могъ я прижать васъ къ моему сердцу.

ФАУСТУСЪ (*приближаясь къ Стеллѣ*). Сестра моя!

СТЕЛЛА (*приближаясь къ Фаустусу*). Братъ мой!

(*Они обнимаются*).

ПАЧЕКО (*держа ихъ обоихъ въ объятіяхъ*). Ко мнѣ теперь оба—и да будетъ надъ вами прощеніе и благословеніе. (*Отрываясь отъ нихъ*) Еще минута дѣти, и мы раздѣлимъ между нами ядъ, чтобы и въ рабствѣ сохранить свободу.

СТЕЛЛА (*про себя*). Да! свободу... и можетъ-быть, еще больше!

ПАЧЕКО. Не надобно-же, чтобъ мы заставляли ждать Сильвіо Теллеза!

(*Удаляется*).

СТЕЛЛА (*отставая отъ нихъ*). Батюшка! братъ! я буду тамъ прежде васъ—и на этотъ разъ не забуду яда!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

На первомъ планѣ — большой открытый шатеръ: на лѣво входъ въ шатеръ начальника войска. Въ глубинѣ и на-право, Толедскія ворота — и видна улица города. На второмъ планѣ, мѣстами разрушенныя, укрѣпленія, изъ-за которыхъ видѣнъ городъ Мурсія. При поднятіи занавѣса, — начальникъ Мавровъ и начальникъ стражи идутъ съ разныхъ сторонъ, передаютъ одинъ другому лозунгъ и уходятъ — одинъ въ городскіе ворота, другой въ палатку главнокомандующаго. Часовые ходятъ по укрѣпленіямъ и передъ палаткой Сильвіо.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бенедиктъ *(одинъ)*.

Право, послѣ всего, что̀ я видѣлъ сегодня утромъ, можно вѣрить только развѣ этой славной пѣсни Арнольда Видали, которую я выучился пѣть, бродя по Лангедоку; можетъ-быть, если она дойдетъ до ушей моего господина, она ему понравится.

(поетъ.)

Романсъ.

Въ блистательныхъ садахъ султановъ,
Гдѣ Гвадалквивира струи,
Гдѣ цвѣтники подъ шумъ фонтановъ
Благоуханья льютъ свои, —
Розъ лучше, лилій и тюльпановъ
Цвѣтокъ любви.

Среди песковъ пустыни знойной,
Гдѣ стебля не растетъ травы,
Гдѣ жизнь мертва, гдѣ пальмѣ стройной
Невыносимъ жаръ, тамъ, въ крови
Сыновъ степей, живетъ привольно
Цвѣтокъ любви....

ЯВЛЕНІЕ II.

Бенедиктъ, Лелio.

Лелio *(солдату, который его не пускаетъ)*. Узнаешь-ли ты этотъ знакъ? *(показываетъ ему печать на письмѣ)*.

солдатъ. Ступай.

лелio (*показывая письмо*). Маркизу де-Гуэскару.

— бенедиктъ. Нѣтъ больше маркиза Гуэскара: здѣсь одинъ Бенъ Абдали.

лелio. Какимъ именемъ ни зовется теперь твой господинъ, вотъ ему письмо, которое должно быть отдано ему сію-же минуту.

бенедиктъ. Еще очень-рано — и мой господинъ занятъ теперь, кажется, дѣлами, отъ которыхъ его нельзя отрывать.

лелio. Ты ему скажешь, что это отъ маркиза Вильяфлоръ.

бенедиктъ. Да это еще хуже, чортъ возьми!

лелio. Какъ?

бенедиктъ. Да такъ! мужья въ Испаніи ни лучше, ни хуже, какъ на моей родинѣ.

лелio. Дерзкій рабъ!

бенедиктъ. Молчи—вотъ мой господинъ.

(*Сильвio быстро выходитъ изъ ставки; передъ нимъ его рабы, а за нимъ арабскіе воины*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бенедиктъ, Сильвio, Лелio.

сильвio (*къ воинамъ*). Скоро Пачеко и всѣ его должны явиться въ мой лагерь... Идите возвѣстить мою побѣду Абд-эль-Раману, и скажите ему, чѣмъ я рѣшилъ судьбу моихъ плѣнниковъ... Идите!

(*Даетъ одному изъ нихъ бумагу, они удаляются*).

лелio (*громко*). Слуга! доложи обо мнѣ своему господину!

бенедиктъ (*также*). Пошолъ прочь!

лелio. Я тебѣ говорю, что хочу говорить съ твоимъ господиномъ.

сильвio (*оборачивался*). Кто смѣетъ такъ громко говорить въ моей палаткѣ?

бенедиктъ (*указывая на Лелio*). Вотъ виновный!

лелio (*гордо*). Извините сеньоръ; но всегда, когда я представляю лицо моего господина, я имѣю привычку говорить громко.

сильвio. И безъ гербовъ Вильяфлора на твоей груди, я угадалъ-бы, что ты его пажъ, по этой дерзкой храбрости; онъ расточителенъ на грозныя слова, и я вижу, слуга недаромъ жилъ у господина.

лелio. Я научился у него ничего не бояться, сеньоръ — и доказа-

тельствомъ то, что я пришолъ въ вашъ лагерь — отдать вамъ это письмо, не заботясь о послѣдствіяхъ.

сильвіо. Письмо отъ Вильяфлора... подай его. (*Беретъ письмо.— Леліо кланяется*). Останься, молодой человѣкъ — я не задержу тебя отвѣтомъ. (*читаетъ*) «Тебѣ осталось одно средство спастись отъ «позора, который ты такъ дерзко предложилъ благородному графу «Таворскому и его дѣтямъ — и это средство, я тебѣ предлагаю. «Черезъ два часа, я буду одинъ и вооруженный на мосту Сегуры! «Если ты падешь, смерть спасетъ тебя отъ несчастія; если ты по- «бѣдишь—тебѣ останется возможность бѣгства... Даю тебѣ полчаса «на отвѣтъ — въ противномъ случаѣ приду за нимъ самъ.» Маркизъ де Вильяфлоръ.

леліо. А время проходитъ скоро, сеньоръ.

сильвіо. И ты хорошо сдѣлаешь, когда имъ воспользуешься и пойдешь остановить его въ этомъ послѣднемъ безуміи.

леліо. Если онъ написалъ—онъ придетъ, сеньоръ, требовать поединка.

сильвіо. И я откажу побѣжденному Вильяфлору, точно также какъ мѣсяцъ тому назадъ Вильяфлоръ отказалъ плѣнному Сильвіо.

леліо. Таковъ вашъ отвѣтъ?

сильвіо. Отвѣтъ... я не отвѣчаю—итакъ-какъ гордому посланнику гордаго маркиза Вильяфлора нельзя будетъ передать ему моихъ словъ—пусть онъ хоть разскажетъ ему, что онъ видѣлъ (*слышанъ похоронный маршъ*). Смотри, дитя!

леліо (*подходя къ воротамъ города*). Праведное небо!

(*Изъ воротъ выходитъ толпа мужчинъ и женщинъ, которые идутъ медленно; посреди ихъ Пачеко и Фаустусъ, съ веревкой на шеѣ и цѣпями на ногахъ; Донъ Люйзъ и Кристоваль слѣдуютъ за ними*).

леліо. Стелла не съ ними! Спаслась-ли она отъ позора смертью— бѣгу къ моему господину!

(*Убѣгаетъ на-лѣво*).

сильвіо. Они сдержали слово; моя очередь теперь выполнить обѣщаніе, данное Стеллѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бенедиктъ, Пачеко, Фаустусъ, донъ Люйзъ, Сильвіо.

пачеко. Мы здѣсь, Бенъ Абдалы!

сильвіо. Развѣ ты не знаешь моего настоящаго имени, Пачеко?

пачеко. Развѣ начальники Мурсіи договаривались не съ полко-

водцемъ Абдъ-эль-Рамана, и султанъ враговъ креста не называетъ-ли своего полководца Бенъ Абдали?

сильвіо. Ты правъ, графъ Тавора, ты правъ, давая мнѣ это имя, потому-что Бенъ-Абдали, можетъ-быть, позволено сдѣлать то, чего никогда-бы не сдѣлалъ Сильвіо Теллезъ.

пачеко. Да проститъ-же намъ Бенъ-Абдали, что здѣсь не всѣ рабы, которыхъ онъ требовалъ.

люйзъ. Если только на мѣсто недостающей, ты незахочешь взять другаго.

кристоваль. Или двухъ, Сильвіо Теллезъ.

сильвіо. Слишкомъ вы горды, сеньоры думая, чтобы Сильвіо Теллезъ — когда вы хотите такъ называть его,— взялъ васъ вмѣсто той, которой любовь преслѣдовалъ онъ до развалинъ этого города; —еще больше вы горды, когда говорите съ Бенъ-Абдали, который долженъ цѣну рабы— будущаго перла его гарема.

фаустусъ. Чѣмъ-же рѣшишь ты, Сильвіо Теллезъ или Бенъ Абдали?

сильвіо. Я вамъ скажу это, вамъ, которыхъ ненависть была причиною моего перваго изгнанія изъ Мурсіи, вамъ, которые въ безумной гордости предпочли союзъ съ развратникомъ союзу съ честнымъ воиномъ,—вамъ, которые только въ убійствѣ нашли мщеніе, когда Теллезы всегда находили его въ побѣдѣ — я вамъ скажу это! Властелинъ, который хотѣлъ видѣть васъ своими рабами, котораго вы рабы—пользуется своимъ правомъ господина и даетъ вамъ свободу.

пачеко. (*съ отчаяніемъ*). О! я не предвидѣлъ этого послѣдняго позора.

фаустусъ. (*въ угрозами*). Такъ ты не хочешь конца войны?

сильвіо. Съ войною идите на меня въ Гренаду... Изъ Мурсіи я уношу то, за-чѣмъ пошолъ въ нее.

ЯВЛЕНІЕ V.

Прочіе и Фернандо.

фернандо (*прибѣгая и бросая кольцо и веревку къ ногамъ Сильвіо*). Ты унесешь эту веревку и это кольцо раба!

сильвіо (*отступя*). Вильяфлоръ!

всѣ (*съ изумленіемъ*). Маркизъ!

сильвіо. И ты дерзнулъ придти... ты!

фернандо (*спокойно*). Не писалъ-ли я тебѣ?

СИЛЬВІО (*угрожая*). Берегись — безумство не всегда находитъ одно состраданіе.

ФЕРНАНДО. (*такъ-же спокойно*). Безъ ученыхъ фразъ Сильвіо— ты научилъ меня, какъ на нихъ полагаться.

СИЛЬВІО (*схватясь за кинжалъ*). Я поклялся быть господиномъ своего гнѣва... Эй! отведите ихъ всѣхъ!..

ФЕРНАНДО (*къ маврскимъ солдатамъ, показывая имъ приказъ за печатью Абдъ-эль-Рамана*). Начните съ того, что отберите оружіе у него (*показывая на Сильвіо*) — и разорвите эти постыдныя оковы (*показывая на цѣпи Пачеко и Фаустуса*).

(*Солдаты исполняютъ*).

ПАЧЕКО. Вильяфлоръ, что́ это значитъ?

ФЕРНАНДО. Я вамъ скажу.

СИЛЬВІО. Что́ это? Назадъ—развѣ я не начальникъ вашъ?

ФЕРНАНДО. Успокойся, Теллезъ, и повинуйся.

(*подаетъ ему приказъ*).

СИЛЬВІО (*роняя мечъ*). Проклятіе!.. А! такъ ты готовилъ измѣну?..

ФЕРНАНДО. Измѣну? Я предоставляю это вамъ, маркизъ де Гуэскаръ.

ПАЧЕКО. Ради чести твоей, объяснись Вильяфлоръ — ради моей чести: если эту ты власть заплатилъ тою-же цѣною, какъ этотъ человѣкъ, я остаюсь его рабомъ.

ФЕРНАНДО. Твоя свобода и ваша, и свобода Мурсіи выкуплены дороже, чѣмъ города и замки, которые Теллезъ предалъ Маврамъ.

СИЛЬВІО. Говори-же, маркизъ, — и какъ-бы ты ни былъ гордъ своимъ торжествомъ, посмотримъ, за кѣмъ изъ насъ останется побѣда.

ФЕРНАНДО. Слушайте-же, сеньоры! — Только несчастіе внушаетъ людямъ готовность на все, — только потеря надежды даетъ смѣлость предпринимать все. Когда-бы вашъ городъ наполненъ былъ воинами, рѣшившимися защищаться до послѣдней капли крови, и еслибъ намъ оставалось только сражаться — я-бы васъ не оставилъ, и мы продолжили-бы борьбу, быть-можетъ, съ невѣрнымъ концомъ... Но со дня прибытія въ Мурсію, я разсчолъ опасность и предвидѣлъ погибель. Я могъ-бы найдти тебя среди твоего войска, Сильвіо Теллезъ — но на твое мѣсто явился бы другой полководецъ Абдъ-эль-Рамана — и я рѣшился на другое. Только десять человѣкъ нашолъ я готовыми со мною на это безумное предпріятіе, но десять человѣкъ рѣшительныхъ, терпѣливыхъ, съ стальными сердцемъ и руками, которыхъ не потревожило-бы ничто — ни

опасность, ни смерть, ни успѣхъ. Мы отправились два дня тому назадъ, — и, не давая отдыху лошадямъ, прискакали къ лагерю Абдъ-эль-Рамана; первую ночь я далъ имъ успокоиться, а самъ, въ одеждѣ Мавра, осматривалъ удивительный порядокъ этихъ тысячи ставокъ, расположенныхъ противъ Картагены. На утро — это было вчера — мы приготовились, оставили тяжолое оружіе, и убили лошадей, чтобы ржанье ихъ не разбудило стражи. Ночью, мы отправились всѣ десятеро; убивши двоихъ часовыхъ и поставя своихъ на ихъ мѣсто, мы вошли въ лагерь... Мы шли по два въ рядъ, тише, чѣмъ мать идетъ къ постели больнаго ребенка, медленно, и, по мѣстамъ находя толпы заснувшихъ невѣрныхъ, мы убивали ихъ. Во второй части лагеря, гдѣ расположены безчисленныя лошади этого безчисленнаго войска, мы отвязали ихъ столько, сколько нужно было для нашего бѣгства — потому-что мы пришли не на битву. Тамъ я оставилъ шесть товарищей для храненія лошадей, а двое изъ насъ остальныхъ прошли въ послѣднюю часть лагеря, гдѣ Абдъ-эль-Раманъ бодрствуетъ, какъ говорятъ, окруженный вѣчно-бодрствующею стражею... Приходимъ — все спало. Тогда отъ ставки къ ставкѣ, ползя, какъ змѣи, останавливаясь при малѣйшемъ шумѣ мы дошли наконецъ до царственной ставки, пасъ которою колеблется знамя Магомета... Абдъ-эль-Раманъ не спалъ; мы слышали его шаги и шопотъ за полотномъ, отдѣлявшимъ насъ отъ него... Мы ждали неподвижно, припавъ лицомъ къ землѣ чтобы заглушить наше дыханіе Вдругъ, голосъ Улема, прервавъ молчаніе этой смертной ночи, возвѣстилъ часъ молитвы. Абдъ-эль-Раманъ остановился... Опять молчаніе — и я просунулъ голову въ ставку. Онъ стоялъ на колѣнахъ, просклонясь къ землѣ, призывая своего ложнаго пророка, погруженный въ молитву. Мы входимъ — онъ слышитъ, оборачивается, но прежде чѣмъ поднялись съ земли его колѣна, маска заглушила его крикъ, веревка связала его ноги и руки. Черезъ минуту я вышелъ оттуда съ царственной добычей на плечахъ... Черезъ пять минутъ я былъ уже съ нею на одномъ изъ быстрыхъ коней, этой славы Аравіи, и мы разбудили цѣлый лагерь шумомъ нашего бѣгства, оставя это войско безъ начальника и народъ безъ главы.

пачеко (*съ изумленіемъ*). Ты сдѣлалъ это, Вильяфлоръ? Хорошо, сынъ мой!

сильвіо. Это невозможно!

фернандо. Нужно-ли иное доказательство, кромѣ повиновенія, которое окружаетъ меня? За свободу, Абдъ-эль-Раманъ согласился на удаленіе войска, на возвращеніе нашихъ городовъ, на свободу Мурсіи и на рабство этого человѣка.

сильвіо. И ты поспѣшилъ, Вильяфлоръ, воспользоваться этимъ?

фернандо. Не далъ-ли я тебѣ два часа на честный бой? Теперь уже поздно; съ той минуты, какъ Пачеко перешолъ за это укрѣпленіе, ты самъ осудилъ себя на позоръ, который готовилъ ему... Я долженъ выдать тебя головою королю, оскорбленнымъ грандамъ, измѣннически-преданной Испаніи.

сильвіо. Какъ-будто я прошу битвы... Моя побѣда начертана на этихъ разрушенныхъ стѣнахъ. Чего я хотѣлъ въ этой борьбѣ Вильяфлоръ — это мщеніе — и мщеніе Теллеза побѣжденнаго, плѣнника, раба, еще сильнѣе мщенія Сильвіо побѣдителя.

пачеко. Ты смѣешься, Сильвіо Теллезъ... Нашъ примѣръ долженъ-бы научить тебя, что есть минута, когда мужество въ покорности.

сильвіо. Я смѣюсь, говоришь ты? А какая-была главная причина этихъ ненавистей, страданій, битвъ? твоя дочь, которую ты бросилъ Вильяфлору, чтобы вырвать у меня, твоя дочь, которую ты обрекъ смерти, чтобы вырвать у меня, ибо я знаю съ какою цѣлью вы приняли условіе рабства, твоя дочь, которую ты убилъ-бы скорѣе своими руками, чѣмъ увидалъ моею... Вы знаете всѣ, что не завоеванія Мурсіи искалъ я, что не городъ, но Стеллу вы защищали отъ меня... Вы, побѣдители, отецъ, братъ, мужъ, скажите, гдѣ та, за которую мы разрушали отчизну? Гдѣ твоя дочь, Пачеко, твоя сестра, Фаустусъ, твое жена, маркизъ? Во власти-ли побѣдителей эта добыча, стоившая столько крови? Она въ ставкѣ плѣнника, раба — и вотъ мое мщеніе. (*Открываетъ полы шатра и тамъ видна Стелла.*)

всѣ. Стелла! Стелла!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Стелла.

стелла (*приближаясь, поддерживаемая женщинами*). Я....

пачеко. О! проклятіе тебѣ!

фаустусъ. О презрѣнная!... презрѣнная!

фернандо. Это-ли награда за мое благородство къ нему, сеньора?

сильвіо. И теперь несите ваши цѣпи, и горячимъ желѣзомъ клеймите вашего раба, — рана, которую я нанесъ вамъ въ сердце, глубока, и знакъ никогда не исчезнетъ.

стелла (*едва держась на ногахъ*), Не бойтесь, сеньоры, не бойтесь! всѣ вмѣстѣ терзайте сердце бѣдной женщины, которую вы мучили каждый — бросайте проклятія на ея голову, плюйте ей

въ лицо .. Она у пристани, гдѣ ничтожно все: обиды, бѣдствія... рабство.

ПАЧЕКО. Я училъ тебя, какъ спастись отъ него.

СТЕЛЛА. И я не забыла вашихъ уроковъ.

ПАЧЕКО. Ты, которое бѣжала, оставя ядъ...

СТЕЛЛА. У меня былъ свой.

ПАЧЕКО. Свой!

СИЛЬВІО (*про себя*). Свой!

СТЕЛЛА. Его стало для меня... И для тебя, Сильвіо Теллезъ.

СИЛЬВІО (*хватаясь за грудь*). Для меня!

ВСѢ. Для него!

ПАЧЕКО. Несчастная!.. Дочь моя!

СИЛЬВІО (*чувствуя боль*). Какъ? когда сейчасъ ты говорила мнѣ: «теперь мы не разстанемся,» ты говорила о смерти.

СТЕЛЛА. Не чувствуешь-ли ты ты ее?

СИЛЬВІО. О, да! это правда.

СТЕЛЛА. Я принесла ее побѣдителю, который оскорблялъ старость моего отца; Богъ хотѣлъ, чтобы я дала ее побѣжденному.

СИЛЬВІО (*едва держась*). Ты, ты? Стелла, ты это сдѣлала?

СТЕЛЛА. Да, Сильвіо, и теперь ты долженъ простить меня, потому-что кара — стала освобожденіемъ.

СИЛЬВІО. О! благодарю за это послѣднее благо — ты не будешь принадлежать имъ и я унесу тебя съ собою въ могилу.

ПАЧЕКО (*бросаясь между ними*). Прочь, Теллезъ... Дочь моя!

СТЕЛЛА. Я пришла сюда умереть за васъ, — дайте-же мнѣ умереть съ нимъ.

СИЛЬВІО (*падая*). Стелла!

СТЕЛЛА (*умирая*) На небѣ теперь, на небѣ, любовь моя! (*падаетъ на руки женщинъ*).

СИЛЬВІО. На небѣ, на небѣ!

(*падаетъ*).

ПАЧЕКО (*съ отчаяніемъ*). Дочь моя, благородная жертва, прости меня! А мы — будемъ молиться за нее.

ФЕРНАНДО. За обоихъ — и пусть вся ненависть остановится и сойдетъ въ могилу, которую она имъ ископала.

(*Всѣ становятся на колѣни — и занавѣсъ опускается*).

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИКИ.

ГАЙДНЪ.

Знаменитый Гайднъ родился въ 1732 году, перваго апрѣля, въ деревнѣ Горау, лежащей на границѣ Австріи и Венгріи.

Отецъ его, простой тележникъ, странствуя въ молодости по Германіи, выучился играть на арфѣ. Когда наступало воскресенье, трудолюбивая семья Гайдна собиралась въ кружокъ; старикъ пѣлъ съ женою и сыновьями всѣ свои любимыя, національныя пѣсни. Это тихое семейное препровожденіе времени такъ глубоко врѣзалось въ памяти Гайдна, что даже въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ онъ помнилъ всѣ пѣсни наизустъ.

Будучи только пяти лѣтъ отъ роду, маленькій Іосифъ присоединялся къ незатѣйливому семейному концерту и пресерьёзно взявъ въ правую руку палочку, водилъ ею по лѣвой рукѣ, какъ-бы играя на скрипкѣ.

Счастливый случай привелъ на одинъ изъ этихъ концертовъ дальняго родственника Гайдна, школьнаго учителя изъ сосѣдняго мѣстечка Гаймбурга. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ на семейную группу и вскорѣ замѣтилъ, что маленькій Іосифъ билъ очень вѣрно тактъ.

Это показалась ему добрымъ предзнаменованіемъ, и онъ посовѣтовалъ отцу посвятить сына музыкѣ. Совѣтъ этотъ вполнѣ согласовался съ желаніемъ отца, неимѣвшаго однакожъ средствъ дать дѣтямъ своимъ какое-либо воспитаніе. Родственникъ взялся устроить это, и вскорѣ шестилѣтній Гайднъ поступилъ въ школу, въ Гаймбургѣ. Едва онъ выучился читать и писать, какъ его за-

ставили учиться играть въ одно время на нѣсколькихъ инструментахъ.

— Я и въ гробѣ буду благодаренъ родственнику моему, часто говаривалъ Гайднъ: только жаль, что онъ меня такъ много билъ и давалъ такъ мало ѣсть!

Около двухъ лѣтъ пробылъ Гайднъ въ гаймбургской школѣ, когда счастливый случай — отъ котораго такъ часто зависитъ вся наша будущность — привелъ къ декану гаймбургскому одного изъ старинныхъ друзей его, придворнаго капельмейстера Рейтера, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и дирижоромъ капеллы церкви Св. Стефана, въ Вѣнѣ. Между-прочимъ Рейтеръ разсказалъ пріятелю своему, декану, что нѣкоторые изъ пѣвчихъ его начинаютъ терять голоса, и что онъ желалъ-бы замѣнить ихъ новыми. Деканъ предложилъ ему взять къ себѣ осьмилѣтняго Гайдна, который вскорѣ, по требованію декана, и явился къ нему съ родственникомъ своимъ, школьнымъ учителемъ.

Маленькій, проголодавшійся мальчикъ не могъ ни слышать, ни понимать словъ Рейтера.... на столѣ стояла тарелка съ вишнями: на нихъ-то было обращено все вниманіе его. Наконецъ Рейтеръ, замѣтивъ это, положилъ нѣсколько горстей вишенъ въ истертую, измятую шляпенку Іосифа и заставилъ его пропѣть нѣсколько латинскихъ и итальянскихъ строфъ, смыслъ и значеніе которыхъ Гайднъ не понималъ.

Рейтеръ остался довольнымъ.

— А умѣешь-ли ты выдѣлывать трели? спросилъ онъ.

— Трели? нѣтъ, отвѣчалъ мальчикъ: чего дядюшка не знаетъ, того и я не знаю.

Школьный учитель смѣшался, а Рейтеръ громко засмѣялся и показалъ ему, какъ должно поступать для выдѣлыванія трелей. Іосифъ понялъ и тутъ-же прекрасно исполнилъ нѣсколько трелей.

— Прекрасно! вскричалъ обрадованный капельмейстеръ: я беру тебя къ себѣ.

Нѣсколько дней спустя, Гайднъ поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ ожидали его счастіе и слава!...

Восемь-лѣтъ находился онъ пѣвчимъ при церкви Св. Стефана. Тамъ учили его пѣнію, игрѣ на разныхъ инструментахъ и теоріи музыки. Возможность слушать произведенія извѣстнѣйшихъ композиторовъ и игру лучшихъ виртуозовъ того времени, пробудила въ малодомъ Гайднѣ мало-по-малу развивавшееся дарованіе. Пренебрегая мелочами, какъ всякій раждающійся, неразвившійся геній,

Гайднъ въ то́ уже время принимался за восьми и даже шеснадцати-голосныя сочиненія.

— Мнѣ казалось, говорилъ-онъ, что главное состояло въ томъ, какъ-бы поболѣе исписать бумаги. Рейтеръ нерѣдко дѣлалъ мнѣ порядочные выговоры за слишкомъ-незрѣлыя, необдуманныя сочиненія мои и бранилъ за дерзость, съ которою я принимался за шестнадцати-голосныя композиціи, не понимая хорошенько правилъ двухголосныхъ.

До-тѣхъ-поръ жизнь Гайдна была хоть неблестяща, но, по-крайней-мѣрѣ, покойна. Ему минуло шестнадцать лѣтъ—наступилъ періодъ, когда геній долженъ былъ перенесть жестокое испытаніе житейскихъ нуждъ, побѣдить ихъ постоянствомъ, и проявиться во всемъ величіи и могуществѣ своемъ!

Онъ спалъ съ голоса и былъ исключонъ изъ капеллы. Пришлось самому добывать хлѣбъ насущный. Іосифъ нанялъ каморочку въ шестомъ этажѣ или, лучше сказать, на чердакѣ, безъ печи и съ небольшимъ квадратнымъ отверзтіемъ, вмѣсто окна. Зимой, бѣдный юноша тщетно старался согрѣться подъ шерстянымъ одѣяломъ, которое отъ холоду дѣлалось жосткимъ; вода, которую онъ самъ ежедневно приносилъ себѣ изъ колодца, замерзала въ комнаткѣ его!...

Гайднъ давалъ уроки, игралъ въ оркестрахъ, въ обществахъ; но то́, что́ онъ зарабатывалъ трудами своими, едва было достаточно на дневное пропитаніе. Бѣдность заставила его удаляться отъ людей, и уединеніе, въ которомъ онъ находился, могло-бъ имѣть пагубное вліяніе на характеръ молодаго человѣка, еслибъ у него не было друга—стараго, источеннаго червями фортепіано! Съ нимъ дѣлился онъ впечатлѣніями своими, ему передавалъ онъ все, что́ было на душѣ! Иногда мелькала въ умѣ его неясная мысль объ Италіи; туда стремился онъ всею душою, но счастіе это не досталось ему въ удѣлъ: въ противномъ случаѣ онъ, при своихъ хорошихъ основныхъ познаніяхъ въ пѣніи, композиціи и наструментальной аккомпанировкѣ, вѣрно, сдѣлался-бъ замѣчательнымъ оперным композиторомъ.

Онъ однакожъ довольно-хорошо говорилъ по-итальянски и охотно сознавался, что многимъ обязанъ итальянскому пѣвцу Порпора, которому онъ почти цѣлые три мѣсяца служилъ какъ простой лакей, только для того, чтобы-чему нибудь научиться отъ него.

Порпора давалъ дамамъ уроки пѣнія, Гайднъ аккомпанировалъ ему на фортепьяно и просилъ его иногда просматривать и исправлять сочиненія его. Такъ образовался человѣкъ, который въ продолженіе полустолѣтія, съ безпрестанно-возраставшею

славою, трудился для своего искусства, котораго знаменитѣйшія иностранныя музыкальныя общества приняли въ число членовъ своихъ, и въ честь котораго иностранцы выбивали медали. Такъ парижскія музыкальныя общества поднесли Гайдну медаль. На одной сторонѣ представленъ портретъ его въпрофилѣ, съ простою надписью: Joseph Haydn. Внизу подписано имя медальера, знаменитаго въ свое время N. Gatteaux. На другой сторонѣ представлена семиструнная лира древнихъ. Надъ лирой свѣтится пламя, окруженное вѣнкомъ изъ 13 звѣздъ. Вокругъ написаны двѣ строки; въ первой:

«Hommage à Haydn, par les musiciens qui ont exécuté l'Oratorio de la Création du Monde.»

«Приношеніе Гайдну, отъ музыкантовъ, исполнившихъ ораторію Сотворенія Міра.»

Во второй строкѣ: Au Théatre des Arts, l'an IX de la République Française.—

Мало-по-малу дарованія молодаго Гайдна, какъ учителя и композитора, сдѣлались извѣстными. Въ 1761 году получилъ онъ мѣсто директора капеллы Князя Эстергази. Князь любилъ музыку и театръ, а потому Гайднъ, въ имѣніи его, въ Венгріи, сочинилъ и поставилъ на сцену нѣсколько итальянскихъ оперъ и оперетокъ, которыя однакожъ, по собственному сознанію Гайдна, не на всѣхъ театрахъ могутъ быть играны, потому-что написаны сообразно съ личными способностями актеровъ того театра и вкусомъ князя, который иногда бывалъ весьма-страненъ, и вообще эффектъ ихъ разсчитанъ на удовлетвореніе частныхъ, а не общихъ требованій. Не-смотря на то, еще при жизни Гайдна нѣкоторыя появились въ публикѣ, и по-сю пору играются странствующими актерами, какъ напримѣръ премиленькая оперетка съ страннымъ названіемъ: *Кривой чортъ*.

Въ послѣдствіи вкусъ князя измѣнился. Ему надоѣли притязанія и интрижки актеровъ — всѣмъ извѣстно, что нигдѣ, ни въ какомъ искусствѣ зависть и самолюбіе не играютъ такую важную роль, какъ въ драматическомъ; — однимъ-словомъ, князю надоѣли актеры, онъ распустилъ ихъ и вмѣсто ихъ взялъ болѣе терпѣливыхъ, миролюбовыхъ и спокойныхъ артистовъ, которымъ ему не надо было платить жалованья, которыхъ онъ могъ подарить, перепродать и даже, еслибъ они ему уже слишкомъ надоѣли, совершить надъ ними auto-da-fe, не смотря на долголѣтнія заслуги ихъ. Актеры эти были..... маріонетки, куклы.

Но такъ-какъ придворные артисты стоятъ всегда выше частныхъ, странствующихъ, которые не могутъ, не смѣютъ равняться съ ними, то и маріонетки князя Эстергази были чудо въ своемъ

родѣ. Императрица Марія Терезія съ особымъ удовольствіемъ присутствовала при этихъ представленіяхъ и отдавала имъ преимущество передъ вѣнскими придворными театрами своими. Князь-же употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать кукольныя комедіи свои достойными той чести, которая была оказана имъ лестнымъ вниманіемъ Государыни.

Желая разнообразить представленія свои, князь придумалъ заставить маріонетокъ сыграть — оперу. За кулисами пѣли пѣвцы и пѣвицы, между-тѣмъ, какъ куклы размахивали руками на сценѣ. Оригинальная мысль эта очень понравилась, и Гайднъ написалъ для кукольнаго театра пять нѣмецкихъ оперъ.

Новая-ли прихоть или экономическая необходимость, заставила князя распустить свою капеллу и, слѣдовательно, отказать и Гайдну. Однакожъ въ этомъ случаѣ онъ поступилъ очень-благородно, наградивъ каждаго и позволивъ имъ остаться во дворцѣ, пока они не пріищутъ другаго мѣста. Гайднъ, въ прекрасномъ характерѣ котораго выше всего стоятъ доброжелательство и любовь къ ближнимъ, особенно къ товарищамъ по искусству, и который такъ хорошо умѣлъ дѣйствовать на людей звуками, былъ внушенъ добрымъ сердцемъ своимъ; геній-же его помогъ ему привесть въ исполненіе мысль свою. Для послѣдняго концерта, который музыканты должны были дать въ замкѣ князя, онъ написалъ *прощальную симфонію*, которая, по оригинальности своей, заслужила всемірную извѣстность.

Наступилъ день концерта. Ввѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прощальную симфонію. Громко зазвучали всѣ инструменты; гости съ удивленіемъ посматривали другъ на друга, находя, что въ этомъ шумномъ tutti не было ничего прощальнаго..... но вотъ мало-помалу forte превращается въ piano, pianissimo, прекрасно разсчитанное, потому-что ни одинъ инструментъ не умолкалъ, но въ самомъ этомъ общемъ piano было что-то грустное. Но вотъ одинъ инструментъ за другимъ умолкаетъ; сначала духовые, потомъ контрбасъ, віолончель, віола, вторая скрипка..... каждый музыкантъ, окончивъ партію свою, гасилъ свѣчу и тихо удалялся изъ залы..... наконецъ остался одинъ Гайднъ; онъ проигралъ еще нѣсколько тактовъ, погасилъ свѣчу, и, растроганный до глубины души, медленнымъ, но твердымъ шагомъ вышелъ изъ залы.....

Симфонія произвела желаемое дѣйствіе. У всѣхъ слушателей были слезы на глазахъ; князь долго не могъ выговорить ни слова; наконецъ велѣлъ призвать къ себѣ Гайдна и опять ангажировалъ его къ себѣ съ лучшими музыкантами капеллы своей. По представленію Гайдна оказалось, что *всѣ* были *лучшіе*.

Тогда сочинилъ онъ другую симфонію въ противуположность къ первой, а именно: она начилась тихимъ скрипичнымъ соло: одинъ музыкантъ приходилъ за другимъ, зажигалъ свѣчу и начиналъ играть; наконецъ все слилось въ громкое, радостное tutti.

Однакожъ Гайднъ не долго оставался у князя. Нѣсколько разъ получалъ онъ почотныя приглашенія изъ Лондона, и наконецъ въ 1786 году рѣшился поѣхать туда. Тамъ сочинилъ онъ нѣсколько симфоній, концертовъ, пѣсенъ, дирижировалъ оркестрами, давалъ концерты, уроки, и щедро былъ награждаемъ великодушными Англичанами. Особеннымъ покровителемъ и обожателемъ таланта Гайдна былъ лордъ Сломонъ, которому онъ посвятилъ бо́льшую часть мастерскихъ симфоній своихъ. Англичанамъ обязанъ былъ Гайднъ благосостояніемъ, богатствомъ своимъ.

Въ 1787 году послалъ онъ королю прусскому шесть новыхъ симфоній. Лестнымъ письмомъ и перстнемъ, цѣною въ 300 червонцевъ, выразилъ ему король благоволеніе свое,

Ораторія: *Сотвореніе міра* увеличила славу Гайдна, который сътѣхъ-поръ сталъ однимъ изъ великихъ нѣмецкихъ композиторовъ и любимцемъ германцевъ, гордившихся и гордящихся славнымъ соотечественникомъ своимъ. Произведенія Гайдна доказали неистощимое богатство, величіе и силу генія его, новаго, разнообразнаго и поразительнаго. Онъ придалъ нѣмецкимъ инструментельнымъ пьесамъ, а именно квартетамъ и симфоніямъ, такое совершенство, о какомъ до-тѣхъ-поръ никто и не мечталъ. Все говоритъ, когда онъ приводитъ въ движеніе оркестръ свой. Всѣ гармоническія мудрствованія, современныя готическому вѣку, сѣдыхъ контрапунктистовъ, принимаютъ болѣе-пріятныя формы, въ рукахъ Гайдна. Его темы отличаются особенною оригинальностію, которая заставляетъ любить ихъ и запоминать.

Часто первыя ноты въ произведеніяхъ Гайдна кажутся какъ-бы на удачу брошенными на бумагу. Но какой оборотъ принимаютъ далѣе эти, по-видимому, ничего назначещія ноты? Онѣ увлекаютъ слушателей! Изумленіе и удовольствіе поражаютъ всякаго, обращающаго вниманіе на развитіе высокихъ идей и слушатели невольно забываются. Молодая красавица и посѣдѣвшій на партитурахъ контрапунктистъ, съ равнымъ удовольствіемъ слушаютъ творенія Гайдна..... Это одно изъ лучшихъ доказательствъ того, какъ хорошо онъ умѣлъ соединить натуру съ искусствомъ.

Уже первые квартеты его, появившіеся въ 1760 году, обратили на себя вниманіе музыкантовъ и любителей. Одни смѣялись и восхищались чрезвычайной наивностью и веселостью, которыми кварте-

ты эти отличаются; другіе-жъ кричали объ упадкѣ музыки, унижаю щейся до комическихъ шуточекъ, и о неслыханныхъ октавахъ.

Германія признала высокое достоинство своего барда, пожаловавъ ему титулъ *доктора музыки*. Графъ Карлъ Леонгардъ фонъ Коррагъ приказалъ соорудить Гайдну памятникъ, понынѣ находящійся въ Горау, мѣстѣ рожденія его и состоящій изъ четырехъ угольнаго столба, на которомъ высѣчены музыкальныя трофеи.

Сотвореніе мира Гайдна возбудило вездѣ живѣйшій восторгъ. Особенно замѣчательно первое исполненіе этой ораторіи въ Парижѣ, 24-го декабря 1801 года. 250 пѣвцовъ, обожателей Гайдна, выполнили хоры съ рѣдкимъ совершенствомъ. Самое объявленіе объ ораторіи, выпущенное задолго до публичнаго исполненія ея, надѣлало много шуму; за двѣ недѣли нельзя было достать ни одной ложи. Въ девять часовъ утра въ день исполненія, театръ былъ окруженъ народомъ, а вечеромъ давка была страшная. Наполеонъ и всѣ члены правленія были въ театрѣ.

Всѣмъ извѣстна страсть Французовъ къ пародіямъ; воспользовавшись извѣстностію, которую заслужило безмертное прозведеніе Гайдна, директоры парижскаго театра *du Vaudeville заказали* піесу, которая была состряпана на-скорую-руку, и въ-самомъ-дѣлѣ доставила имъ большія выгоды. Піеса эта называлась: La recréation du monde, suite de l'oratorio: La création du monde, musique Haydn en vaudeville.

По случаю перваго исполненія ораторіи, артисты, участвовавшіе въ ней, поднесли Гайдну медаль, о которой мы уже упомянули. Но это еще не все: члены музыкальныхъ обществъ были приведены въ такой восторгъ безсмертнымъ произведеніемъ германскаго композитора, что всячески старались достать гдѣ-нибудь бюстъ его, чтобы заочно увѣнчать великаго Гайдна. Послѣ втораго исполненіе ораторіи была произнесена торжественная рѣчь въ честь творца дивнаго произведенія и одинъ изъ почотнѣйшихъ членовъ возложилъ вѣнецъ на голову бронзоваго бюста, на пьедесталѣ котораго написано было крупными золотыми буквами:

Безсмертному Гайдну.

Всеобщій энтузіазмъ помѣшалъ зрителямъ разсмотрѣть, что члены музыкальныхъ обществъ, не доставъ нигдѣ бюста Гайдна, рѣшились замѣнить его античнымъ бюстомъ Катона!... Однакожъ почести, воздаваемыя комзитору, не были оттого ни менѣе искренны, ни менѣе сердечны.

Въ 1800 году, 18-го сентября, ораторія была выполнена въ Лондонѣ, оркестромъ, состоявшимъ изъ 150 музыкантовъ, въ тамошней университетской церкви и въ пользу состарѣвшихся музыкантовъ или вдовъ ихъ.

Везлѣ, въ великолѣпнѣйшихъ столицахъ и въ незначительнѣйшихъ городишкахъ была выполнена чудесная ораторія, и принята съ любовію. Слава Гайдна распространилась по всему свѣту и о композиціяхъ его всѣ отзывались съ одинакою похвалою. Только гордый, завистливый Паэзіелло, не-смотря на лоскъ и притворство, приданные ему придворною жизнію, не могъ скрыть своей итальянской зависти, и при представленіи превосходной «Аріадны» Гайдна, воскликнулъ:

— Che porcheria tedesca! (Какое нѣмецкое свинство!)

Только злоба, при невольномъ сознаніи собственной слабости, внушила маэстро эти слова, между-тѣмъ, какъ онъ самъ много-бы далъ, чтобъ быть композиторомъ хоть одной изъ этихъ нѣмецкихъ «porcheria».

Изъ слѣдующаго анекдота можно видѣть, какъ творенія Гайдна сдѣлались народными, и какъ имя его было любимо и уважаемо.

Гайднъ проходилъ однажды съ пріятелемъ мимо корчмы. Это было въ праздникъ и собравшіеся крестьяне весело плясали менуэтъ, по музыкѣ, сочиненной Гайдномъ.

— Сыграемте шутку, сказалъ композиторъ пріятелю своему: вмѣстѣ съ нимъ вошолъ въ корчму и сѣлъ возлѣ деревенскаго оркестра.

— Чей это менуэтъ? спрашиваетъ Гайднъ простодушно у скрипача.

— Гайдна, былъ отвѣтъ.

— Какъ можно играть такую дрянь! вскричалъ композиторъ.

— Что-о? протяжно спросилъ скрипачъ, не переставая играть.

— Я говорю, какъ можно играть такую...

Не успѣлъ Гайднъ выговорить послѣдняго слова, какъ разсерженный скрипачъ съ-размаха ударилъ его по спинѣ смычкомъ. Этимъ-бы дѣло не кончилось и Гайдна порядочно-бы поколотили, ради собственной славы его, еслибъ онъ не убрался поскорѣе изъ корчмы.

Воротившись изъ Англіи въ Германію, Гайднъ поселился въ маленькомъ домикѣ и провелъ остальные годы жизни своей въ уединеніи. Въ комнатѣ его были развѣшены по стѣнамъ англійскія гравюры, представлявшія времена года, чувства, человѣческія качества и наклонности, какъ напримѣръ, любовь, дружбу, вѣрность, благодарность и др. Подъ каждой изъ этихъ гравюръ онъ напи-

салъ нѣсколько характеристическихъ нотъ, выражавшихъ изображенное чувствованіе, и часто разыгрывалъ со стѣны эти характеристическіе такты по порядку.

Онъ очень-уважалъ Моцарта и не упускалъ случая доказать этому великому композитору искреннѣйшую привязанность свою.

— Какъ передъ Богомъ и какъ честный человѣкъ говорю я вамъ, что Моцартъ величайшій композиторъ въ мірѣ, говаривалъ Гайднъ. Между-тѣмъ и Моцартъ отдавалъ Гайдну преимущество передъ собою. Прекрасные квартеты Моцарта, посвященные Гайдну, доказываютъ по удивительной обработкѣ и оконченности своей, какъ онъ заботился о томъ, чтобы понравиться Гайдну. Кто хотѣлъ унизить послѣдняго, былъ врагомъ Моцарта. Однажды какой-то второстепенный музыкантъ, присутствуя при исполненіи квартетовъ Гайдна, восклицалъ безпрестанно:

— Эхъ, не то! ошибка! нелѣпость!... Я-бы это не такъ сдѣлалъ!

— И я тоже, замѣтилъ Моцартъ, тутъ-же находившійся: потому-что не съумѣлъ-бы такъ хорошо сдѣлать! Повѣрьте, хоть-бы десятерыхъ такихъ музыкантовъ, каковы мы съ вами, слить вмѣстѣ, то все-еще мы не составимъ и одного Гайдна.

Гайднъ скончался въ Вѣнѣ, въ 1809 году, 21-го мая, семидесяти-семи лѣтъ отъ роду.

Онъ былъ средняго роста. Въ чертахъ лица его не было ничего особеннаго, рѣзкаго, исключая выраженія добродушія, которое располагало всякаго къ нему. Въ глазахъ его много огня и въ нихъ-то сверкалъ высокій геній, создавшій столько безсмертныхъ твореній. Онъ одѣвался просто, но съ опрятностью и заботливостью. Онъ оставилъ небольшое состояніе, нажитое имъ въ Англіи, гдѣ труды его были щедро награждаемы.

Онъ велъ жизнь тихую, скромную и порядочную, почему во всѣхъ произведеніяхъ его и видна глубокая обдуманность, которую во всякомъ случаѣ должно ставить выше всѣхъ неправильныхъ, огненныхъ вспышекъ, часто порождаемыхъ бутылкой шампанскаго; Гайднъ всегда слѣдовалъ золотому правилу, неповиновеніе которому такъ преждевременно убило Моцарта и столькихъ геніальныхъ художниковъ. Это правило было: «Береги тѣло свое, — оно есть лучшій другъ души твоей!»

Нерѣдко употреблялъ Гайднъ высокое дарованіе свое на вспомоществованіе странствующему человѣчеству; такъ между-прочимъ устроилъ онъ большой концертъ, въ пользу бѣдныхъ мѣщанъ вѣнскаго санкт.маркскаго предмѣстья, въ-слѣдствіе котораго Вѣнскій Магистратъ поднесъ ему большую гражданскую медаль.

Между оставшимися бумагами найденъ былъ списокъ всѣхъ со-

чиненій его, имъ самимъ составленный; вотъ что́ сочинилъ онъ отъ 18-ти до 73 года жизни своей:

118 Симфоній.
163 піесы для віолы. (Viola di Bordone).
20 легкихъ піесъ для различныхъ инструментовъ.
3 марша.
24 тріо.
6 скрипичныхъ соло.
15 концертовъ для различныхъ инструментовъ.
30 духовныхъ композицій.
83 квартета.
66 сонатъ для фортепіано.
42 нѣмецкихъ, англійскихъ пѣсенъ и итальянскихъ дуэтовъ.
40 каноновъ.
13 трехъ и четырехголосныхъ пѣсенъ.
14 итальянскихъ оперъ.
5 ораторій.
366 шотландскихъ пѣсенъ.
400 менуэтовъ и другихъ нѣмецкихъ пѣсенъ.

Какое изобиліе! И въ каждомъ изъ этихъ музыкальныхъ сочиненій, отдѣльно взятомъ, сколько богатства, силы, полноты, чистоты, пріятности, оригинальности, чувства, веселости и игривости!..

Гайдна, геніальность котораго признана цѣлымъ міромъ, нельзя подвергнуть обыкновенной критикѣ, а потому мы позволяемъ себѣ только разсмотрѣть и объяснить подробности важнѣйшихъ изъ сочиненій его, между которыми, безспорно, первое мѣсто занимаетъ орато́рія —

1) *Сотвореніе міра*. Сюжетъ поэмы, написанной барономъ Свитеномъ, есть библейскій разсказъ о сотвореніи міра, къ главнымъ моментамъ котораго поэтъ по-временамъ присоединяетъ свои размышленія; для контраста представилъ поэтъ отсутствіе свѣта и порядка, какъ двѣ непріязненныя силы, которымъ онъ противопоставилъ новый свѣтъ, какъ высшую, могущественнѣйшую силу. Непонятно, по какой причинѣ и для чего поэтъ заставляетъ трехъ ангеловъ, *Рафаэля*, *Габріэля* и *Уріэля* разсказывать сотвореніе міра, какъ-будто-бъ они при немъ присутствовали! Гдѣ нѣтъ характеровъ, которые могли-бъ выражаться дѣйствіями и поступками, тамъ не-зачѣмъ вводить лица и имена. Вообще поэма слаба и ни въ какомъ случаѣ не можетъ удостоиться сравненія съ геніальнымъ произведеніемъ Гайдна. Но самые недостатки поэмы даютъ

внимательному артисту случай — подивиться искусству, съ которымъ композиторъ умѣлъ скрыть ихъ.

Теперь разсмотримъ музыку.

Въ самой увертюрѣ(C-moll) проявляется мастерское произведеніе. Она называется *хаосъ* и есть въ-самомъ-дѣлѣ дивная музыкальная композиція. Въ ней соединены всѣ инструменты, образующіе огромное, необъятное цѣлое, поражающее слушателей смѣлостью композиціи и *громадностью* исполненія. Невольно изумляешься множеству аккордовъ и руладъ, сопровождаемыхъ широкими, могучими массами звуковъ... все это въ соединеніи своемъ прекрасно выражаетъ поэтическую идею, которую можно создать себѣ о великомъ, чудесномъ, міровомъ *хаосѣ*.

За увертюрой слѣдуетъ въ библейскомъ порядкѣ разсказъ о сотвореніи міра, раздѣленный на речитативы, аріи и хоры.

Речитативы, какъ простые разсказы, не представляютъ предметовъ, способныхъ къ высокой лирической отдѣлкѣ; однакожъ инструментовка ихъ прекрасна.

Въ *аріяхъ* встрѣчается гораздо-болѣе обдуманнаго, хотя стихи бо́льшею частію дурны и доказываютъ, что авторъ ихъ не зналъ, что̀ значитъ писать для музыки.

Слова, писанныя для музыки, должны не только выражать чувствованія, но и имѣть приличныя формы. Въ текстѣ, написанномъ для музыки, должно быть не *историческое*, но *драматическое* представленіе чувствованій. Не должно разсказывать, *что̀* лицо чувствовало или ощущало, но должно вывесть самое лицо и заставить его самого представлять или выражать ощущенія свои. Однакожъ въ творческихъ рукахъ Гайдна и самая бѣдная поэма получаетъ прелесть и интересъ — Какъ волшебнымъ жезломъ коснулся онъ словъ и они стали прекрасны! На-примѣръ, стихъ «И бысть свѣтъ!» гдѣ безъ всякаго приготовленія C-moll превращается въ C-dur и гдѣ аккомпаньементъ дышетъ божественною радостію, производятъ удивительный эффектъ. То мѣсто, гдѣ впервые является мѣсяцъ, исполнено томной, нѣжной прелести.

Вторая часть ораторіи въ музыкальномъ отношеніи стоитъ гораздо-выше первой. Первая арія второй части—Fe dur Moderato — есть, безспорно, превосходнѣйшая арія во всей этой композиціи; впрочемъ она удалась и поэту:

Aus jedem Busch und Hain
Erschallt der Nachtigallen süsse Kehle;
Noch drückte Gram nicht ihre Brust,
Noch war zur Klage nicht gestimmt
Ihr reizender Gesang. –
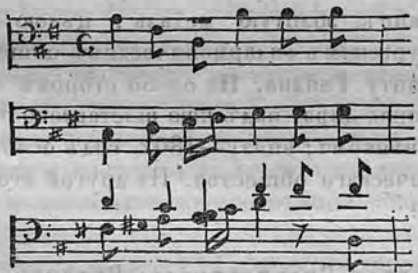
«Изъ каждаго куста и рощи раздается сладкій голосъ со-«ловьевъ; еще тоска груди ихъ не сжимала, еще на жалобу не бы-«ла настроена ихъ восхитительная пѣснь.»

Въ этихъ словахъ Гайднъ доказалъ, какое вниманіе онъ обращалъ на каждый стихъ, на каждое слово, которое могло быть музыкально выражено. Послѣ нѣсколькихъ другихъ прекрасныхъ арій и хоровъ, въ концѣ второй части является человѣкъ, который, наконецъ, съ сопутницей жизни своей, въ третьей части ораторіи, изливается благодарственною и хвалебною пѣснью, при взглядѣ на дивное, великое созданіе Всевышняго!

Особенно замѣчательны тутъ два хора:

Denn er hat Himmel und Erde bekleidet mit herrlicher Pracht!

«Онъ одѣлъ землю и небо съ дивнымъ великолѣпіемъ!»

и: Vollendet ist das grosse Werk! «Окончено великое созданье!» — Также прекрасенъ хоръ: Die Himmel erzählen die Ehre Gottes! — «Небеса возвѣщаютъ славу Господню!», быстро переходящій въ tutti въ C-dur, куда предшествовавшій речитативъ (Д), вводитъ незамѣтнымъ образомъ.

Послѣдній окончательный хоръ: Der Herr ist gross — «Великъ Господь» — есть самая полнозвучная торжественная пѣснь искусства музыки и налагаетъ вѣнецъ безсмертія на божественнаго пѣвца!

Первая идея этой ораторіи принадлежитъ англичанину *Лидлею*. Онъ написалъ поэму, на которую Гайднъ однако-жъ вскорѣ отказался писать музыку, по недостаточному знанію англійскаго языка; притомъ-же текстъ былъ такъ великъ, что ораторія продолжалась-бы не менѣе четырехъ часовъ. Гайднъ взялъ однако-жъ текстъ съ собою въ Германію и показалъ его барону *фанъ Свитену*, который и передѣлалъ его на нѣмецкій языкъ. Лордъ Саломо, для котораго была написана англійская поэма, обидѣлся этимъ и

хотѣлъ затѣять съ Гайдномъ процессъ, но тотъ доказалъ ему, что Свитенъ заимствовалъ только идею, а не слова и стихи англійской поэмы; притомъ-же Лидлей умеръ, а потому дѣло это и не имѣло никакихъ послѣдствій.

Гайднъ написалъ *Сотвореніе міра* въ 1797 году, слѣдовательно, 65 лѣтъ отъ роду. Онъ разсказывалъ, что не можетъ выразить того, что́ ощущалъ въ день перваго исполненія ораторіи. «То ледянистый холодъ обхватывалъ всѣ члены, то меня бросало въ нестерпимый жаръ, и я не одинъ разъ боялся, что со мною на мѣстѣ сдѣлается ударъ,» говорилъ онъ.

Ораторія эта значительно увеличила благосостояніе Гайдна. Музыкальное общество, при которомъ фанъ-Свитенъ былъ секретаремъ, подарило ему 500 червонцевъ; дало концертъ въ пользу его и напечатало партитуру на свой счотъ — все это доставило Гайдну около 12,000 гульденовъ, исключая подарка.

Въ 1808 году, 25 іюля, вручилъ ему русскій посланникъ въ Вѣнѣ, князь Куракинъ, золотую медаль, цѣною въ 42 червонца, выбитую петербургскимъ филармоническимъ обществомъ въ знакъ уваженія къ таланту Гайдна. На одной сторонѣ медали изображена четырехструнная лира, надъ нею выставлено имя Гайдна, обвитое лавровымъ вѣнкомъ; внизу—1802, годъ основанія петербургскаго филармоническаго общества. На другой сторонѣ медали слѣдующая надпись:

Societas Philharmonica Petropolitana
Orpheo Redivivo.

Внизу выставлено имя гравера: Carl Uebrecht F.
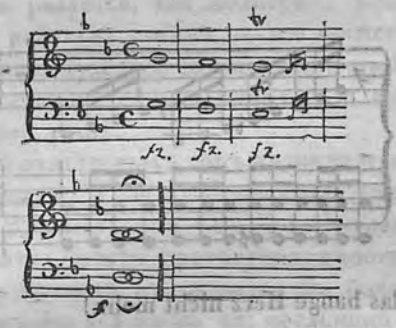
Огромный успѣхъ ораторіи внушилъ барону фанъ-Свитену передѣлать съ англійскаго:

2) *Четыре времени года*—Томсона, и предложить Гайдну написать на эту поэму музыку. Гайднъ согласился, однако-жъ нерѣдко жаловался на непоэтическій текстъ и на то́, какъ трудно было ему воодушевиться подобными словами: «Хейсаса, хопсаса, да здравствуетъ вино! да здравствуетъ бочка, изъ которой оно льется», и т. п.

Весной 1801 года было въ первый разъ исполнено это мастерское произведеніе въ княжескомъ Шварценбергскомъ дворцѣ въ Вѣнѣ, и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Оно состоитъ изъ четырехъ отдѣленій, изъ которыхъ каждое посвящено особому времени года.

Увертюра (G-moll) представляетъ переходъ отъ зимы къ веснѣ;

первыми четырьмя тактами, наводящими на зрителей невольную, холодную дрожь, выражена зима:
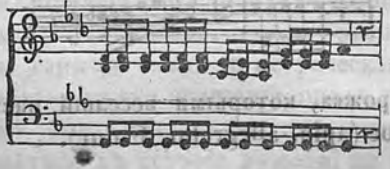

Начало весны выражено отрывками звуковъ зимы, соединенныхъ болѣе пріятными нотами и сливающимися наконецъ въ нѣжное адажіо, которое прелестно подражаетъ шуму теплыхъ весеннихъ вѣтерковъ. Наконецъ наступаетъ самая весна въ хорѣ крестьянъ (G-dur, allegretto) Komm holder Lenz! Des Himmels Gabe komm! — «Приди, очаровательная весна! Даръ неба, приди!» — Хоръ этотъ дышетъ настоящимъ весеннимъ воздухомъ, который трогаетъ душу и оживляетъ прекраснѣйшія юношескія надежды и мечты наши.

За хоромъ слѣдуетъ молитва (F-dur, coro poco adagio) крестьянъ, просящихъ Всевышняго ниспослать плодотворный дождь и лучи солнечные, и пѣснь юношей и дѣвушекъ при видѣ оживающей природы, (Andante, A-dur). Въ пѣсни этой проявляется вся сила, жизнь и радость цвѣтущей юности.

Лѣто начинается введеніемъ въ 8 тактовъ (C-moll, adagio,). Картиной утренней зари и медленно-удаляющейся ночи. Слышны послѣдніе звуки отлетающихъ ночныхъ птицъ.
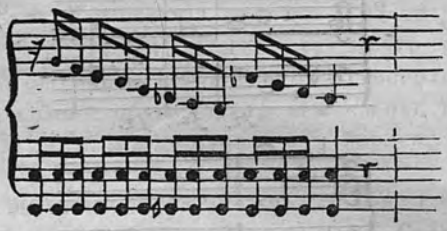
Zu düstern Höhlen flieht der Leichenvögel blinde Schaar.

«Къ мрачнымъ пещерамъ летитъ слѣпая стая могильныхъ птицъ:»
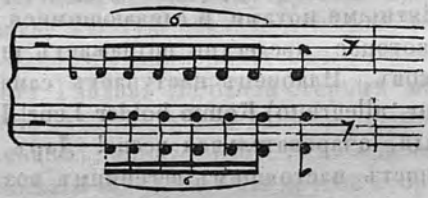

Ihr dumpfer Klagethon :

«Глухой звукъ жалобъ ихъ:»
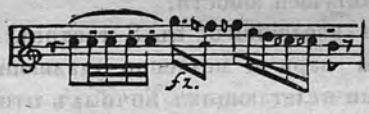

Beklemmt das bange Herz nicht mehr !

«Ужъ не сжимаетъ сердца!»
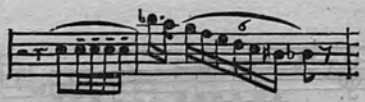

Потомъ нѣсколькими нотами приготовленный переходъ въ C-major. Гибкіе звуки скрипокъ рисуютъ дѣятельность пробуждающагося дня, и гобои подражаютъ крику пѣтуха, дважды:

Овое:

Des Tages Herold meldet sich, und nun zum drittenmale –

«И въ третій разъ ужъ возвѣстилъ герольдъ дня»

Потомъ звуки рожка, которыми веселый пастухъ сзываетъ на пастбище стадо свое (арія, allegretto, F-dur).

Солнце восходитъ во всемъ величіи своемъ. Хоръ всей природы празднуетъ появленіе его (largo D-dur); все дышетъ счастіемъ и благодарностью, все радуется, все молится!.. Крестьяне приступаютъ къ полевымъ работамъ своимъ, — все движется, дѣйствуетъ, трудится, и вотъ уже полуденное солнце широкими лучами согрѣваетъ землю. Жаръ становится нестерпимымъ и крестьяне ищутъ прохлады въ тѣнистой рощѣ.

Но надъ верхушкой отдаленныхъ горъ поднимается легкій паръ... онъ густѣетъ, чернѣетъ, и вотъ уже мрачная, тяжолая, холодная туча покрыла небо. Это выражено рѣзкимъ контрастомъ, въ которомъ сопрано уступаетъ мѣсто противуположности своей — басу.

Мало-по-малу все тихнетъ въ природѣ. Въ боязливомъ ожиданіи остановилась какъ-бы вся жизнь ея, неслышно ни одного звука, ни одно животное не движется, ни одинъ листокъ не шевельнется.
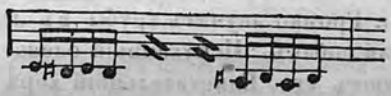
Темно. Сверкнула молнія.

Ao assai.

И вмѣстѣ съ хоромъ:

f c f as Ach! das Ungewitter naht!
«Ахъ! Гроза приближается!»

разражается громъ. Раскаты его страшны и поражаютъ невольнымъ ужасомъ всѣхъ слушателей.

Невозможно описать силу и могущество этого геніальнаго творенія! Все, чѣмъ мы привыкли восхищаться въ мастерскихъ произведеніяхъ, порядокъ композиціи, вѣрное расположеніе, постепенность, градація, гармоническая и метрическая обработка идей и мелодическія формы—все это исчезаетъ предъ геніальной и громадной организаціей этого колоссальнаго творенія, съ которымъ ничто, донынѣ извѣстное въ исторіи музыки, не можетъ сравнить-

ся. Должно изумляться неслыханно-величественной картинѣ возмутившейся природы! Все въ ней свободно и естественно; нѣтъ ничего натянутаго, изысканнаго, противнаго принятымъ правиломъ. Модуляція, инструментовка, пѣніе, все согласно, все вѣрно и прекрасно! Гайднъ даже не воспользовался искусствомъ предшественниковъ своихъ, гдѣ гроза мало-по-малу приближается и наконецъ разражается массой страшныхъ звуковъ — нѣтъ! у него послѣ мертвой тишины сверкнула молнія и разомъ ударилъ громъ, раскаты котораго поражаютъ не только ухо слушателя, но и сердце его. Глубокое чувство сознанія собственной слабости въ сравненіи съ неограниченнымъ могуществомъ Всесильнаго пробуждается — гордое, непреклонное сердце побѣждено... изъ него изливается молитва!

Но гроза прошла. Вечеретъ. Заходящее солнце бросаетъ послѣдній взглядъ милости на лѣсъ и поле. Сытыя стада лѣниво возвращаются въ деревню. Слышенъ крикъ перепелки, чириканье сверчка, кваканье лягушки... раздается звонъ вечерняго колокола... солнце сѣло...

Такъ кончается лѣто. Осень начинается введеніемъ, выражающимъ радостное чувство крестьянъ при обильной жатвѣ — (allegretto, G-dur). Охотники выѣзжаютъ въ поле. Охотничья собака идетъ по-слѣду дичи. (Басовая арія—A-moll, allegro). Она останавливается, чуя близкую добычу. Бѣдная птица, испуганная близостью непріятеля, съ крикомъ боязни поднимается въ воздухъ; раздается выстрѣлъ и она падаетъ мертвая на землю—(A-dur). Невозможно выразить, какъ умно и поразительно вѣрно выражено это маленькое, незначительное обстоятельство; за нимъ слѣдуетъ картина большой охоты. Громко звучатъ трубы въ лѣсу и эхо вторитъ имъ. Слышенъ лай собакъ. Испуганный олень бѣжитъ; охотники и собаки преслѣдуютъ его. Блистательный хоръ охотниковъ, (сначала въ D, потомъ въ Es.) За охотой слѣдуютъ радостныя пѣсни собирателей винограда, исполненныя жизни и игривости.

Зима начинается интродукціей, выражающей холодное, сырое ноябрское время — (adagio, ma non troppo, C-moll). — Сѣрый туманъ окутываетъ верхушки горъ, мало-по-малу спускается и на долины, и помрачаетъ даже свѣтъ солнца. Продолжительность ночей прекрасно выражена въ мелодіи и почти картинно, осязательно изображена нотами. Слѣдующее presto (E-moll) подготавливаетъ сцену, которая составляетъ главную часть этого отдѣленія. Въ немъ выражена нерѣшительность заблудившагося путника, пробирающагося по глубокому снѣгу. Путникъ приходитъ

въ отчаяніе, но вотъ свѣтится огонекъ... Къ нему направляетъ онъ шаги свои. Слухъ его, утомленный и напуганный страшнымъ завываніемъ вѣтра, обрадованъ тихими, радостными звуками домашней жизни крестьянъ, собравшихся въ теплой комнатѣ въ кружокъ, и проводящихъ время въ легкой работѣ и веселой бесѣдѣ. Забавная, наивная, деревенски-флегматическая вѣрность этой сцены такъ прекрасно выражено, что плѣняетъ всякаго, не-смотря на второстепенную характеристику свою. Послѣднее отдѣленіе оканчивается сильнымъ, выразительнымъ хоромъ (C-dur).

Нѣкоторые обвиняли Гайдна въ томъ, что въ этой ораторіи онъ слишкомъ-изобиленъ картинами и напрасно мѣшаетъ комическое съ серьёзнымъ. Конечно, не всякому композитору удадутся подражанія кваканью лягушекъ, пѣнію пѣтуховъ, крику перепеловъ и проч., и молодымъ музыкантамъ отнюдь не должно приниматься за подобныя попытки; но въ ораторіи Гайдна ихъ никакъ нельзя назвать излишними или неприличными, потому-что онъ смотрѣлъ на нихъ и вводилъ ихъ, какъ звуки минутные, быстро проходящіе; они были-бъ смѣшны и неприличны только въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ обратилъ на нихъ особенное вниманіе и захотѣлъ-бы написать цѣлую лягушечью или пѣтушью арію.

Музыкальное представленіе четырехъ главныхъ моментовъ и образованіе ихъ въ одно цѣлое, прекрасно удалось Гайдну, и эта вѣрно-расположенная музыкальная картинная галлерея съ четырьмя главными картинами и маленькими эпизодическими, придаточными очерками, образуетъ новое, самостоятельное произведеніе геніальнаго творчества, которое, по несходству своему со всѣми обыкновенными, прежде извѣстными формами, стоитъ отдѣльно, въ собственной силѣ своей твердо, оригинально, прекрасно — неподражаемо.

3) *Семь словъ Спасителя на Крестѣ*.. Подъ этимъ названіемъ извѣстны семь превосходныхъ адажіо, давно извѣстныхъ цѣлому міру и въ такой степени, что разборъ ихъ излишенъ. Они были заказаны Гайдну кадикскимъ епископомъ. Дѣйствіе, производимое этими адажіо во-время обѣдни, невыразимо сильно и глубоко. Финалъ, позже прибавленный Гайдномъ и въ которомъ принимаютъ участіе всѣ, въ оркестрахъ употребляемые инструменты, принадлежитъ, безспорно, къ самому оконченному, полному произведенію Гайдна.

4) *Il ritorno di Tobia*. Одно изъ первыхъ произведеній Гайдна, написанное совершенно по образцу старинныхъ ораторій; множество длинныхъ речитативовъ, такія-же длинныя аріи, на образецъ

бравурныхъ; цѣлое растянуто; ни одного выдержаннаго характера — исключая стараго Товія. Не-смотря на то, въ частностяхъ есть уже проблески высокаго дарованія. Увертюра и интродукція: «Pietà d'un infelice!» арія: «Quel figlio a te si caro»; хоръ: «Ah, gran Dio»; другой хоръ: «Odi le nostre voci»; арія: «Come in sogno»; дуэтъ: «Dunque, oh Dio», и финалъ: «Ah, perdono, pietà и н. д. достойны особеннаго вниманія.

5) *Stabat mater dolorosa.* Одно изъ прекрасныхъ музыкальныхъ твореній Гайдна, исполненное высокой выразительности и величія. При томъ чистота, тонкость обработки, которою немногія композиціи этого рода могутъ похвалиться.

Небольшія кантаты, которыя онъ сочинялъ частію для концертовъ, частію для церквей; на нихъ на всѣхъ лежитъ болѣе или менѣе печать генія. Лучшія между ними: La tempesta (буря), превосходная «Salve regina», и «Te deum laudamus».

Симфоніи. Въ этомъ родѣ Гайднъ болѣе всего славенъ и неподражаемъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны: « Смертная симфонія», Разсѣянныйи «Деревянская ярмарка съ дѣтскими интрументами.

Не желая слишкомъ распространяться на-счотъ произведеній Гайдна во многихъ другихъ родахъ, мы однакожъ, изъ уваженія къ прелестнымъ читательницамъ нашимъ, не можемъ не упомянуть о прелестныхъ Lieder am Klawier (*фортепьянныхъ пѣсняхъ*) Гайдна. Это милые цвѣтки, взлелѣянные нѣжною заботливостью добраго и искуснаго садовника. Отъ начала до конца чистое, плавное пѣніе, легко-понятное, натуральное, выразительное, плѣнительное. Легкая, но многозначущая аккомпанировка. Гайднъ самъ говаривалъ: «Пѣсни должны быть плавны, безъ излишнихъ, натянутыхъ фіоритуръ и шумнаго., оглушительнаго аккомпаньемента.

Добродушная шутка, которую Англичане называютъ humor, была отличительною чертою въ характерѣ Гайдна. Комическая сторона предметовъ невольно бросалась ему въ глаза и онъ умѣлъ пользоваться ею, не употребляя однакожъ во зло. Даже тѣлесныя страданія не могли вполнѣ уничтожить веселаго расположенія духа Гайдна. Это-то расположеніе и проявляется во всѣхъ его композиціяхъ, въ особенности-же въ пѣсняхъ. Онъ преимущественно выбиралъ комическія стихотворенія, клонящіяся къ сатирѣ.

Произведенія Гайдна останутся безсмертными, не-смотря на перевѣсъ, который въ наше время романтическая итальянская школа беретъ надъ классическою германскою. Слава Гайдна распростра-

нилась по всему міру отъ Петербурга до Неаполя, отъ Стокгольма до Парижа, отъ Лондона до Мадрита и даже въ Филадельфіи. Кто въ наше время можетъ похвалиться такою, *вполнѣ заслужоною* извѣстностью? Кто умѣетъ нынче говорить лучше его этимъ чуднымъ, дивнымъ, божественнымъ языкомъ, понятнымъ цѣлому міру!...

П. Ф.

ИНВАЛИДЪ.

Эй, дружки-пріятели,
Братья — новобранцы!
Заверните въ хату
Къ старому капралу!

У него нѣтъ яства,
Что̀ въ боярскомъ домѣ,
У него нѣтъ мёду,
Напитковъ заморскихъ;

Да за то горѣлки
По чаркѣ найдёте,
Да за то бывальщинъ
Въ суму́ не уложишь!

Разскажу, какъ горе
Пляшетъ на морозѣ;
Зимой въ непогоду
Распѣваетъ пѣсни;

Разскажу, какъ въ годы,
Годы удалые,
Во́рога лихова,
Мы на штыкъ садили;

Разскажу, какъ пуля,
Дура, безъ разбора,
Лю́быхъ и нелю́быхъ
Братски цѣловала;

Про Царя, про Вѣру,
Про родное племя —
Всё, что̀ въ сердцѣ скрыто,
Други, разскажу вамъ!

Ей, дружки-пріятели,
Братья — новобранцы,
Заверните въ хату
Къ старому капралу.

У него горѣлки
По чаркѣ найдете,
У него бывальщинъ
Въ суму́ не уложишь!

ВИКТОРЪ К-КЪ.

КАКЪ ОПАСНО ЧИТАТЬ ИНЫЯ ГАЗЕТЫ!

Комическія сцены, г-на Маркъ-Мишеля.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Г. Тушаръ, купецъ, удалившійся отъ дѣлъ (пятидесяти лѣтъ).
Г-жа Тушаръ, жена его (сорока лѣтъ).
Г. Рондѣнъ, бывшій компаньйонъ г. Тушара.
Жозефъ, старый слуга.
Докторъ.

Зала въ квартирѣ г. Тушара, въ отдаленной части Парижа.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Г. ТУШАРЪ, *въ шолковомъ халатѣ, на ватѣ, въ греческой шапочкѣ, туфляхъ; онъ сидитъ за столомъ и держитъ въ рукахъ Судебную Газету* (La Gazette des Tribunaux).

(*Читаетъ:*)—«Парижъ, разныя извѣстія.» (*Говоритъ*). Прежде, чѣмъ примусь за разныя извѣстія и забавныя сцены въ исправительной полиціи, я просмотрю содержаніе журнала..... Удивительная газета! Презанимательная! Я другой и не читаю.... посмотримъ, что сегодня новенькаго..... (*Пробѣгаетъ журналъ*) » Сенскій уголовный судъ»..... Кто тамъ опять идетъ?.... Какая досада! Покоя не даютъ!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

г. Тушаръ, г. Ронденъ.

г. РОНДЕНЪ, (*просунувъ голову въ полурастворенную дверь*). Можно войдти?

г. ТУШАРЪ.—Ба ба, ба! Да это вы, почтеннѣйшій Ронденъ!.... Милости просимъ, милости просимъ! пожалуйте-ка сюда на расправу. Гдѣ вы пропадали? Съ-тѣхъ-поръ,какъ мы оставили комерческія дѣла наши, васъ совсѣмъ не видно.

г. РОНДЕНЪ. Что̀ дѣлать, добрый мой Тушаръ, что̀ дѣлать!... Съ-тѣхъ-поръ, какъ я купилъ себѣ небольшое имѣньице въ окрестностяхъ Парижа, я сдѣлался совершеннымъ поселяниномъ..... сажаю кортофель, сѣю рожь, прививаю фруктовыя деревья; работъ тма! перестройки, починки.....

г. ТУШАРЪ. (*комически-важно*) Это весьма-уважительныя причины, и, по внимательномъ разсмотрѣніи всего дѣла, судъ объявляетъ васъ невиннымъ.

г. РОНДЕНЪ. Хе, хе, хе! все такой-же шутникъ! Добрый другъ, вѣрный компаньйонъ мой, какъ я радъ, что вижу васъ. Ну, а какъ поживаете? Вы какъ-будто похудѣли?

г. ТУШАРЪ. Еще-бы! Я былъ боленъ.

г. РОНДЕНЪ. Неужели?

г. ТУШАРЪ. Да, я былъ опасно-боленъ. Съ этого началъ я праздную жизнь свою..... Мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ мы оставили торговлю, я слегъ въ постель и пролежалъ цѣлыхъ двѣ недѣли.

г. РОНДЕНЪ. Это удивительно! Вѣдь вы всегда были такой здоровякъ!

г. ТУШАРЪ. Еще-бы! Когда дѣлъ много, такъ тутъ некогда быть больнымъ.

г. РОНДЕНЪ. Правда, правда..... знаете-ли что̀, Тушаръ, вѣдь вы напрасно остались въ городѣ. Вы, кажется, говорили мнѣ, что купили этотъ ломъ?

г. ТУШАРЪ. Да; дядя жены моей продалъ мнѣ его на сроки; это очень-выгодное пріобрѣтеніе.....

г. РОНДЕНЪ. Это такъ, но, купивъ этотъ домъ, вы должны поселиться въ Парижѣ; а вамъ это не годи тся.....

г. ТУШАРЪ. (*Испугавшись.*) Отчего не годится? (*Успокоившись, съ улыбкой.*) Экой шутникъ! Вы хотите испугать меня.

г. ронденъ. Нѣтъ, кромѣ шутокъ; вамъ не слѣдовало-бы оставаться въ Парижѣ?

г. тушаръ. (*Еще болѣе испугавшись*) Такъ неужели вы въ-самомъ-дѣлѣ думаете, что здѣсь мнѣ угражаетъ опасность?

г. ронденъ. Конечно..... Впрочемъ вы уже на самомъ дѣлѣ испытали справедливость словъ моихъ. Потрудившись лѣтъ тридцать, мы вообще полагаемъ, что будемъ очень счастливы, когда, накопивъ порядочное состояніе, оставимъ дѣла..... мы съ нетерпѣніемъ ждемъ того дня, съ котораго начнемъ вести жизнь праздную — но за тò, кáкъ розочаровываемся! Привычка — вторая натура, а въ тридцать лѣтъ легко можно привыкнуть къ дѣятельной, трудолюбивой жизни..... слѣдовательно, совершеный покой и бездѣйствіе надоѣдаютъ намъ, утомляютъ насъ; настоящее спокойствіе для насъ, людей, превыкшихъ къ труду, состоитъ въ трудѣ-же—только такомъ, который-бы не обременялъ и не слишкомъ безпокоилъ насъ. Я говорю по-опыту. Тотъ самый день, когда я впервые проснулся человѣкомъ свободнымъ, незанятымъ никакими дѣлами, былъ для меня несноснѣйшій день въ жизни моей..... Я не зналъ, что̀ дѣлать, за что̀ приняться, куда дѣваться.... скука, да и только! Не прошло недѣли, какъ я сталъ худѣть, блѣднѣть, желтѣть, я чуть не занемогъ, какъ и вы, любезный Тушаръ; но по-счастію нотаріусъ, которому я ввѣрилъ капиталъ свой, посовѣтовалъ мнѣ купить небольшое имѣніе въ недальнемъ разстояніи отъ Парижа. Я сталъ помѣщикомъ, поселяниномъ!.... Съ той минуты я не знаю, что̀ такое скука и опять поздоровѣлъ; у меня тма заботъ, хлопотъ, но не отяготительныхъ, словомъ — я вполнѣ наслаждаюсь спокойствіемъ, я счастливъ!

г. тушаръ. Очень-радъ, очень-радъ!

г. ронденъ. Ну, а вы что̀ подѣлываете? Нашли-ли вы себѣ какое нибудь занятіе или развлеченіе?

г. тушаръ. Какъ-же, какъ-же!

г. ронденъ. А!... Что̀-жъ вы дѣлаете?

г. тушаръ. Я подписался на «Судебную Газету».

г. ронденъ. Что̀-жъ? это не дурно. А еще что̀?

г. тушаръ. Еще? Больше ничего.

г. ронденъ. Ничего? Да, помилуйте, вѣдь это минутное развлеченіе.....

г. тушаръ. Минутное!..... Ошибаетесь: я увѣряю васъ, что чтеніе этой газеты очень, и очень занимаетъ меня.

г. ронденъ. Ну-да, конечно, такъ часикъ или полтора, поутру, послѣ завтрака. А чѣмъ-же вы занимаетесь остальную часть дня?

г. тушаръ. Остальную часть дня? Обдумываю прочитанное.

г. ронденъ. Ха, ха, ха! Вы шутите. Обдумываете прочитанное въ «Судебной Газетѣ»?

г. тушаръ. Конечно... обдумываю и научаюсь быть осторожнымъ.....

г. ронденъ. Осторожнымъ?... Кого-же боитесь вы?

г. тушаръ. (*мрачно*) Всѣхъ!.... Вы не повѣрите, сколько въ наше время совершается преступленій, злодѣяній! Это ужасно, Ронденъ, невыразимо-страшно!

г. ронденъ. Стоитъ только покрѣпче запирать двери съ-вечера, да положить возлѣ себя на-ночь пару пистолетовъ, такъ и нѣчего бояться.

г. тушаръ. Вы думаете?... Внѣшнихъ-то злоумышленниковъ я мало боюсь.

г. ронденъ. Неужели вы можете подозрѣвать кого-нибудь изъ вашихъ домашнихъ? Полноте! у васъ прекрасная жена, которая васъ душевно любитъ; добрый старикъ Жозефъ преданъ вамъ всею душою....

г. тушаръ. Конечно, конечно, прекрасная жена.... Я знаю за нею только одинъ недостатокъ — любить пококетничать, принарядиться.... Ну, да въ ея лѣта это скорѣе смѣшно, нежели предосудительно, и съ этой стороны мнѣ страшиться нѣчего.....

г. ронденъ. Это ни только не недостотокъ, но даже не смѣшно; подумайте сами, жена ваша, будучи принуждена сидѣть цѣлый день въ магазинѣ нашемъ и принимать покупателей, привыкла одѣваться съ нѣкоторою изысканностію—а я вамъ уже сказалъ, что привычка — вторая натура.

г. тушаръ. Согласенъ и въ этомъ съ вами!.... Что-же касается до Жозефа, то до сей поры онъ былъ вѣрный, честный слуга..... Я никогда не имѣлъ причины быть недовольнымъ имъ, но.....

г. ронденъ. Какое тутъ но? Неужели вы можете думать, что, прослуживъ вамъ вѣрно слишкомъ двадцать лѣтъ, Жозефъ можетъ сдѣлаться негодяемъ?.... Перестаньте пожалуйста!

г. тушаръ. Какъ вамъ угодно..... Я замолчу, хотя внутренно убѣжденъ.....

г. ронденъ. (*Съ живостію.*) Убѣжденъ!.... а въ чомъ?.... въ чомъ?....

г. тушаръ. Въ томъ, что прошедшее не всегда согласуется съ настоящимъ... и что никто не можетъ поручиться за безопасность свою.

г. ронденъ. (*Сердито*) Перестаньте, Тушаръ! Или я поссорюсь съ вами! Ну, какъ вамъ не стыдно?.... Подозрѣвать жену....

г. тушаръ. Я вамъ этого не говорилъ!... Только замѣтьте, что жены, которыя отравляли мужей своихъ, вѣрно, пользовалась совершенно довѣренностью несчастныхъ жертвъ своихъ, иначе послѣднія не принимали-бъ злополучнаго напитка .. Вотъ что-съ!

г. ронденъ. Къ подобнымъ катастрофамъ ведутъ обыкновенно домашнія ссоры, несогласія, безпорядки...

г. тушаръ. А иногда и благодѣянія.

г. ронденъ. Благодѣянія?

г. тушаръ. Разумѣется! Еслибъ вы читали «Судебую Газету», такъ знали-бъ, что изъ десяти мужей, отправленныхъ въ послѣднее время, семеро погибли оттого, что написали духовную въ пользу жонъ своихъ.

г. ронденъ. Такъ жены эти были чудовища!

г. тушаръ. Никто не напишетъ духовной въ пользу чудовища; слѣдовательно, мужья считали ихъ ангелами!

г. ронденъ. Чортъ знастъ, какіе у васъ доводы, Тушаръ!

г. тушаръ. Они вѣрны: я ничего не выдумываю... все это напечатано.

г. ронденъ Къ чему-же все это ведетъ?

г. тушаръ. А къ тому, что не должно дѣлать духовной въ пользу жены... Или, по-крайней-мѣрѣ, должно скрывать это отъ нея.

г. ронденъ. Да годъ тому назадъ вы сами читали мнѣ вашу духовную?...

г. тушаръ. По которой я все оставляю женѣ и назначаю пожизненную пенсію честному и вѣрному слугѣ?

г. ронденъ. Да.

г. тушаръ. Уничтожено!

г. ронденъ. Послушайте, Тушаръ, если вы это сдѣлали, то съ этой минуты я вамъ врагъ ..

г. тушаръ. Ну, да полноте-же горячиться!... Я нарочно говорю, что уничтожилъ духовную... только чуръ ни слова: я да вы, вы да я, и чтобы больше никто не зналъ.

г. ронденъ. Все равно, вы оскорбляете этимъ жену вашу... это дурно!

г. тушаръ. Нѣтъ, ужъ это мое дѣло... Да и что вы въ самомъ дѣлѣ пристали? Небось пріятно вамъ будетъ, когда я протяну ноги? сами заговорите тогда (*плаксивымъ голосомъ*): «Зачѣмъ отсовѣтывалъ я бѣдному Тушару поступать такъ, какъ ему хотѣлось? Онъ-бы и теперь былъ бы еще живехонекъ!...»

г. ронденъ (*покачивая головой*). Войдетъ-же человѣку въ голову блажь такая!...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, Жозефъ.

ЖОЗЕФЪ (*входя*). Г. Ронденъ!... Все-ли вы въ добромъ здоровьѣ?

Г. РОНДЕНЪ. Слава Богу; благодарю, другъ мой.

ЖОЗЕФЪ (*Тушару*). Какъ вы изволили почивать, сударь?

Г. ТУШАРЪ (*пристально смотря на него*). Хорошо... очень хорошо... прекрасно...

ЖОЗЕРЪ. Тѣмъ-лучше, сударь, тѣмъ-лучше!

Г. ТУШАРЪ (*тихо Рондену*). Посмотрите, какъ онъ поражонъ тѣмъ, что я хорошо спалъ. (*Жозефу*). Скажи мнѣ, пожалуста, зачѣмъ спрашиваешь ты меня объ этомъ каждое утро?

ЖОЗЕФЪ. Зачѣмъ?... да, какъ-бы вамъ сказать... чтобъ знать, хорошо-ли вы изволили почивать?

Г. ТУШАРЪ (*тихо Рондену*). Онъ смѣшался! (*Жозефу*). А какое тебѣ дѣло до того, хорошо-ли я спалъ?

ЖОЗЕФЪ (*съ изумленіемъ*). Какое дѣло?... Коли вы изволили хорошо почивать, такъ значитъ, что вы здоровы; а это меня стараго, преданнаго вамъ слугу, крайне радуетъ.

Г. ТУШАРЪ (*посмотрѣвъ ему пристально въ глаза*). Радуетъ? Ну, положимъ что такъ!.. Только знай, что я сплю не крѣпко... (*съ удареніемъ*) не крѣпко! слышишь?... Муха-ли пролетитъ, заскрыпитъ-ли сапогъ, зашаркаетъ туфля, я сейчасъ просыпаюсь!... (*съ удареніемъ*) Просыпаюсь, слышишь?

ЖОЗЕФЪ. Это не хорошо!

Г. ТУШАРЪ (*съ живостію схвативъ руку Рондена, тихимъ голосомъ*). Слышали, что онъ сказалъ?

Г. РОНДЕНЪ. Что жъ такое?

Г. ТУШАРЪ (*тихо*). Развѣ вы не замѣчаете, какъ ему досадно, что я сплю не крѣпко?

Г. РОНДЕНЪ. Съ чего вы это взяли?

Г. ТУШАРЪ (*подозрительно смотря на Рондена*). Вы что-то очень упрямы сегодня?... Да вы посмотрите на лицо его.

Г. РОНДЕНЪ. Ничего особеннаго не вижу!

ЖОЗЕФЪ (*въ-сторону*). Что они на меня такъ странно смотрятъ?

Г. ТУШАРЪ (*скоро, обратившись къ Жозефу*). А зачѣмъ ты сюда пришолъ?

ЖОЗЕФЪ. Какъ-съ? Чего-съ? .. Зачѣмъ?... Вы меня такъ испугали, что я и забылъ .. Эка память!...

г. тушаръ (*тихо Рондену*). Если вы и теперь не видите смущенія его, такъ слуга покорный!

г. ронденъ. Еще бы! вы сначала на него такъ странно глядѣли, а потомъ прикрикнули...

жозефъ. Вспомнилъ, сударь, вспомнилъ!... Барыня приказала спросить, прикажете-ли подавать завтракъ...

г. тушаръ. Хорошо, хорошо... сходи сперва къ нотаріусу моему и скажи, что я съ нетерпѣніемъ жду бумагъ, о которыхъ мы съ нимъ говорили.

жозефъ. Слушаю, сударь... (*про себя*). Какъ бы не забыть... сперва къ нотаріусу, а потомъ отнесть письмо барынѣ... (*идетъ къ двери*).

г. тушаръ (*въ-сторону*). Письмо жены моей!... Жозефъ!

жозефъ. Что прикажете?

г. тушаръ. Тебя посылаетъ жена?...

жозефъ. Точно такъ, сударь, письмо... ахъ, я дуракъ! (*ударяетъ себя по лбу*).

г. тушаръ. Что это значитъ?

жозефъ. Ничего, сударь! Это такъ... Меня барыня никогда не посылала... никакого письма не давала... ничего!

г. тушаръ (*въ-сторону*). Тутъ скрывается что-то недоброе! (*Жозефу*). Сейчасъ говори все или... (*съ усиліемъ*) или я тебя прогоню!

жозефъ (*пораженный послѣдними словами Тушара*). Ме... меня про... прогнать! (*печально*) Ахъ, сударь, чѣмъ я это заслужилъ? Барыня приказала мнѣ отнесть письмо такъ, чтобы вы о томъ не знали, а я проговорился... (*Тушаръ смотритъ на Рондена; послѣдній пожимаетъ плечами и смѣется*). Не говорите, сударь, что я проболтался... вамъ, можетъ-быть, готовится сюрпризъ...

г. тушаръ (*принужденно улыбаясь*). Сюрпризъ? Ты думаешь?... (*мрачно Рондену*). Слышишь?

г. ронденъ (*тихо*). Вѣрно подарокъ какой нибудь...

г. тушаръ (*иронически*). Неужели?

г. ронденъ (*тихо*). Не стыдно ли вамъ ревновать въ ваши лѣта!. (*Жозефу*). Ступай, другъ мой, исполняй приказанія господъ своихъ.

(*Жозефъ идетъ къ двери*).

г. тушаръ (*въ-сторону*). Я долженъ видѣть это письмо... Непремѣнно! (*Нарочно роняетъ со стола коробочку съ облатками*). Что я тутъ надѣлалъ!... Эй, Жозефъ!... Жозефъ!...

жозефъ. Что прикажете, сударь?

г. тушаръ. Собери облатки, которыя я нечаянно уронилъ...

жозефъ. Ой, батюшки, какъ онѣ разлетѣлись!... (*Между тѣмъ*

какъ онъ наклоняется, г. Тушаръ ловко вынимаетъ изъ боковаго кармана его письмо, и прячетъ его къ себѣ въ карманъ).

г. тушаръ (*въ-сторону*). Оно мое!... (*Жозефу*) Довольно, довольно! Бѣги скорѣе къ нотаріусу.

жозефъ. Сейчасъ, сударь (*тихо Ронденъ, проходя мимо него*). Неправда-ли, что баринъ мой очень перемѣнился?

г. ронденъ (*тихо*). Нѣтъ, нѣтъ, ты ошибаешься, онъ все тотъ же... Ступай.

г. тушаръ (*въ-сторону*). О чомъ это они перешептываются?

(*Жозефъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тушаръ, Ронденъ, потомъ г-жа Тушаръ.

г. тушаръ (*въ-сторону*). Я не смѣю прочесть письмо въ его присутствіи (*въ-слухъ*). Что же вы, любезный Ронденъ, не сходите поздороваться съ женой моей? Я увѣренъ, что она будетъ очень-рада вамъ... Она у себя въ комнатѣ.

г. ронденъ. А не сказать-ли ей, что вы похитили письмо ея?

г. тушаръ (*съ замѣшательствомъ*). Какъ!... вы видѣли?...

г. ронденъ. Я-бы на вашемъ мѣстѣ стыдился унижаться до подобныхъ поступковъ...

г. тушаръ. Та, та, та! Это пустыя фразы!... Развѣ я не мужъ жены своей? Развѣ она не жена мужа своего? Развѣ я не имѣю права знать всѣ поступки, всѣ дѣйствія ея, особенно когда она окружаетъ ихъ таинственностію?

г. ронденъ. Тсъ! вотъ идетъ жена ваша.

г. тушаръ (*съ живостію*). Ни слова, прошу васъ! Не говорите ей ни слова!

г. ронденъ. Отчего... Развѣ вы не имѣете права?..

г. тушаръ. Умоляю васъ, Ронденъ, ни слова!

г-жа тушаръ (*входя*). — Здравствуй, другъ мой... Но ты, кажется, занятъ...

г. ронденъ (*кланяясь*). Вы меня, сударыня, вѣроятно, не узнали?

г-жа тушаръ (*съ живостію закрывая платокъ на груди*). г. Ронденъ!... (*мужу*) Ахъ, другъ мой, зачѣмъ ты не предувѣдомилъ меня?... (*Ронденъ*) Извините, г. Ронденъ, вы застаете меня еще въ утреннемъ неглижѐ...

г. ронденъ. Полноте, сударыня... Неужели намъ, такимъ старымъ знакомымъ, церемониться?... Не спрашиваю васъ о здоро-

вьи, потому-что вижу, что вы свѣжи, румяны, какъ наливное яблочко. Вы, сударыня, помолодѣли цѣлыми десятью годами.

г-жа тушаръ. Вы по прежнему любезны!... Правда, съ тѣхъ поръ, какъ у насъ нѣтъ заботъ, я чувствую себя какъ-то здоровѣе; а вотъ съ мужемъ моимъ совсѣмъ иначе... онъ, бѣдняжка, все хвораетъ!... Неправда-ли, какъ онъ похудѣлъ?

г. ронденъ. Да, есть немножко.

г-жа тушаръ. Онъ еще не совсѣмъ поправился... голубчикъ мой! (*Цѣлуетъ мужа въ лобъ.*)

г. тушаръ (*въ-сторону*). Вишь ласкаетъ, словно кошка! Видно оцарапать хочетъ.

г-жа тушаръ. Я надѣюсь, г. Ронденъ, что вы не откажетесь выпить съ нами чашку шоколаду?

г. ронденъ. Я распорядился еще лучше, сударыня; я пріѣхалъ въ городъ на цѣлый день, по нѣкоторымъ дѣламъ, а потому прошу позволенія остановиться у васъ и отобѣдать съ вами.

г-жа тушаръ. Вотъ это прекрасно!... Я сейчасъ распоряжусь... (*уходитъ*).

г. тушаръ. Другъ мой, я вамъ очень-благодаренъ за удовольствіе, доставленное мнѣ посѣщеніемъ вашимъ... очень-благодаренъ!... Мы пойдемъ вмѣстѣ обѣдать въ трактиръ...

г. ронденъ. Въ трактиръ?

г. тушаръ (*рѣшительно*). Да, въ трактиръ!... Я, начиная съ этого дня, не хочу ни ѣсть, ни пить у себя дома!

г. ронденъ. Это отчего?

г. тушаръ. Отчего?... А такъ, не хочу!

г. ронденъ. Какой вздоръ!

г. тушаръ. Тсъ... *она* идетъ!

г-жа тушаръ (*возвращаясь съ двумя шоколадницами и чашками*). Вотъ и завтракъ... милости просимъ, господа! Я сама приготовила шоколадъ...

г. ронденъ. Шоколадъ, приготовленный прекрасными ручками...

г-жа тушаръ (*смѣясь*). Вы все съ любезностями. Садемте.

(*Садятся*.)

г. тушаръ. Зачѣмъ двѣ шоколадницы?

г-жа тушаръ. Одна для тебя, для тебя одного, другъ мой!

г. тушаръ. А!

г-жа тушаръ. Это особенный шоколадъ... Я слышала, что онъ дѣйствуетъ самымъ благодѣтельнымъ образомъ на выздоравливающихъ... Я хотѣла, чтобы ты попробавалъ его, и увѣрена, что онъ тебѣ понравится.

г. тушаръ. Ты думаешь? (*смотритъ на Рондена, который смѣется — Въ-сторону*). Кажется онъ съ нею въ заговорѣ противъ меня?...

г. тушаръ. Во-первыхъ, шоколадъ этотъ имѣетъ удивительный запахъ... (*Наливаетъ въ чашку мужа*).

г. тушаръ. Довольно, довольно... Оставь и себѣ немножко.

г-жа тушаръ. Нѣтъ, это для тебя одного...

г. тушаръ (*въ-сторону*) .Она не хочетъ и отвѣдать (*въ-слухъ*). Налей хоть немножко Рондену... пусть онъ скажетъ свое мнѣніе.

г-жа тушаръ. Нѣтъ, нѣтъ... не дамъ никому... Ты больной, слѣдовательно все тебѣ одному... все!..

г. тушаръ (*въ-сторону*) Ай, ай, ай! Бррръ!

г. ронденъ. Я самъ не захочу лишить васъ вещи, которая можетъ послужить къ совершенному выздоровленію вашему (*Въ-сторону, смѣясь*). Онъ очень-забавенъ.

г-жа тушаръ. Что-жъ ты, другъ мой, не отвѣдаешь чудеснаго шоколада моего?

г. тушаръ (*въ-сторону*). Я долженъ сперва прочесть таинственное письмо...

г. ронденъ (*смѣясь*) Да пей-же!

г. тушаръ (*въ-сторону*). Онъ съ нею за-одно!

г-жа тушаръ. Но что съ тобою? Ты о чомъ-то безпокоишься?

г. тушаръ. Нѣтъ, ничего... мнѣ надо кое-зачѣмъ сходить въ кабинетъ... (*Встаетъ*). Я сейчасъ возвращусь... не троньте моей чашки... не троньте!... (*въ-сторону*). Письмо! письмо!... (*Уходитъ разстроенный, смущонный и съ недовѣрчивостью поглядывал на жену и Рондена*).

ЯВЛЕНІЕ V.

г-жа Тушаръ, г. Ронденъ.

г-жа тушаръ. — Боже мой, что съ нимъ?

г. ронденъ. Право не знаю.

г-жа тушаръ. Я съ нѣкотораго времени очень безпокоюсь объ немъ... онъ серьёзенъ, задумчивъ, мраченъ, страненъ... сколько я его ни распрашивала, но рѣшительно ничего не могла узнать о причинѣ этой странной перемѣны. Не открылъ-ли онъ вамъ чего нибудь?

г. ронденъ. Ничего; мнѣ кажется, что ему необходимо развлеченіе... надѣюсь, что вы пріѣдете ко мнѣ за городъ... что вы часто будете посѣщать меня?

Г-ЖА ТУШАРЪ. Съ удовольствіемъ.

Г. РОНДЕНЪ. Я нарочно отстроилъ для васъ квартирку... Теперь у насъ постоянно хорошая погода... надѣюсь, что вы будете въ воскресенье.

Г-ЖА ТУШАРЪ. Въ воскресенье?... Очень-благодарна вамъ; я поговорю съ мужемъ.

Г. РОНДЕНЪ. Не забудьте, что въ двадцати шагахъ отъ имѣньица моего находится станція желѣзной дороги.

Г-ЖА ТУШАРЪ. О, да это прекрасно!

СЦЕНА VI.

Тѣже, Г. ТУШАРЪ.

Г. ТУШАРЪ (*вбѣгаетъ, блѣдный, разстроенный*). Давайте шоколадъ... не троньте! не троньте!... (*схватываетъ со стола чашку, прячетъ ее въ бюро и беретъ ключъ къ себѣ въ карманъ*).

Г-ЖА ТУШАРЪ. Что ты дѣлаешь?

Г. ТУШАРЪ (*трагически выходя на авансцену*). Что я дѣлаю?... Что я дѣ... (*повелительно протягивая руку къ двери*). Удалитесь, сударыня!...

Г. РОНДЕНЪ. Другъ мой, Тушаръ... что это значитъ?

Г. ТУШАРЪ (*стараясь удерживать гнѣвъ свой*). Ничего не значитъ... ничего... мнѣ надо секретно поговорить съ вами... сейчасъ-же... дѣло мое не терпитъ отлагательствъ.. и я покорно прошу жену свою, чтобы она оставила насъ однихъ... (*повелительно*) Удалитесь!

Г-ЖА ТУШАРЪ. Сейчасъ, другъ мой, я уйду, уйду! Только не сердись. (*Тихо Рондену*). Вы мнѣ послѣ разскажете...

Г. ТУШАРЪ (*прерывая ее*). Не шептаться! Не шептаться... Удалитесь, сударыня!...

(*Она уходитъ*).

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Г. ТУШАРЪ, Г. РОНДЕНЪ.

Г. РОНДЕНЪ. Объясните-ли вы мнѣ наконецъ...

Г. ТУШАРЪ (*въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ и протягиваетъ къ Рондену руку съ письмомъ*). Читайте!.. Читайте!..

Г. РОНДЕНЪ (*съ изумленіемъ*). Что это за бумага?

г. ТУШАРЪ. Письмо... письмо жены моей... которое я перехватилъ... по внушенію самого Неба... о! я вѣрю въ Провидѣніе!

г. РОНДЕНЪ (*съ замѣшательствомъ*). Бываютъ тайны... которыя мужъ не долженъ никому ввѣрять... даже лучшему другу своему...

г. ТУШАРЪ. Какъ вы думаете, что это любовная записка... супружеская измѣна... о! это-бы еще ничего!

г. РОНДЕНЪ. Какъ, ничего!

г. ТУШАРЪ. Подобное дѣло кончилось-бы въ исправительной полиціи... но это... увы!

г. РОНДЕНЪ. Что-же это такое?.. вы пугаете меня!

г. ТУШАРЪ (*трагически*). Это... это... это дѣло подлежитъ уголовному суду!.. (*жалобно*). Читайте, Ронденъ, читайте!..

г. РОНДЕНЪ (*беретъ письмо*). Мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ становится страшно... Я дрожу... (*читаетъ*).

«Милая моя мадамъ Жибёръ,

«Я очень-довольна *анонимнымъ порошкомъ*, который вы продали мнѣ двѣ недѣли тому назадъ... дѣйствіе его въ-самомъ-дѣлѣ удивительно—вы не обманули меня. Мужъ мой ничего не примѣчаетъ. Потрудитесь вручить еще коробочку подателю этой записки. Запечатайте ее хорошенько. Не забудьте условія нашего: скромность, молчаніе, тайна. Вы понимаете, что подобныя вещи, какъ преступленіе, должно скрывать.

Преданная вамъ

«Тушаръ.»

г. ТУШАРЪ. Ясно-ли?

г РОНДЕНЪ. Я совершенно растерялся! Не знаю, что и говорить... однакожъ, я не могу повѣрить...

г. ТУШАРЪ. Нѣтъ, ужъ это слишкомъ! Вы повѣрите только послѣ анатомическаго изслѣдованія, моего трупа!..

г. РОНДЕНЪ. Успокойтесь, другъ мой, успокойтесь! умоляю васъ... вы, можетъ-быть, напрасно подозрѣваете...

г. ТУШАРЪ. Напрасно? О, Боже мой! Да развѣ вы не читали? (*вырываетъ у него письмо*). Слушайте: «подобныя вещи, какъ преступленіе должно скрывать!..»

г. РОНДЕНЪ. То есть, преступленіе относится не къ *вещи*, а къ слову *скрывать*; вы видите, тутъ нѣтъ запятой...

г. ТУШАРЪ. Извините, я-то и вижу, что тутъ ужасная запятая!

г. РОНДЕНЪ. Какъ хотите, а я увѣренъ, что тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе... Одно слово г-жи Тушаръ объяснитъ все

дѣло... поговорите съ нею... сейчасъ-же. Я не хочу, чтобы вы, подозрѣніемъ и мнительностью своею, оскорбляли жену вашу...

г. тушаръ (*подозрительно*). Берегитесь, милостивый государь!.. участіе, принимаемое вами въ подобномъ обстоятельствѣ, можетъ послужить...

г. ронденъ. Вотъ тебѣ на! Вы теперь и меня подозрѣваете!.. Да это, просто, сумасбродство!

г. тушаръ. Поклянитесь честію, что исполните просьбу мою?

г. ронденъ. Говорите...

г. тушаръ. Ступайте съ этимъ письмомъ къ этой мадамъ Жибо́ръ... и принесите ко мнѣ коробочку, которую она вручитъ вамъ.

г. ронденъ. Что̀ вы хотите дѣлать?

г. тушаръ. Вы не хотите? Такъ я самъ пойду.

г. ронденъ. Нѣтъ, постойте, постойте; я пойду... Только будьте осторожны... безъ шуму... не заводите никакихъ исторій до возвращенія моего.

г. тушаръ. Даю вамъ вѣрное слово; тѣмъ болѣе, что я самъ желаю, чтобы все осталось втайнѣ, дабы не дать возможности злоумышленникомъ уничтожить доказательствъ преступленія своего.

г. ронденъ. Опять! Вѣдь я говорилъ вамъ...

г. тушаръ. Хорошо, хорошо... Идите только скорѣе, ради Бога! Идите и принесите мнѣ *анонимный порошокъ*!.. Безъ него я не могу ни къ чему приступить... Идите... да, постойте, зайдите, пожалуйста, мимоходомъ къ моему доктору, и попросите его, чтобы онъ сейчасъ пришолъ ко мнѣ...

г. ронденъ. Развѣ вы опять нездоровы?

г. тушаръ. Не знаю... да, да, нездоровъ... мнѣ непремѣнно надо видѣться съ докторомъ.

(*Г. Ронденъ уходитъ*).

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Г. Тушаръ, потомъ Жозефъ.

г. тушаръ (*одинъ*). Отравительница!.. У меня жена отравительница... преступница!.. Боже мой! Кто-бы могъ это подумать!.. Женщина, которая въ-продолженіе двадцати-пяти лѣтъ была образцомъ всѣхъ добродѣтелей семейныхъ... Вѣрь послѣ этого наружности!.. Вѣрь послѣ этого прекраснѣйшей половинѣ рода человѣческаго!.. Хороша половина! Брррръ!.. Терпѣть не могу женщинъ! Ну, точно кошки—того и гляди, что цапнетъ!.. Поди-ка узнай

кто-нибудь, что̀ у нихъ на̀-сердцѣ! Просто чепуха такая, что и Боже упаси!.. Благодаря Небу, осторожности моей и «Судебной Газетѣ», мнѣ удалось предупредить злодѣяніе... Предупредить?.. Что̀ я говорю!.. Кто знаетъ?.. Вѣдь жена проситъ, чтобы эта проклятая мадамъ Жибе́ръ прислала ей вторую коробочку!.. Я, вѣроятно, уже проглотилъ порядочную порцію яду... медленная смерть течетъ въ жилахъ моихъ... Я спускаюсь постепенно въ могилу... Господи Ты Боже мой! что̀ это за бѣда такая... Гдѣ искать помощи! О, злодѣйка, преступница, отравительница!

ЖОЗЕФЪ (*входитъ и осматривается*).

Г. ТУШАРЪ. Это Жозефъ!.. одинъ изъ соучастниковъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія!

ЖОЗЕФЪ. Не видали-ли вы, сударь, письмо, которое дала мнѣ барыня?

Г. ТУШАРЪ (*притворяясь равнодушнымъ*). Ты его потерялъ?

ЖОЗЕФЪ. Потерялъ, сударь, не знаю гдѣ...

Г. ТУШАРЪ. Былъ-ли ты у нотаріуса?

ЖОЗЕФЪ. Былъ, сударь; онъ, говоритъ, что бумаги неготовы и что ему надо самому поговорить съ вами.

Г. ТУШАРЪ. А! хорошо.. Я зайду къ нему...

ЖОЗЕФЪ. Хотѣлъ-было потомъ исполнить порученіе барыни; гляжу — а письма нѣтъ! Куда это оно дѣвалось? Барыня крѣпко разсердится!..

Г. ТУШАРЪ. Слѣдовательно, ты не былъ у мадамъ Жибе́ръ?

ЖОЗЕФЪ. А, вы знаете?.. Вѣрно вы нашли письмо?

Г. ТУШАРЪ. Не знаю... можетъ-быть...

ЖОЗЕФЪ. Пожалуйте мнѣ, сударь...

Г. ТУШАРЪ. Зайди-ка въ ту комнату.

ЖОЗЕФЪ. За-чѣмъ?

Г. ТУШАРЪ. Ступай, коли приказываютъ.

ЖОЗЕФЪ. А письмо, сударь...

Г. ТУШАРЪ. Послѣ... теперь иди туда.

ЖОЗЕФЪ. Иду, сударь, иду... (*уходитъ въ боковую комнату; Тушаръ скоро запираетъ за нимъ дверь и прячетъ ключъ къ себѣ въ карманъ*).

Г. ТУШАРЪ. Попался одинъ!

ЖОЗЕФЪ (*за дверьми*). Вы меня заперли, сударь... Что̀ это значитъ?

Г. ТУШАРЪ (*грозно*). Молчи, злодѣй! Часъ наказанія наступилъ!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

Г. Тушаръ. Докторъ.

ДОКТОРЪ. Здраствуйте, г. Тушаръ... мнѣ сказали, что вы хотите сейчасъ-же поговорить со мною... неужто вы опять нездоровы?

Г. ТУШАРЪ. Докторъ, вы узнаете вещи, которыя поразятъ васъ ужасомъ!

ДОКТОРЪ. Вы пугаете меня...

Г. ТУШАРЪ. Я не могу еще говорить опредѣлительно... но скажите мнѣ откровенно, по-совѣсти... какіе были признаки послѣдней болѣзни моей?

ДОКТОРЪ. Я не хотѣлъ ничего говорить пока вы были больны, но теперь вы здоровы, слѣдовательно, могу признаться вамъ, что были всѣ признаки...

Г. ТУШАРЪ. Отравленія?

ДОКТОРЪ. Э, нѣтъ! опасной горячки; но мы успѣли захватить зло при самомъ началѣ его, слѣдовательно, оно не могло распространиться...

Г. ТУШАРЪ. А... не ошибаетесь-ли вы?.. Нѣтъ-ли какого-нибудь сходства между признаками горячки и отравленія?

ДОКТОРЪ. Никакого. Но къ чему всѣ эти вопросы?

Г. ТУШАРЪ. Послѣ узнаете. (*Въ-сторону*). Впрочемъ отравленіе началось позже: вѣдь первую коробочку жена купила только двѣ недѣли тому назадъ. (*Въ-слухъ*). Докторъ, посмотрите языкъ мой. (*Высовываетъ языкъ*).

ДОКТОРЪ. Языкъ вашъ очень-хорошъ.

Г. ТУШАРЪ. Пощупайте пульсъ.

ДОКТОРЪ. Пульсъ не совсѣмъ хорошъ... но это происходитъ отъ волненія, въ которомъ вы находитесь... Вы находитесь въ ужасномъ безпокойствѣ.

Г. ТУШАРЪ. Пощупайте животъ.

ДОКТОРЪ. Онъ въ нормальномъ своемъ состояніи.

Г. ТУШАРЪ (*въ-сторону*). Чортъ возьми! Каковъ ядъ! Рѣшительно никакихъ признаковъ нѣтъ... ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ... Это, просто, ужасно!

ДОКТОРЪ. Но что съ вами?

Г. ТУШАРЪ. Докторъ, знаете-ли вы *анонимный порошокъ*?

ДОКТОРЪ. *Анонимный порошокъ*?

Г. ТУШАРЪ. Да, да!

докторъ. Что́ это такое?

г. тушаръ. Я васъ о томъ спрашиваю.

докторъ. Признаться, я этого порошка не знаю... Анонимъ есть греческое слово, означающее *безъ имени*. Слѣдовательно *анонимный порошокъ* все равно, что *безъименный* порошокъ.

г. тушаръ. Ну, такъ и есть! такъ и есть! У кого повернется языкъ, чтобы дать какое нибудь имя этому проклятому зелью!

докторъ. Я васъ не понимаю.

г. тушаръ. Послѣ поймете. Послушайте, докторъ, мнѣ надо будетъ поручить вамъ дѣло крайней важности; выслушайте внимательно, что́ я вамъ скажу; не забудьте и не пророните ни одного слова.

докторъ. О чомъ-же идетъ рѣчь?

г. тушаръ. Выслушайте меня со вниманіемъ, докторъ. Если я умру...

докторъ. Это что за шутки? Давно-ли больные смѣютъ умирать безъ помощи докторовъ своихъ?

г. тушаръ. Пожалуста, не шутите, докторъ. Если я умру, то сдѣлайте одолженіе, вскройте тѣло мое и разсмотрите какъ можно внимательнѣе...

докторъ. Что́ вы...

г. тушаръ. Обѣщайтесь, докторъ; поклянитесь, что исполните просьбу мою!

докторъ. Ужъ коли вы такъ настоятельно требуете, то я сдѣлаю вамъ это удовольствіе.

г. тушаръ. Очень-благодаренъ, очень!..Если-жъ вы найдете что-нибудь необыкновенное, удивительное, такъ потрудитесь сходить къ бывшему компаньйону моему, г. Рондену, и потребуйте, чтобы онъ разсказалъ вамъ весь сегоднишній разговоръ нашъ... онъ скажетъ вамъ на кого пали подозрѣнія мои.

докторъ. Какія подозрѣнія?

г. тушаръ. Послѣ узнаете. Г. Ронденъ вручитъ вамъ письмо, которое вы передадите немедленно королевскому прокурору, присоединивъ замѣчанія свои.

докторъ. Какія замѣчанія?

г. тушаръ. Замѣчанія, которыя вы сдѣлаете при вскрытіи тѣла моего.

докторъ. А, понимаю, понимаю! Слѣдовательно, вамъ непремѣнно хочется быть вскрытымъ?

г. тушаръ (*мрачно*). Не шутите, докторъ. Это дѣло очень-печальное.

докторъ. Кажется!

г. тушаръ. Вы еще попросите прокурора, чтобы онъ допросилъ самого г. Рондена и сдѣлалъ очную ставку съ другой особой.

докторъ. Какой другой особой?

г. тушаръ. Послѣ узнаете.

докторъ. А!.. Хоть я тутъ ничего не понимаю, однако все-равно, исполню просьбу вашу.

г. тушаръ. Все объяснится въ свое время.

докторъ. Послѣ вскрытія?

г. тушаръ. Да!

докторъ. Ага!

г. тушаръ (*торжественно*). Докторъ! (*спокойно*). Поклянитесь еще разъ.

докторъ (*комически-важно*). Клянусь!

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Тѣже, г. Ронденъ.

г. рондѣнъ. Вотъ и я.

г. тушаръ. Достали коробочку?

г. рондѣнъ. Досталъ... (*отдаетъ коробочку Тушару*).

г. тушаръ. Благодарю, другъ мой, благодарю. Я никогда не забуду услугу, которую вы мнѣ оказали. (*Задумчиво*) Итакъ вотъ онъ, этотъ анонимный порошокъ... вотъ онъ!.. Я мечталъ о спокойствіи, о мирной жизни, и что-же? О, прочь чорныя мысли, прочь!.. Порошокъ у меня въ рукахъ... Истина откроется, и горе, горе преступникамъ!

г. рондѣнъ. Помните, Тушаръ, будьте спокойны, не горячитесь, и не горюйте до-времени... теперь вамъ бояться нечего... дѣйствуйте хладнокровно...

г. тушаръ. Не безпокойтесь. Я исполню все по-порядку, обыкновенно соблюдаемому въ подобныхъ случаяхъ... Докторъ!

докторъ. Что вамъ угодно?

г. тушаръ (*отпираетъ бюро*). Возьмите эту коробочку и эту чашку шоколаду...

докторъ. Покорно васъ благодарю; я уже завтракалъ.

г. тушаръ. Возьмите только...

докторъ. Если вы непремѣнно желаете...

г. тушаръ. Остановитесь! Что вы дѣлаете? Берегитесь глотнуть этого шоколада...

докторъ. Что-жъ мнѣ съ нимъ дѣлать?

г. тушаръ. Обратитесь къ искусному химику и попросите его,

чтобъ онъ тщательно разложилъ этотъ шоколадъ и разобралъ всѣ составныя частицы его...

докторъ. Зачѣмъ?

г. тушаръ. Послѣ узнаете. Еще возьмите этотъ анонимный порошокъ.

докторъ. Ага! посмотримъ, что̀ это за порошокъ. (*Открываетъ коробочку*). Бѣлый... точно мука...

г. тушаръ (*тихо Рондену*). Вѣрно мышьякъ. (*Доктору*) Понюхайте немножко, докторъ... только издали... не близко... Я думаю, чеснокомъ воняетъ.

докторъ. Нѣтъ, напротивъ, ванилью.

г. тушаръ. Ванилью воняетъ! (*Въ-сторону*) Точно шоколадъ мой... нѣтъ болѣе сомнѣнія. (*Тихо Рондену*) Какова утонченность!.. Ядъ à la vanille!.. Это происшествіе надѣлаетъ большаго шума въ «Судебной Газетѣ».

г. ронденъ. Надѣюсь, что до этого не дойдетъ.

г. тушаръ. Увидимъ, увидимъ!.. Такъ, пожалуста, докторъ, прикажите разсмотрѣть...

докторъ. Неужели вы въ самомъ-дѣлѣ хотите?..

г. тушаръ. Непремѣнно, непремѣнно!.. И чѣмъ-скорѣе, тѣмъ-лучше!

докторъ. Извольте... до-свиданія. Я приду сказать вамъ результаты. (*Уходитъ*).

г. тушаръ (*въ-сторону*). Не знаю, можно-ли положиться на доктора... Бывали примѣры... Ну, да я буду за нимъ присматривать...

СЦЕНА ОДИНАДЦАТАЯ.

Г. Тушаръ и г. Ронденъ.

г. тушаръ. Скажите мнѣ, Ронденъ, видѣли-ли вы эту мадамъ Жибе́ръ?

г. ронденъ. Разумѣется, коли я принесъ вамъ порошокъ.

г. тушаръ. А... что̀ это за женщина?

г. ронденъ. Старуха, занимающая квартирку въ шестомъ этажѣ... я ужасно усталъ...

г. тушаръ. А... того, физіономія? неблаговидная?

г. ронденъ. Подобныя старухи рѣдко имѣютъ пріятную наружность.

г. тушаръ. Понимаю, понимаю! Вы только не хотите признаться, а она, вѣрно, страшилище!

г. РОНДЕНЪ. Да хоть-бы и такъ! Что-жъ это доказываетъ?

г. ТУШАРЪ. Доказываетъ испорченность нравовъ, жестокосердіе! А что она вамъ сказала?

г. РОНДЕНЪ. Два слова: молчаніе, тайна.

г. ТУШАРЪ. По вашему и это ничего не доказываетъ?

г. РОНДЕНЪ. Это доказываетъ только то, что ей нечего было больше говорить.

г. ТУШАРЪ. Полноте, пожалуйста! Прошу покорно, молчаніе, тайна,—ничего не доказываетъ! (*Въ-сторону*). Рѣшительно, онъ за-одно съ женой моей! (*Въ-слухъ*). А вы не освѣдомились объ ней у сосѣдей?

г. РОНДЕНЪ. Освѣдомлялся, зная, что это доставитъ вамъ удовольствіе; я былъ увѣренъ, что вы спросите меня объ этомъ.

г. ТУШАРЪ. Что-жъ вамъ сказали?

г. РОНДЕНЪ. Что она служила прежде у какой-то танцовщицы.

г. ТУШАРЪ. А!... чѣмъ-же она теперь занимается?

г. РОНДЕНЪ. Никто этого не знаетъ...

г. ТУШАРЪ. Узнаютъ, всѣ узнаютъ!... Злоумышленники ничего не подозрѣваютъ и королевскій прокуроръ успѣетъ допросить ихъ прежде, нежели имъ удастся сговориться!

г. РОНДЕНЪ. Королевскій прокуроръ никого допрашивать не станетъ! За это я ручаюсь!

г. ТУШАРЪ. Милостивый государь, возставать противу справедливыхъ мѣръ и благодѣтельныхъ дѣйствій суда въ подобныхъ обстоятельствахъ неблагоразумно, и можетъ навлечь за собою большія непріятности!... Понимаете-ли?

г. РОНДЕНЪ. Понимаю! Вы обвиняете и меня, а, слѣдовательно, я въ правѣ употребить всевозможныя средства, чтобы оправдаться.

г. ТУШАРЪ. Вы совершенно правы.

г. РОНДЕНЪ. Итакъ я начну съ того, что поговорю съ женой вашей?

г. ТУШАРЪ (*помолчавъ*). Согласенъ! (*Въ-сторону*) Я уйду въ эту боковую комнату и оттуда услышу весь разговоръ ихъ.

г. РОНДЕНЪ. Вотъ, кажется, идетъ г-жа Тушаръ. Оставьте насъ однихъ.

г. ТУШАРЪ. Я покуда прогуляюсь на бульварѣ.

г. РОНДЕНЪ (*въ-сторону*). Я готовъ биться объ-закладъ, что онъ спрячется и будетъ подслушивать. (*Тушаръ подходитъ къ задней двери и увидѣвъ, что Ронденъ на него не смотритъ, осторожно уходитъ въ боковую комнату. Ронденъ все видѣлъ*). Такъ и есть!

г. ТУШАРЪ (*просунувъ голову въ полурастворенную дверь*). Онъ меня не замѣтилъ!

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Г. Ронденъ, г-жа Тушаръ и г. Тушаръ *за дверьми*.

г-жа тушаръ (*таинственно*). Мужъ мой ушолъ? Вы одни?

г. ронденъ. Совершенно одинъ. Вы можете войдти.

г. тушаръ (*въ-сторону*). Она искала его.

г-жа тушаръ. Ну, что̀, узнали вы наконецъ причину безпокойства, разстройства его?

г. ронденъ. Позвольте мнѣ сперва спросить васъ, имѣете-ли вы ко мнѣ полную и совершенную довѣренность?

г-жа тушаръ (*съ изумленіемъ*). Имѣю... но къ чему это?

г. ронденъ. Ввѣрите-ли вы мнѣ, другу вашему, тайну, которую вы такъ тщательно скрываете отъ мужа вашего?

г-жа тушаръ. Съ удовольствіемъ исполнила-бы требованіе ваше, еслибъ имѣла тайну. Строгость мужей заставляетъ насъ иногда скрывать отъ нихъ вещи, которыя мы охотно ввѣрили-бъ другу, болѣе снисходительному.

г. ронденъ. Я — другъ вполнѣ снисходительный, слѣдовательно, прошу, чтобы вы открыли тайну.

г-жа тушаръ. Но вѣдь ужъ я сказала вамъ: у меня нѣтъ тайны.

г. ронденъ. Есть!

г. тушаръ. Увѣряю васъ...

г. ронденъ. Тайна эта, вѣроятно, очень-незначительна... однакожъ, не открывая ее, вы можете лишиться счастія, спокойствія, однимъ-словомъ, вы подвергнетесь большимъ непріятностямъ...

г-жа тушаръ. Я васъ не понимаю...

г. тушаръ (*въ-сторону*). Притворяется невинной... отпирается!

г. ронденъ. Я принужденъ быть нескромнымъ и еще разъ повторить просьбу мою, сударыня... я все знаю... я знаю, что сегодня утромъ вы дали Жозефу какое-то секретное порученіе...

г-жа тушаръ (*съ-замѣтательствомъ*). Господинъ Ронденъ...

г. ронденъ. Что мадамъ Жибе́ръ прислала вамъ какой-то *анонимный* порошокъ...

г-жа тушаръ. Говорите тише, ради Бога, говорите тише!...

г. тушаръ (*въ-сторону*). Она смущается!

г. ронденъ. Двѣ недѣли тому назадъ вы купили первую коробочку... какой это порошокъ? Къ чему онъ вамъ нуженъ?

г. тушаръ. Господинъ Ронденъ... я не понимаю, по какому праву... я не знаю, о чомъ вы меня распрашиваете...

г. тушаръ (*въ-сторону*). Отпирается!

Г. РОНДЕНЪ (*въ-сторону*). Она смутилась — это непостижимо! (*въ-слухъ*). Неужели вы не хотите подумать объ опасностяхъ, которыя можетъ навлечь на васъ упорное молчаніе ваше...

Г-ЖА ТУШАРЪ. Опасности!... Какія? Я васъ не понимаю.. Добрый, милый господинъ Ронденъ, умоляю васъ, не спрашивайте меня... я ничего не скажу... не могу сказать... я скорѣе соглашусь умереть... мужъ мой никогда не проститъ мнѣ... Это ужасно!... ради Бога, не спрашивайте, я не могу ничего сказать!..

Г. ТУШАРЪ (*входя*). И не нужно, сударыня!

Г-ЖА ТУШАРЪ (*въ-испугѣ*). Онъ все слышалъ!

Г. РОНДЕНЪ (*въ-сторону*). Я совсѣмъ сбился съ толку!

Г. ТУШАРЪ. Я все слышалъ! да, сударыня, все! Трепещите! *Анонимный* порошокъ находится теперь въ рукахъ искусныхъ химиковъ... трепещите!... скоро все откроется...

Г-ЖА ТУШАРЪ (*упадая въ кресла*). Я погибла!

Г. РОНДЕНЪ (*въ-сторону*). Неужели Тушаръ въ-самомъ-дѣлѣ правъ?

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

Тѣже и Докторъ.

ДОКТОРЪ. Вотъ я и воротился. Что́ это? Вамъ дурно, сударыня?

Г-ЖА ТУШАРЪ. Нѣтъ, докторъ... нѣтъ... ничего... пройдетъ...

Г. ТУШАРЪ. Говорите, докторъ, что́ вы открыли? говорите смѣло!

ДОКТОРЪ. Говорите, говорите!.. Спасибо вамъ за порученіе ваше..

Г. ТУШАРЪ. По званію своему, вы обязаны...

ДОКТОРЪ. Ничѣмъ не обязанъ я тѣмъ людямъ, которые смѣются надо мною и надъ званіемъ моимъ.

Г. ТУШАРЪ. Что̀ вы хотите этимъ сказать?

ДОКТОРЪ. То̀, что химики смѣялись надо мною, когда я представилъ имъ вашъ анонимный порошокъ.

Г-ЖА ТУШАРЪ (*тихо доктору*). Ради Бога...

ДОКТОРЪ (*тихо*). Не бойтесь... Я умѣю быть скромнымъ...

Г. ТУШАРЪ. Что́-же оказалось?

ДОКТОРЪ. Оказалось то́, что порошокъ этотъ служитъ...

Г-ЖА ТУШАРЪ (*тихо*). Сжальтесь, докторъ...

ДОКТОРЪ. Для придачи бѣлизны... (*тихо г-жѣ Тушаръ*) лицу... (*въ-слухъ*) зубамъ.

Г. РОНДЕНЪ Зубной порошокъ! Ха, ха, ха! (*Смѣется отъ-души.*

Г. Тушаръ не знаетъ, что ему дѣлать). Что вы скажете на это г. Тушаръ?

Г. ТУШАРЪ (*пораженный*). Зубной порошокъ!

Г. РОНДЕНЪ. Ну, да! зубной порошокъ!

Г. ТУШАРЪ (*тихо Рондену*). Но зачѣмъ эта таинственность.... Это письмо?...

Г. РОНДЕНЪ (*тихо*). Тоалетная тайна — величайшая тайна для женщины... любящей пококетничать...

Г-ЖА ТУШАРЪ. Другъ мой, простишь-ли ты мнѣ?

Г. ТУШАРЪ (*растроганный*). Адель! Адель! Я долженъ просить у тебя прощенія...

Г-ЖА ТУШАРЪ (*съ изумленіемъ*). Прощенія?.. За что?..

Г. РОНДЕНЪ (*скоро*). Нѣтъ... нѣтъ!.. вы, Тушаръ, должны простить женѣ скрытность ея... недовѣрчивость... (*тихо Тушару*). Она не должна знать...

Г. ТУШАРЪ (*тихо*). Вы правы. (*Женѣ*). Я все забываю... съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобы впредь... Адель, обними меня! (*Обнимаетъ жену*).

Г. РОНДЕНЪ. Давно-бы такъ!

Г. ТУШАРЪ (*въ-сторону*). Какой урокъ!

Г-ЖА ТУШАРЪ (*доктору*). Но зачѣмъ носили вы къ химику этотъ порошокъ?

ДОКТОРЪ. Я самъ не знаю... все это для меня такая загадка...

Г. РОНДЕНЪ. Которую я вамъ сейчасъ объясню. Это ничто иное, какъ химическій экспериментъ. Продавцы подобныхъ порошковъ и эликсировъ вмѣшиваютъ въ нихъ иногда вредныя вещи...

Г. ТУШАРЪ. Да, да, очень-вредныя вещи...

Г-ЖА ТУШАРЪ. А!...

Г. РОНДЕНЪ (*тихо Тушару*). Исправились-ли вы?

Г. ТУШАРЪ (*тихо*). Конечно, я ошибся; но осторожность...

Г. РОНДЕНЪ (*тихо*). Не мнительность.

Г-ЖА ТУШАРЪ. Докторъ, вы отобѣдаете съ нами?

ДОКТОРЪ. Покорно васъ благодарю .. мои больные ждутъ меня и если у г. Тушара нѣтъ больше безъименныхъ порошковъ, (*Тушаръ, смѣясь, жметъ руку доктору*) то я откланяюсь вамъ. Желаю добраго аппетита.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Тѣже, кромѣ Доктора.

Г. РОНДЕНЪ (*тихо Тушару*). Докторъ подшучиваетъ надъ вами...

(*въ-слухъ*). Я думаю, пора обѣдать. Тушаръ, вѣрно, проголодался: вѣдь онъ не завтракалъ. (*Смотря на Тушара*). Что, вы дома будете обѣдать?

г-жа тушаръ. Конечно... гдѣ-же больше?

г. ронденъ. Прекрасно; а послѣ обѣда я увезу васъ въ свое имѣніе... вы останетесь у меня недѣли двѣ и болѣе, если хотите... согласны?

г-жа тушаръ. Какъ ты думаешь, другъ мой?

г. тушаръ. Охотно... Я чувствую, что мнѣ надо перемѣнить образъ жизни; мнѣ нуженъ свѣжій воздухъ...

г. ронденъ. Непремѣнно, непремѣнно, другъ мой!

г-жа тушаръ. Надо сказать Жозефу, чтобы онъ укладывалъ вещи наши... (*зоветъ*). Жозефъ! Жозефъ!

жозефъ (*за дверьми*). Я здѣсь, сударыня... я запертъ...

г. ронденъ Какъ онъ туда попалъ?

г. тушаръ (*скоро отворяя дверь*). Какъ! бѣдный Жозефъ, ты былъ запертъ?

жозефъ (*выходя на сцену*). Да вы сами...

г. тушаръ (*прерывая его*). Неужели! Какъ я разсѣянъ...

жозефъ. Нѣтъ, сударь, вы не разсѣяны... вы еще сами сказали...

г. ронденъ (*прерывая его*). Ахъ, ты лѣнтяй!.. ты уснулъ и, вѣрно, не слышалъ, какъ баринъ твой замкнулъ дверь ..

жозефъ (*съ изумленіемъ*). Я лѣнтяй?... Конечно, я послѣ уснулъ, но когда баринъ запиралъ дверь...

г. Тушаръ (*прерывая его*). А, бѣдный Жозефъ мой!... (*смѣется*). Ха, ха, ха!

г. тушаръ и г. ронденъ (*смѣются*). Ха, ха, ха!.. бѣдный Жозефъ!

жозефъ (*ворчитъ*). Бѣдный Жозефъ... бѣдный Жозефъ... не понимаю, что съ ними сдѣлалось сегодня. .

г-жа тушаръ. Поди укладывай вещи наши... мы сегодня послѣ обѣда ѣдемъ за городъ...

жозефъ. Слушаю-съ. (*Ворчитъ уходя*) Бѣдный Жозефъ... бѣдный Жозефъ.... поди укладывай вещи.. . за городъ.... самъ заперъ.... бѣдный Жозефъ...

(*Уходитъ*).

г. тушаръ. Надобно ему еще сказать, чтобы онъ сходилъ въ контору редакціи «Судебной Газеты», чтобы оттуда присылали мнѣ газету за городъ...

г. ронденъ. Ничего не бывало!... Я возстаю противъ этого.

Къ чему вамъ журналъ, наполняющій вамъ голову покражами, убійствами, преступленіями; внушающій вамъ паническій страхъ, безсмысленныя опасенія?... Повѣрьте мнѣ, любезный Тушаръ, что всему злу причиной ваша газета. Прикажите-ка лучше отсылать ее къ родственнику вашему, комиссару: ему она можетъ быть полезна.... Что же касается до васъ, изъ угожденія вамъ, я подпишусь на какой-нибудь другой журналъ, менѣе мрачный и болѣе занимательный... постараюсь выбрать съ картинками, это займетъ васъ... теперь-же пойдемте обѣдать! Мы всѣ порядочно проголодались.

ОБАЯНІЕ.

Безумнаго счастья страданья
Ты мнѣ никогда не дарила,
Но есть на меня обаянья
Въ тебѣ непонятная сила....
Когда изъ-подъ темной рѣсницы
Лазурью мнѣ око сіяетъ,
Мнѣ тайная сила зѣницы
Невольно и сладко смыкаетъ....
И больше все члены объемлетъ
И лѣнь и таинственный трепетъ,
А сердце и дремлетъ и внемлетъ
Сквозь сонъ твойребяческій лепетъ.
И снится, стремленія полный,
Безъ цѣли ношуся я въ морѣ,
И сердце баюкаютъ волны,
Качая ладью на просторѣ....
Но чаще мнѣ снится иное —
Та жизнь, безъ сознанья и цѣли,
Когда, подъ разсказъ усыпляя,
Качали меня въ колыбели....
И очи мнѣ свѣтятъ привѣтно,
И льютъ свою чудную влагу;
А лепетъ о жизни завѣтной
Мнѣ шепчетъ забытую сагу....

1843.

1. 4.

СМѢСЬ.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ КОМЕДІИ АРИСТОФАНА «ОБЛАКА», ВЪ АѲИНАХЪ, ВЪ 378 Г. ПР. Р. Х. (*Извлечено изъ Плутарха*). Былъ праздникъ богини Цибелы. Одна изъ комедій Аристофана приготовлялась къ представленію на древнемъ театрѣ. Ужѐ, до разсвѣта, народъ осаждалъ мраморный столъ, гдѣ, по заведенному обычаю, каждый аѳинскій гражданинъ, желавшій быть на зрѣлищѣ, получалъ два обола, — на наши деньги, около четырехъ копеекъ мѣдью. За одинъ оболъ онъ покупалъ себѣ мѣсто въ амфитеатрѣ, за другой могъ купить прохладительныя питія. За тѣмъ, каждый, бѣгóмъ, пускался въ галереи, ведущія къ театру. Здѣсь *капельдинеры*, одни, одѣтые въ пурпуръ, брали деньги за входъ, а другіе, съ бѣлыми жезлами въ рукахъ, указывали приходящимъ на ихъ мѣста, и, кромѣ того, наблюдали за порядкомъ. Эти огромныя массы людей сидѣвшихъ, стоявшихъ и толпившихся, въ ожиданіи, пока піеса начнется, тѣшились шумными разговорами и смѣхомъ, или язвительными сарказмами на счотъ тѣхъ господъ, которыхъ лица или наряды казались имъ странными. Если показывался кто-либо нерадиво и безъ вкуса одѣтый, всѣ поднимались, указывали на него пальцами и осыпáли его самородною аттическою солью. Посѣтитель, застигнутый такимъ несчастіемъ, могъ не иначе спастись, какъ поспѣшною ретирадою къ дверямъ, или къ кружку своихъ друзей, или, запрятавъ свою голову въ плащъ, пока другой предметъ не отвлекалъ отъ него взоровъ насмѣшливыхъ согражданъ. — Когда уже всѣ заняли свои мѣста, вошолъ въ театръ бѣдно-одѣтый, подъ бременемъ лѣтъ согбенный старецъ и сталъ отыскивать, гдѣ-бы присѣсть ему. На него теперь обрушились насмѣшки. Въ одномъ ряду, молодые люди стѣснились, чтобы дать свободное мѣсто; но когда старикъ началъ достигать его, молодые повѣсы снова раздвинулись, и бѣдняга долженъ былъ тащиться далѣе, подъ градомъ плоскостей и ругательствъ.

Такимъ образомъ, онъ прошолъ вокругъ цѣлаго театра, пока достигъ мѣста, назначеннаго для спартанскихъ посланниковъ. Одинъ изъ нихъ вдругъ поднялся, подалъ ему руку и усадилъ его на своемъ мѣстѣ; самъ-же сталъ позади.

Но вотъ звуки музыкальныхъ инструментовъ возвѣстили о началѣ зрѣлища, и хоръ выступилъ на сцену. По такту флейщиковъ, онъ подвигался впередъ, состоя изъ четырехъ рядовъ, каждый рядъ изъ шести человѣкъ, почему можно было предугадать, что представляемая піеса была комедія, а не трагедія. Театръ представлялъ мѣсто со многими домами, между которыми тянулись двѣ главныя улицы, одна на востокъ, другая на западъ. Вдругъ выбѣгаетъ на сцену странный человѣчекъ, по имени Стрепсіадъ, мечется, какъ угорѣлый, туда и сюда, и кричитъ: «Долги на долгахъ! Непомѣрныя издержки!» Въ то-же время является Филипидъ, сынъ его, молодой распутный мотъ. Между ними завязывается споръ. Рѣчь коснулась одного философа, у котораго Стрепсіадъ хочетъ просить совѣта, какъ отдѣлаться отъ своихъ заимодавцевъ. Оба актеры, игравшіе Стрепсіада и Филипида, закрывали масками не только лица, но и всю голову. Звуки голоса не могли громко раздаваться, потому-что ротъ былъ въ углубленіи; для усиленія звуковъ придѣлывались къ маскамъ стальныя трубы. — Стрепсіадъ, что́ есть мочи, колотитъ въ дверь философа. Слуга отворяетъ; и послѣ сцены, исполненной комизма, занавѣсъ снова поднимается, и зрители видятъ философа, среди его учениковъ. Маски актеровъ, безъ сомнѣнія, были очень-похожи на тѣ лица, которыя Аристофану приходила охота осмѣять; теперь каждый изъ зрителей обращалъ свои взоры на старика, занявшаго мѣсто возлѣ спартанскихъ пословъ; каждый, указывая на него, кричалъ съ шумнымъ хохотомъ: «Сократъ! Сократъ!»—Въ это время, Сократъ держалъ въ рукахъ розовый букетъ, и, какъ всѣ прочіе зрители, смѣялся шуткамъ комедіи, но безъ малѣйшей горечи.—Между-тѣмъ піеса подвигалась впередъ. Театральный Сократъ взошолъ въ корзину, упавшую сверху, взывалъ къ облакамъ, единственнымъ божествамъ, имъ признаваемымъ, какъ онъ говорилъ. При этой выходкѣ раздались громкія рукоплесканія Аристофану, хотѣвшему тѣмъ показать, что идеи Сократа и его учениковъ были однѣ химеры, пустыя и темныя, какъ туманные образы облаковъ. Потомъ сами облака спустились на землю, представленныя фантастически-одѣтыми актерами, въ женскихъ маскахъ. Онѣ запѣли хоромъ, превознося свое могущество, и наконецъ предлагали Стрепсіаду и Сократу свою помощь. Тогда Стрепсіадъ, рѣшительно отрекаясь отъ аѳинскихъ боговъ, начинаетъ чтить однѣ облака, наобѣщавшія ему тму средствъ, какъ избавляться отъ уплаты долговъ. — Здѣсь кончился первый актъ. Зрители хлопали, шумѣли, хохотали. Хоръ снова показался, за нимъ Сократъ и Стрепсіадъ, съ котораго, между-прочимъ, философъ стащилъ плащъ въ свою пользу. Завязался разговоръ, прерываемый смѣхомъ и одобреніемъ «почтеннѣйшей» публики.

Сократъ. Ну, пріятель, чему-же ты хочешь учиться? Мѣрѣ, гармоніи, такту?

Стрепсіадъ. Разумѣется, мѣрѣ. Вотъ недавно проклятый лавочникъ поддѣлъ меня ложными вѣсами. Что-же до гармоніи, то скажи пожалуй, на кой чортъ она мнѣ?

Чѣмъ ближе Стрепсіадъ былъ къ своей цѣли, тѣмъ болѣе отдалялся отъ нея Сократъ, и какъ, по словамъ послѣдняго, философія требуетъ многихъ обширныхъ знаній, то онъ далъ своему ученику предварительный урокъ въ грамматикѣ, заключивъ такими словами: «Запрись въ своей комнатѣ, ломай себѣ голову, крѣпко хватайся за мысль; если-же ты не можешь растолковать одну идею, возьми другую; анализируй, опредѣляй, раздѣляй; наконецъ ищи средства и способа обморочить твоихъ заимодавцевъ!»

При этихъ словахъ, все обратилось въ оглушительный хохотъ, потому-что онѣ очень-остроумно пародировали правила Сократа, который имѣлъ обычай выманивать мысль у другаго, не говоря ему собственной. Онъ самъ называлъ это искусство учить «умственнымъ повивальнымъ искусствомъ.»

Стрепсіадъ, долго погруженный въ самого себя, наконецъ воскликнулъ, что нашелъ искомую тайну. — Если я найму Ѳессалійскую колдунью, и, съ помощію ея тайнаго искусства, утащу мѣсяцъ и спрячу его точно какое-нибудь зеркало...

Сократъ. Что изъ того выдетъ?

Стрепсіадъ. Какъ что? Если мѣсяца никакого не будетъ, такъ и процентовъ никакихъ не для-чего платить.

Сократъ. Но если-бы за это тебя присудили заплатить пять талантовъ, какъ-бы ты вывернулся изъ бѣды? а?—Помысли хорошенько, углубись въ самого себя, дай своему уму полетъ, какъ дѣти пускаютъ летать жука, держа его на ниткѣ.

Стрепсіадъ. Я стану позади сенатскаго секретаря, наведу зеркаломъ солнечныя лучи и сожгу всѣ бумаги, написанныя къ моему вреду.

Сократъ. А если бы тебя осудили на смерть?

Стрепсіадъ. Средство самое простое: я повѣшусь самъ.

Сократъ, видя, что ни коимъ-образомъ онъ не можетъ выучить этого тупаго ученика, вѣжливо проситъ его удалиться, и своего сына прислать въ науку. Сказано, сдѣлано. Является его сынъ Филиппидъ. Новый ученикъ, послѣ нѣсколькихъ уроковъ, взятыхъ у философа, и по внушеніямъ его, колотитъ своего отца и выбрасываетъ *родимаго* на улицу. А этотъ, взбѣшонный такою философіею, снабдивъ своихъ рабовъ топорами и факелами, вторгается съ ними въ домъ философа и зажигаетъ его со всѣхъ сторонъ. Сократъ выбѣгаетъ оттуда, закопченный отъ дыма, и, при насмѣшкахъ хора, вмѣстѣ съ своими учениками, стремглавъ летитъ за сцену.

Таковъ конецъ комедіи. Когда толпа бросилась къ выходамъ, Сократъ, въ продолженіе всей піесы сохранявшій веселость, удалялся

также изъ театра вмѣстѣ съ своими учениками. На углу одной улицы, онъ случайно столкнулся съ Аристофаномъ, который, въ сопровожденіи своихъ друзей, съ тріумфомъ шолъ домой. Поэтъ покраснѣлъ и хотѣлъ отворотиться; но Сократъ, прямо подошедъ къ нему, слегка ударилъ его розовымъ букетомъ по лицу. Аристофанъ, въ испугѣ, отступилъ назадъ.

— Аристофанъ, сказалъ съ улыбкою философъ: наслаждайся и ты, какъ я, во время представленія твоей піесы! Ощущай иглы шиповъ вмѣстѣ съ благоуханіемъ розъ.

Тогда, внезапно, раздался голосъ: «Аристофанъ! Замѣть себѣ, что подъ розами можетъ скрываться ехидна.» Это былъ голосъ Платона.

Спустя послѣ того 23 года, Сократъ долженъ былъ выпить чашу съ ядомъ; и Аристофанъ, погруженный въ задумчивость, шолъ черезъ пританеумъ, какъ знакомый голосъ, раздавшійся вблизи, заставилъ его вздрогнуть: «Я говорилъ тебѣ, Аристофанъ, что подъ твоими розами была ехидна.»

Итакъ, Аристофанъ бросилъ сѣмена ненависти противъ Сократа! И вотъ къ чему клонилась цѣль его высокой комедіи! Грустно вспомнить и больно становится душѣ, что ядовитая иронія великаго комика была такъ несправедливо обращаема противу людей! Неужели и мы послѣдуемъ когда-нибудь такому демоническому юморизму! Статься можетъ. Вѣдь стремятся-же нѣкоторые приблизиться къ Аристофану. Есть люди, которымъ желательно было-бы облить ядомъ сатиры все на свѣтѣ: и благія цѣли поэта, и высокіе помыслы гражданина, наравнѣ съ причудами и слабостями другихъ людей! Для чего? Изъ какихъ «гуманистическихъ» намѣреній? Смѣха ради! Потѣшить публику, какъ тѣшатъ канатные плясуны! Для сатириковъ человѣческое сердце – выставленная цѣль. Они, для потѣхи своей и своихъ поклонниковъ, мечутъ въ него стрѣлы, не разбирая, сердце-ли это низкаго человѣка, достойнаго за его поступки всякаго поруганія, или сердце благороднаго человѣка, котораго стремленія клонились къ общему благу, и, по нѣкоторымъ причинамъ, оказались мыльными пузырями! *Петръ Порфирьевъ.*

СЛЕЗА РЕБЕНКА. *Разсказъ Эдуарда Лемоана.* Представьте себѣ, читатель, что мы находимся въ *фойѣ* актеровъ одного изъ парижскихъ театровъ. Знаете-ли вы, что̀ такое фойѣ актеровъ? Это зала, въ которой отъ шести часовъ вечера до полуночи собираются актеры, актрисы, директоры, драматическіе писатели и журналисты. Тамъ не злословятъ, а просто разговариваютъ. Такъ-какъ тутъ сходятся бо́льшею частію пріятели или *товарищи*, то никто не церемонится, никто не *старается* острить, и всякій охотнѣе промолчитъ, нежели станетъ говорить вздоръ или переливать изъ пустаго въ порожнее; отъ этого и выходитъ, что каждый въ свою очередь уменъ, любезенъ и даже иногда чувствителенъ. Тамъ вы услышите разсказъ о какомъ-нибудь тро-

гательномъ происшествіи, забавные анекдоты и quasi-скандалёзную хронику. Тамъ разскащикъ говоритъ хорошо, потому-что напередъ знаетъ, что его слушаютъ снисходительно.

Въ одномъ изъ этихъ фойе слышалъ я простой, трогательный разсказъ. Я передамъ вамъ его такъ, какъ запомнилъ.

Мы переговорили о дождѣ, о хорошей погодѣ и обо многихъ другихъ незначительныхъ вещахъ, когда кто-то вспомнилъ о молодой дебютанкѣ, которая, нѣсколько дней тому назадъ, осталась неподвижна, безъ голосу и безъ жизни, такъ-сказать, предъ грознымъ судьею — публикой. Отсюда разговоръ принялъ оборотъ нѣсколько метафизическій.

— Отъ робости отвыкнуть нельзя, сказалъ кто-то. Природа создаетъ насъ смѣлыми или робкими.

— Такъ точно, какъ она создаетъ насъ холодными или пылкими, сказалъ другой: игроками или сластолюбцами, наклонными къ пороку или добродѣтели. Все это зависитъ отъ крови, нервовъ. Еслибъ человѣкъ, погибающій наэшафотѣ, родился флегматикомъ, онъ, вѣрно, преспокойно скончался-бъ въ своей постелѣ. Предполагаютъ, что образованіе, воспитаніе развиваютъ характеры: вздоръ! Люди во всю жизнь остаются тѣмъ, чѣмъ родятся. Тѣмъ лучше, которыхъ природа надѣлитъ добрымъ—горе прочимъ!

— Перестаньте, сказалъ одинъ изъ слушателей. По словамъ вашимъ видно, что вы страшный матеріалистъ. Еслибы люди были такъ созданы, то слѣдовало-бъ всѣмъ связать руки и ноги, привязать камень на шею, да и въ воду! Неужели вы думаете, что человѣкъ, имѣющій странности, страсти или пороки, не можетъ отвыкнуть отъ нихъ?

— Странности — можетъ-быть; страсти или пороки — никогда! Готовъ биться объ закладъ, что вы не назовете мнѣ ни одного исправившагося честолюбца, игрока или скупаго!

— Скупаго? Между нами есть одинъ, исправившійся скупой — это я! вскричалъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ драматурговъ, человѣкъ съсердцемъ и душою, великодушная щедрость котораго почти вошла въ пословицу.

— Вы были скупы, вы?...

— Какъ Гарпагонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ еще брюзгливъ, какъ брюзгливый Гольдони. А теперь я совершенно исправился отъ этихъ двухъ недостатковъ.

— Но кто-же содѣйствовалъ этому чудному излеченію?

— Кто?... слеза дитяти.

Тутъ вниманіе всѣхъ удвоилось. Мы составили тѣсный кружокъ около исправившагося скупца.

Это было въ 1834 году, началъ онъ: я отдалъ на театръ Сенъ-Мартенскихъ воротъ ту изъ моихъ піесъ, которая доставила мнѣ самыя большія выгоды и порядочную извѣстность. Я за-разъ получилъ два письма изъ Марселя; одно было отъ директора тамошняго театра; онъ писалъ мнѣ, что, по причинѣ трудностей постановки на сцену моей

драмы, просить меня пріѣхать лично привесть все въ порядокъ, отдавая въ полное мое распоряженіе — назначить вознагражденіе за путевыя издержки мои и безпокойства. Надобно было ѣхать немедленно.

Вотъ содержаніе другаго письма:

«Милостивый государь жена и дочь брата вашего умираютъ отъ бѣдности. Нѣсколько сотенъ франковъ могутъ спасти ихъ отъ смерти; присутствіе ваше возвратитъ имъ здоровье.

«Подписано: докторъ Ланберъ».

Я уже вамъ сказалъ, и теперь безъ стыда могу признаться, что у меня была душа Гарпагона. Письмо доктора мнѣ крайне не понравилось; я смялъ его съ досадой. Между-тѣмъ требованія директора марсельскаго театра были убѣдительны. Я поѣхалъ.

Все мое путешествіе было длинное сложеніе и умноженіе. Я складывалъ и умножалъ вознагражденіе, которое потребую за поѣздку — я взвѣшивалъ всѣ совѣты и слова свои, какъ товаръ.

Что́-же касается до жены брата моего, то я старался какъ можно менѣе думать о ней. О! это было дурно, очень дурно, тѣмъ-болѣе, что я безъ того уже былъ виновенъ предъ этою бѣдною женщиною. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, братъ мой, честный матросъ, котораго поглотило море, писалъ мнѣ, что хочетъ жениться на дочери рыбака, въ которую страстно влюбленъ и все приданое которой состояло въ прекрасномъ сердцѣ, хорошенькихъ глазкахъ и совершенномъ отсутствіи звонкой монеты.

На это письмо я отвѣчалъ очень-глупо:

«Ты женишься на дѣвушкѣ, которую любишь, и которая имѣетъ съ «тобою то прекрасное сходство, что ничего *не имѣетъ*... будьте счастливы, если можете; но, между нами будь сказано, вы оба поступаете очень-безразсудно... Если неподзно, то образумьтесь... Прощай».

Это письмо было очень-неостроумно и въ добавокъ — грубо.

Невѣста брата моего была дѣвушка честная и гордая. Письмо мое сильно оскорбило ее и въ глубинѣ души она стала презирать меня.. и когда буря лишила ее мужа, когда безъ всякой помощи и надежды, она должна была бороться съ бѣдностью и болѣзнію, тогда она рѣшилась лучше умереть, нежели обратиться съ просьбой о помощи ко мнѣ. И она исполнила-бъ намѣреніе свое — она умерла-бы, не написавъ мнѣ ни слова, не простивъ мнѣ, еслибъ у нея не было дочери — маленькаго ребенка, который съ ангельскою покорностью терпѣлъ голодъ и нужду. Вдова брата моего, какъ настоящая Бретонка, была упряма, новмѣстѣ съ тѣмъ всею душою любила маленькую дочку свою. Она вскорѣ поняла, что ребенокъ ея постепенно угасалъ, и чтобы спасти дочь отъ неминуемой смерти, она должна была забыть гордость свою и просить о вспомоществованіи жестокаго и злаго дядю дѣвочки. Она открыла все доктору, человѣку благородному и человѣколюбивому, который съ перваго взгляда понялъ, что главное зло, убивавшее бѣдную женщину, былъ голодъ; но, будучи самъ человѣкомъ не-

достаточнымъ, онъ не могъ оказать ей большой помощи. Тогда онъ рѣшился написать ко мнѣ.

Когда я прибылъ въ Марсель, докторъ ждалъ меня уже въ конторѣ дилижансовъ. Такъ-какъ я не отвѣтилъ на письмо его, то съ наивностію, свойственною прекраснымъ душамъ, онъ подумалъ, что я самъ ѣду. Узнавъ фамилію мою, онъ подошолъ ко мнѣ и сказалъ:

— Вы поспѣшили, милостивый государь ; вы поняли , что потеря времени можетъ-быть убійственна для несчастной. Богъ наградитъ васъ за этотъ прекрасный поступокъ.

Эта похвала показалась мнѣ горькою. какъ иронія, но я не имѣлъ довольно мужества, чтобы сказать, что не заслуживалъ ее. Да и какой человѣкъ когда-либо отклонялъ отъ себя похвалу? Какому ослу не хочется прослыть львомъ?...

Итакъ, не смотря на то́, что я предполагалъ прежде всего отправиться въ театръ, я первый визитъ сдѣлалъ вдовѣ брата моего. Она жила въ самой жалкой лачужкѣ, куда никогда не проникалъ лучъ солнечный. Возлѣ кровати ея была маленькая дѣвочка съ большими чорными глазами, съ бровями уже ясно очерченными; золотисто-русыя кудри обрамливали личико, исполненное умнаго выраженія и той серьёзной покорности, которую придаетъ прежлевременная привычка къ страданіямъ. Боже мой! Какъ она была хороша и какъ блѣдность и худощавость ея были краснорѣчивы!

Молча смотрѣлъ я на нее... я начиналъ понимать, что дѣтство имѣетъ какую-то привлекательную силу, какое-то могущество, которому подлежатъ даже самыя жестокія сердца, закрытыя всѣмъ нѣжнымъ, сладостнымъ ощущеніямъ. Я-бы хотѣлъ поцѣловать этого прелестнаго ребенка, но сухая скупость внушила мнѣ въ ту-же минуту ужасную мысль: я подумалъ, что если расстрогаюсь, то возложу на себя множество тяжкихъ обязанностей , отъ которыхъ я дотолѣ уклонялся; я подумалъ, что мнѣ тогда надобно уничтожить малѣйшіе слѣды страшной бѣдности, нищеты, представлявшейся взору моему. Эта мысль поразила меня ужасомъ; я отступилъ, какъ человѣкъ, предъ которымъ открывается пропасть.

Добрый докторъ не понялъ, да и не могъ понять, сколько въ сердцѣ моемъ было сухости и отвратительнаго эгоизма: онъ принялъ ужасъ мой за состраданіе. Этотъ испугъ скупаго при видѣ горестей, зрѣлище которыхъ тягостно ему, какъ угрызеніе совѣсти, онъ принялъ за волненіе души нѣжной, чувствительной; задумчивая улыбка появилась на устахъ его, онъ подошолъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и сказалъ:

— Зрѣлище этой бѣдности трогаетъ васъ!... Но не забудьте, что врачъ прежде всего долженъ освоиться съ видомъ и признаками зла, которое онъ хочетъ излечить. Одни вы можете быть братомъ этихъ двухъ несчастныхъ существъ! Подойдите ближе!...

И онъ подвелъ меня къ кровати. На лбу моемъ выступилъ ледянистый потъ. Стыдъ терзалъ мнѣ душу, злоба душила меня.

Когда Бретонка увидѣла меня возлѣ себя, то съ чрезвычайнымъ усиліемъ приподнялась..... на лицѣ ея было что-то печальное и гордое; ей-бы хотѣлось приказывать, а она, несчастная, должна была умолять о помощи человѣка, котораго она не уважала!.... Впрочемъ она и не унизилась до просьбы — но костлявымъ и дрожащимъ отъ внутренняго волненія пальцемъ она указала на дочь, и голосомъ, какъ-бы вырвавшимся изъ сердца, произнесла:

— Вотъ бѣдный ангелъ Господній, у котораго вскорѣ не будетъ матери!

Эта краткая, выразительная и энергическая просьба однакожъ не подѣйствовала еще на меня; я всячески старался не смотрѣть на ребенка и отвѣчалъ такъ равнодушно, какъ могъ:

— Зачѣмъ предаваться этимъ горестнымъ мыслямъ? Вы молоды, у васъ хорошій докторъ. Ненадобно отчаяваться... Всякой другой на моемъ мѣстѣ прибавилъ-бы: — Братъ вашъ постарается облегчить страданія ваши. Положитесь на него, онъ будетъ отцомъ вашей дочери... но я промолчалъ. Меня занимала только одна мысль, какъ-бы поскорѣе уйдти оттуда!... О поклоненіе золотому тельцу, съ какими низостями и жестокостями ты неразлучно!

Между-тѣмъ-какъ я, въ нерѣшимости, пріискивалъ средства къ постыдному бѣгству, прелестное дитя не сводило съ меня болѣе изумленнаго, нежели испуганнаго взора; дѣвочка подошла ко мнѣ, взяла за-руку, и, указавъ мнѣ мѣсто у ногъ матери своей, сказала нѣжнымъ голоскомъ:

— Сядь тамъ, потому-что ты слишкомъ-высокъ и я не могу поцѣловать тебя, если ты не возьмешь меня къ себѣ на колѣни.

Я сѣлъ и дѣвочка сама взобралась ко мнѣ на колѣни.

Видя это, Бретонка подняла глаза къ небу и, казалось, молилась.

Что-же касается до меня, то я почувствовалъ, что рѣшительная минута настала и старался быть равнодушнымъ, жестокосердымъ. Я повторялъ себѣ мысленно, что ничѣмъ не обязанъ этой женщинѣ и этому ребенку; что состояніе мое, нажитое трудами, принадлежало мнѣ, мнѣ одному; что будущее невѣрно и опасно, а потому я долженъ былъ прежде всего позаботиться о себѣ самомъ, Я пріискивалъ всевозможныя убѣжденія, которыми такъ богато себялюбіе Я рѣшился быть твердымъ и, нахмуривъ брови, смотрѣлъ на ребенка. И онъ смотрѣлъ на меня; ясный и наивно-смѣлый взоръ дѣвушки встрѣтился съ моимъ взоромъ; казалось, будто она искала, съ которой стороны приступить къ ледянистой стѣнѣ, за которую я укрылся. Наконецъ, обвивъ шею мою своими маленькими, прелестными ручонками, она сказала сребристымъ голоскомъ:

— Ты будешь папенькой моимъ?.... Я тебя очень буду любить!... Ты очень-похожъ на папеньку.... У него былъ такой же сердитый

видъ, какъ у тебя, но онъ былъ очень-добръ и какъ ни хмурился, однако я все-таки не боялась его!... Вѣдь ты тоже добръ?

Не могу выразить, сколько къ этихъ дѣтскихъ словахъ было граціи и прелести... но я все-таки не поддавался! Собравъ всю жестокость свою, я отнялъ ручонки дѣвочки отъ шеи своей и, не говоря ни слова, опустилъ ее на полъ. Въ эту самую минуту на выразительномъ личикѣ ея проявилась сильная горесть... и слезинка, медленно прокатившись по гладкой, прозрачной щочкѣ ея, упала, горячая, на дрожащую руку мою... Тогда во мнѣ произошолъ быстрый, внезапный переворотъ; скупость и жестокость моя представились мнѣ во всей отвратительной истинѣ ихъ; я краснѣлъ за себя.... Не стараясь долѣе сопротивляться инстинкту добра, врожденному въ каждомъ человѣкѣ, я не хотѣлъ болѣе разсуждать и, отдавшись на произволъ новому для меня счастью, быть руководимымъ сердцемъ своимъ, я простеръ руки надъ головой ребенка и воскликнулъ:

— Предъ Богомъ и матерью твоею обѣщаюсь замѣнить тебѣ отца, и клянусь, никогда еще дочь не была такъ нѣжно любима отцомъ своимъ, какъ я буду любить тебя!

Ахъ, еслибъ вы видѣли выраженіе лица Бретонки, когда я произносилъ эти слова! Глаза ея блистали, лицо ея, казалось, было освѣщено лучомъ счастія; грудь ея поднималась! Она хотѣла говорить.... вѣроятно, благодарить меня—но не могла произнести ни одного слова. Я испугался, я думалъ, что внезапная радость убьетъ ее. Но радость не убиваетъ. Вскорѣ больная стала дышать свободнѣе; она заплакала и сказала:

— Братъ, я была объ васъ другаго мнѣнія...

Я не далъ договорить ей, потому-что она, кажется, бѣдняжка, сама еще хотѣла просить у меня прощенія. Я-бы умеръ отъ угрызеній совѣсти и раскаянія. Я прервалъ ее, сказавъ, что она еще слаба и что ей нужно спокойствіе. Добрый докторъ подтвердилъ слова мои; онъ прописалъ ккое-то лекарство и хотѣлъ уже удалиться, но я остановилъ его, отвелъ въ-сторону и, отдавая бумажникъ свой, сказалъ:

— Докторъ, еще одну услугу. Я желаю, чтобы сестра моя, какъ можно скорѣе, оставила эту лачужку. Я въ первый разъ въ Марсели и никого здѣсь не знаю. Не потрудитесь-ли вы найдти квартирку, въ которой можно-бъ подышать воздухомъ и видѣть солнце?

— Извольте, отвѣчалъ докторъ: но бѣдная недолго будетъ наслаждаться благосостояніемъ.

— О, докторъ, одинъ день счастія и спокойствія можетъ нѣсколько вознаградить за цѣлую жизнь горя и бѣдствія!

Въ тотъ же вечеръ докторъ исполнилъ просьбу мою.

На слѣдующій день мы занимали на берегу моря маленькій домикъ, окруженный небомъ, водой, зеленью и чистымъ воздухомъ. Тамъ я

провелъ три мѣсяца въ безпрерывной надеждѣ спасти сестру. Да и какъ было мнѣ не надѣяться? Она была такъ спокойна, она такъ пріятно улыбалась, видя, какъ я, забывъ свои сорокъ лѣтъ и волосы съ просѣдью, дѣлался ребенкомъ, чтобы понравиться дѣвочкѣ, которой я поклялся замѣнить отца! Увы! надежды мои не сбылись. Слишкомъ-долго уже продолжалась борьба больной съ болѣзнію; источники жизни изсякли; никакая наука, никакія попеченія не могли спасти ее. Сестра лучше насъ знала, что послѣдняя минута ея наступала, но мысль эта не устрашала ее.

Въ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ вечеровъ, которые такъ часты подъ чистымъ небомъ Прованса, луна медленно показалась изъ-за деревъ садика нашего, и теплый вѣтерокъ освѣжалъ лицо Бретонки, которая съ наслажденіемъ вдыхала въ себя вечерній воздухъ, поддерживаемая дочерью и мною. Вдругъ она судорожно сжала руку мою..... по всему тѣлу моему пробѣжала лихорадачная дрожь, и глаза мои обратились на больную..... на лицѣ ея было тихое, ясное спокойствіе.

— Братъ, сказала она: благодаря вамъ, я узнала счастіе; я умру довольная и счастливая.... Вы будете любить дочь мою..... Прощайте!

Она перестала говорить: все было кончено.

Признаться-ль вамъ? Смерть эта не произвела наменя никакого тягостнаго чувства. Въ послѣднихъ словахъ умиравшей, въ блѣдной улыбкѣ ея, въ лучѣ надежды, блеснувшемъ въ послѣднемъ взглядѣ ея, былъ какой-то таинственный восторгъ, величественное спокойствіе: это не была ночь ничтожества, это была заря лучшаго дня!

Съ этого времени дочь брата моего сдѣлалась моею. Я вполнѣ посвятилъ себя ей, радости ея — мои радости; жизнь ея—моя жизнь!.... Ахъ, я такъ обязанъ ей! Она пересоздала меня.....

Слезинка, драгоцѣнный перлъ, сохранившійся въ сердцѣ моемъ, была для него тоже, что капля росы для нераспустившагося цвѣтка: слезинка очистила, открыла сердце мое!

ФРАНЦУЗСКІЕ ЗАКОНЫ О ТЕАТРАХЪ. По-случаю современнаго вопроса, въ Палатѣ Депутатовъ касательно законовъ о театрахъ, вопроса, близкаго къ сердцу всякаго Француза, для котораго безъ театра нѣтъ жизни, г. Вивьенъ, одинъ изъ людей самыхъ способныхъ для объясненія важныхъ вопросовъ касательно драматическаго искусства, помѣстилъ въ журналѣ «Revue des deux mondes» большую и весьма-замѣчательную статью о театрахъ во Франціи и въ Англіи.

Г. Вивьенъ обратилъ вниманіе на цензуру, авторскія права, на настоящее и будущее состояніе всѣхъ французскихъ театровъ, и, съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, вникнулъ въ мельчайшія подробности.

По исчисленіямъ его оказывается, что во Франціи, въ настоящее

время, до 3000 драматическихъ артистовъ. — «Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ,» говоритъ Г. Вивьенъ, «богатѣютъ; другіе въ Парижѣ и провинціяхъ живутъ безъ нужды; но большая часть находится почти «въ нищетѣ».

«Нѣкоторыя благородныя сердца сжалились надъ бѣдственнымъ «положеніемъ людей, часто-весьма талантливыхъ. Въ 1840 году состави«лось между драматическими артистами общество, цѣлію котораго — «не умноженіе собственныхъ доходовъ, но образованіе вспомогатель«наго капитала для артистовъ, обиженныхъ судьбою. Успѣхъ этого «общества соотвѣтствовалъ благородству цѣли членовъ его. Въ 1843 «году число общниковъ простиралось до 1700; деньги, внесенныя ими «и вырученныя отъ баловъ и театральныхъ представленій, составили «капиталъ въ 94,206 франковъ. Изъ этой суммы выдаются единовре«менныя пособія нуждающимся, и пенсіи состарѣвшимся актерамъ.»

Вотъ что́ говоритъ Г. Вивьенъ о настоящемъ состояніи театра.

«Состояніе театра невѣрно, основаніе его нетвердо. Обративъ «вниманіе только на матеріальные результаты, можно сказать, что «въ продолженіе 12 лѣтъ, безпрерывно разорялись директоры почти «всѣхъ театровъ въ Парижѣ; иные даже по два, по три раза. Двад«цать одна привиллегія перешла въ другія руки; восемнадцать пред«пріятій не были выполнены, за недостаткамъ средствъ. Подобныя«же бѣдствія поразили и директоровъ провинціяльныхъ театровъ, а «между-тѣмъ во всей Франціи нѣтъ ни одного, нѣсколько порядочнаго «города, жители котораго не употребляли-бы всѣхъ усилій, чтобы «имѣть свою оперу, свои комедіи, мелодрамы и водевили!»

«Мы очень-хорошо знаемъ, что правительство не можетъ забо«титься о прочности и нерушимости частныхъ предпріятій; но, во «всякомъ случаѣ, оно съ особенною заботливостію должно пещись о «благосостояніи театровъ, ему принадлежащихъ или подъ его покро«вительствомъ находящихся: паденіе одного изъ этихъ театровъ бы«ло-бъ позоромъ всей Франціи! Не-смотря на то, если свѣдѣнія, мною «собранныя, вѣрны, то большіе театры наши находятся въ довольно«затруднительномъ положеніи. *Оперъ*, колеблющейся подъ огромною «тяжестью бюджета своего, и немогущей возобновить свой репер«туаръ, или замѣнить достойнымъ образомъ великихъ артистовъ, ко«торыхъ она лишилась, угрожаетъ опасный кризисъ. *Комическая* «*Опера* одолжена спасеніемъ своимъ счастливой идеѣ возобновить нѣ«сколько оперъ старинной школы, которыя для настоящаго поколѣнія «являются интересными новинками. *Первый-Французскій-Театръ*, не «смотря на экономію, введенную во всѣ части администраціи его, не «защищенъ отъ финансовыхъ затрудненій. Доходные успѣхи комедій: «*Mademoiselle de Belle-Isle*, *Le Verre d'eau* и др., и въ особенности «удивительный успѣхъ Г-жи Рашель, на-время повысили сборы до той «степени, до какой они доходили въ самыя цвѣтущія времена этого «театра — а именно: въ 1812 — 576, 200 фр.; въ 1842 — 574, 650 фр.;

«но вмѣстѣ съ тѣмъ, огромныя и неизбѣжныя издержки, ежегодныя «пенсіи, выдаваемыя престарѣлымъ артистамъ этого театра, обра- «зующія ежегодно сумму въ 190,000 фр., до того увеличили расходы, «что артисты Перваго-Французскаго-Театра, вѣрно, не были-бы возна- «граждены за труды свои, еслибъ правительство не выдавало на со- «держаніе ихъ ежегодно 200,000 франковъ.

«По постановленію 1807 года, число театровъ было опредѣлено: «въ Парижѣ могло быть только 10 театровъ. Но въ-послѣдствіи, осо- «бенно послѣ іюльской революціи, привиллегіи на театры слишкомъ «увеличились; теперь въ самомъ Парижѣ 25 театровъ и 12 за заста- «вами. Изъ пяти театровъ, называемыхъ *Королевскими*, три посвя- «щены лирическому искусству, два трагедіямъ и комедіямъ; на четы- «рехъ второстепенныхъ театрахъ играютъ исключительно водевили; «пять театровъ, служащихъ собственно для волтижеровъ, звѣринцовъ «арлекинадъ, и т. п. стали, въ послѣднее время, давать пантомимы, «фарсы и водевили; два театра, изъ которыхъ въ послѣднее время «одинъ сгорѣлъ, назначены для дѣтей. Сверхъ этихъ 25 театровъ, есть «у частныхъ лицъ еще три привиллегіи на театры: *Мольеръ, Новостей* «и *Возрожденія*, которыя однакожъ, по недостатку средствъ, остаются «безъ употребленія. Загороднымъ театрамъ не предписанъ никакой «особый родъ представленій. Этими различными представленіями, «столь многочисленными, не ограничиваются еще увеселенія, влекущія «Парижанъ къ мотовству. Концерты и публичные балы даются вездѣ, «безъ всякой привиллегіи, и билеты на нихъ стоятъ дешевле самаго «послѣдняго мѣста въ привиллегированныхъ театрахъ. Выставки раз- «наго рода завлекаютъ любопытныхъ. Лѣтомъ, публика собирается въ «Циркъ на Елисейскихъ поляхъ. Кажется, правительство употребило «всѣ мѣры, чтобы занять народъ: это очень-похвально, въ томъ «нѣтъ никакого сомнѣнія; однакожъ дѣйствія и послѣдствія этого не «были достаточно обдуманы и взвѣшены.

«Можетъ-быть, скажутъ, что размноженіе театровъ было естествен «нымъ послѣдствіемъ увеличенія народанаселенія парижскаго? Раз- «смотримъ и этотъ пунктъ. Въ 1808 году, жителей въ Парижѣ было «около 600,000 душъ; по послѣдней ревизіи 1841 года оказалось «900,000 душъ — слѣдовательно, число жителей увеличилось въ поло- «вину. Конечно и общій итогъ сборовъ театральныхъ увеличился, «но тутъ должно смотрѣть не на одно ариѳметическое увеличеніе, «если можно такъ выразиться, этого итога, но больше на раздѣленіе «его на разные театры. Посмотримъ, по этому случаю, на слѣдую- «щую таблицу, и все дѣло объяснится»*.

---

* На этотъ разъ ограничиваемся небольшимъ извлеченіемъ изъ статьи г-на Вивьенъ, къ которой еще будемъ имѣть случай обратиться. *Ред.*

Сравнительная таблица десятиодичныхъ сборовъ различныхъ театровъ парижскихъ.

ТЕАТРЫ.	Отъ 1807—1817.	Отъ 1832—1842.	Увеличились во второй періодъ.	Уменьшились во второй періодъ.
Опера — *Opéra*	599,307—72.	1,072,372—84.	473,065—12	»
Итальянская опера — *Opéra-Italien*.....	290,001—80.	606,454—97.	316,453—17.	»
Водевильный т. — *Vaudeville*..	392,475—60.	451,245—30.	58,769—70.	»
Олимпійскій Циркъ — *Cirque-Olimpique*.....	219,903—53.	402,586—58.	182,683—05	»
Т. Сенъ-Мартенскихъ воротъ. — *Porte-St.-Martin*	376,860—77.	453,091—32.	76,230—55.	»
Перв. Французскій т. — *Théatre-Français*	808,046—91.	592,543—16.	»	215,503—75.
Комическая опера. — *Opéra-Comique*.....	738,228—81.	602.392—45	»	135,836—30.
Т. Разностей. — *Variétés*.....	579,317—75.	441,959—21.	»	137,358—54.
Т. Веселости. — *Gaîté*.....	405,551—41.	362,815—97.	»	42,735—44.
Т. Забавныхъ Двусмысленностей. — *Ambigu-Comique*	404,050—58.	350,568—77.	»	53,481—81.
Циркъ на Елисейскихъ поляхъ. — *Cirque des Ch. Elysées*...	»	285,024—89.	285,024—89.	»
Гимназія. — *Gymnase*.....	»	485,562—44.	485,562—44.	»
Пале-Роялскій. — *Palais-Royal*.....	»	524,807—03.	524,807—03.	»
Т. драматическихъ шутокъ. — *Folies-Dramatiques*.....	»	221,417—79.	221,417—79.	»
Т. Забавныхъ Развлеченій, Пантеонъ, т. Ст. Антонія и Ст. Марселя. — *Délass-Com., Panéon, St. Antoine et St. Marcel*.....	»	252,122—31.	252,122—31.	»
Итого ..	4,873,745—80.	7,104,965—03.	2,876,136—05.	584,515—80.

НѢКОТОРЫЯ ПОДРОБНОСТИ О КАЗИМИРѢ ДЕЛАВИНѢ. Французскій писатель, г. Морланъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ Казимиръ Делавинь особенно любилъ и уважалъ, написалъ трогательную и подробную біографію умершаго поэта. Представляемъ краткое изъ нея извлеченіе.

Делавинь родился въ ужасную эпоху, въ самые кровавые дни 1793 года. Отецъ и дядя его въ одной изъ революціонныхъ темницъ, ожидали приказанія идти на эшафотъ, за то, что они способствовали бѣгству одного изъ близкихъ родственниковъ своихъ. Ужасное преступленіе!... Едва г-жа Делавинь сдѣлалась матерью, какъ оставила Гавръ и отправилась въ Парижъ, чтобы испросить помилованіе отцу сына ея. Печально было путешествіе, но неосторожный въ тѣ времена поступокъ, будучи внушенъ ей самимъ Богомъ, имѣлъ счастливѣйшій успѣхъ. Кровожадные судьи сжалились надъ бѣдной женщиной, покинувшей сына, чтобы спасти мужа; плѣнники были освобождены.

Между-тѣмъ ребенку минуло два года; онъ жилъ у бабушки своей въ Нантѣ, былъ слабъ и щедушенъ; но здоровый тамошній воздухъ спасъ его и даже прекрасно развилъ физическія силы его. Онъ подросъ и его отдали въ школу; тамъ не обнаружились ни чрезвычайная понятливость, ни умъ, вообще ничто особенное, по чему-бы можно было предугадать будущаго великаго поэта. Казимиръ былъ добръ и обходителенъ, послушенъ и робокъ; все радовало, все восхищало его; но завтра онъ забывалъ то, чему выучился сегодня. Такимъ-образомъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ въ школѣ, до вступленія въ Наполеоновскій лицей; — и тамъ онъ былъ не первымъ, хоть и не послѣднимъ; учитель, конечно, не забывалъ его, однакожъ и не всякій день вспоминалъ объ немъ. Похваливали его за прилежаніе, за ревность, за постоянство, за добрый нравъ, но вотъ и все.

Между-тѣмъ ему наступило пятнадцать лѣтъ. Въ этотъ день робкій ребенокъ сдѣлался смѣлымъ мужемъ: лѣнивый умъ пробудился, взоръ загорѣлся блескомъ генія; никто не узнавалъ смирнаго школьника, прибывшаго изъ Нормандіи!...

Великъ былъ переворотъ, происшедшій съ ребенкомъ. Поэзія громко заговорила съ нимъ, она назвала его по имени и показала ему дорогу, по которой онъ долженъ былъ слѣдовать. Трудна была дорога эта, потому-что Имперія клонилась къ упадку; Императоръ занесъ уже ногу надъ пропастью.... Притомъ родители поэта нашего были бѣдны; они лишились всего въ эти смутныя времена — но гдѣ велика нужда, тамъ близка помощь! Человѣкъ, рѣдкой доброты и ума проницательнаго, умѣющаго угадывать самыя скрытыя дарованія, г. Франсе́ де-Нантъ понялъ поэта въ молодомъ школьникѣ. Г. Франсе́ де-Нантъ пожелалъ видѣть Казимира, и молодой человѣкъ повиновался не безъ страха. Онъ былъ уже робокъ отъ природы, но мысль стать передъ другомъ Императора не давала ему уснуть цѣлую ночь. Когда настала минута идти къ покровителю, то Казиміра трудно было уговорить.

— Ты никогда не составишь себѣ карьеры, любезный *Кандидъ*, говорилъ ему братъ Жерменъ.

Не-смотря на то, *Кандидъ* тотчасъ-же получилъ мѣсто при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; скромное, незавидное мѣсто, но на которомъ — о счастіе! — нѣчего было дѣлать и можно было предаваться мечтаніямъ своимъ съ утра до вечера. Казимиръ прекрасно воспользовался этимъ.

Тогда пробилъ наконецъ злополучный часъ — Казимиру минуло двадцать лѣтъ, - онъ долженъ былъ вступить въ военную службу. Часъ этотъ былъ злополученъ, потому-что прошло время славы французской арміи, наступило время униженія и слабости; орлы французскіе уже не летали, но медленно перебивались изъ одной битвы въ другую. Когда наступалъ этотъ злополучный часъ, матери со слезами обнимали сыновей своихъ и прощались съ ними!...

Разсказываютъ, что будто-бы еще въ лицеѣ Казимиръ Делавинь

просилъ Императора, чтобы его избавили отъ военной службы; но это невѣроятно: онъ былъ слишкомъ-робокъ, чтобы осмѣлиться на подобный поступокъ. Но вѣрно то, что всѣ молодые люди въ Гаврѣ, тѣ, которые въ одинъ годъ съ Казимиромъ должны были поступать на службу, единодушно объявили, что молодой товарищъ ихъ глухъ и слѣдовательно негоденъ къ службѣ!... Эта великодушная ложь спасла Казимира, который, по слабости сложенія своего, вѣроятно, погибъ-бы въ пропасти, которая увлекла столько тысячъ Французовъ, — а кто тогда утѣшилъ-бы Францію послѣ Ватерлооскаго пораженія?

Когда рушилась Имперія вмѣстѣ съ великимъ представителемъ своимъ, и миръ распространился по Франціи, молодой поэтъ сталъ изучать новѣйшую исторію и думать о извлеченіи изъ нея чего-либо высокаго для поэзіи своей. Казиміръ Делавинь выступилъ на литературное поприще вмѣстѣ со Скрибомъ, и эти два несходные таланта смѣло шли впередъ, изучая дорогу, которую каждый изъ нихъ избралъ себѣ чтобы достигнуть народности, ожидавшей ихъ. Скрибъ съ радостію ухватился за парадоксы, добиваясь противу-истины съ тѣмъ-же рвеніемъ, съ которымъ другіе добивались бы самой истины, и смотря только на забавную и невинную сторону человѣческихъ страстей или, лучше сказать, страстишекъ. Делавинь, другъ и товарищъ его, мечталъ между-тѣмъ объ обширнѣйшихъ предметахъ; онъ вѣровалъ въ героизмъ, искалъ не улыбки, но состраданія, ужаса, уваженія собравшейся толпы; онъ любилъ громкіе звучные стихи, поэзію блестящую, живыя тѣ рады; въ немъ самомъ кипѣла страсть, которая, рано или поздно, должна была разразиться съ величіемъ!...

Наступилъ рѣшительный конецъ Имперіи—1814, 1815 годы и Ватерлоо!... Казиміръ первый понялъ, что нація, пораженная въ самое сердце, требовала утѣшеній. Онъ впалъ въ глубокую задумчивость, прислушивался къ жалобамъ и мрачному отчаянію побѣжденныхъ, видѣлъ гордость побѣдителей и написалъ «Les Messéniennes! .» Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ Делавинь получилъ мѣсто библіотекаря при государственной канцеляріи. Ободренный такимъ образомъ, молодой человѣкъ могъ предаться первымъ поэтическимъ мечтамъ своимъ. Онъ написалъ трагедію «Polyxène» и *Первый-Французскій-Театръ*, который тогда уже клонился къ упадку, въ которомъ теперь находится едва удостоилъ ее чтенія. Вторая-же трагедія его *Сицилійскія вечерни*, «Les Vêpres Siciliennes», была принята съ тѣмъ условіемъ, *что авторъ не будетъ требовать, чтобы она была играна*! Изумленіе и горесть автора понятны. По-счастію, добрый Пикаръ поспѣшилъ на помощь молодому автору: онъ отдалъ трагедію, съ тѣмъ условіемъ, чтобы она немедленно была играна на *Второмъ-Французскомъ-Театрѣ*! Успѣхъ «Сицилійскихъ вечерень» и по-нынѣ памятенъ всѣмъ Французамъ; это было первымъ моментомъ новой славы, первымъ торжествомъ поэзіи, — первое имя новаго поэтическаго поколѣнія!

Съ-тѣхъ-поръ слава Делавиня быстро увеличивалась. Онъ написалъ комедію: *Комедіянты*, прелестную эпиграмму, милое мщеніе...

двадцати-четырехлѣтняго поэта, избытокъ ума, воодушевленнаго досадой на первый отказъ и счастіемъ торжества; досталось тогда Первому-Французскому-Театру! Въ-слѣдъ за тѣмъ онъ написалъ «Le Paria», и вся Франція признала его однимъ изъ первыхъ поэтовъ своихъ, а онъ между-тѣмъ ходилъ въ другіе парижскіе театры смотрѣть піесы Скриба и брата своего Жермена Делавиня, и увѣрялъ, что у брата его болѣе ума.

Въ самое время торжества своего, Казиміръ Делавинь лишился мѣста, слѣдовательно вѣрнѣйшаго дохода своего; тогда получилъ онъ письмо, написанное королевскою рукою:

«Гроза разразилась надъ домомъ вашимъ: примите комнатку въ моемъ домѣ!»

Казиміръ могъ-бы отвѣтить высокому покровителю своему:

— Я къ вамъ и шолъ!

Будучи двадцати-восьми-лѣтъ отъ роду, написалъ онъ прекрасную комедію: *Школа стариковъ;* — немного позже, предъ нимъ отворились двери Французской Академіи, гдѣ онъ былъ принятъ тѣмъ-же благороднымъ человѣкомъ, который теперь столько заботится о вдовѣ и сынѣ его, министромъ Вильмéномъ; Герцогъ Орлеанскій присутствовалъ при вступленіи въ члены Академіи любимца своего, слава котораго отражалась и на немъ. Трагедія *Людовикъ XI* стóила автору болѣе труда, нежели другія произведенія его. Путешествуя по Италіи, онъ написалъ *Марино Фальеро.*

Всѣ произведенія Делавиня прекрасны и высоки по изложенію и по мысли: «Les Enfans d'Edouard».—«Don Juan d'Autriche», «Une Famille au temps de Luther», «La Popularité», «La Fille du Cid», суть произведенія, ставящія Делавиня на первую степень поэтовъ Франціи.

Онъ умеръ, подавленный трудомъ, умеръ за недостаткомъ покоя: умеръ потому, что отецъ его былъ слишкомъ-бѣденъ!....

Гавръ гордится и гордился поэтомъ своимъ; его принимали тамъ, какъ самаго короля: всѣ хотѣли видѣть его, поговорить съ нимъ, приблизиться къ нему; ему плели вѣнки, женщины бросали букеты передъ поэтомъ своимъ!..... Теперь, когда его нѣтъ, городъ воздвигаетъ ему статую. — Всѣ любили его, потому-что онъ былъ добръ; всѣ уважаютъ его, потому-что онъ былъ великъ!

Въ Гаврѣ и Парижѣ открылась подписка на сооруженіе статуй поэту. Въ Парижѣ составилась особая коммиссія, состоящая изъ друзей и почитателей Казимира Делавиня; президентамъ коммиссіи Г. Вити, державшій Казимира за руку, когда онъ былъ представленъ Герцогу Орлеанскому.

Первое имя, выставленное въ спискѣ подписчиковъ, есть имя Короля. Онъ пожертвовалъ 1000 франковъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ ПѢВЦЫ ДЕРИВИСЫ (*Отецъ и сынъ*). Извѣстный пѣвецъ *Деривисъ* родился въ 1781 году, въ одной изъ деревень, въ

окрестностяхъ Альбы (Авейронъ). Въ 1800 году онъ поступилъ воспитанникомъ въ парижскую Консерваторію музыки и изучалъ тамъ искусство пѣнія подъ руководствомъ профессора Ришера. Въ февралѣ 1803-го года, по окончаніи курса ученія, дебютировалъ, съ большимъ успѣхомъ, на сценѣ оперы, въ роли Зороастра (въ «Таинствахъ Изиды») и въ томъ-же году принятъ былъ въ капеллу перваго Консула Бонапарте. Будучи одаренъ отъ природы звучнымъ и сильнымъ голосомъ—басомъ, величавымъ ростомъ и красивою наружностію, Деривисъ могъ-бы сдѣлаться отличнымъ пѣвцомъ и превосходнымъ актеромъ, еслибы при самомъ вступленіи на драматическое поприще представился ему случай имѣть хорошихъ руководителей; но къ-несчастію, передъ глазами Деривиса въ то время находились одни лишь дурные образцы для его амплуа. Въ самой оперѣ тогда господствовала манера пѣнія, которую скорѣе можно назвать манерою крика и непомѣрнаго усиленія голоса. Вотъ почему и Деривисъ научился, въ свою очередь, издавать голосъ съ напряженіемъ, дабы увеличить его силу, и эта-то варварская метода преждевременно ослабила одно изъ крѣпчайшихъ тѣлосложеній, какимъ когда-либо пользовались пѣвцы. Казалось, все благопріятствовало Деривису при вступленіи его на сцену. *Адріенъ*, томясь усталостію отъ дурной методы пѣнія, которую самъ преподавалъ ученикамъ своимъ, еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ оставлялъ сцену. *Дюфренъ* былъ слишкомъ-слабъ для того, чтобы сдѣлатся чѣмъ-нибудь самостоятельнымъ. Однимъ-словомъ, дѣла оперы находились въ такомъ положеніи, что Деривисъ, спустя короткое время послѣ поступленія на сцену, сталъ главою опернаго амплуа и выполнялъ главныя роли басовъ во всѣхъ операхъ, представленныхъ съ 1805 по 1828-й годъ. 5-го мая этого года онъ, въ послѣдній разъ, въ своемъ бенефисѣ, исполнялъ *партію Эдипа*, одну изъ тѣхъ ролей, гдѣ выказывалъ талантъ свой, какъ актеръ. Въ 1829-мъ году Россини аранжировалъ для него роль *Магомета въ осадѣ Коринѳа*, и въ ней-то Деривисъ, въ первый разъ, попробовалъ вокализировать скорыя и бѣглыя фигуры; но голосъ его былъ слишкомъ-звученъ и потому не могъ имѣть легкости; притомъ-же привычки Деривиса, какъ пѣвца, были уже черезъ-чуръ стары, такъ-что онъ не имѣлъ возможности измѣнить свою манеру. Наконецъ онъ долженъ былъ оставить сцену прежде, чѣмъ начался въ оперѣ переворотъ въ пѣніи. Съ-тѣхъ-поръ Деривисъ путешествовалъ по департаментамъ Франціи и являлся на сценахъ разныхъ провиціальныхъ театровъ. Въ 1834-мъ году онъ находился въ Антверпенѣ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о жизни этого замѣчальнаго артиста не имѣется. Деривисъ былъ женатъ на дѣвицѣ *Ноде*, воспитанницѣ Консерваторіи, которая дебютировала въ 1804-мъ году на сценѣ Оперы, въ роли Антигоны, въ Эдипѣ; но успѣхъ ея былъ незначителенъ, почему вскорѣ она оставила театръ. Отъ этого-то брака родился у Деривиса, въ 1809-мъ году, сынъ, который нынѣ приобрѣлъ также извѣстность прекраснаго пѣвца. Помѣщенный въ парижскую Консерваторію музыки штатнымъ воспитанникомъ,

молодой Деривисъ, съ любовію предался изученію искусства пѣнія, получилъ премію на конкурсѣ 1831-го года и дебютировалъ, съ большимъ успѣхомъ, на сценѣ Большой Оперы, 21-го сентября того-же года, въ *роли Моисея* (въ оперѣ Россини). Съ этого времени, онъ съ особеннымъ прилежаніемъ совершенствовалъ свой прекраснѣйшій голосъ — басъ. Успѣхи Деривиса были постоянны, и онъ могъ-бы занять высокое мѣсто въ ряду извѣстнѣйшихъ пѣвцовъ Оперы, еслибы не совмѣстничество съ Левассёромъ. Такъ-какъ первыя партіи басовъ всегда исполнялъ Левассёръ, (который теперь уже сошолъ со сцены), то Деривисъ оставался на второмъ планѣ и не могъ выказать всѣхъ средствъ своего богатаго таланта, почему онъ отправился въ Италію, гдѣ находится уже постоянно нѣсколько лѣтъ и занимаетъ почотное мѣсто между лучшими италіянскими басами.

СТРАННОЕ ДѢЙСТВІЕ МУЗЫКИ. Много было толковъ о различныхъ дѣйствіяхъ музыки на человѣка; ей приписывали даже излеченіе болѣзней. Но вотъ случай, совершенно-необъяснимый, гдѣ музыка, напротивъ, произвела окончательное разстройство организма. Въ сардинскомъ королевствѣ, одна молодая дама, 28 лѣтъ, никогда не выѣзжавшая изъ деревни, въ октябрѣ 1834-го года пріѣхала на балъ въ сосѣдній городокъ. Она не пропускала ни одного контранса и совсѣмъ жаромъ новаго ощущенія наслаждалась неизвѣстнымъ ей до того удовольствіемъ, — особенно музыкою, о которой прежде не имѣла почти никакого понятія. По окончаніи праздника, она возвратилась домой, но звуки музыки оставили въ ней такое сильное впечатлѣніе, что съ той минуты она слышала ихъ безпрестанно, днемъ, ночью, на яву и во снѣ. Наконецъ положеніе ея сдѣлалось нестерпимо. На гуляньѣ, за столомъ, во-время чтенія или домашнихъ занятій, всегда раздавалась въ ушахъ ея бальная музыка, и особенно тогда, когда она ложилась спать. Въ это время въ головѣ ея начиналась полная репетиція всѣхъ контрдансовъ, и что̀ всего страннѣе, точно въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они играны были на балѣ. Безсонница, ипохондрія и другіе припадки начали, мало-по-малу, истощать жизненныя ея силы; наконецъ обратились къ докторамъ, но всѣ пособія медицины остались тщетными. По мѣрѣ ослабленія пищеваренія, усиливались первическіе припадки и ночной изнурительный потъ; музыка все громче и явственнѣе звучала въ ушахъ ея, и, послѣ шестимѣсячныхъ страданій, несчастная умерла въ сильной чахоткѣ, не имѣвъ даже одной минуты успокоенія. Но вотъ еще чудное обстоятельство ея болѣзни. На балѣ музыкантъ, игравшій первую скрипку, шутя взялъ нѣсколько фальшивыхъ нотъ. Онѣ также остались въ памяти больной, и въ послѣдніе дни жизни, какъ-будто нарочно, становились все рѣзче и мучительнѣе. Борясь со смертію, несчастная страдалица безпрестанно хваталась за голову и сжимая ее, повторяла съ страшными воплями: «Окакъ фальшиво! какъ фальшиво! Боже! голова моя треснетъ; я не вынесу этой ужасной пытки».

БАРАБАНЪ ЛОРДА САНДВИЧА. Вѣчнымъ пятномъ славы Россини, между-прочимъ, будетъ введеніе въ оркестръ турецкаго барабана, этого варварскаго инструмента, только и годнаго для военныхъ маршей. Но что̀ значитъ турецкій барабанъ въ сравненіи съ барабаномъ лорда Сандвича? Лордъ игравшій во всѣхъ благородныхъ концертахъ Лондона на барабанѣ, сдѣлался страстнымъ обожателемъ этого инструмента и началъ думать объ его усовершенствованіи. Однажды, когда давали въ воксалѣ, съ огромнымъ оркестромъ, Генделеву ораторію, лордъ Сандвичъ приказалъ обтянуть тамъ цѣлый уголъ залы телячьею кожею. Когда лорду пришла очередь бить въ эту барабанную стѣну, то многія изъ дамъ, бывшихъ въ концертѣ, отъ страху и потрясенія нервъ упали въ обморокъ. Нельзя не вспомнить при этомъ о ванлализмѣ скрипача Оль-Буля, который въ своей «*Pollacca guerriera*» ввелъ въ оркестръ какой-то огромный кругъ, натянутый кожею. Каждый ударъ по этой кожѣ заглушалъ почти всѣ инструменты. Это тоже, въ своемъ родѣ, барабанъ, подобный барабану лорда Сандвича. Да проститъ его Богъ за эту нелѣпость!

ЖИЗНЬ КОМПОЗИТОРОВЪ И МУЗЫКАНТОВЪ. Изъ числа композиторовъ и знаменитыхъ музыкантовъ, умершихъ въ-теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ, нѣкоторые прожили до значительной старости. Д. Алькоккъ 91 годъ; В. Бердъ 80 лѣтъ; Д. Бурней 88; Д. Чайльдъ 90; М. Клементи 80; Д. Корри 81; Кросдиль 70; Цецилія Девисъ 79; Фаринелли 77 Джеминіани 96; Джіардини 80. Глюккъ 75; Нель-говъ 80; Гретри 72; Гульельми 77; Гендель 75; Гайднъ 76; Гассе 78; Гоокъ 81; Джаксонъ 73; Кольманъ 73; Парке 84; Д. Детоэ 85; Монъ 79; Саль 70; Сарти 72; А. Скарлатти 78; В. Шильдъ 80; Стефани 80; Серъ Стевенсонъ 74; сіньоира Тези 84; Фан Голль 74; Віотти 69; І. Веббе 77; Винтеръ 70; Плейэль 74 и проч. Между умершими въ цвѣтѣ лѣтъ, особенно замѣчательны: Перголезе 33; Моцартъ 36; Герольдъ 36; Беллини 32; Пинто 19; Н. Порселль 37; Стефенъ Сторатъ 83; К. Фонъ-Веберъ 40; г-жа Малибранъ 28 лѣтъ.

ЗАБАВНЫЙ КОНЦЕРТЪ. Артисты имѣютъ обыкновеніе провозглашать о своихъ концертахъ пышными программами, — особенно въ Германіи. Въ одномъ изъ городовъ Великаго Герцогства Баденскаго случилось слѣдующее приключеніе. — Артистъ Ш...., понадѣясь на свое отличное искусство, созывалъ публику въ концертъ свой оригинально-изысканною программою, — приглашая только *истинныхъ любителей*, способныхъ оцѣнить совершенство его игры. — Оно, видите, довольно-тонко! Но только Ш. не пригласилъ оркестра и никого изъ солистовъ! Что̀-же вышло? Собрались посѣтители, всего 30 человѣкъ. Опечаленный музыкантъ принимается за арфу и начинаетъ маршъ; но такъ-какъ игра его вовсе не соотвѣтствовала напыщенному объявленію, то одинъ изъ кавалеровъ, сидѣвшихъ въ первомъ ряду, встаетъ съ мѣста и, взявъ подъ руку свою даму, торжественно мар-

пируетъ съ нею вонъ изъ залы. — За этою парою послѣдовала вторая, третья и т. д. все тѣмъ-же мѣрнымъ шагомъ, и къ концу марша бѣдный артистъ остался совершенно одинъ и могъ играть, что только вздумается и какъ ему угодно, для пустыхъ стульевъ. — Нехудо-бы и нашей публикѣ принять это *къ свѣдѣнію* и *къ надлежащему, въ потребномъ случаѣ, исполненію*, въ отношеніи къ нѣкоторымъ заѣзжимъ артистамъ, съ плохими голосами, плохими талантами или даже и вовсе безъ талантовъ. — Господа эти, пріѣхавъ въ Петербургъ, Богъ знаетъ откуда, назначаютъ огромную цѣну за то, что порядкомъ надерутъ уши публикѣ, приманенной въ ихъ концерты многоглаголивыми программами и услужливыми, за деньги, объявленіями нашихъ газетчиковъ. — Пора, рѣшительно пора, установить таксу на мѣста въ концертахъ иностранныхъ артистовъ. — Однажды Англичане проучили, да кого же, *Малибранъ*! Она назначила высокую цѣну за свои музыкальные вечера и никто не пошолъ ее слушать, до-тѣхъ-поръ, пока она не понизила цѣны. — Было и у насъ нѣчто подобное въ 1838 году съ пѣвцомъ—теноромъ *Поджи*, который съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ, по пословицѣ: «надѣлала синица шуму, а моря не зажгла.» — По случаю высокой цѣны, въ его концертъ никто не явился. —

ГАРА И МАРТЕНЪ. Около 40 лѣтъ назадъ тому, одинъ ученикъ серебряника, покинулъ свое ремесло и, по-страсти, сдѣлался музыкантомъ; но долгое время напрасно искалъ мѣста скрипача въ оркестрѣ какого-либо провинціальнаго театра Франціи. Однажды его пригласили играть въ концертѣ, въ которомъ принималъ участіе знаменитый пѣвецъ того времени Гара. Послѣдній на пробѣ пропѣлъ нѣсколько трудныхъ пассажей и къ-немалому удивленію, замѣтилъ, что молодой скрипачъ повторилъ ихъ также голосомъ приятнымъ и звучнымъ, не пропустивъ ни одной ноты. Гара, дружески обнявъ юношу, сказалъ ему: «Брось скрипку, я буду учить тебя пѣть». Спустя нѣсколько времени послѣ этого, Гара пріѣхалъ въ Парижъ и явился съ своимъ ученикомъ въ Большой Оперѣ. Публика осыпала похвалами славнаго тенора и очень-благосклонно приняла новаго дебютанта. Это былъ Мартенъ, который въ-послѣдствіи сдѣлался первымъ пѣвцомъ Франціи, превосходнымъ актеромъ и профессоромъ парижской Консерваторіи. Онъ умеръ въ 1838 году въ Ліонѣ, на рукахъ стараго своего друга, пѣвца Эллевіу.

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ ЛЕСЮЭРА. Извѣстный композиторъ Лесюэръ принялъ подъ свое покровительство молодаго музыканта *Марка*, который желалъ написать для театра партитуру. Маэстро нашолъ для него либретто; оставалось только, чтобы піеса была принята на театръ, а это считалось столько-же труднымъ, какъ и теперь. Извѣстно, что Сенъ-Жюстъ, человѣкъ богатый, долженъ былъ поручиться содержателямъ Комической Оперы, которые не хотѣли принять перваго сочиненія Боэльдье, въ трехъ актахъ, и обязался, въ случаѣ неуспѣха,

вознаградить всѣ расходы на постановку піесы. Небогатый, но не меньше великодушный, Лесюэръ далъ молодому другу своему собственное имя. Итакъ, кто сдѣлалъ больше? Сенъ-Жюстъ рисковалъ только деньгами; Лесюэръ—славою. Онъ распустилъ слухъ, что самъ пишетъ музыку на либретто, ввѣренное поэтомъ молодому Марку. Само-собою разумѣется, что диллетанты радовались заблаговременно, и едва партитура была окончена, какъ начались репетиціи. Сочиненіе это, извѣстное подъ заглавіемъ: «Arabelle et Vascos» было принято съ величайшимъ одобреніемъ, какъ при первомъ представленіи, такъ и при послѣдующихъ. Когда давали оперу въ пятый разъ, Лесюэръ, полагая, что успѣхъ больше не подлежитъ никакому сомнѣнію, объявилъ свою хитрость. Но что́-же? піесу нашли отвратительною, освистали и она вскорѣ исчезла изъ репертуара. Маркъ, котораго всѣ возненавидѣли за талантъ, не могъ найдти другаго случая, чтобы явиться съ новымъ сочиненіемъ и умеръ въ нищетѣ и неизвѣстности. При этомъ невольно воскликнешь: таковы всегда сужденія толпы въ дѣлѣ искусства!...

РОССИНИ И ГАЛЛИ—СОПЕРНИКИ. Въ 1817 году Россини написалъ въ Миланѣ оперу «Gazza ladra (Сорока-воровка). Въ это самое время онъ поссорился съ славнымъ basso-cantante, Галли, который былъ счастливымъ его соперникомъ въ волокитствѣ за примадонною Миланскаго театра. Пѣвица предпочла Галли, и Россини поклялсъ отмстить своему сопернику.—Маэстро зналъ, что Галли не можетя выдержать вѣрно трехъ извѣстныхъ нотъ и непремѣнно споетъ ихъ фальшиво.—Въ речитативѣ *Фернандо*. Россини помѣстилъ эти три ноты въ словахъ»: Sciagurato e guida e colla spada gia m'é sopra»,—которыя Галли пропѣлъ рѣшительно не въ голосъ. Примадонна не могла простить такой ужасной ошибки первому basso-cantante, отвергла его любовь и сдѣлалась очень-благосклонною къ пезарскому маэтсро.—Кстати замѣтить, что Галли былъ великой пѣвецъ, обладалъ голосомъ сильнымъ, звучнымъ, и пламеннымъ драматическимъ чувствомъ.—

ЧЕСТОЛЮБІЕ СПОНТИНИ. Извѣстно, что творецъ «Весталки,» желалъ получить отъ Папы титулъ графа, за поднесеніе Его Святѣйшеству нѣсколькихъ композицій духовной музыки. Но не-смотря на всѣ домогательства Спонтини, который льстилъ себя надеждою именоваться графомъ Спонтини, Папа отвѣчалъ весьма деликатною эпиграммою: «Я боюсь унизить высокій талантъ Спонтини графскимъ титуломъ, ибо давно уже почиталъ его княземъ современной музыки.» Впрочемъ этотъ музыкальный князь очевь устарѣлъ и конечно, отъ него нечего ожидать искусству. Словомъ, Спонтини давно уже пережилъ свою славу....

НЕКРОЛОГЪ КОМПОЗИТОРА БЕРТОНА. Французскій компози-

торъ Генри Бертонъ, о смерти котораго недавно извѣстили журналы, былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ компонистовъ французскихъ своего времени. Онъ написалъ слишкомъ 50 оперъ, кромѣ многихъ другихъ произведеній. Бертонъ родился въ Парижѣ, въ 1767-мъ году. Отецъ его былъ музыкальное дитя-чудо своего времени. Онъ шести лѣтъ уже читалъ ноты à livre ouvert; а 12-ти лѣтъ сочинялъ церковную музыку. Генри на 15-мъ году поступилъ уже скрипачомъ въ оркестръ Большой-Оперы. Саккини былъ учителемъ его въ контрапунктѣ, однакожъ позднѣе онъ образовался по Паэзіелло, а достигнувъ зрѣлости, пошолъ собственною своею дорогою. Двадцати лѣтъ онъ далъ первую свою оперу «Les promesses de mariage» у Итальянцевъ. Замѣчательнѣйшія произведенія его были: La dame invisible, 1787; Les brouilleries, 1789; Les deux sentinelles, Les Rigueurs du cloître, 1790; Les Nouveau d'Assas, Les deux sous-lieutenans, 1791; Eugène, Viola, 1792; Ponce de Léon, 1794 (къ этой оперѣ онъ самъ-же сочинилъ и либретто); Le souper de famille, 1796; Le dénouement inattendu, 1798; Montano et Stéfanie, 1799 (одно изъ лучшихъ его произведеній, особенно первый финалъ полонъ величественнаго эффекта); Le Delire и Aline, 1804; Le Vaisseau amiral, 1805; Délio et Verdican; Les maris garçons, 1806; Ninon chez M-me de Sévigné, 1809; Françoise de Loix, 1809; Royer de Sicile (съ речитативами), 1817; Les Deux Mousquetaires, 1824. Въ 1795 мъ году Бертонъ былъ сдѣланъ профессоромъ гармоніи при вновь-образованной Консерваторіи музыки; въ 1807 директоромъ музыки при Итальянской Оперѣ. Здѣсь онъ поставилъ, въ первый разъ еще въ Парижѣ, Моцартова «Фигаро». До 1816 года Бертонъ былъ директоромъ пѣнія при Большой Оперѣ; потомъ профессоромъ контрапункта въ Консерваторіи и членомъ комитета экзаменовъ. Какъ музыкантъ-литераторъ онъ написалъ: Traité d'harmonie (трактатъ о гармоніи); Dictionnaire des accords (словарь аккордовъ); La musique mechanique et la musique philosophique (музыка механическая и музыка философическая) и много музыкальныхъ статей въ Куртинову «Энциклопедію.» На его разсмотрѣніе отданы были всѣ музыкальные термины въ «Словарѣ Академіи.» Правительство наградило его офицерскимъ крестомъ Почотнаго-Легіона. Во всякомъ случаѣ, Бертонъ заслуживаетъ почотное мѣсто въ исторіи музыкальнаго искусства, и память его не должна быть предана забвенію.

—

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

— Будучи еще ребенкомъ, Моцартъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, оставилъ Зальцбургъ, городъ, въ которомъ онъ родился, поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ былъ представленъ Императрицѣ Маріи-Терезіи. Обрадованный ласками государыни, ребенокъ бросился къ ней на шею и нѣжно сталъ цѣловать ее. Марія-Терезія улыбнулась и отвѣчала на ласки ребенка. Годъ спустя, а именно въ 1763 году, маленькій Вольфгангъ, въ бытность свою въ Парижѣ, хотѣлъ также поступить съ маркизой де-Помпадуръ; но послѣдней не понравилась дѣтская смѣлость маленькаго артиста. — Вотъ еще! наивно сказалъ Вольфгангъ: эта дама важничаетъ и не хочетъ поцѣловать меня, котораго цѣловала сама Императрица наша!

— Когда Вольтеръ, уже въ глубокой старости, посѣтилъ Парижъ, то знаменитому старцу такъ надоѣли безчисленные визиты его почитателей, что онъ почти пересталъ принимать ихъ, и часто надобно было употреблять хитрость, чтабы добраться до него. Одному молодому человѣку удалось это сдѣлать: «Великій мужъ!» началъ онъ свою привѣтственную рѣчь: «сего дня я посѣщаю нашего Гомера: завтра явюсь принести мое почтеніе нашему Софоклу; послѣ-завтра....» — Стойте, стойте! прервалъ его Вольтеръ: я ужъ очень-старъ и потому мнѣ время дорого, такъ ужъ будьте такъ добры, откланяйтесь всѣмъ этимъ господамъ въ одинъ визитъ.

— Новый способъ освистывать актеровъ: недавно въ Бухарестскомъ театрѣ, въ самую ту минуту, когда примадонна, синьора..... и, нетерпимая за свои козни и прійски, только что-начала свою арію, въ одной ложѣ вдругъ раздались звуки почтоваго рожка, который вѣрно и чисто наигрывалъ самую эту-же арію. Разумѣется, въ партерѣ раздался хохотъ, и оперу не кончили.

— До какой степени простирается нынѣ роскошь въ постановкахъ театральныхъ піесъ, можно видѣть изъ слѣдующаго отчота о расходахъ на нѣкоторыя піесы, поставленныя въ новѣйшее время Французскимъ-Театромъ: постановка Лудовика XI стоила 22,719 фр; Германи – (безъ преміи) 18,518 фр; Анжело 26,765 фр; Калигулы – 43,811 фр; La popularité – 12,741 фр. Въ цвѣтущее время этого театра постановка самой лучшей піесы никогда не превышала 3000 франк.

— Извѣстно, что даже послѣ самыхъ тщательныхъ розысканій не могли найдти могилы Моцарта. Однакожъ розысканія эти были не совсѣмъ безполезны: они послужили къ открытію могилы Глюка на Вацлейнсдорфскомъ кладбищѣ, въ Вѣнѣ. Надгробный камень, совершенно-поросшій мохомъ и треснувшій по-срединѣ, находится за богатымъ

мавзолѣемъ, поставленнымъ надъ гробомъ богатаго банкира, сынъ котораго обанкрутился, ввергнувъ въ бѣдность большое число вдовъ и сиротъ. На надгробномъ камнѣ Глюка высѣчена слѣдующая простая эпитафія:

Здѣсь покоится прахъ
Честнаго Нѣмца,
Добраго христіанина и вѣрнаго мужа,
Кри тофи, Кавалера Фонъ Глюка,
Майстера въ искуствѣ музыки,
Скончавшагося 15-го ноября 1787.—

— Журналы извѣщаютъ, что *Тамбурини* лишился суммы въ 250,000 фр., въ-слѣдствіе банкрутства торговаго дома Каччіа, долгъ котораго доходитъ до нѣсколькихъ милліоновъ.

— Кто-то вычислилъ, что если сложить вмѣстѣ всѣ па, выдѣланныя знаменитою Фанни Эльслеръ, то выйдетъ, что она обошла-бы девятнадцать съ половиною разъ весь земной шаръ; потомъ, что она была 986,391 разъ вызвана и 32,684 раза осыпана цвѣтами и вѣнками;— что собранные вмѣстѣ эти цвѣты и вѣнки составили-бы богатый цвѣтникъ въ 12,580 саж. длиною и въ 1400 саж. шириною;— далѣе, что она заставила аплодировать себѣ 50 милліоновъ рукъ и завоевала 25 милліоновъ сердецъ; что ножки ея разстроили много головъ, а великодушное сердце ея многимъ милліонамъ бѣдняковъ осушило слезы скорби.

— Слѣдующее постановленіе, изданное недавно меромъ города Бордо, заслуживаетъ почотное мѣсто въ исторіи театра: «Всякое изъявленіе одобренія или неодобренія, могущее быть помѣхою представленію, во время дебютовъ вновь-поступающаго артиста, строго воспрещается. Изъявлять дебютанту одобреніе или неодобреніе позволяется только въ послѣднихъ сценахъ его роли. Строго воспрещается употреблять свистки со многими дырочками, и другіе подобные инструменты, могущіе обезпокоить публику».

— Что значитъ эта красная чорточка, тамъ подъ окошкомъ пятаго этажа? спросилъ одинъ заѣзжій въ Вѣну тамошняго жителя.— Эта чорточка показываетъ, какъ высоко доходила вода, во время большаго наводненія, бывшаго здѣсь въ 1830-мъ году.— Но не можетъ-же быть, что-бы вода была такъ высока: въ такомъ случаѣ потонула-бы вся Вѣна.— А вотъ видишь-ли въ чомъ дѣло: чорточка эта прежде была у нижняго этажа, но проклятые шалуны мальчишки все стирали ее, такъ теперь, на зло имъ, новый хозяинъ дома и велѣлъ нарисовать ее у пятаго этажа.— Этотъ анекдотъ за новость разсказывается въ одной вѣнской газетѣ, когда ужъ мы нѣсколько лѣтъ знаемъ это острое словцо изъ водевиля П. А. Каратыгина «Домъ на Петербургской сторонѣ».

—Въ 1798 году, въ Парижѣ считалось уже тринадцать театровъ. 1) Королевская (Удивительно! въ 1792 году!) Академія музыки, въ улицѣ Ришлье. 2) Національный театръ (Théâtre de Nation) въ Одеонѣ, гдѣ играли Ларивъ, Превьель и т. д. 3) Французскій театръ (Théâtre Français), въ улицѣ Ришлье, на томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь. Въ труппѣ его находились: Тальма, Монвель, Сенъ-При, Вестрисы и т. д. 4) Театръ улицы Фейдо (Théâtre de la rue Feydeau), бывшій «Театръ de Monsieur» на которомъ давали знаменитую въ свое время піесу «Клубъ добрыхъ людей». 5) Итальянскій театръ (Théâtre Italien) въ залѣ Фавара, въ которомъ, вопреки его названію, играла французская труппа. 6) Театръ улицы Лувуа (Théâtre de la rue de Louvois), позднѣе «Театръ Императрицы»; въ немъ давались комедіи и оперы. 7) Театръ д-цы Монтансье (Théâtre de la mademoiselle de Montansier), въ Пале-Ройялѣ. 8) Театръ-Веселости (De la gaité). 9) L'ambigu-comique, основанный Удино, и управляемый его сыномъ. 10) Французскій-Театръ, комическій и лирическій, въ улицѣ Бонди (Théâtre français comique et lirique dans la rue de Bondy). На этомъ театрѣ начали свое драматическое поприще Монрозъ и Лепентръ старшій. 11) Театръ Мольера (Théâtre de Molière) въ которомъ позднѣе былъ директоромъ Бурсольтъ, перебывавшій въ теченіе жизни своей актеромъ, народнымъ представителемъ, директоромъ театра въ Неаполѣ и содержателемъ игорнаго дома въ Парижѣ. 12) Театръ Разнообразія (Théâtre de Variétés) на Сенъ-Жерменскомъ рынкѣ. 13) Театръ водевиля (Théâtre de Vaudeville), въ улицѣ Шартръ.

—Въ Журналѣ «le Coureur des Spectacle» разсказываютъ слѣдующее:

«Одинъ артистъ Французскаго Театра (Théâtre-Français) отличился слѣдующимъ благороднымъ поступкомъ. Проходя мимо Пале-ройяля, онъ встрѣтилъ молодую и прекрасную женщину, которая, казалось, была въ чрезвычайномъ волненіи: блѣдность и безпокойство, написанныя на лицѣ ея, поразили его. Онъ подошолъ къ ней и спросилъ съ почтительнымъ участіемъ: Что съ вами сударыня?— Я умираю съ голода, былъ первый отвѣтъ несчастной.—Разумѣется, добрый молодой человѣкъ немедленно рѣшился сдѣлать все, что внушало ему благородное его сердце. Такъ-какъ онъ шолъ въ театръ, гдѣ въ этотъ вечеръ долженъ былъ играть, то и пригласилъ незнакомку слѣдовать за собою. Тамъ онъ привелъ ее въ свою уборную и окружилъ всевозможными попеченіями. Потомъ несчастная разсказала ему, что она похищена у родныхъ своихъ безчестнымъ обольстителемъ, покинута имъ, выгнана изъ занимаемой ею квартиры и уже два дни блуждаетъ по Парижу, безъ куска хлѣба. При этомъ она дала адрессъ своей тетки, проживающей въ Парижѣ. Артистъ освѣдомился по этому адрессу, но не нашолъ означенной въ немъ дамы. Однакожъ и собранныхъ имъ свѣдѣній казалось ему достаточнымъ для того, чтобы открыть подписку въ пользу несчастной жертвы. То-

варищи его приняли великодушное участіе въ этомъ добромъ дѣлѣ, и онъ собралъ до 300 франк. Заплативъ изъ нихъ за мѣсто въ дилижансѣ до городка, въ которомъ обитало семейство бѣдной дѣвушки, онъ при отъѣздѣ вручилъ ей остальныя деньги. Такой поступокъ недолженъ оставаться въ неизвѣстности, хотябы молодой великодушный человѣкъ и былъ въ этомъ случаѣ жертвою низкаго обмана. Узнавъ о немъ, публика, безъ сомнѣнія, вознаградитъ справедливыми рукоплесканіями молодаго артиста *Мальяра*.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

SECOND-THÉATRE-FRANÇAIS.

SARDANAPALE (*Сарданапалъ*) трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Г. Лефевра.

Послѣ Немрода и Ассура, послѣ величественныхъ и кровавыхъ исторій Нина, Семирамиды и Нинія, имя Сарданапала извѣстнѣе другихъ и подвержено большимъ сомнѣніямъ. Сарданапалъ, говорятъ нѣкоторые ученые, не есть собственное имя: это титулъ, званіе, свойственное многимъ государямъ одной династіи, такъ какъ въ Египтѣ династія *Фараоновъ*. Не входя въ разсужденія объ этомъ предметѣ, Г. Лефевръ придерживался, въ новой трагедіи своей, исторіи, поэтизируя нѣсколько характеръ героя своего.

Сарданапалъ царствуетъ въ Ассиріи, но родъ его, по преступной беззаботности, роскоши и праздности, подвергся всеобщему презрѣнію, которое пало и на самого Сарданапала. Составляются заговоры, которые Солеменъ, вѣрный приверженецъ царя, тщетно старается уничтожить. Белцесъ, хитрый честолюбецъ, душа самаго страшнаго заговора, переманиваетъ къ себѣ одного изъ могущественнѣйшихъ полководцевъ царя — Арбаса, бывшаго нѣкогда влюбленнымъ въ Іудеянку Сару, сдѣлавшуюся любовницей Сарданапала.

Солеменъ, чтобы отвратить опасность, угрожающую царю, упрашиваетъ Сарданапала выдти изъ апатіи своей и оставить развратную жизнь, чтобы заслужить уваженіе и любовь подданныхъ своихъ, но все тщетно: безпрестанно-возобновляющіяся удовольствія имѣютъ слишкомъ-большую власть надъ изнѣженнымъ царемъ.

Опасенія вѣрнаго друга Сарданапала сбылись. Въ то самое время, когда царь, покоясь на мягкихъ коврахъ, любуется плясками женъ своихъ, является одинъ изъ преданныхъ ему прислужниковъ и восклицаетъ:

— Заговорщики собрались! встань, царь, и явись предъ ними, пока возмущеніе не обнаружилось еще!

Сарданапалъ, не обращая вниманія на эти слова, приказываетъ продолжать пляски. Является другой слуга:

— Царь, восклицаетъ онъ: черезъ нѣсколько минутъ будетъ поздно!

— Къ оружію! восклицаетъ Сара, или мы погибли!

— Вооруженіе, шлемъ, мечъ! восклицаетъ наконецъ Сарданапалъ, какъ-бы пробужденный изъ летаргической бездѣятельности, и всѣ невольно поражены твердыми, мужественными звуками голоса его. Но это была только вспышка. Сарданапалъ находитъ, что вооруженіе и шлемъ слишкомъ-тяжелы, онъ снимаетъ ихъ и идетъ на встрѣчу заговорщикамъ въ царской мантіи и съ открытой головой. По достаточно было одного появленія его.... заговорщики побѣждены.... Белцесъ и Арбасъ убиты.

Вмѣсто того, чтобы перемѣнить образъ жизни, Сарданапалъ опять предается праздности, нѣгѣ. Проходитъ нѣсколько времени, и новый заговоръ, лучше перваго обдуманный, составляется. Всѣ приверженцы Сарданапала погибаютъ. Тигръ выступаетъ изъ береговъ своихъ..... ужасъ и опустошенія распространяются повсюду!

Сарданапалъ не хочетъ погибнуть отъ рукизаговорщиковъ. Онъ щедро награждаетъ стражу свою, невольниковъ и невольницъ, распускаетъ всѣхъ, а самъ велитъ приготовить себѣ костёръ..... онъ рѣшился погибнуть въ пламени!... Но онъ умретъ не одинъ — Сара не хочетъ разлучиться съ нимъ, и въ послѣднюю, предсмертную минуту умоляетъ его отказаться отъ ложныхъ боговъ-идоловъ и обратиться къ истинному Богу, которому поклоняются Іудеи!.... ..

— Боже! восклицаетъ Сарданапалъ, обнимая одною рукою Сару: Боже всесильный и всемогущій, услышь молитву мою!.....

Трагедія эта, написанная прекрасными, сильными стихами, доставила Второму-Французскому-Театру одинъ изъ тѣхъ успѣховъ, которыми онъ можетъ, по-справедливости, гордиться и быть вознагражденнымъ за всѣ старанія свои облагораживать драматическое искусство, поощрять писателей и удовлетворять вкусу и требованіямъ публики.

— La Ciguë (*Цикута*), комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, Г. Эмиля Ожьѣ.

Вотъ еще піеса, которой этотъ театръ можетъ похвалиться. Она написана прекраснымъ слогомъ, съ искусствомъ, чувствомъ, и исполнена превосходнѣйшихъ подробностей. Авторъ этой комедіи человѣкъ еще очень-молодой, внукъ извѣстнаго романиста Пиго-Лебрёня.

Вотъ содержаніе новой комедіи.

Дѣйствіе происходитъ въ Аѳинахъ, во времена Перикла. Три Аѳинянина, Клиніасъ, Клеонъ и Парисъ, увѣнчанные розами, сидятъ за столомъ; они осушили

уже нѣсколько чашъ съ виномъ. Они сперва пили въ честь Бахуса, въ честь всѣхъ боговъ Олимпа, и наконецъ стали пить — чтобъ пить. Клеонъ и Парисъ порядочно-веселы; одинъ амфитріонъ ихъ, Клиніасъ, умѣренъ и молчаливъ. Клиніасъ очень-хорошо знаетъ, что Парисъ любитъ только вино его, что Клеонъ привязанъ къ нему только потому, что даромъ можетъ поѣсть, попить и повеселиться у него. Первый развратенъ, второй скупъ. Никто не любитъ Клиніаса искренно; ему опротивѣла жизнь, и въ этотъ-же день онъ выпьетъ чашу съ жидкостью, которая доставитъ ему сонъ безъ сновидѣній, смерть безъ страданій.

Но Клиніасъ хочетъ кончить жизнь свою странностію, достойною прошедшей жизни его. Онъ велѣлъ купить себѣ невольницу, и тотъ изъ двухъ друзей его, которому удастся заслужить любовь молодой невольницы, сдѣлается наслѣдникомъ его имѣнія. Вводятъ невольницу. Каково-жъ изумленіе молодыхъ людей, когда вмѣсто одной фортуны, предлагаемой Клиніасомъ, имъ представляется двѣ. Ипполита, такъ зовутъ невольницу, красавица!.....

Вотъ наши претенденты разсыпаются въ нѣжностяхъ, ухаживаютъ и всячески стараются понравиться молодой невольницѣ. Но она остается равнодушна къ обоимъ. Тогда пріятели съ отчаянія ссорятся. Клиніасъ, котораго эта жадность къ деньгамъ еще болѣе возмутила, миритъ ихъ. Входитъ Ипполита; Клиніасъ внимательнѣе всматривается въ черты ея и восхищенъ красотой ея. Чтобы обладать ею до минуты смерти своей, онъ предлагаетъ ей золота, драгоцѣнныя каменья и часть наслѣдства своего. Ипполита съ презрѣніемъ отвергаетъ эти оскорбительныя предложенія..... Она была свободна, морскіе разбойники разлучили ее съ матерью, похитили ее и продали Клиніасу, котораго она считала добрымъ и великодушнымъ, и, слѣдовательно, полагала, что она гостья, а не добыча, не жертва его! Клиніасъ пораженъ словами молодой дѣвушки...

Между-тѣмъ приближается минута, въ которую онъ обѣщалъ мнимымъ друзьямъ своимъ выпить чашу съ ядомъ; однакожъ онъ перемѣнилъ первыя условія и раздѣлилъ наслѣдство на двѣ части. Такъ какъ Ипполита бѣдная, но чистая и непорочная дѣвушка, а не одна изъ тѣхъ невольницъ, которыя изъ разврата и порока составили науку, то тотъ, на чью долю она достанется, долженъ быть уже счастливъ; другому-же достанутся деньги.

Точно такъ какъ прежде Клеонъ и Парисъ хлопотали о томъ, чтобы понравиться Ипполитѣ, такъ они стали отклоняться отъ того. Какъ они прежде старались очернить другъ друга, такъ они теперь въ присутствіи Ипполиты выхваляютъ добрыя качества другъ-друга.

Наконецъ у Клиніаса не достало болѣе терпѣнія; справедливымъ негодованіемъ онъ прекращаетъ эту сцену и выгоняетъ обоихъ негодяевъ:

— Прочь отсюда, вы, которыхъ только золото и развратъ могутъ насытить! Подобное сокровище не будетъ осквернено вами!.....

Тогда приносятъ цикуту ; Ипполита вскрикиваетъ :

— Боги! что это? ядъ!..... что вы хотите дѣлать!

— Успокойся , Ипполита , никто..... никто не пожалѣетъ обо мнѣ!

— О, остановитесь!....Если жъ... если жъ есть на свѣтѣ существо.... которое ... которое любитъ васъ!...

Конечно послѣ этого Клиніасъ приказываетъ слугамъ вылить ядъ за окно.

— Ипполита будетъ женой моей; теперь я хочу жить , теперь хочу быть счастливымъ !

Судя по этой комедіи, написано ипрекрасными стихами, г. Ожьѣ предстоитъ блистательная будущность.

— Les Caprices de la marquise, (*Прихоти Маркизы*) , комедія въ одномъ дѣйствіи, Г. Арсена Гуссѐ.

Кавалеръ де-Версакъ влюблёнъ въ маркизу де-Верманъ ; маркизъ очень любилъ-бы жену свою, еслибъ не былъ влюблёнъ въ горничную жены своей, живую, хорошенькую Маріанну. Надобно замѣтить, что маркиза очень скучаетъ, тѣмъ болѣе, что маркизъ исполняетъ безпрекословно всѣ прихоти ея, и ей очень хотѣлось-бы чѣмъ-нибудь разогнать скуку свою.

Къ величайшей радости и досадѣ своей, она узнаетъ, что маркизъ волочится за Маріанной. Прекрасно! Она воспользуется этимъ случаемъ, чтобы хоть немножко поссориться съ мужемъ и рѣшается отправиться на свиданіе вмѣсто Маріанны.

Но въ то самое время, когда маркизъ идетъ на мѣсто свиданія, его останавливаетъ де Версакъ. Кавалеръ хитёръ, онъ узналъ, что маркиза пошла на свиданіе вмѣсто Маріанны, и потому дѣлаетъ всевозможныя энциклопедическія наставленія маркизу, уговаривая его довольствоваться женой и уступить ему эту интрижку. Маркизъ очень радъ этому случаю , потому-что замѣтилъ, что кавалеръ волочится за женой его ; разсказавъ ей интригу его съ Маріанной , онъ надѣется , что маркиза не захочетъ болѣе видѣться съ Версакомъ.

Сцена эта удивительно забавна, безъ всякихъ натяжекъ и фарсовъ!

Представьте себѣ испугъ и изумленіе маркизы, когда она видитъ, что вмѣсто мужа ея приходитъ кавалеръ. Страшно за бѣднаго маркиза!.... Но, къ счастію его, дѣло ограничивается двумя поцѣлуями... Верманъ дѣлается внимательнѣе къ женѣ, Маріанна выходитъ за своего жениха.

THÉATRE DU VAUDEVILLE.

Le Carlin de la marquise (*Моська Маркизы*) , водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ , Гг. Варѐня , Жѐма и Клервйля.

Жювеналь писарь у прокурора Лавердюра, имѣлъ стараго и богатаго дядю. Писарю хотѣлось сдѣлаться наслѣдникомъ , а потому онъ всячески ухаживалъ за нимъ; чтобы вполнѣ заслужить любовь стараго родственника, Жювеналь оказывалъ всякое уваженіе и всевозможныя ласки любимой моськѣ его, которую онъ впрочемъ ненавидѣлъ за то, что она осмѣливалась оспоривать у него сердце и дружбу дяди. Но измѣнническія ласки его послужили ко вреду моськѣ —

она околѣла *засахаренная*, въ полномъ смыслѣ этого слова. Дядя не могъ пережить этой горестной потери и Жювеналь, съ спокойною совѣстью, ждетъ открытія духовной, чтобы вступить во владѣніе наслѣдствомъ и быть въ правѣ требовать руки Агаты, дочери прокурора.

Но увы! лицемѣрныя ласки Жювеналя къ моськѣ были замѣчены мнительнымъ старикомъ и онъ лишилъ его наслѣдства, оставивъ все имѣніе свое прокурору! Теперь бѣдный писарь менѣе нежели когда-либо, можетъ надѣяться получить руку Агаты; онъ въ отчаяніи и клянется вѣчно мстить всѣмъ моськамъ на земномъ шарѣ. Онъ объявляетъ имъ непримиримую вражду. Первая жертва, которая попадается ему въ руки, есть любимица маркизы де-Ланфакъ; бѣдное животное, защищаясь, укусило гонителя своего въ икру и только этимъ и спаслось.

Но вотъ новая бѣда! бѣдный писарь воображаетъ, что собака была бѣшена и чтобы увѣриться въ томъ, онъ опять старается поймать моську, желая знать, будетъ ли она бояться воды

Моська у Жювеналя, а маркиза терзается о потерѣ любимицы своей, обращается къ полицейскому чиновнику и умоляетъ его помочь ей найдти свою дорогую моську. Она даже обѣщаетъ отдать руку и все имѣніе свое тому, кто возвратитъ ей любимую собачку. Жювеналь немедленно хочетъ воспользоваться обѣщанной наградой, но встрѣчаетъ соперника графа де Носе, влюбленнаго въ маркизу и старающагося выманить у писаря драгоцѣнное сокровище. Но тщетно. Жювеналь самъ приноситъ маркизѣ моську и, какъ человѣкъ великодушный, готовъ раздѣлить награду съ графомъ; ему уступаетъ онъ руку маркизы, а самъ довольствуется 10,000 фр. Этого довольно ему, чтобы получить руку Агаты.

Пресмѣшной водевиль, въ которомъ извѣстный комикъ Арналь, играющій Жювеналя, уморителенъ.

THÉATRE DU GYMNASE.

ZÉLIA LA DANSEUSE, (*Танцовщица Зелія*), водевиль въ одномъ дѣйствіи Г. Леона Эрболеона.

Шикаръ, содержатель танцовальнаго класса въ Парижѣ, обманутъ женщиной, которую онъ любилъ. Съ отчаянія удаляется онъ въ одинъ изъ маленькихъ швейцарскихъ кантоновъ, гдѣ господствуетъ удивительная чистота нравовъ, и гдѣ самыя невинныя удовольствія наистрожайшимъ образомъ запрещены. Шикаръ сообразуется со всѣми обычаями и характеромъ тамошнихъ жителей, вскорѣ заслуживаетъ уваженіе всѣхъ и дѣлается однимъ изъ членовъ главнаго суда. Очень-натурально, что Шикаръ, имя котораго европейски извѣстно, перемѣнилъ фамилію и назвался Балтазаромъ.

Несмотря на ненависть Шикара къ женскому полу вообще, Шикаръ не можетъ противиться прелестямъ Зеліи, вдовы нѣмецкаго барона, бывшей нѣкогда танцовщицей въ Парижѣ. Но Зелія предпочитаетъ суровому Балтазару молодаго адвоката Конрада. Бывшій танцмей-

стеръ клянется отмстить ей : онъ узнаетъ, что она даетъ балы, вечера, что у нея танцуютъ, и обвиняетъ ее въ судѣ.

Зелію призываютъ. Конрадъ защищаетъ ее и въ доказательство невинности танцевъ предлагаетъ судьямъ посмотрѣть, какъ онъ протанцуетъ съ Зеліей. Судьи соглашаются. Зелія и Конрадъ танцуютъ польку ; (удивительно, что авторъ этого водевиля не назвалъ его - la Polka!) судьи мало-по-малу оживляются — Шикаръ не въ состояніи противиться натурѣ своей; онъ вскакиваетъ съ мѣста, принимаетъ разныя балетныя позы и танцуетъ съ Зеліей. — Послѣ этого судъ единогласно объявляетъ, что танцы, какъ удовольствіе невинное, разрѣшаются.

Карнавальный фарсъ.

Opéra-Comique.

Le Bal du Sous-préfet (*Балъ у подъ-префекта*), комическая опера въ одномъ дѣйствіи, слова гг. Сентъ-Илѣра и Дюпора; музыка г. Боальи.

Въ городѣ Мо (*Meaux*) готовится большое празднество—балъ у подъ-префекта. г. Дюкастель, человѣкъ уже въ лѣтахъ, нарочно пріѣхалъ туда изъ Парижа, чтобы выбрать себѣ невѣсту и жениться. Все лучшее общество города будетъ на балу, слѣдовательно Дюкастѣлю будетъ изъ чего выбирать.

Случайно заходитъ онъ въ модный магазинъ Г-жи Мерѣ, который съ утра до вечера наполненъ дамами, готовящимися къ балу. Тамъ встрѣчаетъ онъ стараго пріятеля Филара, казначея, который совершенно разочаровываетъ бѣднаго жениха

— Напрасно ты трудился, говоритъ Филаръ Дюкастелю: здѣсь ни одной порядочной невѣсты нѣтъ. Я тебѣ докажу это на дѣлѣ. Знаешь что? Притворись глухимъ и ты собственными ушами услышишь, что будутъ думать о тебѣ всѣ вакантныя невѣсты наши.

Дюкастель соглашается, и то, что онъ слышитъ, будучи глухимъ, отнимаетъ у него совершенно охоту побывать на балѣ. онъ поскорѣе возвращается въ Парижъ.

Этотъ остроумный водевильчикъ представляетъ однакожъ композитору мало средствъ выказать талантъ свой, слѣдовательно о достоинствѣ его не должно и нельзя судить по этой опереткѣ, хотя въ ней есть мѣста и аріи довольно-оригинальныя

Théatre du Palais-Royal.

Frère Galfâtre, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, г. г. Баяра и Ксавье.

Піеса эта глупа, неблагопристойна, не нова—но смѣшна до крайности. Кажется не чему смѣяться, но смѣшно, по неволѣ хохочешь отъ души! Хотите-ли знать въ чомъ дѣло?

Г. Ромпленъ отдаетъ дочь свою Селину за Г. Бовиленя. Но Селина и слышать не хочетъ объ этомъ женихѣ, потому-что она встрѣтилась гдѣ-то съ молодымъ человѣкомъ, который красивѣлъ, блѣднѣлъ, дрожалъ, словомъ—въ которомъ проявлялись всѣ признаки первой, неопытной любви. Они не помѣнялись ни однимъ словомъ,

однакожъ и онъ и она внутренно поклялись вѣчно любить другъ-друга, Слѣдовательно, ненужно Бовиленя. Пускай только онъ пріѣдетъ Селина отобьетъ у него охоту жениться на ней.

Прежде всего Селина увѣряетъ отца своего, будто-бы она слышала, что Бовиленъ глухъ, но не хочетъ въ томъ признаться. Пріѣзжаетъ Бовиленъ и ему тоже говорятъ про Г. Ромпленя. Шутка эта стара, но авторы такъ забавно обновили ее. что кажется, будто Пурсоньякъ никогда не существовалъ.

Множество шутокъ, уморительно смѣшныхъ, наполняютъ все второе дѣйствіе и заставляютъ наконецъ Бовиленя *добровольно* отказаться отъ руки Селины.

Старо, но смѣшно!

Théatre de la Gaité.

Jacque le Corsaire (*Жакъ Корсаръ*), драма въ пяти дѣйствіяхъ, Г. Шарля Деноайѣ.

Морякъ Дюбрёль любилъ молодую дѣвушку, Маргариту, и несмотря на то, что она сдѣлалась матерью, не могъ жениться на ней. Маргерита выходитъ за Жака Корсара и черезъ годъ у нея родится другой сынъ. Не желая разлучать дѣтей своихъ, Маргерита отдаетъ ихъ въ одну деревню, къ одной кормилицѣ. Она страшится, чтобы мужъ не открылъ проступка ея, и заглушила всѣ воспоминанія о прежней любви своей. Вдругъ неожиданное, внезапное несчастіе поражаетъ ее, какъ наказаніе небесное. Пираты разграбили, подожги деревню, кормилица убита, одинъ изъ ребенковъ пропалъ. Который? Какъ отличитъ Маргерита законнаго сына отъ несчастнаго плода любви?

Въ горести идетъ она къ Дюбрёлю, чтобы открыть ему тайну свою. Между-тѣмъ-какъ они совѣщаются, приходитъ Жакъ; Дюбрёль прячетъ Маргериту за занавѣсъ, но Жакъ подозрѣваетъ. Онъ пришолъ къ Дюбрёлю, чтобы просить его взять съ собою сына его Поля на корабль, въ далекое странствованіе. Маргерита вскрикиваетъ.... Жакъ хочетъ видѣть женщину, скрывающуюся за занавѣсомъ, но Дюбрёль, по-счастію, успѣваетъ поставить туда Амелію, молодую дѣвушку, которой онъ опекунъ и которая охотно соглашается на эту хитрость, чтобы спасти несчастную женщину.

До-сихъ-поръ много невѣроятностей. Что дальше?

Знаете-ли, куда дѣвался пропавшій мальчикъ? Онъ сдѣлался пиратомъ – это дурно; шпіономъ – это еще хуже; перешолъ къ Англичанамъ – ужъ это хуже всего! Наблюдая, по порученію Англичанъ, за французскими укрѣпленными мѣстами, онъ попадается въ руки Французамъ, при крѣпости Сенъ-Валери, комендантомъ которой Жакъ. Кристіянъ, такъ зовутъ шпіона, приговоренъ къ смерти.

Между-тѣмъ Поль влюбляется въ Амелію и проситъ у Жака позволенія жениться на ней; но Корсаръ узнаетъ въ ней ту самую дѣвушку, которая у Дюбрёля была спрятана за занавѣсью, и съ презрѣніемъ прогоняетъ ее. Что дѣлать бѣдной дѣвушкѣ? Она должна или погубить Маргериту или перенесть позоръ и презрѣніе. Тогда Дюбрёль предлагаетъ ей руку свою. Этого несчастія не доставало бѣдной

жертвѣ, но..., она соглашается, чтобы спасти честь Маргериты и свою собственную.

Самопожертвованіе ея не останется безъ награды. Жакъ все открываетъ и вызываетъ Дюбрёля на дуэль.... Положеніе бѣдной Маргариты ужасно, тѣмъ-болѣе, что тутъ-же открывается, что Кристіанъ – пиратъ, дезертёръ и шпіонъ, – сынъ ея!... Но кто отецъ его? Дюбрёль или Жакъ?

Авторы этихъ драмъ обыкновенно большіе мастера запутывать интригу, но чтобы распутать ее, прибѣгаютъ къ самымъ пошлымъ, истертымъ средствамъ; такъ и тутъ.

У Кристіяна есть портретъ, по которому узнаютъ, что онъ сынъ Дюбрёля.

Все кончается благополучно.

– Toupinel, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Г. Дюмерсана.

Тупинель маляръ и вдовецъ. Онъ 18 лѣтъ жилъ въ разводѣ съ женою и не знаетъ дочери своей, которую послѣ смерти матери взяла къ себѣ баронесса де-Фревиль. Въ бытность баронессы въ Неаполѣ, молодой секретарь посольства, Виконтъ Шарль, влюбился въ питомицу ея, сироту Сесиль.

Она сирота, потому-что не знаетъ, да и не хочетъ знать отца своего, потому-что онъ самый отчаянный пьяница и гуляка. Но баронесса умираетъ и Сесиль должна искать убѣжища у мнимаго брата матери своей, слесаря Россиньйоля. Шарль и тамъ преслѣдуетъ ее любовью своею.

Тупинель, узнавъ о томъ, что дочь его находится въ Парижѣ, приходитъ къ ней. Вмѣстѣ съ нимъ является, и повѣренный въ дѣлахъ баронессы, который узнавъ, что она оставила Сесили порядочную сумму въ наслѣдство, хочетъ жениться на ней. Онъ подкупаетъ Тупинеля и тотъ обѣщаетъ ему руку дочери.

Маляръ въ восторгѣ, потому-что стряпчій наобѣщалъ ему золотыя горы. Но увы! радость его скоро уничтожается. Въ духовной своей баронесса де-Фревиль объявляетъ, что Севиль дочь ни Тупинеля, и ни жены его: что она отдана была къ нимъ, чтобы скрыть тайну большаго свѣта. Тупинель въ отчаяніи, но Сесиль обѣщаетъ назначить ему пенсію, которая дастъ ему возможность наслаждаться спокойно и безъ заботъ всѣми благами трактировъ и ресторацій.

Шарль женится на Сесили.

Забавный водевиль, написанный собственно для актера Серра (Serres), отличающагося въ роляхъ парижскихъ ремесленниковъ и пьяницъ.

Théatre des Folies – Dramatiques.

La Grisette de qualité, (*Знатная гризетка*), драма-водевиль въ четырехъ дѣйствіяхъ, гг. Деннари и Гранжé.

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи.

Маркиза де Санъ-Люказъ ослѣпла, въ-слѣдствіе тяжкихъ горестей и бѣдствій. Мужа ея заключили въ темницу, лишивъ его напередъ всего имущества. Бѣдная маркиза умерла-бы съ горя, еслибъ у нея не было ангела-хранителя, дочери, которая всячески старается усладить ей жизнь. Изабелла

просиживаетъ цѣлыя ночи за рукодѣльемъ, доставляющимъ насущный хлѣбъ матери ея. Нѣсколько разъ маркиза старалась получить аудіенцію у министра, но ей всегда отказывали.

Изабелла, относя работу къ какой-то знатной донѣ, *случайно* встрѣчаетъ у нея министра, которому описываетъ во-первыхъ бѣдственное положеніе маркизы, матери ея а во-вторыхъ передаетъ о замыслахъ заговорщиковъ, которые ей *случайно* удалось открыть.

Министръ немедленно ѣдетъ къ Герцогу и тотъ, въ вознагражденіе за важную услугу, оказанную ему открытіемъ заговора, прощаетъ маркизу и возвращаетъ ему все имущество.

Изабелла выходитъ за кузена, котораго любитъ.

Вяло, длинно и скучно, особенно въ театрѣ *Драматическихъ-Шутокъ*!

— Un Tribunal de femmes. (*Женскій судъ*), водевиль въ 1-мъ дѣйствіи г-дъ *Леонса* и *Мишеля Делапорта*.

Однажды Г-ну и Г-жѣ де-Бернай, молодымъ фешіонэбельнымъ супругамъ, показалось, что они не могутъ болѣе терпѣть другъ друга. Что́ тутъ дѣлать? Они обратились за совѣтомъ къ теткѣ, молодой вдовѣ президента палаты, и тетушка обѣщала имъ уладить дѣло. И въ самомъ дѣлѣ, собравъ нѣсколько своихъ пріятельницъ, жонъ стряпчихъ, прокурорскихъ помощниковъ и т. п., она нарядила судъ и судъ этотъ присудилъ молодымъ супругамъ разойтиться. Но, разумѣется, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, супруги тѣмъ скорѣе помирились и не послушались этого рѣшенія. – Водевильчикъ этотъ, благодаря разсыпаннымъ въ немъ остротамъ, имѣлъ довольно-хорошій успѣхъ.

ВѢНСКІЕ ТЕАТРЫ.

K. K. Hoftheater nächst der Burg.

Modestus, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, *Деингардштейна*.

Карлъ фонъ-Саарбергъ, молодой человѣкъ, рѣшившійся составить себѣ карьеру и упрочить свою будущность, ищетъ, съ этою цѣлью, руки Бригитты, дочери княжескаго совѣтника Паула фонъ-Модестуса, человѣка до-нельзя приверженнаго къ «формамъ», который во всякомъ дѣлѣ съ самою мелочною точностію, и бо́льшею частію забывая даже главный предметъ, заботится только объ однихъ побочныхъ вещахъ, и который, по его-же собственнымъ словамъ, не столько самому дѣлу, сколько приготовленіямъ къ нему, посвящаетъ всѣ свои силы. При этомъ спекулятивномъ бракѣ, о страсти, разумѣется, нѣтъ помину ни съ той, ни съ другой стороны; тѣмъ-болѣе, что и Бригитта соглашается выдти за Саарберга, только потому, что этого хочетъ отецъ ея и что сердце ея ни кѣмъ еще не занято. Въ этомъ положеніи дѣлъ является вдругъ знакомый Саарберга, молодой Вильгельмъ фонъ Хельборнъ. Онъ ищетъ того-же мѣста, о которомъ хлопочетъ и которое надѣется, при помощи будущаго тестя, непремѣнно получить Саарбергъ. Однакожъ это обстоятельство нисколько не раз-

сориваетъ друзей; напротивъ того, Саарбергъ еще хочетъ прибѣгнуть къ ловкости и опытности Хелльборна, чтобы поразвѣдать о чувствахъ Бригитты, у которой, какъ ему кажется, есть тайная склонность къ какому-то неизвѣстному ему предмету. Бѣдный Саарбергъ жестоко ошибся въ выборѣ, потому-что когда онъ ввелъ своего пріятеля въ домъ Модестуса, то оказалось, что Хелльборнъ и Бригитта уже давно познакомились гдѣ-то на балѣ въ провинціи, и знакомство это оставило въ нихъ не одни летучія воспоминанія. Пылкій, посвѣщный во всемъ Хелльборнъ при этомъ свиданіи снова воспламеняется и, полагая навѣрное, что и Бригитта отвѣчаетъ любви его, откровенно объявляетъ Саарбергу, что Бригитта его не любитъ да и любить не можетъ, потому-сердце ея принадлежитъ уже, и никому иному, какъ ему Хелльборну. Натурально, Саарбергу эта, никакъ неожиданная, новость не понравилась; онъ обвиняетъ Хелльборна въ измѣнѣ и коварствѣ. Модестусъ, узнавши это, принимаетъ сторону Саарберга, начинаются непріятныя объясненія, при чемъ горячій Хелльборнъ увлекается слишкомъ далеко и даже оскорбляетъ самого Модестуса, и тотъ указываетъ ему двери. Вслѣдствіе всего этого Модестусъ еще болѣе спѣшитъ окончить предположенный бракъ дочери своей съ Саарбергомъ, и потому Бригитта дѣйствительно полюбившая Хелльборна, не находитъ другаго средства избавиться отъ этого замужства, какъ скрыться на-время изъ родительскаго дома и переждать, покуда отецъ ея перемѣнитъ мысли. Она извѣщаетъ объ этомъ намѣреніи Хелльборна письмомъ, и горячка-Хелльборнъ, вмѣсто того, чтобы видѣть въ этомъ полное доказательство любви, въ припадкѣ ревности считаетъ это измѣною и необдуманно рѣшается помѣшать плану Бригитты, что̀ ему и удается. Однако намѣреніе Бригитты надѣлало покрайней мѣрѣ въ домашнемъ кругу, довольно шуму. И вдругъ является новое и довольно-важное лицо, именно самъ князь, который давно уже въ тайнѣ занимался Бригиттою и теперь не можетъ отказать себѣ въ желаніи покороче съ нею познакомиться. Полагая, что она не знаетъ его лично, онъ представляется ей какъ человѣкъ довольно-близкій къ князю и предлагаетъ ей свои услуги насчотъ поправленія послѣдствій ея необдуманнаго намѣренія. Бригитта изъ скромности показываетъ видъ, что она дѣйствительно не узнала князя, и ведетъ себя такъ осторожно, что восхищенный князь льститъ себя ложною надеждою, что она рѣшилась на бѣгство изъ родительскаго дома, собственно только потому, чтобы избавиться непріятнаго ей замужства, а не потому, чтобы она любила другаго. По-несчастію пылкій Хелльборнъ подслушалъ разговоръ Бригитты съ княземъ, котораго онъ совершенно не знаетъ; онъ слышалъ что Бригитта назначила еще свиданіе этому незнакомцу, и, не изслѣдуя съ какимъ намѣреніемъ это сдѣлано, предается ужаснѣйшимъ припадкамъ ревности. Спустя нѣсколько времени, искательство его касательно вышеупомянутаго секретарскаго мѣста,

сводитъ его лично съ княземъ, и, узавъ въ немъ своего мнимаго соперника, Хелльборнъ въ мысляхъ своихъ совершенно отказывается отъ всякой надежды на любовь Бригитты и на обладаніе ею, и потому хладнокровно выслушиваетъ извѣстіе, что мѣсто, о которомъ онъ хлопочетъ, отдано уже другому но что за это ему обѣщаютъ дать другое въ одной изъ отдаленныхъ провинцій. Онъ проговаривается, что считаетъ любовь свою совершенно безнадежною, что долженъ уступить болѣе счастливому сопернику, и эти слова возбуждаютъ еще болѣе надежды въ сердцѣ князя. Также и противъ Бригитты Хелльборнъ не оставляетъ своихъ мрачныхъ подозрѣній въ полной измѣнѣ, хотя теперь, получивъ уже отъ князя выговоръ за свою горячность и ведетъ себя гораздо-пристойнѣе и хладнокровнѣе. Онъ рѣшается немедленно удалиться изъ мѣстъ, гдѣ скоро совершится его мнимое несчастіе, и только Бригиттѣ, которая, не смотря даже на весь гнѣвъ его, все еще имѣетъ власть надъ нимъ, удается удержать его, по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, покуда она переговоритъ съ княземъ. Между тѣмъ князь обманутый отчаяніемъ Хелльборна, думаетъ, что онъ любимъ Бригиттою и принимаетъ необдуманное рѣшеніе, не-смотря ни на что, сдѣлать ее своею супругою Онъ успокоиваетъ при этомъ случаѣ совѣсть свою тѣмъ, что Саарбергъ, для котораго бракъ съ Бригиттою только средство, а не цѣль, удовольствуется и тѣмъ, если получитъ желаемое мѣсто, а пылкій юный Хелльборнъ, удалясь отъ предмета своей страсти, скоро отъ нея излечится. Честолюбивый Модестусъ, свѣдавъ объ этомъ намѣреніи князя, разумѣется, приходитъ въ восторгъ Но вотъ Бригитта проситъ аудіенціи у князя, и князь очень удивляется, видя, что Бригитта нисколько не смутилась узнавъ въ немъ своего незнакомаго покровителя и искателя. Она искусно извиняется въ этомъ обманѣ. Князь начинаетъ говорить о своихъ сердечныхъ отношеніяхъ, но Бригитта прерываетъ эти объясненія, открывъ ему что она любитъ Хелльборна и пришла просить его защиты и покровительства. Обманутая надежда и оскорбленное самолюбіе заставляютъ сначала князя отказать Бригиттѣ въ ея просьбѣ, но она смѣло напоминаетъ ему, какъ онъ благосклонно обѣщалъ ей защиту противъ принужденія ея къ замужеству съ Саарбергомъ, и великодушный князь рѣшается отказаться отъ своихъ требованій и помочь Бригиттѣ, и въ-слѣдствіе этого предлагаетъ Модестусу, который старается оправдать себя передъ нимъ въ дошедшихъ до князя слухахъ объ его слишкомъ сильной привязанности къ формамъ, доказать свое исправленіе выборомъ зятя по-сердцу, а не по формѣ. Потомъ дѣлаетъ Хелльброна, котораго блистательныя способности ему хорошо извѣстны, вмѣсто секретаря, которымъ сдѣланъ уже Саарбергъ, директоромъ своей канцеляріи. Итакимъ образомъ, къ концу піесы всѣ, по возможности, довольны и счастливы. — Піеса имѣла успѣхъ; только непонятно почему она названа «Модестусъ», когда это лицо ничуть не главное въ ней.

Theater in der Josephstadt.

Nella die Zauberin, oder der Maskenball auf Hochgiebel, романтическо-комическая картина (?) съпѣніемъ въ 4 хъ дѣйствіяхъ Карла Эльмара, музыка капельмейстера Ф. Ф. Суппе.

По плану піеса эта походитъ на обыкновеныя волшебныя піесы, въ которыхъ, какъ извѣстно, добрая фея побѣждаетъ злаго волшебника или демона. И здѣсь точно также появляется вдругъ такая помощница въ бѣдѣ, которая покровительствуетъ вѣрной любви, уничтожаетъ козни злаго духа и своею волшебною властію распутываетъ счастливымъ образомъ запутанную піесу. Только волшебница эта здѣсь не духъ, а простая смертная: это, просто, Нелла, солдатская сиротинка изъ Польши. Она-то и есть духъ покровитель двухъ любовниковъ, дочери инвалида и гусарскаго лейтенанта, и, чтобы отвратить отъ нихъ угрожающую имъ бурю, великодушно соглашается отдать руку, не чувствуя ни малѣйшей склонности, влюбленному въ нее владѣльцу Гохгибеля, который притомъ еще и не совсѣмъ освободился отъ страшной болѣзни—сумасшествія. Піеска очень-недурна; музыка тоже заслуживаетъ похвалы.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ.

ОДЕССКІЙ ТЕАТРЪ.

СЪ 11-ГО АПРѢЛЯ ПО 11-ОЕ МАЯ *

11-го апрѣля новою итальянскою труппою дано было первое представленіе – *Два Фигаро*, муз. Сперанца: эта опера дана была четыре раза сряду. За нею послѣдовало два представленія *Дочери полка*; послѣ того въ пятый разъ дано было *Два Фигаро*, и потомъ въ продолженіе недѣли съ лишнимъ, совсѣмъ не было итальянскихъ спектаклей.

4-го мая дали намъ *Весталку* (муз. Меркаданте) которую повторили 7-го и 9 го мая. Въ этихъ трехъ операхъ мы познакомились съ госпожами Скалезе, Полани и Сбристья и съ господами Скалезе, Рамони и Фіори. Намъ хотѣлось было дождаться дебютовъ другаго перваго тенора Витали и примадонны Сеччи-Корси, и тогда поговорить о новой итальянской труппѣ; но какъ прошолъ уже цѣлый мѣсяцъ со дня перваго представленія новой оперной труппы, то мы рѣшаемся сказать нѣсколько словъ о тѣхъ, кого уже знаемъ, чтобъ читатели не подумали, что мы слишкомъ-равнодушны къ нашему театру, которому всегда желали и желаемъ успѣха и благоденствія.

Въ первое представленіе, дебютантовъ, какъ водится, встрѣтили рукоплесканіями; какъ водится, ихъ вызвали по окончаніи піесы. Вызваны были также маэстро ди капелла и импресаріо; рукоплесканія были часты и громки. Во второе представленіе театръ былъ снова полонъ, въ третье – тоже; на четвертомъ и пятомъ представленіи *Двухъ Фигаро* мы не были. Въ первое представленіе *Дочери полка* театръ былъ снова полонъ, но публика была холодна; на второмъ представленіи кромѣ абоннентовъ никого не было. Опера эта рѣшительно пала; всѣ, видѣвшіе ее въ прошломъ году, утверждаютъ, что прежнею труппою эта піеса была исполняема гораздо-лучше. Надоѣла-ли нашей публикѣ эта опера, которую въ прошломъ году давали много разъ, или что-другое было причиною ея

* Изъ «Одесскаго Вѣстника.»

паденія, — мы предоставляемъ судить тѣмъ, кто загодя обѣщалъ ей полнѣйшій успѣхъ.

Во-время представленій *Весталки* театръ былъ снова полонъ. Вызывали д-цу Скалезе, также г-дъ Скалезе, Рамони и Фіори.

Изъ трехъ піесъ, данныхъ новою итальянскою труппою, двѣ въ первый разъ являются на одесской сценѣ: это *Два Фигаро* и *Весталка*. Интрига *Двухъ Фигаро* основана на томъ, что знатный молодой человѣкъ, Керубино, влюбленный въ Инезу, дочь графа Альмавивы, вступаетъ въ услуженіе къ графу подъ именемъ Фигаро. Настоящій Фигаро, состоящій въ службѣ въ домѣ графа, догадывается, что новый Фигаро совсѣмъ не то, чѣмъ представляется, и всячески старается открыть графу глаза и доказать тайныя отношенія между Керубино и Инезою. Но Керубино, попадаясь нѣсколько разъ, умѣетъ искусно устранить всякое подозрѣніе, и оставляетъ въ дуракахъ старика Фигаро: отъ этого происходитъ много смѣшныхъ сценъ. Но Фигаро удалось наконецъ поймать любовниковъ: онъ застаетъ ихъ въ комнатѣ у Сусанны (горничной графини) и доказываетъ графу справедливость своихъ подозрѣній, за которыя его чуть было не выгнали изъ графскаго дома. Піеса оканчивается свадьбою. — Музыка этой оперы легонькая, но живая и игривая; особенно хорошъ финалъ перваго дѣйствія. — Вотъ содержаніе *Весталки:* оно не затѣйливо, но весьма-эффектно. Децій, сынъ римскаго консула Лицинія, отправился на войну противъ Галловъ. Онъ любилъ Эмилію и былъ любимъ взаимно. Дѣвушка и въ отсутствіи его сохраняла къ нему привязанность. Разнесся слухъ, что Децій убитъ: Эмилія отказалась отъ свѣта и обрекла себя на служеніе богинѣ Вестѣ. Между-тѣмъ, слухъ о смерти Деція оказался ложнымъ. Сынъ консула, одержавъ блистательныя побѣды надъ варварами, возвращается въ Римъ, гдѣ ему приготовлено торжество. Его ведутъ вѣнчать въ храмъ Весты:

A nome
Del cielo e della patria,
Corona le tue chiome,

говоритъ трепещущая Эмилія, которой назначено было возложить на него вѣнецъ.

Ah, l'amor nostro, Emilia,
Come obbliar potesti?..

спрашиваетъ онъ шопотомъ.

Ti piansi estinto,

отвѣчаетъ она.

Oh smania!.. (*)

Децій рѣшается похитить ее. Онъ пробирается ночью въ храмъ Весты (2-ое дѣйствіе), гдѣ Эмилія охраняетъ священный огонь. Испуганная весталка бѣжитъ къ алтарю и требуетъ, чтобъ Децій покинулъ ее; Римлянинъ обнажаетъ мечъ и хочетъ заколоться. Эмилія бросается къ нему и удерживаетъ. — Ah no! говоритъ она: arrestati... vivi — Per chi? спра-

(*) Именемъ неба и отечества вѣнчаю главу твою. — А наша любовь, Эмилія? неужли ты ее забыла. — Я считала тебя погибшимъ!.. — О бѣдствіе!..

шиваетъ онъ. — Per me **. За этимъ слѣдуетъ дуэтъ сердечныхъ изліяній, въ продолженіе котораго потухаетъ священный огонь, о которомъ забыла весталка, увлеченная огнемъ собственнаго сердца. Публій, приведшій Децію въ храмъ Весты, спѣшитъ увлечь оттуда своего друга. Въ-слѣдъ за ихъ уходомъ являются весталки, ихъ начальница и главный жрецъ. Эмилію за ея преступленіе осуждаютъ на казнь. Публій старается испросить ей прощеніе у Лицинія (3 е дѣйствіе); но консулъ непреклоненъ: Эмилію заживо погребаютъ. Децій является съ войскомъ, чтобъ спасти любимую женщину, но не заставъ ее въ живыхъ, закалывается. На нашей сценѣ трагедію оканчиваютъ погребеніемъ Эмиліи. Характеръ музыки соотвѣтствуетъ содержанію піесы: музыка этой оперы смѣла и торжественна; есть хоры, полные суроваго, римскаго величія. Главные лица здѣсь — Децій и Эмилія.

Теперь нѣсколько словъ объ актерахъ. Г-нъ Скалезе въ *Двухъ Фигаро* былъ вообще очень хорошъ: игра его была отчотлива, проста, безъ фарсовъ, мимика — выразительна. Но роль жреца въ *Весталкѣ* — совсѣмъ не по немъ, и и мы желали-бы, чтобъ онъ не дѣлалъ такихъ насилій своему таланту. Многосторонность не дана ему; кому суждено забавлять, тотъ, прицѣпивши чорную бороду и нахмуривъ брови, не сдѣлается суровымъ лицомъ трагедіи. Какъ-бы широко ни раскрывалъ онъ глазъ своихъ, какъ-бы сильно не вопилъ: A te sacrilega — empia vestale — morte ed infamia (*)! зритель, увлекаемый звуками самой музыки, будетъ равнодушно смотрѣть на него. Голосъ у г-на Скалезе — звонокъ, но не имѣетъ гибкости.

Г-жи Полани и Скалезе, при своей молодости, обладаютъ пріятными, чистенькими голосами; замѣтно, что онѣ недавно выступили на сцену (особенно д-ца Скалезе); голоса ихъ незначительно обработаны: это особенно видно въ исполненіи руладъ. Г-жа Полани, въ роли *Сусанны*, (Два Фигаро) была замѣчательно-мила своею игрою. Д-ца Скалезе ролью *Весталки* ясно показала, что со-временемъ изъ нея выйдетъ превосходная актриса для характерныхъ ролей; въ каждомъ ея движеніи проглядываетъ благородная натура, неподдѣльное чувство. Въ сценахъ, требующихъ энергіи и страсти, она слаба: самый возрастъ ея не допускаетъ еще силы въ голосѣ и въ порывахъ душевныхъ. Но тамъ, гдѣ выражается нѣжный голосъ сердца — она увлекательна. Въ третьемъ дѣйствіи *Весталки*, когда она говоритъ: ove tratta son io? (куда привлекли меня?) и потомъ далѣе: ascolta d'Imene i grati concenti!... (слышишь-ли сладкія брачныя пѣсни!..) общій восторгъ выразился долгимъ, единодушнымъ рукоплесканіемъ. Мы увѣрены, что игра и голоса обѣихъ этихъ пѣвицъ постепенно выработаются на нашей сценѣ (хоть намъ и замѣ-

(**) О нитъ! постой... живи! — Для кого-жъ? — Для меня!

*) Позоръ и смерть тебѣ, преступница, тебѣ, нечестивая весталка.

чали на это, что наша сцена не консерваторія); въ г-жѣ Полани мы надѣямся съ ея развитіемъ пріобрѣсти хорошую актрису для игривыхъ женскихъ ролей. О г жѣ Сбристья нельзя почти ничего сказать. Партія ея въ *Весталкѣ* незначительна. Въ спискѣ новыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, доставленномъ намъ отъ самого импресаріо, г-жа Сбристья названа примадонною контральто: отъ-чего-жъ для перваго дебюта ей дана второстепенная роль, которую легко можетъ исполнить всякая секунда-донна?

Г-нъ Рамони (первый теноръ) являлся предъ нами во всѣхъ трехъ піесахъ. и убѣдилъ насъ, что онъ и голосомъ, и игрою не уступаетъ своимъ предшественникамъ. Г-нъ Фіори... увы! у г-на Фіори нѣтъ ни игры, ни голоса. Это говорятъ тѣ, кто въ голосѣ баса ищетъ не одного крику, а размахиванье руками не почитаетъ игрою. Крикъ вовсе не доказываетъ силы голоса, а, напротивъ, обнаруживаетъ недостатокъ его. Сила голоса состоитъ въ длительности его, въ этой тягучести, посредствомъ которой пѣвецъ можетъ изъ *піаниссимо* переходить чрезъ *кресчендо* въ *форте* и опять спускаться въ *піано*, можетъ, по волѣ, струѣ своего голоса придавать желаемое выраженіе. У г на Фіори каждая нота рѣзко отдѣляется отъ другой и не развится выраженіемъ отъ предыдущей: что-бы онъ ни пѣлъ, выходитъ вѣчное *стаккато*. Роль Публія въ *Весталкѣ* даетъ большія средства актеру выказать голосъ и драматическій талантъ: небольшая роль эта полна энергіи и состоитъ изъ превосходныхъ арій. Что-жъ сдѣлалъ изъ своей партіи г нъ Фіори? Онъ показалъ только, что ни трагическая ни обыкновенная роль, ни разнообразные мотивы не дадутъ ни голоса, ни чувтства тому, кому не дала ихъ природа

Ходъ всей музыки вообще (т. е. оркестра съ пѣніемъ) замѣчательно плавенъ, ровенъ и выразителенъ: этимъ, конечно, мы обязаны новому маэстро, о которомъ будемъ еще имѣть случай поговорить. Въ оркестрѣ фаготъ рѣзко выдается среди прочихъ инструментовъ: инструментъ или музыкантъ виноваты въ этомъ —не знаемъ, но знаемъ, что это производитъ непріятное впечатлѣніе.

О томъ, что̀ въ театрѣ есть теперь часы, новая люстра, также о томъ, что дамскіе костюмы въ *Двухъ Фиаро* были весьма нероскошны и что *Инеза*, даже передъ свадьбой не надѣла другаго платья —мы не станемъ говорить: это вещи. всѣмъ извѣстныя.

Въ *Весталкѣ* три новыя декораціи г. Баццани были для насъ пріятнымъ явленіемъ: изобрѣтенія и исполненіе въ нихъ – прекрасны. Если бы каждая піеса имѣла подобную обстановку, то въ этомъ отношеніи намъ ничего не оставалось-бы желать.

Въ заключеніе скажемъ, что изъ трехъ видѣнныхъ нами пьесъ лучшая по исполненію (относительно актеровъ только) *Два Фиаро*. Здѣсь всѣ лица были болѣе въ своей сферѣ. Въ *Весталкѣ* дѣйствующіе – всѣ Римляне; но это только на афишѣ: на сценѣ-же не было ни одного хоть на волосъ похожаго на этихъ суровыхъ владыкъ міра, на этихъ желѣзныхъ Римлянъ, чертыкоторыхъ хранитъ

исторія. Мы и не думаемъ напоминать при этомъ двухъ сценическихъ консуловъ, съ бородами безъ усовъ, которые походили на Римлянъ меньше чѣмъ телята на львовъ. Слушая оперу Меркаданте, мы не разъ «погружались въ воспоминаніе»: мы думали о покинувшихъ нашу сцену, но не покинувшихъ нашей памяти артистахъ. Мы думали, какъ хорошъ былъ-бы г. Марини въ роли Публія, а г. Берлендисъ въ роли жреца Метелла; эти партіи будто написаны нарочно для нихъ: какой эффектъ придали-бы голоса и игра ихъ всей оперѣ. Мысль эта принадлежитъ не однимъ намъ,— ее высказывала бо́льшая часть публики.

Обратимся теперь къ нашимъ.

Русская труппа г. Мочалова, представшая предъ насъ въ этомъ году раньше итальянской, продолжаетъ свои представленія. Въ прошломъ году, въ это время русскій театръ бывалъ полнехонекъ; теперь - только-что не пустъ. И вотъ причины. Первая: публика увлечена новостью свѣжей итальянской труппы. Вторая: Русскіе даютъ намъ піесы которыя мы уже видѣли, а новыя - приготовляютъ вообще на-живую нитку. Чтобы зритель съ удовольствіемъ смотрѣлъ на водевиль, эту копію повседневности, надо, чтобъ водевиль исполняемъ былъ въ совершенствѣ. А если напр. его урѣжутъ. ролей не приготовятъ, даже не заучатъ куплетовъ, то — слѣдствія очевидны. Третья причина: г. Максимовъ не явился, хоть намъ и говорили, что онъ будетъ, а г. Пряженковскій въ роляхъ свѣтскихъ людей — несносенъ. Гг. Зубовичи, Барсовы, Пилони могутъ увеличивать число русскихъ актеровъ, но піесамъ едва-ли придадутъ какую-нибудь красу.

2-го мая давали *Ревизора*: кресла были полны; въ ложахъ - попрежнему. Г-нъ и г-жа Мочаловы были очень-хороши; достойны вниманія были *Добчинскій* и *Бобчинскій*; г. Пряженковскій весьма-порядочно исполнилъ *Земляника*, а г. Микульскій, вѣроятно, былъ-бы хорошъ, если-бы зналъ хоть десятую часть своей роли.

Къ числу хорошихъ русскихъ актеровъ присоединились недавно: г. Николаевъ, весьма-удовлетворительно исполнившій роль *Осипа* (въ Ревизорѣ) и г-жа Колумбъ, актриса нелишняя въ труппѣ г. Мочалова. Послѣ «Ревизора» дано было еще нѣсколько водевилей; а теперь сбираются дать драму, подъ названіемъ *Тереза*.

R.

АСТРАХАНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Здѣшняя труппа, состоящая изъ семнадцати человѣкъ актеровъ и актрисъ, человѣкъ двѣнадцати музыкантовъ, и находящаяся подъ управленіемъ Г. Воробьева, ниже всякой посредственности*). Бездарность гг. актеровъ, незнаніе сцены и потребностей театра самого содержателя, по-неволѣ заставляютъ здѣшнюю публику быть невнимательной къ театру и не имѣть довѣ-

* За исключеніемъ г. Соколовскаго, который, обладая всѣми нужными средствами для театра, имѣетъ превосходный талантъ, и мѣсто его не астраханская сцена.

рія къ самому антрепренеру. Но чтобъ болѣе дать понятія о настоящемъ положеніи астраханскаго театра и объ игрѣ здѣшнихъ актеровъ, вотъ краткій отчотъ о нѣсколькихъ спектакляхъ по порядку.

29 го марта. *Водовозъ*, опера въ трехъ дѣйствіяхъ. *Армандъ* — Григорьевъ, *читалъ* порядочно, но пѣлъ съ грѣхомъ пополамъ. Вообще замѣтно, что онъ мало знакомъ со сценою, но все-таки онъ былъ лучше всѣхъ въ этой оперѣ. *Констанція* — Львова, при дурномъ чтеніи, и незнаніи своей партіи — была до-нельзя дурна, — мы видѣли въ ней не благородную супругу президента Арманда, но какую то торговку; правда она обладаетъ порядочнымъ голосомъ, но манера ея пѣнія даетъ ей право занимать съ честію почотное мѣсто пѣвицы въ труппѣ Цыганъ извѣстнаго Ильи Соколова, а не въ труппѣ артистовъ. *Микели* — Воробьевъ, не имѣя никакого голоса и способностей для театра, безъ зазрѣнія совѣсти, взялъ на себя эту роль, и чрезъ то наградилъ публику скукою и досадою. Роли: *Антоніо* — Соколовскій, *Маркелина* — Третьякова, *Анжелина* — Петрова, незначительны, а потому объ нихъ молчимъ. *Данінлъ* — Васильевъ, *Начальникъ* — Залѣскій, жалкія существа ..... Не-смотря на подобную игру актеровъ, дурное исполненіе хоровъ, бѣдную обстановку и огромные антракты, мѣстами опера шла удовлетворительно. Оркестръ въ этой оперѣ напомнилъ намъ превосходную басню Крылова «*Квартетъ*»

2 го апрѣля *Цирюльникъ Шпанецъ*, опера въ одномъ дѣйствіи. *Шпанецъ*, — Соколовскій, не дурно исполнилъ свою роль — впрочемъ роли стариковъ ему не удаются. *Шарлота* — Львова, была хуже чѣмъ въ «Водовозѣ» *Лукасъ* — Григорьевъ, не потрудился выучить своей роли, и потому сыгралъ ее очень-дурно. — *Часъ въ Тюрьмѣ*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. *Машуаръ* — Залѣскій, не зная роли и не давъ ей никакого характера, поставилъ себя на равнѣ съ *Гише* — Павловымъ, который былъ просто *изъ рукъ-вонъ*. *Юлій* — Григорьевъ, удовлетворительно исполнилъ свою роль. *Амуръ* — Воробьевъ: эта роль очень шла къ его фигурѣ, но жаль, что онъ не позаботился получше окостюмировать себя, и потому остался безъ вниманія *Фанфанъ* — Соколовскій, исполнилъ роль свою какъ истинный художникъ и вполнѣ достоинъ былъ вызова, которымъ публика отблагодарила его. — *Оборотни* опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи. *Угрюминъ* — Павловъ: Богъ знаетъ, почему публика не слыхала, и не поняла ни одного слова, что глаголалъ этотъ *актеръ*, а ужъ объ игрѣ его и говорить не стоитъ. *Миловзоръ* — Воробьевъ, мужчина лѣтъ за пятьдесятъ, съ фигурой, напоминающей бочку водовоза Микели, въ костюмѣ, болѣе похожемъ на героя передней, чѣмъ на любовника хорошаго тона, былъ — ужасъ что-такое! *Тансія*—Третьякова, характеръ Нѣмки выдержала порядочно, за то остальное было черезъ-чуръ дурно; причиною тому ея манеры, противныя закономъ хорошаго вкуса, которыми она безъ милосердія терзала публику, уже разочарованную ея физическими достоинствами ..... впрочемъ, публика оцѣнила по-достоинству

этотъ водевиль: не дождавшись конца, вся разъѣхалась.

5-го апрѣля. *Венеціанская актриса*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, *Анжело*—Залѣскій. Грозный, мстительный подеста падуанскій, по милости Г. Залѣскаго, преобразовался на астраханской сценѣ въ жалкое, комическое лицо. Вообще у этаго актера способностей очень-мало. Рѣчь его похожа на длинный, однообразный речитативъ; голосъ странный; тѣлодвиженій нѣтъ, а если и есть, то непріятныя и неумѣстныя! Онъ во всемъ одинаковъ, и мы совѣтуемъ ему не брать на себя драматическихъ ролей, которыя требуютъ отъ актера многаго, чего нѣтъ и не будетъ у Г. Залѣскаго. *Родольфо* — Григорьевъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ недуренъ, но вообще всю роль исполнилъ неудовлетворительно. *Тизба*—Петрова, прочитала свою роль, но игры и жизни въ этой актрисѣ не имѣется. *Катарина*, (или, какъ называли ее здѣшніе артисты, *Катерина*) Гуляева, имѣя манеры à la Третьякова, надутую, вычурную декламацію, изысканную дикцію, и неимѣя совершенно никакихъ способностей для театра, была гораздо-ниже Петровой. Мы смотрѣли на нее, какъ на автоматъ, наряженный въ *красное* платье. Другія дѣйствующія лица были еще хуже ея, и потому мы за долгъ себѣ поставляемъ не говорить объ нихъ. Въ-заключеніе данъ былъ водевиль: *Давидъ Теньеръ*; но онъ шолъ такъ вяло, однообразно, утомительно, что у насъ не достаетъ терпѣнія даже и вспомнить объ немъ. Послѣ этихъ трехъ спектаклей шли піесы: *Севильскій Цирюльникъ*, опера; *Жена, какихъ много*, водевиль; *Медвѣдь и Паша*, водевиль; *Тереза*, водевиль; *Невѣста подъ замкомъ*, водевиль и т. п.; говорить о нихъ, значило-бы повторять сказанное выше объ игрѣ здѣшнихъ актеровъ. Но въ продолженіе этихъ спектаклей нѣкоторыя піесы, благодаря таланту Г. Соколовскаго, шли прекрасно. Водевили: *Зятюшка*, *Такъ да нетакъ* *, *Желтыя перчатки*, *Гусарская стоянка*, удовлетвори ли-бы самаго взыскательнаго судью, но только въ отношеніи къ нѣкоторымъ лицамъ, а не къ обстановкѣ: обстановка дѣло ума, стало-быть, не Г. Воробьева: онъ объ ней и понятія не имѣетъ, награждаетъ публику цирюльниками. Шнапсами, венеціянскими актрисами, астраханскими мясниками, и знать не хочетъ, пріятно публикѣ это или нѣтъ. Но за то въ нѣкоторомъ отношеніи, онъ единственный содержатель въ мірѣ. Онъ, по своимъ разсчотамъ, занимаетъ вдругъ нѣсколько должностей при театрѣ. Г. Воробьевъ у насъ: антрепренеръ, актеръ, режиссеръ, кассиръ, машинистъ, буфетчикъ и разнощикъ аффишъ!!... Parole d'honneur!

А. Кутумскій.

---

* Здѣсь справедливость заставляетъ насъ упомянуть о г-жѣ Соколовской, которая роль *Нерадовой* исполнила отчотисто и обдуманно. Въ игрѣ ея много благородства, а это рѣдкость на провинціяльномъ театрѣ, и о г-жѣ Надежиной, которая въ роли г-жи Пиваръ въ водевилѣ *Зятюшка*, была очень хороша.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

дочь карла смѣлаго, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. — Сигарка, комедія въ одномъ дѣйствіи, *Н. А. Полеваго*.—Шампанское и опиумъ, водевиль. (*Бенефисъ г-на Усачова*).

Драма передѣлана изъ повѣсти Роіе. Большая часть подобнаго рода передѣлокъ рѣдко удается; драма эта принадлежитъ тоже къ числу не-совсѣмъ удавшихся. Одно изъ главныхъ ея достоинствъ — это краткость; если она не восторгаетъ зрителя, то и не утомляетъ его; впрочемъ, есть нѣсколько сценъ нелишонныхъ олушевленія; къ числу этихъ сценъ принадлежитъ конецъ 2-го акта.

Разыграли драму актеры драматической труппы довольно-плохо. Хуже всѣхъ былъ, безспорно, Г Леонидовъ (Христіанъ Лейсъ). Онъ занималъ роль пылкаго, страстнаго любовника, любящаго такъ, какъ любили въ добрыя старыя времена, со всѣмъ жаромъ молодаго сердца и со всѣми причудами влюбленныхъ. Онъ, забывая свой санъ, чтобъ убѣдиться въ истинной и безкорыстной любви Маріи Бургундской, переодѣвается простымъ дворяниномъ, каждую ночь отправляется на опасное свиданіе, которое можетъ кончиться его смертію.... вы видите, что онъ настоящія любовникъ повѣстей. Г Леонидовъ * былъ, вопреки здравому разсудку, такъ холоденъ, такъ вялъ, что изъ-рукъ вонъ. Къ счастію, что Марія Бургундская (Ольгина), предметъ его страсти, была ему подъ-пару, и эти пылкіе любовники, въ патетическія минуты своей страсти, сорвали не одну непритворную улыбку и хоть немного позабавили публику. Роль дурочки Микаелы занимала г-жа Орлова. Роль выполнена была прекрасно. Жаль только, что г-жа Орлова часто впадала въ какую то манерность: — это почти всегдашній ея недостатокъ; но за то сцены, въ которыхъ пробуждается у ней чувство оскорбленнаго самолюбія, чувство ревности и наконецъ мести, были ведены мастерски... Чудно передана была ею сцена, гдѣ она, въ аллегорической пѣснѣ, пересказываетъ всѣ свои чувства и мысли... сколько силы, сколько энергіи! Мы давно не видали такою г-жу Орлову. — Да, *месть любви сильнѣе*! эти слова были произнесены съ такимъ сознаніемъ собственнаго достоинства, что вся зала расхоложенныхъ зрителей потряслась рукоплесканіями.... Это не мало помогло піесѣ, которая все таки погрузилось въ ту рѣку, которую, кажется, зовутъ Летою. О

---

* Впрочемъ, въ репертуарѣ Леонидова есть двѣ роли, которыя выполняетъ онъ болѣе, нежели удовлетворительно—это Ломоносовъ и Кинъ (?). Въ Ломоносовѣ онъ хорошъ, но досадно, что уже слишкомъ копируетъ Каратыгина; это подражаніе часто доходитъ до смѣшнаго... вѣрно Г. Леонидовъ не знаетъ пословицы: quod licet Jovis, non licet... Впрочемъ онъ играетъ все роли созданныя прежде Каратыгинымъ, а въ его шкурѣ пока мы его еще не видали, и потому не можемъ сказать, имѣется-ли дарованіе у Леонидова или нѣтъ. *Соч.* Увы, для насъ, Петербургцевъ, вопросъ этотъ рѣшонъ уже давно и окончательно. *Ред.*

бенефиціантѣ мы сказать ничего не можемъ, потому-что онъ занималъ весьма-незначительную роль и выполнилъ ее—весьма-незначительно.

«Сигарка» — довольно-длинная и скучная комедія, хотявъ ней быть провинціальный представленъ удачно. Піесу вынесъ, что̀ называется, на своихъ плечахъ г. Щепкинъ. Роль помѣщика Телятевскаго сыграна имъ чудесно. Здѣсь и г-жа Ольгина (жена Телятевскаго) была хороша, потому-что были на своемъ мѣстѣ. Потанчиковъ, въ роли сосѣда Телятевскаго, былъ тоже забавенъ, и г-жа Петрова, въ роли неизвѣстнаго, очень-недурна. Намъ жаль, что мы часто или, лучше сказать, почти всегда видимъ ее въ мужскихъ роляхъ; это можетъ вредить ея игрѣ и безъ того весьма-несмѣлой и неловкой. Вообще на нашей сценѣ, какъ кажется, положено за правило всѣхъ молоденькихъ актрисъ выводить на сцену въ мужскихъ роляхъ, не понимаемъ только, для чего?—развѣ для того, что мужское платье дѣлаетъ всякую шестнадцатилѣтнюю дѣвочку интереснѣе? но вѣдь эта совсѣмъ постороннія причина, и потому-то онѣ обращаютъ бо́льше вниманія на свое лицо, чѣмъ на лицо, ими представляемое.

«Шампанское и опіумъ» — чисто Французскій водевиль, утратившій въ переводѣ всю свою веселость, остроту и даже самый смыслъ. Здѣсь даже и г. Живокини (Кангуру) несмѣшонъ.

—Мѣщанинъ-дворянинъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Женская протекція, водевиль. Купцы, водевиль. (*Бенефисъ г. Садовскаго*).

Г. Садовскій, безспорно, одинъ изъ замѣчательныхъ талантовъ нашей сцены; съ самаго дебюта его до настоящаго времени, онъ болѣе и болѣе упрочиваетъ за собою любовь и вниманіе публики, которая къ нему весьма-благосклонна, какъ мы можемъ судить по пріему, сдѣланному ею г. Садовскому въ первый его бенефисъ. Громкія и продолжительныя рукоплесканія многочисленной публики привѣтствовали артиста. Повторяемъ, природный талантъ у г. Садовскаго, безспорно, замѣчательный; отъ него самаго зависитъ развить его надлежащимъ образомъ.

Намъ давно хотѣлось подробнѣе поговорить о г. Садовскомъ; теперь-же, когда дирекція такъ справедливо наградила его бенефисомъ, представляется къ тому самый удобный случай.

Главное достоинство его—*естественность*; игра его проста и оригинальна; въ ней часто проглядываетъ ему одному свойственный *юморъ*, часто выказывается душевная теплота, скажу болѣе, ему не чужда даже глубокость чувствъ, проявляющаяся въ простой и наивной формѣ; но все это только еще въ зернѣ. Зерно прекрасное, которое, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, дастъ ростъ, листья и наконецъ принесетъ плодъ. Дай Богъ, чтобы ничто не помѣшало этому зерну развиться до плода!..

Репертуаръ его обширенъ, хотя бо́льшая часть ролей его репертуара ничтожны; но и изъ ничтожныхъ ролей ему удавалось часто дѣлать роли первостепенныя и убивать прочія. Къ чести его должно ска-

зать еще то, что онъ никому не подражаетъ слѣпо, какъ это дѣлаютъ многіе изъ молодыхъ актеровъ. Должно помнить, что подражатель всегда ниже того, кому онъ подражаетъ; изучать игру великихъ артистовъ, пользующихся извѣстностію, должно и непремѣнно должно; можно кое-что и перемѣнять, усвоить, но все-таки *разумно*, сообразуясь съ своими средствами и зная quid valet quid non. Часто случалось ему исполнять роли, прежде занимаемыя артистами опытными, и не уронить себя. Легкія водевильныя роли не всегда ему по характеру, фарсы-же совершенно не въ его характерѣ; часто въ водевилѣ бываютъ лица, которыя не имѣютъ рѣшительно никакого опредѣленнаго характера, а смѣшатъ положеніемъ, нѣсколькими забавными куплетами и собственно игрою, если она исполнена жизни и веселости; такого рода роли всегда почти не удавались Садовскому, тогда-какъ для г. Живокини эти роли сущая благодать; ему есть гдѣ развернуться... веселость его у мѣста, бойкость его по сценѣ тоже у мѣста. Г. Живокини настоящій водевильный актеръ, хотя это не мѣшаетъ ему играть хорошо и въ комедіяхъ. Впрочемъ, въ репертуарѣ г. Садовскаго есть одна главная роль въ піесѣ: я говорю о Подколесинѣ въ «Женитьбѣ» Гоголя. Прежде въ этой комедіи занималъ онъ роль пѣхотнаго офицера и выполнялъ ее мастерски: стоило только взглянуть на выраженіе его лица въ то время, когда онъ упрекаетъ сваху (роль свахи прекрасно выполняется г-жою Кавалеровою), чтобы узнать что за птица Анучкина. «Если-бы я зналъ, что она не говоритъ по-французски, то нога-бы моя не была въ этомъ домѣ..» Эти слова или, лучше сказать, манера, съ которою онъ это говоритъ, — ибо справедливо, что le ton fait la musique, — опредѣляетъ совершенно лицо, имъ представляемое. Роль Подколесина, мы можемъ смѣло сказать, лучшая его роль. Эта вялость, нерѣшительность характера, и вмѣстѣ какое-то тайное желаніе обзавестись женою, ребятишками, выражается имъ очень-хорошо; первая сцена съ свахой ведется мастерски. Главное достоинство игры Садовскаго то, что, смотря на Подколесина, какимъ онъ его представляетъ, даже въ самыя жаркія минуты, когда весь раскипѣлся, какъ самоваръ, наполненный горячими угольями, невольно спрашиваешь себя: да женится ли онъ? и невольно находишь въ самомъ себѣ отрицательный отвѣтъ: да и гдѣ жениться Подколесину? Г. Щепкинъ въ роли Кочкарева неподражаемъ; вся піеса разыгрывается прекрасно. Щепкинъ прежде занималъ роль Подколесина, и былъ хорошъ, какъ опытный и талантливый актеръ, который, взявшись за роль, выполнитъ ее, какъ можно ожидать отъ его таланта; но намъ кажется, что роль Подколесина трудна для Щепкина, потому-что она ему не по характеру: какой Щепкинъ—Подколесинъ? Онъ весь огонь, весь жизнь, весь энергія!... По этому въ Подколесинѣ онъ долженъ безпрестанно притворяться.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о комедіи «Мѣщанинъ-дворянинъ». Главную роль, Журдена, занималъ г. Садовскій; роль ему не удалась: онъ не только не выполнилъ ее хо-

рошо, но даже не выполнилъ ее удовлетворительно. Съ перваго выхода было замѣтно, что онъ неувѣренъ въ роли, а увѣренность въ себѣ во всякой роли необходима; намъ кажется, что онъ даже не совсѣмъ ясно представилъ себѣ Журденя. А сдѣлать яснымъ и опредѣленнымъ это лицо было нетрудно. Журдень – пошлякъ, глупое и надутое существо, которое хлопочетъ только изъ того, чтобы получить кличку дворянина, хотя отъ этого ни ему, ни другимъ не будетъ ни теплѣе, ни холоднѣе: кажется, ясно и понятно. Журдень не умеръ: Журденевъ много и теперь, будетъ много и черезъ сто лѣтъ и черезъ двѣсти: они будутъ жить дотѣхъ поръ, пока будетъ жить тщеславіе. Одно изъ главныхъ достоинствъ комедій Мольера есть то, что, въ основѣ ихъ лежитъ всегда почти какая-нибудь страсть обще-человѣческая, не-смотря на то, глубокая-ли это страсть или просто мелочная страстишка. Положимъ, что «Мѣщанинъ» Мольера нѣсколько утрированъ, но утрированъ онъ потому, что авторъ хотѣлъ намъ представить не *тщеславнаго*, а *тщеславіе*: хорошо-ли это, вѣрно-ли это, достоинство это или недостатокъ въ піесѣ – это уже другой вопросъ, а роль все-таки удобоисполнимая. Разумѣется, Мольера играть нелегко, а особенно послѣ Щепкина. Что Садовскій ходилъ почти на цыпочкахъ, держалъ высоко голову, это вѣрно, потому-что тщеславіе и гордость всегда и вездѣ держитъ носъ въ верхъ; но тщеславіе должно проявляться не въ одной походкѣ, а въ словахъ, въ манерахъ, въ голосѣ, въ самой малѣйшей минѣ: этого-то въ игрѣ Садовскаго и не было замѣтно; голосъ его былъ недовольно напыщенъ, и эта пошлая важность не бросалась въ глаза зрителей. Когда онъ говоритъ «лакей мой», «другой мой, лагей» — для того, чтобы дать замѣтить, что у него есть два лакея въ хорошихъ ливреяхъ. онъ говоритъ это съ удовольствіемъ и полною увѣренностію, что это должно удивить всѣхъ и всякаго, потому-что онъ всѣхъ мѣряетъ на свою мѣрку; г. Садовскій говоритъ это, какъ-бы сознавая, что онъ говоритъ глупость, чего отнюдь не должно быть.

Въ комедіи много фарсовъ, которые, какъ мы уже сказали выше, совершенно не въ его характерѣ. Большою ошибкою со стороны Садовскаго было и то, что онъ былъ очень моложавъ на сценѣ, тогда какъ Журдень человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Лучше всего у него была послѣдняя сцена; впрочемъ не одна послѣдняя, и многія сцены были разыграны хорошо, какъ-то: сцена съ женою и съ горничною, когда онъ ихъ убѣждаетъ въ пользѣ науки и нѣкоторыя другія; но вся роль въ цѣломъ не оправдала нашихъ надеждъ. Мы, разумѣется, стараемся быть строже къ г. Садовскому, потому-что помнимъ: *кому много дано, съ того много взыщется*. Г. Живокини, въ роли Жака, слуги Клеонта, былъ очень-хорошъ; роль – фарсъ, цѣль ея смѣшить, и Живокини смѣшилъ; что-же касается до жены Журденя (г-жа Сабурова), то эту роль, намъ кажется, гораздо-бы лучше выполнила г-жа Кавалерова, которая въ подобнаго рода ролахъ прекрасна.

Купцы – плохой водевиль, въ ко-

торомъ однакожъ Садовскій прекрасенъ. Голосъ, ухватки, костюмъ торговца — все схвачено мастерски; вамъ кажется, что вы прежде гдѣ-то видали эту фигуру: до такой степени Садовскій сдѣлалъ эту роль вѣрною и натуральною. Рославскій, въ роли другаго купца, тоже очень-смѣшонъ, но жаль, что прибѣгаетъ къ фарсамъ. Усачовъ, въ роли градскаго головы, честнаго, добраго старика, хорошъ; такого рода роли ему по плечу и онъ всегда въ нихъ болѣе или менѣе удовлетворителенъ. «Женская протекція», премиленькая, преоживленная піеска, которая, однакожъ, могла-бы быть лучше разыграна.

— Утро послѣ бала Фамусова или все старые знакомые. *Комедія въ 1-й дѣйствіи, въ стихахъ.*

Въ нашей литературѣ было много чудесъ: такъ кто-то изъ литераторовъ вздумалъ пришить конецъ къ комедіи Фонъ-Визина, другой написалъ *Настоящаго Ревизора;* кому-то представилось, что Недоросль Фонъ-Визина, имѣвшій значеніе 50 лѣтъ тому назадъ, можетъ-быть и теперь передѣланъ и преобрадненъ съ успѣхомъ. Въ настоящее время какой-то проказникъ вздумалъ представить *Утро послѣ бала Фамусова* или, лучше и правильнѣе сказать, продолжить *комедію Грибоѣдова!!!!* Читая комедію «Горе отъ ума», авторъ, вѣроятно, былъ удивленъ, отчего такая прекрасная комедія кончается такъ сухо? И въ-самомъ-дѣлѣ, что это за окончаніе? Главное лицо уѣзжаетъ Богъ знаетъ куда; Фамусовъ говоритъ:

«Ахъ, Боже мой! что будетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣевна!»

и только! Никто не женится никто не выходитъ за-мужъ!... А вотъ что-бы Софью Павловну, по обычаю всѣхъ истертыхъ сюжетовъ комедій, выдать за-мужъ и всѣхъ пристроить къ мѣсту? Авторъ рѣшается написать длинную комедію да еще стихами!... Нетрудно понять, что, по нашему мнѣнію, комедіи вовсе не должно бы было существовать, но какъ *она* уже существуетъ, то мы, по-обязанности, должны отдать объ ней отчотъ публикѣ. Въ комедіи дѣйствуютъ внѣ главныя дѣйствующія лица «Горе» отъ ума, исключая Чацкаго; по этому-то авторъ очень-остроумно назвалъ комедію: *или все старые знакомые.* Но извините, господинъ авторъ! мы не узнаемъ нашихъ знакомыхъ: такъ они всѣ перемѣнились въ эту несчастную ночь, отдѣляющую балъ Фамусова отъ утра послѣ бала. Правда, имена тѣ-же, тотъ-же костюмъ, тѣ-же лица, но характеры, нравы, образъ мыслей, образъ выраженій, совершенно не тотъ!... Куда дѣвалась болтовня Репетилова! Здѣсь онъ совсѣмъ не то, что былъ вчера: вчера онъ былъ кутила, а теперь, — теперь онъ и наблюдатель, и острякъ, и отчасти жолчный человѣкъ, однимъ словомъ, *Ѳедотъ, да не тотъ.* Фамусовъ, почтенный Фамусовъ, тоже измѣнился, — ну, да ему и есть отчего. Прежде онъ толковалъ о повышеніяхъ, да о мѣстахъ, заглядывалъ лишь въ «Мѣсяцословъ», да въ «Адресъ-календарь», да, можетъ-быть, иногда, отъ-скуки, въ какой-нибудь романъ, чтобы заснуть покрѣпче; а теперь Фамусовъ хочетъ трактовать о литературѣ, о журналахъ, о субъектахъ и объектахъ, о реаль-

номъ, индивидуальномъ и проч... Бѣдный Фамусовъ! Какъ его перевернуло! вотъ что значитъ несчастіе!

Во всей комедіи уже не тотъ духъ, не тѣ взгляды на вещи; есть и сплетни, но сплетни сороковахъ годовъ

Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе комедіи. — Утро. Фамусовъ взбѣшонъ; онъ не спалъ всю ночь: стыдъ и досада не даютъ ему покоя; онъ призываетъ швейцара, допрашиваетъ его, пьетъ кофе и сердится. Швейцаръ выдаетъ Молчалина; Фамусовъ спачала не вѣритъ, потомъ разражается всѣмъ справедливымъ своимъ гнѣвомъ на попавшагося Молчалина. Молчалинъ падаетъ на колѣни и слезно молитъ не выгонять его изъ службы до-тѣхъ-поръ, пока онъ не найдетъ себѣ мѣстечка. Фамусовъ наконецъ соглашается, взявъ съ него слово молчать о прошедшемъ. Фамусовъ посылаетъ за Софьею Павловною: довольно-скандалёзный допросъ.. Батюшка совѣтуетъ дочкѣ выдти поскорѣе за-мужъ и представляетъ трехъ кандидатовъ — Репетилова, Скалозуба и Загорѣцкаго... Всѣмъ отказъ... Софья Павловнастрастноюбитъ Чацкаго!!.. Какова ночь!.. Да въ эту ночь случилось столько превращеній, сколько не бываетъ и въ волшебныхъ операхъ!.. Дочь уходитъ. Является Репетиловъ, потомъ Хлестова; сплетни; является Загорѣцкій, — еще сплетни. Хлестова идетъ навѣстить Софью Павловну; остаются Репетиловъ и Загорѣцкій. Дѣла ихъ очень-плохи: они оба ищутъ руки Софьи Павловны и чтобы не перебивать другъ у друга дороги, открываются во всемъ другъ другу — странная откровенность! — и бросаютъ жребій! Софья Павловна достается Загорѣцкому, — тотъ въ восторгѣ, но не на долго, потому-что Молчалинъ открываетъ имъ, что въ то самое время, когда они бросили жребій, рука Софьи Павловны была уже обѣщана Скалозубу... Входитъ Фамусовъ; рекомендуетъ молодыхъ. Софья Павловна читаетъ какой-то сантиментальный монологъ касательно Александра Андреевича и — конецъ!...

Теперь, когда мы разсказали, въ чомъ дѣло, читатель самъ можетъ судить, какова піеса; мы съ своей стороны прибавимъ только, что стихи вообще хороши, и есть нѣсколько замѣчаній, нелишонныхъ остроты и наблюдательности. И если-бы авторъ такими стихами написалъ комедію, неотносящуюся къ «Горе отъ ума», мы ему сказали бы наше русское спасибо.

— Въ половинѣ апрѣля мѣсяца на сценѣ появился снова П. С. Мочаловъ; есть надежда, что съ этимъ атлетомъ нашей труппы снова оживетъ драма. Первая имъ сыгранная роль была Мейнау въ комедіи «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Эта роль — истинное торжество какъ для артиста, такъ и для его поклонниковъ! И въ самомъ-дѣлѣ, онъ великъ въ этой роли! Сколько души! сколько простоты и силы, сколько искусства!. Здѣсь онъ художникъ въ полномъ смыслѣ, и художникъ великій.... Что не поймутъ московскіе критики, а Мочаловъ все-таки одно изъ замѣчательнѣйшихъ сценическихъ явленій!... И какое глубокое впечатлѣніе произвелъ онъ!.. все, что

могло сочувствовать прекрасному, было тронуто до слезъ... Такія минуты бываютъ нечасты: когда придутъ онѣ, это неизвѣстно самому артисту; онѣ приходятъ и уходятъ мгновенно, но въ эти минуты Мочаловъ весь вдохновеніе. И какъ бы ни желалъ, какъ-бы ни старался порицать его, за эти минуты миришься съ нимъ невольно...

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Александринскій театръ.

Было время, и не такъ давно, когда люди вѣровали въ изящную литературу, видѣли въ литераторахъ жрецовъ искусства, присвоивали литературѣ право и способность дѣйствовать на нравственное развитіе, на совершенствованіе человѣка; вѣровали тогда и въ театръ, считали его открытымъ для массъ храмомъ искусства, могучимъ дѣятелемъ въ образованіи моральныхъ стихій общества; — было это время, и прошло, и существованіе его осталось только въ преданіи. Свѣжо еще это преданіе для насъ, и вѣрится въ него безъ труда; но все-жъ оно преданіе, дитя прошедшаго; кто теперь вѣруетъ въ современную литературу, въ современный театръ, какъ во что нибудь бо́льшее, чѣмъ средства убить нѣсколько часовъ досуга отъ заботъ и хлопотъ матеріяльной жизни, такъ-называемой положительности? Зачѣмъ и какъ и почему литература изъ искусства превратилась въ ремесло—вопроса мы рѣшать не станемъ, по-крайней-мѣрѣ покамѣсть; но что превращеніе это свершилось, на долго-ли, на коротко-ли, что театръ, какъ живой и осязательный представитель и обобщитель литературнаго, слѣдовательно, нравственнаго движенія общества для массъ, сдѣлался нынче пустымъ средствомъ пустаго разсѣянія — это факты, въ которыхъ убѣждена вся болѣе или менѣе мыслящая часть образованнаго міра, и о которыхъ то̀ и дѣло раздаются горькія жалобы русскихъ журналистовъ.... Промолчимъ все, что̀ можно-бы при этой оказіи наговорить дѣльнаго и недѣльнаго, понятнаго и непонятнаго, о нынѣшнемъ положеніи литературы въ Европѣ вообще, и у насъ въ особенности; вдадимся только въ нѣкоторыя замѣчанія о современной сценѣ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ въ новой исторіи образованность, слѣдственно и наслажденіе изящнымъ, перестали быть достояніемъ исключительнаго круга, привиллегированнаго класса общества; съ того не отдаленнаго періода, когда утвердилась законность мысли о равныхъ правахъ на развитіе, на образованіе, для самыхъ высшихъ и для самыхъ низшихъ сословій, — драматургія необходимо начала идти нѣсколько позади прочихъ отраслей литературнаго искусства. Говоримъ: необходимо, ибо драматическая отрасль искусства имѣетъ въ виду равное наслажденіе зрителей, больше и меньше развитыхъ нравственно; а, чтобъ наслаждаться предметомъ, надо прежде всего ясно понимать предметъ. Здѣсь источникъ и здѣсь срокъ рас-

паденія почти всякой европейской сцены на нѣсколько сценъ, то есть, на нѣсколько степеней въ отношеніи къ искусству. такъ въ Парижѣ не во всѣхъ его театрахъ зрителемъ и судьею бываетъ одна и таже публика; такъ точно въ Лондонѣ. Тамъ, гдѣ, по внѣшнимъ причинамъ. распаденія сцены на степени быть не могло, напримѣръ, отчасти въ Германіи, совершенно у насъ въ Россіи,—тамъ извѣстная часть публики вовсе покинула національную сцену, и перенесла свое вниманіе къ чужеземной. Для того, чтобъ быть ближе къ дѣлу, назовемъ по именамъ наши петербургскія сцены, михайловскую и александринскую. Отъ насъ и не отъ насъ читатели много слыхали о различіи публики для той и другой сцены; вдоволь наслушались общихъ и неопредѣленныхъ похвалъ одной, столько-жъ общихъ и неопредѣленныхъ порицаній другой. и, вѣрно, давно уже находятъ и эти похвалы и эти порицанія до-крайности приторными и скучными, какъ должно казаться все монотонное и безхарактерное. Но не въ томъ дѣло. Главное то, что у насъ двѣ сцены и двѣ публики: одна публика для національнаго, какимъ богата и рада наша національность; другая публика для иноземнаго, какое бываетъ на лицо у чужихъ литературъ, преимущественно-жъ французской, стоящей во-главѣ прочихъ современныхъ литературъ. Отсутствіе почти всякаго живаго и непосредственно-истиннаго содержанія въ нынѣшней литературѣ вообще (по-крайней-мѣрѣ въ литературѣ, нынѣ властвующей, сильной въ настоящемъ) естественно отзывается на современной французской драматургіи, которой плоды, впрочемъ не самые вкусные и сочные, занимаютъ у насъ сцену Михайловскаго театра. Сугубое отсутствіе содержанія въ нашей литературѣ, то-есть, содержанія, которое-бы имѣло прямой, разумно-нравственный смыслъ, и содержанія, которое имѣло-бы свои корни въ обществѣ, какъ имѣетъ ихъ содержаніе западныхъ литературъ, — должно самымъ утѣшительнымъ образомъ отзываться на произведеніяхъ нашего драматическаго генія, для выставки которыхъ употребляется сцена Александринскаго театра.

Но все, что̀ *есть*, бываетъ на свѣтѣ та̀къ, ка̀къ должно до времени быть и какъ иначе быть не можетъ; и потому, воздерживаясь отъ какихъ-либо сѣтованій на то, что̀ есть, будемъ разсматривать его покорно и спокойно, стараясь видѣть одну свѣтлую сторону, и упоминая о темной въ такомъ лишь случаѣ, когда эта темность происходитъ отъ случайныхъ и внѣшнихъ причинъ, которыя миновать можно-бы безъ труда.

II

Открытіе театровъ послѣ долгаго поста православныхъ и театраловъ, натурально, есть одинъ изъ благопріятнѣйшихъ сроковъ для появленія драматическихъ новостей. Въ прошедшей книжкѣ «Репертуара и Пантеона» мы успѣли упомянуть только о новой драмѣ П. В. Кукольника, которая и была, разумѣется, важнѣйшей между новостями нынѣшней весны. Замѣ-

чательнѣе другихъ новинокъ есть очень-старая новость, а именно:

Модная лавка, оригинальная комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *И. А. Крылова.*

Безъ сомнѣнія, мысль возобновить умную комедію дѣдушки-Крылова принадлежитъ заботливости театральной дирекціи, и безъ сомнѣнія, всѣ зрители съ нѣкоторымъ смысломъ и вкусомъ отъ души благодарили дирекцію за эту мысль. Едва не четыре десятка лѣтъ прошло съ той поры, когда написана комедія, и она теперь еще слушается съ истиннымъ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ неравненно выше того, къ какому привыкли мы на александринской сценѣ. Вотъ что̀ значитъ неподдѣльный умъ и непосредственная истина содержанія! Всякій, кого только интересовала и интересуетъ русская литература, хорошо, конечно, знаетъ сюжетъ «Модной лавки.» Написанная сорокъ лѣтъ назадъ, комедія свято блюдетъ классическія три единства, но это соблюденіе присяжныхъ единствъ нимало ее не стѣсняетъ; — отзывается нѣсколько книжнымъ языкомъ, и это единственный недостатокъ, въ которомъ можно ее упрекнуть, если только можно упрекать піесу за общій недостатокъ ея времени. Да! возобновленная старая комедія слушается, т. е. могла-бы и должна-бы слушаться съ большимъ удовольствіемъ, если бъ только гг. артисты, исполняющіе піесу, были, такъ-сказать, породственнѣе съ преданіями русскаго общества, короче-бы знали и лучше-бъ разумѣли духъ прошлыхъ эпохъ нашей общественной жизни. На московской сценѣ комедія Крылова, мы увѣрены, пойдетъ поудачнѣе, ибо слѣды прошедшаго вообще гораздо-ярче сохранились въ Бѣлокаменной, и лица піесы еще имѣютъ въ ней тамъ и сямъ фактическое существованіе, а, слѣдовательно, тамошнимъ артистамъ легче понять типическія черты своихъ ролей. Такъ въ «Модной лавкѣ» именно отъ этого недостатка исполненія, пропадаетъ нѣсколько превосходныхъ, мастерскихъ чертъ комической кисти дѣдушки-Крылова. Артисты дѣлаютъ, конечно, свое возможное, стараясь, какъ умѣютъ, входить въ роли; но тутъ-то и кстати имъ напомнить, что для сценическаго артиста еще мало имѣть талантъ, мало умѣть создать роль по собственному разумѣнію, — нужно изученіе исторіи и общества разныхъ эпохъ, нужна этюда, безъ которой невозможно быть хорошимъ артистомъ. Очень часто, какъ тутъ и было, одно слово, невѣрно оттѣненное произношеніемъ, одна фраза, неотличенная изъ ряда другихъ, а между-тѣмъ заключающая цѣлую художественную черту характера, лишаютъ игру актера значительной доли достоинства. Не-смотря однако на справедливость сказаннаго замѣчанія, комедія, надо сознаться, шла еще довольно-хорошо въ сравненіи съ другими піесами, къ искренней нашей радости. Г-жа Гусева, игравшая роль Сумбуровой, была именно въ *своей* роли; г-нъ Григорьевъ 1-й больше чѣмъ недурно выполнилъ роль Сумбурова; г-нъ Мартыновъ былъ-бы неподражаемъ въ роли лакея Антропки, если-бъ костюмъ его лучше соот-

вѣтствовалъ костюмамъ прочихъ лицъ, или, точнѣе, если-бъ костюмы прочихъ лицъ лучше соотвѣтствовали его костюму; даже г-жа Шелихова 1-я очень-порядочно выполнила свою небольшую роль Мадамъ Карѐ, содержательницы моднаго магазина; даже г-нъ Самойловъ былъ на своемъ мѣстѣ, т. е. въ роли афериста Тришѐ, нещадно коверкающаго русскій языкъ; даже не за что бы осудить игру г-на Максимова въ роли гусарскаго офицера Лестова, влюбленнаго въ дочь Сумбуровыхъ, еслибъ манеры его тутъ не слишкомъ походили на его манеры во всѣхъ другихъ роляхъ, — недостатокъ, который вполнѣ относится также къ г-жамъ Самойловымъ, изъ которыхъ здѣсь играла только 1 я, роль Аннушки. Впрочемъ, публика ихъ сцены находитъ, какъ видно, столько наслажденія въ этихъ манерахъ, что, можетъ-быть, постоянство на этотъ счотъ артистовъ происходитъ изъ угожденія публикѣ. Какъ-бы то ни было, а мы-бы думали, что публика публикою, а искусство искусствомъ, особливо въ тѣхъ рѣдкихъ піесахъ теперешняго репертуара, гдѣ артисты мало-мальски съ талантомъ могутъ добросовѣстно заняться ролью; а комедія Крылова именно изъ числа такихъ піесъ.—

Возвращаясь къ піесѣ, порадуемся еще разъ удачному ея выбору для возобновленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ выскажемъ мнѣніе на-счотъ возобновленія піесъ стараго репертуара. Опытъ съ «Модною лавкою» увѣряетъ, что многое старое можетъ быть оживлено съ успѣхомъ, и будетъ очень непзлишнимъ при пустотѣ и мелочности мнимо-крупныхъ и мнимо-новыхъ драгоцѣнностей современнаго репертуара. Почему-бъ не возобновить напр. также комедій. Загоскина «Богатоновъ» или Хмѣльницкаго «Хвастуны» или чего-нибудь другаго порядочнаго, что хоть въ небольшомъ числѣ отыщется между покинутымъ добромъ? Такія возобновленія, ручаемся, больше-бъ заслужили признательности, нежели напримѣръ возобновленіе какого-нибудь «Пятнадцатилѣтняго короля», піесы вздорной сама по себѣ, и ни къ чему негодной на теперешней сценѣ, послѣ смерти Асенковой, которая въ неважной роли короля-мальчика одна могла придать комедіи какой-нибудь мимолетный интересъ.—Второю новостью была также не совсѣмъ новая новость. Это

2) Прихоть кокетки, оригинальная комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Соч. *Д. Бруннера.*

Называемъ *оригинальную комедію* не совсѣмъ новою по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, она ни однимъ угломъ не выдается изъ-подъ уровня той вереницы оригинальныхъ и неоригинальныхъ драмъ, которая снабжаетъ нынѣшнюю русскую публику такими сильными пріемами эстетическаго восторга, и не объясни напередъ аффиша, что это комедія «оригинальная» и что «представлена будетъ въ первый разъ,» никто-бъ и не замѣтилъ за ней достоинства новости, кромѣ записныхъ посѣтителей театра, знающихъ на-перечотъ и наизустъ весь его репертуаръ и особенно всѣ роли въ этомъ репертуарѣ. Другая причина та, что піеса напечатана около трехъ лѣтъ

назадъ въ недоданномъ изданіи, вошедшемъ нынѣ въ составъ нашего, именно въ «Пантеонѣ» редакціи г. Кони. Если книжка, гдѣ помѣщена оригинальная комедія, принадлежитъ къ числу три года обѣщаемыхъ книжекъ и по-сю-пору непущенныхъ въ книжную торговлю, то ужъ виновата не піеса: грѣхъ ея новости долженъ всею тяжестью лечь на прежнихъ издателей. Насъ, видѣвшихъ піесу въ печати, поразило пуще всего одно обстоятельство: неужели г-нъ Бруннеръ, по печатнымъ рекомендаціямъ самого г-на Кони, у котораго онъ былъ сотрудникомъ, человѣкъ еще молодой, такъ мало въ три года прошолъ того пути, который обыкновенно дѣлаетъ насъ такъ мало-довольными нашимъ прошедшимъ? По крайней-мѣрѣ, намъ кажется, что иначе онъ не отдалъ-бы своей піесы на сцену Илеей піеса г-на Бруннера (въ ней есть даже *идея*!) обязана какой-то изъ французскихъ повѣстей прошлыхъ лѣтъ. Эта идея, довольно изношенная, и потому трудная для «оригинальнаго» развитія въ драмѣ или повѣсти, есть молодая женщина, которая изъ кокетства *влюбляетъ въ себя* мужчину, и между-тѣмъ, кокетничая съ нимъ, сама непримѣтно въ него влюбляется. Въ качествѣ читателя русскихъ журналовъ, слѣд. читателя всевозможныхъ французскихъ повѣстей и разсказовъ, вы, вѣрно, не разъ читали повѣсти на эту тему, о благосклонный нашъ читатель! Чтобы комедія вышла «оригинальною», русскому ея автору необходимо было дать дѣйствующимъ лицамъ русскія имена и перенести дѣйствіе въ подмосковную деревню. Деревня эта принадлежитъ *графинѣ* Можайской, роль которой въ піесѣ играетъ г-жа Дюръ. Въ деревнѣ хозяйки гостятъ: *княгиня* Томилова, молодая вдова, и двѣ дѣвушки, «институтскія подруги княгини и *племянницы генеральши* Сухановой», слѣд. также изъ круга, близкаго къ графинямъ и княгинямъ. *Княгиню* нельзя, разумѣется, было играть никому, кромѣ г-жи Самойловой 2-й: а остальныя двѣ женскія роли необходимо занялись г жами Самойловой 1-й и Куликовою 2 й. Мужскихъ ролей въ піесѣ двѣ: *графъ* Кудринъ, левъ среднихъ лѣтъ, котораго роль досталась г-ну Сосницкому, и Янохтовъ, экземпляръ онѣгинскаго Ленскаго, подновленный прилично времени и обстоятельствамъ кистью г-на Бруннера.— его игралъ, натурально, г-нъ Максимовъ 1-й. Такимъ образомъ, всѣ любимцы и избранники нашей публики были въ піесѣ на-лицо. Если прибавите къ этому заманчивость слова «оригинальная комедія» на аффишѣ, и громкія фразы, безъ особенно-далекаго смысла, на сценѣ, то, конечно, вы сами знаете, что піеса очень понравилась, что она вошла въ составъ репертуара, что ея громкимъ фразамъ еще громче хлопали, что артисты были вызваны не разъ, словомъ, всѣ тѣ явленія эстетическаго вкуса публики, которыя съ замѣчательнымъ постоянствомъ повторяются при каждой, больше или меньше новой піесѣ. Раздача ролей и игра артистовъ какъ нельзя лучше совпадали съ достоинствами комедіи: нужна была красавица-кокетка, которая-бы хоть подъ-конецъ піесы отъ души сан-

тиментальничала — рольотдана г-жѣ Самойловой 2-й; надобился худощавый и блѣдный мечтатель, который-бы довольно монотонно декламировалъ довольно общія мѣста — его, Янохтова, игралъ г-нъ Максимовъ, и т. д. Чтобъ наши актрисы больше походили на свои роли, а также, чтобы подмосковная деревня имѣла больше вида сантиментальной деревни - таково ужъ требованіе вкуса публики — артисткамъ дали въ руки по цвѣтку, съ которыми они и носились почти во все продолженіе комедіи. Не совсѣмъ счастливымъ показалось намъ размѣщеніе ролей отъ чистослучайнаго обстоятельства: артисткамъ какъ-то довелось часто стоять рядомъ на сценѣ, и взаимный ростъ ихъ дѣлалъ этотъ рядъ какъ-то похожимъ на лѣстницу, у который верхнею ступенькою была голова г-жи Дюръ, а нижнею таковая-же г-жи Куликовой. Разстановиться иначе, какъ такими уступами, не позволялъ, видно, смыслъ піесы. Впрочемъ, обстоятельство очень неважное при прочихъ достоинствахъ піесы и ролей. Во всякомъ случаѣ, русскій репертуаръ слѣдуетъ поздравить съ новымъ пріобрѣтеніемъ.

3) Утро послѣ бала Фамусова или все старые знакомцы. *Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.* Соч. В.

Г-нъ В. не нашолъ ничего благоразумнѣе, какъ придѣлать къ комедіи Грибоѣдова хвостъ. У всякаго барона своя фантазія; почему жъ и г-ну В. не находить, что «Горе отъ ума» нужлалось въ хвостѣ? Подобно всѣмъ хвостамъ на свѣтѣ, *комедія-шутка* г на В. folie-comédie или folie de comédie, не принадлежитъ къ самымъ благовоспитаннымъ и опрятнымъ отраслямъ комическаго тѣла. Представляя «Утро послѣ бала Фамусова», піеса дается непосредственно послѣ «Горя ума.» Содержаніе «комедіи-шутки» въ томъ, что нѣсколько изъ вчерашнихъ гостей Фамусова, услышавъ будто бы разнесшіяся въ одну ночь по Москвѣ слухи и толки о домѣ Фамусова, съѣзжаются къ нему для дружескаго участія и своей страсти къ сплетнямъ. Загорѣцкій и Репетиловъ сбираются посвататься на Софьѣ Павловнѣ — ужъ изъ этого видно, какъ отчотливо понялъ г-нъ В. характеры Загорѣцкаго и Репетилова — а Софья Павловна междутѣмъ, горько разочарованная въ Молчалинѣ и влюбленная въ Чацкаго, по образцу героинь новѣйшей французской школы, выходитъ за Скалозуба, чтобы этимъ принести нѣчто въ родѣ очистительной жертвы. Комизмъ піесы, фактура стиховъ и до фарса утрированные московскіе нравы, съ придачею сантиментальности, какъ-то невольно напоминаютъ одно комическое произведеніе, называемое «Владиміръ Вонскій» и напечатанное въ Москвѣ въ 1837 году. Въ заключеніе прибавимъ, что вообще лица въ *шуткѣ* г-на В. потеряли всякіе слѣды Грибоѣдовскихъ лицъ, и, не смотря на петербургскую игру «Горя отъ ума», вы все таки чувствуете бездну, какая раздѣляетъ талантъ покойнаго Грибоѣдова съ талантомъ *шуточнаго-комика*, г-на В. Что до публики, ей піеса очень понравилась: вызовамъ и хлопанью не было мѣры.

Къ-сожалѣнію, наша «лѣтопись»

теперешней книжки не можетъ включить «Эспаньолетто, или отца и художника, оригинальной драмы въ пяти дѣйствіяхъ,» которую уже съ мѣсяцъ Александринскій театръ обѣщаетъ представить «въ непродолжительномъ времени.» Вѣроятно, это удовольствіе ждетъ насъ и читателей въ ближайшемъ нумерѣ «Репертуара и Пантеона».

Михайловскій театръ.

Касательно нашей французской сцены, о которой мы прежде рѣдко что-нибудь говорили, «Репертуаръ и Пантеонъ» имѣетъ особенные виды и надѣется осуществать эти виды не позже, какъ въ слѣдующей своей книжкѣ. Успѣшно-ли будетъ исполненіе и вообще понравится ли наше небольшое нововведеніе, о томъ будутъ судить сами читатели. А до тѣхъ-поръ мы въ короткихъ словахъ поздравимъ Михайловскую сцену съ пріобрѣтеніемъ весьма замѣчательнаго таланта, бывшей актрисы парижскаго Водевильнаго театра, M-lle Page. Послѣ нашей M-me Allan, новая артистка по таланту должна занять первое мѣсто въ петербургской французской труппѣ. У нея есть свое полное и законное амплуа, основанное не на переодѣваньяхъ, не на миленькихъ фарсахъ, не на отсутствіи лучшаго, а имѣющее разумную, художественную истину. До-сихъ-поръ ея главными дебютами были роли въ піесахъ: «Extase», «Paris bloqué», и «Loïsa». Содержаніе этихъ піесъ читателямъ давно извѣстно по нашей «хроникѣ парижскихъ театровъ». Особенно въ послѣдней піесѣ, артистка хороша, какъ нельзя лучше желать. Мимо прекрасной наружности и женской граціи, въ ней ярко высказывается душа. Положимъ, роли ея дебютовъ не принадлежатъ къ самымъ глубокимъ, но все-жъ онѣ имѣютъ разумную истину, да и на сценѣ здѣшней не бываетъ піесъ съ ролями очень глубокими, въ настоящее время рѣдкими, весьма рѣдкими и въ Парижѣ. Во всѣхъ отношеніяхъ, M-lle Page дорогое пріобрѣтеніе для Михайловской труппы. Публика наша, черезъчуръ постоянная на благосклонности, встрѣтила дебютантку сначала не съ такимъ одобреніемъ, какъ она заслуживала; но по слѣдующимъ дебютамъ мы увѣрены, что M-lle Пажъ будетъ оцѣняема все болѣе и болѣе по достоинству.

Кромѣ названныхъ нами піесъ, гдѣ дебютировала новая артистка, между піесами, вновь-данными на Михайловскомъ театрѣ, съ истиннымъ удовольствіемъ назовемъ драму даровитаго Ипполита Оже, теперешняго петербургскаго гости, «Marcele ou l'intérieur d'un ménage». Содержаніе драмы, исполненное мысли, читатели знаютъ по хроникѣ парижскихъ театровъ. M-me Allan въ драмѣ неподражаемо-хороша.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Листъ произвелъ въ Парижѣ такой восторгъ, какого, можетъ-быть, никто и никогда изъ артистовъ не производилъ въ Парижѣ. Парижане не могутъ надивиться

великому артисту, его геніальной игрѣ, его чудному, благородному сердцу. Листъ участвовалъ въ концертѣ Берліоза и доставилъ ему сбора—12,000 франковъ. Въ этомъ концертѣ разыграна была цѣлымъ оркестромъ новая симфонія самого Берліоза; лишь только симфонія эта кончилась, Листъ сѣлъ за фортепіано – и повторилъ ее всю, отъ начала до конца. Это было какое-то чудное эхо, которое произвело глубокое впечатлѣніе на слушателей.

— Рашель купила себѣ прекрасный загородный домъ въ Парижѣ, который и назвала *Ma Santé* (мое здоровье). — Кстати: здоровье ея поправилось, и въ концѣ прошедшаго мѣсяца она должна была явиться на сцену въ новой роли, и въ новой піесѣ.

— На театрѣ Одеонъ (Second Théatre Français) недавно давали «Антигону» Софокла, переведенную чрезвычайно вѣрно и близко г-ми Мёрисъ и Вакри (Meurice et Vaquerie). Хоры къ этой трагедіи сочинены Мендельсономъ Бартольди. Разыграна была она съ сохраненіемъ всѣхъ преданій аѳинскаго театра, т. е. такъ, какъ играли трагедіи въ Греціи въ древнія времена. Піеса имѣла успѣхъ удивительный. Роль Креона занималъ Бокажъ, роль Антигоны—наша старая знакомка, г-жа Бурбье Всѣ парижскіе фельетонисты въ одно слово отдаютъ ей справедливость. Въ слѣдующей книжкѣ «Репертуара и Пантеона» мы поговоримъ объ «Антигонѣ» поподробнѣе: это явленіе любопытное и замѣчательное въ современной исторіи театра.

— Парижане не пропустятъ ни одного случая, ни важнаго, ни смѣшнаго, чтобы не найдти въ немъ сюжетъ для водевиля, и не написать pièce d'occasion (піесы кстати, къ случаю). Теперь всеобщее вниманіе публики устремлено на выставку промышленности, и вотъ по этому случаю является водевиль . Dagobert á l'exposition (Дагоберъ на выставкѣ), забавный фарсъ, котораго нельзя пересказать содержаніе, потому-что оно все вертится на мѣстныхъ особенностяхъ и случайностяхъ: другой подобный водевиль-обозрѣніе (vaudeville-rèvue) написанъ Поль-де-Кокомъ и Генѣ, и называется «L'industrie aux Champs-Elysées (Промышленность на Елисейскихъ-поляхъ). Дѣйствующими лицами въ этомъ водевилѣ являются г-жа *Промышленость*, *Пуффъ* (не петербургскій), *Аффиша*, *Полька*, *Парижскія-таймы* и пр. и пр.

— Въ Парижѣ всякая піеса, имѣвшая огромный успѣхъ на одномъ театрѣ, непремѣнно породитъ подражанія на другихъ. Подражанія эти простираются даже до самаго названія піесы. Такъ извѣстный Gamin de Paris недавно произвелъ на свѣтъ Gamin de Faubourg. Содержаніе новаго *гамена* въ томъ-же родѣ. Водевиль имѣлъ успѣхъ: его поддержали *парижскіе-гамены*.

—Королевскій театръ въ Манчестерѣ сдѣлался добычею пламени. Пожаръ, начавшійся въ 6 часовъ утра, менѣе нежели въ часъ превратилъ его совершенно въ пепелъ, не-смотря ни на какія усилія пожарныхъ командъ, и не-смотря даже на знаменитую огромную пожарную трубу, называемую Ніагарою. Успѣли спасти только нѣ-

которую часть костюмовъ. Зданіе было застраховано въ 4000 ф. стер. Въ самое тоже время, какъ горѣлъ этотъ театръ, едва не загорѣлся было также и королевскій театръ въ Ливерпулѣ Во-время спектакля загорѣлось нѣсколько декорацій; испуганная публика бросилась вонъ изъ театра; по-счастію огонь успѣли потушить и дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій никакихъ не было.

— Недавно въ Парижѣ продавалась огромная коллекція автографовъ, извлеченныхъ изъ кабинета Г. Л. — Между ними находились автографы: всѣхъ королей французскихъ, начиная съ 1380 года, Карла V-го, Карла 1-го, Кесаря Борджіа, Эммануэля — Филиберта Савойскаго, Колиньи, Лобардемона, Екатерины II, Христины, Нинопы де-Ланкло, М-ше де Сомбрёль, Льва X, Сенъ-Венсана де-Поля, Миньяра, Рубенса, Карье, Дантона, Робеспьера и др. Между прочими, какъ особенно замѣчательные, показывались письма Діаны де-Поатье къ Герцогинѣ де Сенъ-Поль на счотъ бракосочетанія герцога Ангьенскаго и, *Квитанція Мольера*, данная имъ главному казначею придворныхъ увеселеній (Menus-Plaisirs) въ полученій 144 ливровъ, на содержаніе его самого и 11 актеровъ, по случаю представленія *Скупаго* и *Тартюфа*. *Шесть ливровъ* на дневное содержаніе величайшаго комическаго писателя и актера въ мірѣ! Что-бъ сказали нынѣшніе знаменитые пѣвцы, пѣвицы и танцовщицы?!... Управленіе королевской парижской библіотеки возстало противъ продажи этой квитанціи, на томъ основаніи, что эта росписка Мольера принадлежитъ къ разряду манускриптовъ. Квитанція находится въ судѣ—неизвѣстно еще, чѣмъ это дѣло кончится.

— Носятся слухи въ Парижѣ, что г. Ансло намѣренъ оставить управленіе театра Vaudeville. Управленіе г. Ансло было весьма-полезно этому театру, который онъ привелъ въ цвѣтущее состояніе; несмотря на то, нѣкоторые французскіе журналы, между-прочимъ къ худшему преобразовавшійся «Révue de Paris», осыпаютъ г. Ансло оскорбленіями всякаго рода и даже не стыдятся нападать на умную, талантливую женщину—г-жу Ансло самымъ унизительнымъ (для журналистовъ) образомъ.

— Прусскій Король прислалъ Берліозу богатую золотую табакерку, украшенную отличною рѣзьбою. и въ ней большую золотую медаль искусствъ и наукъ при слѣдующемъ письмѣ:

«Государь мой! я съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ изданное вами сочиненіе объ инструметовкѣ. Я слишкомъ интересуюсь музыкою, что-бы не обрадоваться полученію труда, который, безъ всякаго сомнѣнія, много будетъ способствовать успѣхамъ искусства, воздѣлываемаго вами съ такимъ усердіемъ и пользою. Итакъ, благодаря васъ за оказанное вами мнѣ вниманіе посвященіемъ этого творенія, я, въ знакъ благоволенія моего, посылаю вамъ золотую табакерку и большую медаль, назначенную въ награду за услуги, оказанныя наукамъ и искуствамъ.

Фридрихъ Вильгельмъ».

Берлинъ. 23 марта 1844.

— Изъ Дрездена пишутъ: Любимая наша артистка Каролина Бауеръ выходитъ за мужъ за одного Силезскаго ландрата. Богъ знаетъ, скоро-ли мы замѣнимъ эту потерю!

— Въ Прагѣ умеръ Степанекъ, бывшій директоръ (съ 1824 по 1834 годъ,) тамошняго нѣмецкаго театра. Его можно назвать собственно основателемъ новѣйшаго Богемскаго театра. Конечно, онъ давалъ только одни переводы на богемскій языкъ, но все-таки старанія его заслуживаютъ справедливой похвалы. Онъ родился въ въ 1783 году.

— Англійская сцена подвержена одному и тому-же несчастію съ русскою, а именно—наводненію переводовъ съ французскаго. Въ Парижѣ для Англіи существуетъ цѣлая фабрика переводовъ. Сколько времени въ Англіи не появляется ничего замѣчательнаго въ драматической литературѣ! Британія владычествуетъ вездѣ, и на землѣ и на морѣ—но только не на своей сценѣ.

— Изъ Вѣны пишутъ: Знаменитая пѣвица m-lle Женни Лутцеръ, ангажированная теперь къ театру у Каринтійскихъ Воротъ, выходитъ за мужъ за Карла Дингельштадта, молодаго и замѣчательнаго поэта, вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежащаго къ одной изъ первыхъ придворныхъ фамилій. Въ самый день ихъ свадьбы, Императоръ пожаловалъ Дингельштадта въ надворные совѣтники, званіе, дающее право на свободный входъ ко двору.

Новобрачная оставитъ театръ.

—

— Обѣщанное представленіе на Александранскомъ театрѣ оригинальной драмы «Эспаньйолетта или отецъ и художникъ», возвѣщенное аффишаею, отмѣнено по болѣзни В. А. Каратыгина. Впрочемъ почтенный артистъ нашъ, какъ мы слышали, уже близокъ къ выздоровленію.

— «Репертуаръ и Пантеонъ» въ нынѣшнемъ году такъ благосклонно принятъ публикою, что издателямъ его остается только благодарить почтенныхъ своихъ подписчиковъ, и заботиться на будущее время о всевозможномъ улучшеніи своего изданія. И мы въ этомъ отношеніи не пощадимъ ничего, чтобы оправдать лестное вниманіе къ намъ читателей нашихъ. Изъ *Сѣверной Пчелы* и *Полицейской Газеты* публика знаетъ о прибытіи въ Петербургъ французскихъ художниковъ и литографовъ для изданія лучшихъ картинъ Императорскаго Эрмитажа. Между этими артистами находится и извѣстный нашимъ читателямъ рисовальщикъ г. Викторъ Долле, который до сего времени изготовлялъ картинки для нашего изданія, въ Парижѣ. Необходимость заставила насъ, въ прошломъ году, прибѣгнуть, для нашихъ художественныхъ приложеній, къ пособію парижскихъ художниковъ, за недостаткомъ отечественныхъ; картинки изготовлялись прекрасно; но вскорѣ однакожъ мы увидали неудобство такого рода заглазныхъ сношеній съ иностранными художниками: мы должны были выбирать предметы для нашихъ приложеній иностранные, чуждые по интересу для большинства публики; не могли всегда выдавать нашихъ приложе-

ній ко-времени, кстати; должны были иногда полагаться на выборъ самого художника, который не могъ сообразоваться со вкусомъ и потребностями *нашей* публики, и пр. и пр.; теперь неудобства эти совершенно устранены: имѣя подъ-рукою превосходныхъ рисовальщиковъ, которые могутъ писать съ натуры, мы, на будущее время, надѣемся художественными приложеніями придать вдвое болѣе интересу нашему изданію, заимствуя ихъ изъ нашего современнаго быта, представляя читателямъ то, что наиболѣе ихъ интересуетъ — изящные портреты нашихъ петербургскихъ артистовъ, сцены изъ лучшихъ піесъ, даваемыхъ на нашихъ петербургскихъ театрахъ, каррикатуры изъ современной русской жизни, и пр., и пр. и пр. Мы уже вошли въ сношенія съ прибывшими къ намъ изъ Парижа художниками, и на первое время можемъ обѣщать читателямъ нашимъ превосходно-сдѣланные портреты, во весь ростъ, артистокъ и артистовъ нашей французской труппы—г-жи *Аллань*, г-жи *Пажъ* и г-на *Брессана*, и русской *В. А. Каратыгина* и г. *Мартынова*. О дальнѣйшемъ извѣстимъ въ свое время.

— Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ парижской актриссы (съ Théâtre-Français) Плесси, замѣнившей отчасти знаменитую г-жу Марсъ. Въ слѣдующей книжкѣ мы напечатаемъ біографію этой замѣчательной артистки.

—

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ РЕДАКЦІИ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА.

Мы съ удовольствіемъ и благодарностію печатаемъ въ изданіи нашемъ статьи о провинціальныхъ театрахъ, надѣясь принести ими пользу самимъ театрамъ этимъ и удовольствіе нашимъ провинціальнымъ читателямъ; охотно печатаемъ такого рода статьи даже и въ такомъ случаѣ, если онѣ противорѣчатъ одна другой, ибо наше дѣло сторона и отвѣчать за мнѣнія нашихъ провинціальныхъ корреспондентовъ, мы не обязаны, а между тѣмъ — du choc des opinions jaillit la vérité; не печатаемъ мы статей о провинціальныхъ театрахъ только въ такомъ случаѣ, если онѣ написаны такъ, что ихъ никакимъ терпугомъ литературнымъ нельзя выгладить, или, другими словами, нѣтъ возможности понять и исправить, и еще болѣе воздерживаемся отъ помѣщенія такихъ статей, которыя по тону своему не согласуются съ принятыми нами, одинъ разъ навсегда, правилами, касательно образа бесѣды нашей съ уважаемыми читателями «Репертуара и Пантеона». Въ нашей *столичной* критикѣ (ради Бога, не сочтите слова за каламбуръ!) столько грязи, что мы не знаемъ, куда отъ нея дѣваться, а потому если къ намъ присылаютъ грязныя критико-полемическія статьи изъ провинцій, то мы, недочитывая ихъ до половины, бросаемъ въ огонь. Это все такъ, между дѣломъ. А

дѣло-то самое вотъ въ чомъ: въ Екатеринбургѣ недавно возникъ театръ, о чомъ мы, въ свое время, съ удовольствіемъ извѣстили нашихъ читателей; было прислано къ намъ нѣсколько статей — дѣльны-ли онѣ или нѣтъ, пристрастны или безпристрастны, объ этомъ судить мы не въ-состояніи; но мы, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, исполнили свою обязанность, помѣстили всѣ статьи, которыя были къ намъ доставлены. Представьте-жъ наше удивленіе, когда въ теченіе одной недѣли мы получили *четыре статьи* изъ Екатеринбурга, съ возраженіями на напечатанныя нами статьи, возраженіями, изъ которыхъ нѣкоторыя написаны такимъ тономъ, какого мы допустить въ нашемъ изданіи не можемъ — изъ уваженія къ читателямъ. Конечно, театръ въ Екатеринбургѣ — важное дѣло для Екатеринбурга, и полемическія схватки объ этомъ театрѣ имѣли-бы тамъ свой мѣстный интересъ и свою цѣну, но такъ-какъ «Репертуаръ и Пантеонъ» издается не для одного Екатеринбурга, а для всей Россіи, то мы не считаемъ себя въ-правѣ обременять вниманіи читателей его такими статьями, которыя вовсе не интересны для бо́льшей части изъ нихъ. Притомъ въ *трехъ* изъ присланныхъ статей г-да сочинители говорятъ, что имъ извѣстно, *кто* писалъ статьи о Екатеринбургскомъ театрѣ, напечатанныя въ нашемъ изданіи: чего-же лучше, милостивые государи? Запечатайте ваши возраженія въ пакетъ, да и отошлите ихъ на имя тѣхъ, къ кому они относиться могутъ. Тогда цѣль ваша будетъ вполнѣ достигнута!..

— Присланныя изъ Харькова замѣчанія на статью о Харьковскомъ театрѣ, помѣщенную во 2-й книжкѣ «Репертуара и Пантеона» этого года, не смотря на всю занимательность ихъ, не могутъ напечатаны быть, потому-что въ нихъ заключаются domestica facta харьковской критики, которыя не подлежатъ суду публики. Подъ этой статьей поставлено *три звѣздочки*.

Редакторъ *Межевичъ*.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТАГО ТОМА.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Философія и исторія музыки. Нѣсколько словъ о духовной музыкѣ. Статья *Жоржа Сртига* . . . . . 1.
II. Утро. Стихотвореніе *Н. С.* . . . . . 8.
III. Бояринъ Ѳедоръ Васильевичъ Бѣсенокъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе *Н. В. Кукольника*. . . . . 9.
IV. Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ!.. Стихотвореніе *Н. С.* . . . 73.
V. Два разсказа Семена Игнатьича. 1. *Иванъ Иванычъ Морошка*. 2. *Петръ Иванычъ Морошка* . . . . . 74.
VI. Пѣснь Испанца. . . . . 96.
VII. Матеріалы для Исторіи русскаго театра. Нѣсколько подробностей о Медоксѣ и о старинномъ московскомъ театрѣ . . . . . 98.
VIII. Искусство и художники. Дюпре́ . . . . . 119.
IX. Юмористика. Петербургскія маніи. . . . . 137.
X. Смѣсь. Нѣсколько словъ о дѣйствительности и идеалахъ (Разсужденіи отнюдь некритическое, *Петра Парф*...). — Ничто не ново подъ луною.—Новый Шекспиръ. Изъ записокъ путешественника.—Странный поклонникъ. — Письмо Ронкони.—Чему быть, тому не миновать. Разсказъ Поль-де-Кока. — M-lle Марсъ въ дезабилье.— Анекдоты и мелочи . . . . . 140.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. Иностранные театры.

I. Парижскіе театры. Corrado d'Altamura, лирическая драма, соч. *Риччи*. — Lady Henriette, балетъ соч. *Сенъ-Жоржа* и *Мазилье*. — Oreste et Pylade, ком. опера, *Скриба* и *Дюпенл*. — L'Agiotage, комедія *Пикара* и *Анпи*.—La famille Cochois, комедія *Лонпре*.—La réparation forcée, комедія. — Champmeslé, комедія Локà.— Pierre le millionaire, комедія г-жи *Ансло*. — Le voyage impossible вод. *Ксавье* и *Комберусса*.—Carlo et Carlin,

вол. *Дюмачоара* и *Мельвиля*. — La Behémienne de Paris, драма *Поль-де-Кока* и *Густава Лемонана*. — Les amans de Murcie, драма *Ф. Сулье*. — Les mystères de Passy, пародія *Рошфора* и *Дортоа*. . . . . 1.

II Вѣнскіе театры. Pasqual Bruno, опера. — Die Spielcameraden, водевиль *Кейзера*. — Ein Morgen, ein Mittag und ein Abend in Wien. . . . . 7.

2. Русскіе театры.

I. Провинціальные. (Екатеринбургскій театръ. *Contre-барана*. — Еще о Екатеринбургскомъ театрѣ. *В. Л.* — Кіевскій театръ, *И. Томиловскаго* . . . . . 21.

II. Обозрѣніе петербургскихъ концертовъ, съ 13-го февраля по 17-е марта 1844 г. (Общій взглядъ на концерты. — Рубини — Тамбурини. — Віардо-Гарціо. — Тадини и Ассандри. — Деранкуръ. — Шоберлехнеръ-Даллока. — Финкъ-Лоръ — Ронци де Беньи. — Шютцъ-Ольдози. — Моликъ. — Шлара Шуманъ-Викъ. — Концерты Филармоническаго общества. — Концерты любителей. — Концерты въ Импер. Спб. Университетѣ. — Пиццолато, Негри и Сетти. — Бёмъ — Кюнъ. — Кнехтъ. Карлъ Мейеръ. — Вольбрюкъ и Козлова. — Братья Рубинштейны. — Заключеніе. . . . . 23.

III. Разныя извѣстія. . . . . 42.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ парижскаго пѣвца дюпре (во весь ростъ), рисованный и литографированный въ Парижѣ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

I. Обозрѣніе русской драматической литературы. Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полеваго. . . . . 163.

II. *Какъ чистая дѣва*. Стихотвореніе *Н. С.* . . . . . 209.

III. Веселый вечеръ изъ жизни великаго государя, или четверо часовыхъ у одной будки. Драматическая шутка въ одномъ дѣйствіи. Перев. съ итальянскаго *П. Ободоскаго*. . . . . 210.

VI. Пѣсня. *М. Ястребова*. . . . . 226.

V. Философія и исторія музыки. Критическій взглядъ на музыку Россини. (Параллель между Россини и Вольеромъ). . . . . 227.

VI. A. Viardot-Garcia. Стихотвореніе *Г-.вз.* . . . . . 244.
VII. Пажи герцога Вандомскаго. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Перев. *Н. А. Коровкина.* . . . . . 247.
VIII. Соловей. Стихотвореніе *Н. С.* . . . . . 263.
IX. Поэтъ. Повѣсть. . . . . 264.
X. Сонъ. (Посвящ. У. Т. Г-й). Стихотвореніе *Виктора К-ка* . . . . . 354.
XI. Юмористика. О томъ, какъ Виссаріонъ Ивановичъ хотѣлъ сдѣлаться Рубини, а Мавра Петровна – Тальойни. . 355.
XII. Смѣсь. Черты изъ жизни Моцарта и послѣдніе дни. — Жанъ-Жакъ Руссо и г-жа Жанлистъ.—Анекдоты о Паганини.—Суфлёръ.—Вѣкъ плясовой музыки.—Ошибся. —Характеристика инструментовъ. — Плата тою-же монетою. – Клара Мецгеръ. —Добро отъ зла.—Выходка Каталани — Два въ одномъ. — Дешево пріобрѣтенная извѣстность.—Стефанъ Шнейдерль.—Музыкальный кассъ-тетъ.—Забавный поединокъ. — Анекдоты и мелочи. . 364.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. *Иностранные театры.*

I. Парижскіе театры. Le Lazzaroni ou le bien vient en dormant, опера г-дъ *Сенъ-Жоржа и Галеви.*—La Sirène, опера г-дъ *Скриба* и *Обера.*—Trois femmes, комедія *Сентъ-Асѣ* и *Теодора Гаррьера.* — Jane Grey, трагедія г. *Сумѣ* и г-жи *д'Альтенгеймъ.* La Gazette des Tribunaux, водевиль *Лоренсена* и *Маркъ-Мишеля.*—Le moyen le plus sûr, вод. г. *Исидора Ришмонъ.* — La Polka en province, вод. г-дъ *Комберуса* и *Кордье.*—Alberta première, вод. г. *Фурнье.*—L'oncle à succession вод. г. *Дюрантена.*—La séparation, вод. г. *Курси* и *Кармуша.*— La Polka вод. г-дъ *Вермона* и *Бера.* — La peau du lion, вод. г. *айд.*—Ravel en voyage, комедія вод. г-дъ *Варена* и *Дюпётй.*—Louise et Louison, мелодрама г. *Дюпётй.* . . . . . 47.
II. Вѣнскіе театры. Das Ritterwort, мелодраматическая картина г. *Раупаха.*— Der Zerrissene, шутки, перевед. съ франц.—Ueberdruss aus Ueberfluss, шутка, перевед. съ франц. г. *Купельвизера.*—Tausend und eine Nacht, балетъ. 65.
III. Лондонскіе театры . . . . . 67.

I. Провинціальные. (Одесскій театръ. Обозрѣніе 1843 театральнаго года. *R.*—Осташковскій театръ. *В. Толбугина.*—Театръ въ Самарѣ *В. Богдановскаго*) . . . . 70.
II. Московскіе. (Московскій театръ. Бояринъ Ѳ. В. Басенокъ, трагедія Н. В. Кукольника.—Бенефисъ г-жи Леоновой.—Бенефисъ г. Алерма.—Драма *Сихлера*). . . 85.
III. Петербургскій театръ. (Бояринъ Ѳ. В. Басенокъ, трагедія *Н. В. Кукольника*). . . . . 90.
IV. Обозрѣніе петербургскихъ концертовъ, съ 17-го марта по 1-е мая 1844 года. (Г-жа Ронци де-Бенысъ.—Братья Рубенштейны. — Духовные концеты Пѣвческой Капеллы. – Нѣмецкіе вечера.—Гауманъ). . . . . 92.
V. Разныя извѣстія. . . . . 96.

Къ этой книжкѣ прилагается Сцена изъ оперы «La Reine du Chypre» въ карикатурѣ, рисованная и литографированная въ Парижѣ.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

I. Амылъ. Стихотвореніе *Виктора К—ка.* . . . . . 385.
II. Евгенія Гранде. Романъ *Онорé де-Бальзака.* . . . . 386.
III. Скажи, скажи, товарищъ мой. Стихотвореніе *Н. С.* . . 458.
IV. Матеріалы для исторіи русскаго театра. Владиміръ Лукинъ, драматическій писатель 1765-го года. Статья *М. Н. Макарова.* . . . . . 459.
V. Рыбачкѣ. Стихотвореніе *Ипполита Голубина* . . . 482.
VI. Испанскіе любовники. Происшествіе XIV вѣка. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, соч. *Фредерика Сулье.* . . . . . 483.
VII. Искусство и художники. Гайднъ . . . . . 582.
VIII. Инвалидъ *Виктора К—ка.* . . . . . 602.
IX. Какъ опасно читать иныя газеты! Комическія сцены. . 604.
X. Обаяніе. Стихотвореніе. *І. 4.* . . . . . 628.
XI. Смѣсь. Представленіе комедіи Аристофана «Облака», въ Аѳинахъ, въ 378 году до Р. Х. (*Извлечено изъ Плутарха*). — Слеза ребенка, *разсказъ Эдуарда Лемоанл.* — Французскіе законы о театрахъ. — Нѣкоторыя подробности о Казимирѣ Делавинѣ.—Французскіе пѣвцы Дерувисы.—Странное дѣйствіе музыки.—Барабанъ лорда

Сандвича. — Жизнь композиторовъ и музыкантовъ. — Забавный концертъ. — Гара и Мартенъ. — Черта изъ жизни Лесюэра. — Россини и Галли соперники. — Честолюбіе Спонтини. — Некрологъ композитора Бертона. — Анекдоты и мелочи. . . . . 629.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. *Иностранные театры.*

I. Парижскіе театры. Sardanapale, трагедія г-на *Лефевра*. — La Ciguë, комедія г. *Эмилія Ожье*. — Les caprices de la Marquise, комедія г. *Арсена Гуссе*. — Le carlin de la Marquise, водевиль г-дъ *Варéпя*, *Жéма* и *Клервиля*. — Zélia la danseuse, вод. г. *Леона Эрбомона*. — Le bal du sous-préfet, опера гг. С. *Илера* и *Дюнора*. — Frére Galfâtre, вод. г-дъ *Боляра* и *Ксавье*. — Jacques le Corsaire, драма г. *Шарля Денойе*. — Toupinel, вод. г. *Дюмерсана*. — La grisette de qualité вод. гг. *Деккера Гранжé* . . . . . 103.

II. Вѣнскіе Театры. Modestus, комедія г. *Деллгардштейна*. — Nella die Zauberin, романт. картина. . . . . 111.

2. *Русскіе театры.*

I. Провинціальные. Одесскій театръ, съ 11-го апрѣля по 11-е мая. *R*. — Астраханскій театръ. *А. Кутомскаго*. . 115.

II. Московскіе. Дочь Карла Смѣлаго, драма. — Сигарка, комедія. — Шампанское и опіумъ, вод. — Купцы, вод. — Утро послѣ бала Фамусова, комедія. — П. С. Мочаловъ. 122.

III. Петербургскіе театры. *Александринскій*: Модная лавка, комедія *И. А. Крылова*. — Прихоть кокетки, ком. г-на *Бруннера*. — Утро послѣ бала Фамусова, комедія г. *В. —Махайловскій*: Дебюты г-жи Пажъ . . . . . 128.

IV. Разныя извѣстія. — Корреспонденція Редакціи Р. и П. . 134.

Къ этой книжкѣ приложенъ портретъ, во весь ростъ, парижской актрисы Плесси, рисованный и литографированный въ Парижѣ.

7001 7919.